Ш5(2=Р)-4
П763

1127560

BIRLESIN BYTIIN JER JYZININ JOOQSLLARЬ!

[illegible]

КОРИФЕИ РУССКОГО СЛОВА

Выпуск XIX

ДОСТОЕВСКIЙ

Жизнь и творчество

Листок возврата

Зак 244.

Пр. 2010

11275'60

ИГУ НЕ ПОЗ

Н. Г. ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКІЙ

КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ И БІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Инв. № 5798

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

БИБЛІОТЕКА
ТУРКМЕНПРОМСОВЕТА
Инв. № 5070
город Ашхабад

ВЫПУСКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ЦѢНА 2 Р. 50 К.

ЦѢНА 90 коп.

Книгоиздательское Товарищество „ОРОСЪ"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ ВАРШАВА

Ш5(2=Р)-4
17763

5-4 Достоев 1 Пер

НАУЧНАЯ БИБЛ... ЕКА
Уральс...
госуниве...
г. Свер...
1127560

ТИПОГРАФІЯ Л. БИЛИНСКАГО и В. МАСЛЯНКЕВИЧА.

347

Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Знаменитый романистъ родился 30 октября 1821 г., въ Москвѣ, въ зданіи Марьинской больницы, гдѣ отецъ его служилъ штабъ-лѣкаремъ. Мать, урожденная Нечаева, происходила изъ купечества (изъ семьи, повидимому, интеллигентной).

Семья Достоевскаго была многочисленная (всѣхъ дѣтей было семь: Ѳеодоръ — второй сынъ), а средства небольшія. Жизнь въ семьѣ шла очень однообразно: удовольствія и гости составляли большую рѣдкость.

Въ маленькой казенной квартирѣ дѣти проводили большую часть времени на глазахъ родителей; азбукѣ научила ихъ мать. Позднѣе къ старшимъ мальчикамъ ходили два учителя: діаконъ для закона Божія и M-lle Сушардъ для французскаго языка.

Отецъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія; онъ былъ очень суровъ и требователенъ, и хотя никогда не билъ дѣтей, но сыновья боялись его.

Онъ часто повторялъ дѣтямъ, что онъ человѣкъ бѣдный, что они сами себѣ должны пробивать дорогу.

Достоевскій былъ ребенокъ очень живой, первый выдумщикъ въ играхъ и шалостяхъ. Онъ учился хорошо и рано началъ читать. Ему шелъ одиннадцатый годъ, когда родители его пріобрѣли въ Тульской губерніи небольшое имѣніе, гдѣ стали проводить лѣтніе мѣсяцы.

До тѣхъ поръ онъ зналъ изъ „природы" только больничный садъ да Марьину рощу; но о „народѣ" онъ уже имѣлъ нѣкоторое понятіе черезъ няню, а особенно черезъ деревенскихъ кормилицъ, которыя разсказывали ему страшныя сказки.

Домъ въ деревнѣ былъ маленькій, и мальчики все время проводили на воздухѣ и въ полѣ, часто среди крестьянъ. Это было лучшее время въ жизни Достоевскаго.

Въ 1834 году онъ поступилъ съ братомъ Михаиломъ въ извѣстный пансіонъ Чермака. Въ пансіонѣ братья особенно увлекались уроками словесности, а дома все время отдавали чтенію. Достоевскій перечиталъ не одинъ разъ исторію Карамзина, повѣсти его же, Жуковскаго, рядъ романовъ В. Скотта, Загоскина, Лажечникова, Нарѣжнаго, Вельтмана, а Пушкина оба брата знали почти наизусть.

Ѳеодору Достоевскому шелъ шестнадцатый годъ, когда онъ лишился матери; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отецъ отвезъ его въ С.-Петербургъ и опредѣлилъ въ началѣ 1838 г. въ инженерное училище, одно изъ лучшихъ учебныхъ заведеній того времени.

Но для Достоевскаго трудно было и выдумать условія антипатичнѣе тѣхъ, въ какія онъ былъ тамъ поставленъ. Нервный, впечатлительный, болѣзненный, онъ не могъ примириться съ военной дисциплиной и шагистикой; для чертежей у него не хватало терпѣнія; къ математикѣ сердце его совсѣмъ не лежало.

Мнительность отца совсѣмъ не пріучила его къ товариществу, а съ братомъ онъ долженъ былъ разстаться; состоятельность большинства товарищей доставляла не имѣвшему никакихъ карманныхъ денегъ, самолюбивому Достоевскому унизительное страданіе. Семнадцатилѣтній юноша держится особнякомъ отъ класса, пріобрѣтаетъ репутацію нелюдимаго чудака. У него развивается мучительное для него самого самолюбіе; природная впечатлительность, скрываемая отъ окружающихъ, доходитъ до крайней степени.

Въ 1841 г. Достоевскій произведенъ въ офицеры; въ 1843 г., по окончаніи полнаго курса, онъ зачисленъ на службу при с.-петербургской инженерной командѣ и командированъ въ чертежную инженернаго департамента.

И въ офицерскихъ классахъ училища и потомъ на дѣйствительной службѣ онъ продолжаетъ свою отшельническую жизнь, изводя себя надъ чтеніемъ и надъ попытками творчества.

Изъ его писемъ къ брату видно, что уже въ 17 лѣтъ онъ весь ушелъ въ литературу, даже до нѣкотораго извращенія мыслей и языка.

Вотъ, наприм., что прочитано имъ въ короткія лѣтнія вакаціи: „Весь Гофманъ, русскій и нѣмецкій (т. е. не переведенный Котъ Муръ), почти весь Бальзакъ, Фаустъ Гете и мелкія стихотворенія, Исторія Полевого, Уголино, Ундина, В. Гюго, кромѣ Кромвеля и Эрнани".

Глубоко знаменательно соединеніе двухъ такихъ противоположностей, какъ чистокровный романтикъ и фантастъ Гофманъ

и реалистъ Бальзакъ. Къ этимъ двумъ именамъ слѣдуетъ прибавить еще третье—Жоржъ Зандъ, романами которой Достоевскій зачитывался около того же времени.

Черезъ много лѣтъ (въ „Дневникѣ Писателя") вспоминаетъ онъ, что послѣ чтенія Ускока всю ночь провелъ въ лихорадкѣ.

Онъ восхищается Зандомъ за то, что она „проповѣдуетъ красоту въ милосердіи, терпѣніи и справедливости", за то, что она предчувствуетъ болѣе счастливое будущее человѣчества. Онъ бредитъ Шиллеромъ, знаетъ сонеты Шекспира, цитируетъ наизусть не только Гоголя и Грибоѣдова, но и Расина съ Корнелемъ, которыхъ сравниваетъ съ Гомеромъ; интересуется критикой и исторіей литературы.

И выйдя въ офицеры, Достоевскій бредитъ одной литературой. Голова его переполнена планами изданій своихъ и чужихъ переводовъ; ими мечтаетъ онъ уплатить свои долги и даже нажиться; онъ и любимаго брата убѣждаетъ поддерживать увеличивающуюся семью литературными трудами. Можно думать, что на сцену русской литературы выходитъ какой-то литературный промышленникъ. Но Достоевскій самъ себя обманываетъ: дѣло совсѣмъ не въ деньгахъ, а въ страстномъ влеченіи къ литературной дѣятельности.

Осенью 1844 г. Достоевскій подаетъ въ отставку. Онъ намѣренъ жить литературнымъ трудомъ и „адски работать". Переписавъ свою первую повѣсть, онъ уже сравниваетъ себя съ Пушкинымъ и Гоголемъ, и такъ же, какъ они, желаетъ „крѣпиться и не писать на заказъ". Онъ жалѣетъ, что будетъ принужденъ отдать свое первое произведеніе въ „Отечественныя Записки", „разумѣется, за безцѣнокъ", но утѣшаетъ себя тѣмъ, что его прочтутъ, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ человѣкъ и что черезъ мѣсяцъ онъ выпуститъ повѣсть отдѣльной книжкой: „ее купятъ всѣ, кто покупаетъ романы". Въ маѣ 1845 г. Достоевскій отдалъ свою повѣсть не въ „Отеч. Зап.", а, по указанію Д. В. Григоровича, Некрасову, собиравшемуся печатать „Сборникъ".

Впечатлѣніе, произведенное ею на Некрасова, Григоровича, Бѣлинскаго, было потрясающее. Бѣлинскій привѣтствовалъ его словами: „Вамъ правда открыта и возвѣщена, какъ художнику, досталась, какъ даръ; цѣните же вашъ даръ, оставайтесь вѣрны ей, и будете великимъ художникомъ". Это была самая восхитительная минута во всей молодости Достоевскаго; въ каторгѣ онъ вспоминалъ о ней и укрѣплялся духомъ. Позднѣе члены того же ли-

тературнаго кружка далеко не съ такимъ восторгомъ говорили о „Бѣдныхъ Людяхъ“. Послѣдующія произведенія Достоевскаго Бѣлинскій называлъ „нервической чепухой“, и съ свойственной ему стремительностью готовъ былъ совсѣмъ разжаловать его изъ крупныхъ писателей.

Повѣсть написана истиннымъ, хотя еще и мало опытнымъ художникомъ. На первомъ планѣ для него не красота и сила, а *вѣрность впечатлѣнія*. Оттого его повѣсть мѣстами и кажется растянутой, скучной, какъ часто бываетъ скучна и однообразна сама жизнь. Но автора нельзя считать реалистомъ чистаго типа, простымъ наблюдателемъ жизни; онъ беретъ не среднихъ людей, а *людей особенныхъ*, именно *несчастныхъ и забитыхъ*, и въ то же время *съ самой тонкой душевной организацией;* онъ изслѣдуетъ ихъ душу до крайней ея глубины, въ моменты особенно сильнаго ея возбужденія. Онъ дѣйствуетъ *анализомъ*, а не синтезомъ, какъ онъ самъ говоритъ со словъ Бѣлинскаго.

Успѣхъ, выпавшій на долю „Бѣдныхъ Людей“, могъ бы вскружить голову и самому флегматичному, вполнѣ зрѣлому человѣку; болѣзненно самолюбивый Достоевскій былъ возбужденъ имъ до крайней степени. Планы самые грандіозные такъ и кипятъ въ его головѣ. Некончивъ одной работы, онъ хватается за нѣсколько новыхъ. Въ каждомъ послѣдующемъ произведеніи онъ мечтаетъ сдѣлать огромный шагъ впередъ, „заткнуть за поясъ“ и самого себя и всѣхъ другихъ.

До своего ареста въ 1849 г. Достоевскій, по прежнему страшно много читавшій, написалъ десять повѣстей, не считая множества набросковъ и вещей неконченныхъ.

Самая обширная изъ повѣстей, непосредственно слѣдующая за „Бѣдными Людьми“—„Двойникъ“ („Отеч. Записки“ 1846 г.).

Это одна изъ наиболѣе тяжелыхъ мучительныхъ вещей Достоевскаго для чтенія и одна изъ самыхъ характерныхъ по содержанію. Какъ „Бѣдные Люди“—„Шинелью“, такъ „Двойникъ“ вдохновленъ „Записками Сумасшедшаго“ Гоголя, но отличается отъ нихъ крайнею растянутостью и несравненно болѣе глубокимъ анализомъ.

Въ слѣдующихъ повѣстяхъ: „Прохарчинъ“ („Отеч. Зап.“ 1846 г.), „Слабое Сердце“ (т.-же 1848 г.), „Романъ въ девяти письмахъ“ („Современникъ“ 1847 г.), „Ревнивый Мужъ“ (Отеч. Зап.“ 1848 г.), „Честный Воръ“ („Отеч. Зап.“ 1848 г., подъ заглавіемъ: „Разсказы бывалаго человѣка“), „Елка и Свадьба“ („Отеч. Зап.“ 1848 г. —

наиболѣе стройное и изящное его произведеніе этого періода), — Достоевскій изучаетъ тотъ же чиновничій міръ, на который натолкнулъ его Гоголь; но онъ идетъ дальше учителя въ двухъ отношеніяхъ.

Типы у него гораздо разнообразнѣе: рядомъ съ жалкими, придавленными до отупѣнія или опустившимися до безпробуднаго пьянства „чиновниками для письма“ и надутыми до потери человѣческихъ чувствъ „ихъ превосходительствами“, онъ выводитъ и чиновниковъ средней величины, обезпеченныхъ матеріально и претендующихъ на бонтонность, и болѣзненно-чувствительныхъ мечтателей въ родѣ Васи („Слабое Сердце“), и грубоватыхъ на видъ, но счастливыхъ чужимъ счастьемъ людей въ родѣ Аркадія (тамъ же). Во вторыхъ, Достоевскій *глубже изслѣдуетъ эти типы и ихъ душевныя движенія и создаетъ интереснѣйшіе психическіе этюды*, то ужасные по своей нагой беззастѣнчивости, то глубоко, до болѣзненности трогательные, но никогда не достигающіе художественной ясности, прелести и законченности повѣстей Гоголя.

Особую группу представляютъ „Хозяйка“ („Отеч. Зап.“ 1847 г.), „Бѣлыя Ночи“ („Отеч. Зап.“ 1848 г.) и „Неточка Незванова“ („Отеч. Зап.“ 1849 г.).

Это — не физіологическія картины служащаго Петербурга, а первые наброски пробуждающагося творчества крупнаго художника. Въ рукѣ его пока нѣтъ вѣрности и твердости; онъ еще не можетъ найти надлежащаго тона; образы его еще не ясны ему самому, но въ нихъ уже чувствуется созидающая сила; она слышится даже и въ самомъ тонѣ рѣчи, въ оригинальномъ и сильномъ языкѣ. Во всѣхъ этихъ трехъ повѣстяхъ рѣзко выступаютъ особенности будущаго Достоевскаго: его герои—люди *„съ судорожно напряженной волей и внутреннимъ безсиліемъ“*, люди, которымъ обида и униженіе доставляютъ болѣзненное наслажденіе—люди, которые въ себѣ самихъ не могутъ отдѣлить любви отъ ненависти, и сами себя не понимаютъ, себя самихъ „вмѣстить не могутъ“.

Въ продолженіе всего этого перваго періода своей литературной дѣятельности Достоевскій, несмотря на хорошій заработокъ, былъ кругомъ въ долгахъ и „въ тискахъ отъ нужды“ — до того плохо умѣлъ онъ устраивать свои денежныя и вообще практическія дѣла. Здоровье его тоже было въ очень неудовлетворительномъ состояніи; онъ нѣсколько разъ думалъ серьезно заняться имъ, но не было ни средствъ, ни времени. Съ кружкомъ „Современни-

ка“ онъ скоро совсѣмъ разошелся; съ однимъ Бѣлинскимъ онъ поддерживалъ хорошія отношенія довольно долго, хотя очень оскорблялся его неблагопріятными отзывами о послѣднихъ его повѣстяхъ.

„Неточка Незванова“ осталась неоконченной вслѣдствіе катастрофы, постигшей Достоевскаго: въ ночь на 23 апрѣля 1849 г. онъ былъ арестованъ и провелъ восемь мѣсяцевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. Онъ написалъ тамъ повѣсть „Маленькій Герой“, напечатанную только въ 1857 г. Причиной ареста было такъ называемое дѣло Петрашевскаго. Достоевскій былъ судимъ за то, что посѣщалъ собранія у Петрошевскаго три года, слушалъ сужденія и самъ принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры, и на одномъ собраніи, въ мартѣ 1849 г., прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плещеева письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копіи Монбелли; на собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предложеніи завести литографію, у Спѣшнева слушалъ чтеніе „Солдатской Бесѣды“.

Приговоръ генералъ-аудиторіата о немъ гласитъ: „За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе письма литератора Бѣлинскаго, полнаго дерзкихъ выраженій противъ православной церкви и верховной власти, и за покушеніе вмѣстѣ съ прочими, къ распространенію сочиненій противъ правительства посредствомъ домашней литографіи“ онъ ссылается на каторгу на восемь лѣтъ. Государь измѣнилъ это наказаніе, утвердивъ каторгу „на четыре года, а потомъ рядовымъ“.

21 декабря 1849 г., Достоевскій вмѣстѣ съ другими осужденными былъ вывезенъ на Семеновскій плацъ, гдѣ всѣмъ имъ былъ прочитанъ приговоръ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, потомъ объявлено помилованіе и приговоръ въ окончательной формѣ. 24 декабря Достоевскій былъ отправленъ въ Сибирь. Въ это время онъ не чувствовалъ себя подавленнымъ и утѣшалъ при прощаніи брата Михаила, говоря, что „и въ каторгѣ не звѣри, а люди“ и что по выходѣ изъ каторги ему „будетъ о чемъ писать“.

Дорога до Омска въ суровое время года не легко отозвалась на здоровьѣ Достоевскаго: у него открылись золотушныя раны на лицѣ и во рту.

Жизнь Достоевскаго въ острогѣ хорошо извѣстна по „Запискамъ изъ мертваго дома“, гдѣ, какъ онъ самъ говоритъ, онъ, „подъ вымышленными именами разсказалъ свою жизнь въ каторгѣ и описалъ своихъ прежнихъ товарищей каторжныхъ“: краски только

немного гуще въ секретно пересланномъ, откровенномъ письмѣ къ брату, писанномъ 22 февраля 1854 г., т. е. почти сейчасъ же по выходѣ изъ острога.

Относительно того, какъ повліяло на Достоевскаго одиночное заключеніе, приговоръ на Семеновскомъ плацу и каторга есть два совершенно противоположныя мнѣнія.

Одни, опираясь на его же собственныя слова, говорятъ, что судьба оказалась къ нему „не мачихой, а *суровой матерью*", что страшное испытаніе, имъ вынесенное, излѣчило его отъ многихъ недостатковъ, выработало его убѣжденія, а наблюденіе окружающаго раскрыло передъ нимъ такіе горизонты и такіе глубины души человѣческой, какихъ не видалъ ни одинъ писатель до него.

Другіе весь болѣзненный надрывъ его произведеній, его мистицизмъ и его переходъ изъ одного лагеря въ другой объясняютъ тѣмъ, что каторга сломила его нравственно, не говоря уже о томъ, что окончательно погубила его здоровье.

Первые забываютъ, что Достоевскій и въ раннихъ своихъ произведеніяхъ высказывалъ необыкновенную глубину анализа, а съ другой стороны, онъ и послѣ каторги остается тѣмъ же болѣзненно самолюбивымъ и нетерпѣливымъ человѣкомъ и тѣмъ же поэтомъ безысходнаго страданія, душевныхъ ненормальностей и болѣзней.

Вторые упускаютъ изъ виду слабыя стороны произведеній его перваго періода. Что каторга не сломила Достоевскаго, видно изъ той энергіи и жажды умственной жизни, которая проявляется хотя бы въ упомянутомъ письмѣ къ брату (онъ настоятельно проситъ у него и отцевъ церкви, и историковъ, и экономистовъ); но она не могла не надломить его, какъ это видно изъ приниженнаго тона тѣхъ же сибирскихъ писемъ (братъ Михаилъ для него „благодѣтель", сестры, которыя не забыли его „горемычнаго", — ангелы) и изъ тѣхъ средствъ, которыми надѣется онъ снискать себѣ полное прощеніе (патріотическія стихотворенія и пр.); да и четыре года недовольнаго умственнаго застоя не могли пройти безслѣдно, не говоря уже о падучей болѣзни, которая теперь опредѣлилась совершенно ясно.

Впрочемъ, этотъ „надломъ" нисколько не отражается на „Запискахъ изъ мертваго дома", надъ которыми онъ принимается работать по освобожденіи.

„Записки изъ мертваго дома" — наиболѣе художественное произведеніе Достоевскаго, такъ какъ въ нихъ великая идея и прекрасная форма вполнѣ уравновѣшены между собою.

Во всѣхъ его послѣдующихъ произведеніяхъ идея какъ будто подавляетъ самого автора и беретъ надъ формою верхъ; онъ стремится выразить эту идею съ такою же силою и убѣдительностью, съ какою самъ сознаетъ и чувствуетъ ее, а это ему удается не сразу. Добившись, наконецъ, выраженія точнаго и достаточно сильнаго, онъ не рѣшается исключить всѣ прежнія попытки, такъ какъ въ нихъ извѣстная сторона идеи выражена съ большею ясностью, нежели въ окончательной формѣ. Онъ, конечно, сознаетъ, что отъ этого страдаетъ стройность композиціи; но онъ всегда готовъ жертвовать красотой для истины.

По той же причинѣ Достоевскій, столь ревнивый въ оригинальности своихъ произведеній со стороны идеи, не задумываясь повторяетъ свои типы и положенія, если находитъ, что ихъ можно выразить еще сильнѣе и рельефнѣе, нежели онъ сдѣлалъ это прежде.

Но очень часто Достоевскій не имѣлъ физической возможности выправить свое произведеніе и сдѣлать его болѣе сильнымъ и стройнымъ.

Первая часть была уже въ рукахъ читателей въ то время, когда онъ писалъ вторую. Причины, почему такъ исключительно посчастливилось „Зап. изъ мертваго дома“, двѣ: первая, конечно—содержаніе, не выдуманное, а данное собственной жизнью, что для поэта правды всегда представляетъ огромныя выгоды; вторая—та, что, работая надъ ними, Достоевскій не могъ имѣть въ виду скоро напечатать ихъ по цензурнымъ условіямъ, писалъ ихъ почти для себя и, такимъ образомъ, имѣлъ полную возможность выносить ихъ въ душѣ своей.

Послѣ каторги солдатская служба не могла показаться Достоевскому особенно тяжкой, да и продолжалась она не долго: 1-го октября 1855 г. онъ произведенъ въ прапорщики. Въ это время въ жизни его совершался романъ, повидимому, довольно болѣзненнаго характера; онъ закончился тѣмъ, что 6-го марта 1856 г. въ г. Кузнецкѣ Достоевскій женился на вдовѣ Маріѣ Дмитріевнѣ Исаевой.

Бракъ увеличилъ денежныя нужды Достоевскаго (у него былъ пасынокъ, о которомъ онъ заботился всю послѣдующую жизнь), и ему еще чаще пришлось обращаться за помощью къ друзьямъ и брату Михаилу, который въ это время состоялъ во главѣ торговаго предпріятія, шедшаго довольно удовлетворительно (папиросная фабрика).

Въ 1859 г. Достоевскій прощенъ и ему дозволено выйти въ отставку и вернуться въ Россію.

Въ этомъ же году онъ печатаетъ двѣ большія повѣсти: „Дядюшкинъ Сонъ“ („Русское Слово”) и „Село Степанчиково и его обитатели” („Отеч. Зап.”).

„Дядюшкинъ Сонъ”—одно изъ наименѣе субъективныхъ произведеній Достоевскаго. Тема его до крайности невинная, не имѣвшая ни малѣйшаго отношенія къ жгучимъ вопросамъ дѣйствительности: это—исторія неудачной попытки женить полуразвалившагося старика на красивой и умной барышнѣ. Достоевскій былъ, очевидно, недоволенъ тѣмъ, какъ онъ справился съ этой темой, и черезъ пятнадцать лѣтъ переработалъ ее вновь въ „Подросткѣ“, реальнѣе и глубже.

„Село Степанчиково“ — произведеніе вполнѣ оригинальное, и тема эта у Достоевскаго уже никогда не повторялась. Обрабатываетъ его Достоевскій еще въ Сибири въ 1856 г. О немъ, надо думать, говоритъ Достоевскій въ письмѣ къ А. Майкову отъ 18-го января 1856 г.: „я шутя началъ комедію и шутя вызвалъ столько комической обстановки, столько комическихъ лицъ и такъ понравился мнѣ мой герой, что я бросилъ форму комедіи, несмотря на то, что она удавалась, собственно для удовольствія какъ можно дальше слѣдить за приключеніями моего новаго героя и самому хохотать надъ нимъ. Этотъ герой мнѣ нѣсколько сродни. Короче, я пишу комическій романъ, но до сихъ поръ все писалъ ототдѣльныя приключенія; написалъ довольно, теперь все сшиваю въ цѣлое”.

По возвращеніи въ Россію, Достоевскій не имѣя права жить въ столицахъ, поселился въ Твери, но усиленно хлопоталъ о дозволеніи переѣхать въ Петербургъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Въ 1860 г. Достоевскій уже окончательно основался въ Петербургѣ и съ 1861 г. вмѣстѣ съ братомъ издаетъ ежемѣсячный журналъ „Время“, въ которомъ печатаетъ свой первый большой романъ: „Униженные и Оскорбленные” и „Записки изъ мертваго дома“.

Романъ „Униженные и Оскорбленные” не очень высоко ставили даже самые близкіе друзья Достоевскаго. Это — фельетонный романъ, говорили они; въ немъ куклы, ходячія книжки, а не люди,—и самъ авторъ соглашался съ ними, называлъ свой романъ произведеніемъ дикимъ, хотя и находилъ въ немъ полсотни страницъ, которыми онъ могъ гордиться и два серьезныхъ характера.

Добролюбовъ поставилъ его ниже эстетической критики, и поставилъ не голословно, а съ очень вѣскими доводами и при полной симпатіи къ автору. Мнѣніе публики, очевидно, совсѣмъ другое: въ нѣсколько лѣтъ романъ выдержалъ пять изданій и до сихъ поръ читается такъ же усердно, какъ „Преступленіе и Наказаніе" или „Карамазовы" и значительно больше, чѣмъ „Подростокъ", „Идіотъ", „Бѣсы".

Романъ, дѣйствительно, имѣетъ вопіющіе недостатки вслѣдствіе той страшной поспѣшности, съ которой писалъ его Достоевскій (онъ въ то время велъ и нѣсколько другихъ отдѣловъ въ журналѣ, и несъ на себѣ, по крайней мѣрѣ, половину заботъ по редакціи); но здѣсь впервые развернулось нравственное міросозерцаніе вполнѣ созрѣвшаго Достоевскаго, не затемненное политикой и публицистикой.

Основа этого міросозерцанія — *вѣра въ человѣка*, въ чистоту его сердца, и глубокое убѣжденіе, что спасеніе отъ всѣхъ золъ жизни въ нашей власти; надо только исполнить евангельскую заповѣдь: возлюби ближняго какъ самого себя. Люди добры по природѣ; они дѣлаютъ зло только по недоразумѣнію; поймемъ это, и зло исчезнетъ.

Алеша — одинъ изъ тѣхъ характеровъ, оригинальностью которыхъ справедливо гордился Достоевскій. Это взрослый ребенокъ, чистый сердцемъ, несмотря на свое воспитаніе въ аристократическомъ домѣ негодяя—отца, несмотря на свою жизнь въ кругу петербургской золотой молодежи: что бы онъ ни дѣлалъ, всѣ хорошіе люди, всѣ дѣти и всѣ животныя всегда будутъ любить его. Онъ ограниченъ, легкомысленъ, вѣчно подъ чужимъ вліяніемъ, а все-таки всегда и во всемъ правъ, потому что не знаетъ зла и не можетъ понять его.

Въ журналѣ „Время" (1862) Достоевскій напечаталъ еще небольшую повѣсть „Скверный Анекдотъ", носящую на себѣ довольно явные слѣды подражанія „Губернскимъ Очеркамъ" Щедрина. Успѣхъ журнала обезпечивалъ братьевъ Достоевскихъ, и лѣтомъ 1862 г. Достоевскій могъ съѣздить за границу полѣчиться (свои впечатлѣнія онъ написалъ въ журналѣ „Время" за 1863 г., №№ 2 и 3). Запрещеніе „Времени" разстроило дѣла Достоевскихъ; однако, Достоевскій опять былъ принужденъ на лѣто уѣхать за границу лѣчиться.

Съ 1864 г. М. Достоевскому было разрѣшено изданіе журнала „Эпоха"; но она далеко не имѣла такого успѣха, какъ „Время".

Въ это время Достоевскій былъ въ Москвѣ, самъ больной и у постели умирающей жены (она скончалась 16-го апрѣля 1864 г.) и почти не могъ помогать брату; повѣсть „Записки изъ подполья" (одинъ изъ самыхъ глубокихъ и самыхъ мучительно тяжелыхъ психологическихъ этюдовъ Достоевскаго) не была окончена къ первымъ книжкамъ „Эпохи".

10 іюня 1864 г., неожиданно скончался Михаилъ Достоевскій, и Ѳ. Достоевскій, уже переѣхавшій въ Петербургъ, взялъ на себя негласно редакторство и издательство. Несмотря на всю его энергію, отягченная долгами „Эпоха" не пошла, и въ началѣ 1865 г. (на который однако же набралось тысяча триста подписчиковъ) въ кассѣ не оказалось ни копейки, а у Достоевскаго—15000 руб. долгу и нравственная обязанность содержать семью покойнаго брата.

Въ послѣдней книжкѣ „Эпохи" Достоевскій началъ печатать фантастическую повѣсть: „Крокодилъ. Необыкновенное событіе или пассажъ въ Пассажѣ", которая такъ и осталась не оконченной. Нѣкоторая часть печати приняла это довольно неудачное произведеніе за памфлетъ на Чернышевскаго, и вознегодовала на Достоевскаго за такое глумленіе надъ несчастіемъ талантливаго публициста; но Достоевскій въ 1873 г. печатно опровергъ эту „пошлѣйшую сплетню".

Въ концѣ іюля 1865 г. Достоевскій, кое-какъ устроивъ на время свои денежныя дѣла, уѣхалъ за границу въ Висбаденъ и тамъ, къ довершенію своихъ матеріальныхъ несчастій, проигрался въ рулетку до копейки (онъ игралъ и въ прежнія поѣздки за границу и одинъ разъ выигралъ одиннадцать тысячъ франковъ; немного позднѣе онъ воспользовался своими наблюденіями и ощущеніями, чтобы создать повѣсть „Игрокъ", слабую въ художественномъ отношеніи, но интересную по глубинѣ психологическаго анализа).

Выпутавшись изъ критическаго положенія, съ помощью стариннаго пріятеля А. Е. Врангеля, Достоевскій въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Петербургъ и принялся усердно писать „Преступленіе и Наказаніе", которое стало печататься въ январской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за 1866 г.

Романъ произвелъ громадное впечатлѣніе, которому до нѣкоторой степени способствовало поразительное его совпаденіе съ дѣйствительностью: въ то же время въ Москвѣ совершено было подобное преступленіе студентомъ Даниловымъ. Достоевскій давно уже (съ самой Сибири) обдумывалъ романъ, гдѣ должны были дѣйствовать новые люди, но не рѣшался писать его: крайне небрежно

относясь къ формѣ, онъ очень дорожилъ идеями своихъ произведеній, и пока идея не выносилась въ душѣ его, онъ не пытался ее обработывать.

Наконецъ, онъ рѣшился, и успѣхъ превзошелъ его ожиданія. „Преступленіе и Наказаніе"—несомнѣнно, лучшій изъ его романовъ и одно изъ самыхъ крупныхъ и характерныхъ произведеній всего нашего столѣтія; нельзя итти дальше въ глубинѣ психологическаго анализа и въ проповѣди величайшей идеи нашего вѣка — гуманности.

Но герой не есть типъ, и его сліяніе съ „правдой народной" на каторгѣ есть явленіе исключительное. Небрежность формы и растянутость чувствуются и здѣсь, только вслѣдствіе богатства содержанія, вредятъ гораздо менѣе.

Несмотря на болѣзнь и отчаянное положеніе своихъ денежныхъ дѣлъ, Достоевскій въ это время чувствовалъ большой приливъ жизненныхъ силъ и душевной бодрости.

Осенью 1866 г., чтобы исполнить скорѣе свое обязательство передъ Стелловскимъ, которому онъ продалъ собраніе своихъ сочиненій, съ условіемъ прибавить къ нимъ новую повѣсть, онъ пригласилъ къ себѣ стенографистку Анну Григорьевну Сниткину и диктовалъ ей „Игрока".

15-го февраля 1867 г. Анна Григорьевна стала его женой, а черезъ два мѣсяца Достоевскіе уѣзжаютъ за границу, гдѣ остаются четыре слишкомъ года (до іюля 1871 г.).

Тамъ Достоевскій написалъ два большіе романа: „Идіотъ" („Русскій Вѣстникъ" 1868 — 1869 г.) и „Бѣсы" (т.-же 1871 г.) и большую повѣсть: „Вѣчный Мужъ" („Заря" 1870 года).

Условія, при которыхъ создавались эти произведенія, въ значительной степени объясняютъ ихъ тонъ и ихъ недостатки.

Заграничное путешествіе Достоевскихъ — бѣгство отъ кредиторовъ, которые уже подали ко взысканію. Достоевскій, по собственнымъ словамъ его, ничего не имѣлъ бы и противъ долгового отдѣленія, но здоровье его до того разстроено, припадки падучей болѣзни до того участились, мозгъ былъ такъ потрясенъ, что въ домѣ Тарасова онъ не вынесъ бы и мѣсяца, а стало быть и долги остались бы невыплаченными.

Чтобы обвѣнчаться и уѣхать, онъ сдѣлалъ новый долгъ — взялъ впередъ у Каткова подъ задуманный имъ романъ („Идіотъ") три тысячи рублей. Но изъ этихъ 3000 р. едва ли третья часть переѣхала съ нимъ за границу: вѣдь, въ Петербургѣ на его попе-

ченіи остаются сынъ его первой жены и вдова его брата съ дѣтьми!

Направляясь на югъ, въ Швейцарію, онъ заѣхалъ въ Баденъ, сперва выигралъ на рулеткѣ четыре тысячи франковъ, но не могъ остановиться и проигралъ все, что съ нимъ было, не исключая своего платья и вещей жены; отсюда необходимость новыхъ займовъ.

Почти годъ живетъ Достоевскій въ Женевѣ, работая отчаянно (онъ пишетъ по 3½ листа въ мѣсяцъ) и иногда нуждаясь въ самомъ необходимомъ.

У него родится первый ребенокъ; онъ въ три мѣсяца успѣваетъ страстно привязаться къ нему; ребенокъ умираетъ, къ неописуемому отчаянію родителей.

Въ Веве, потомъ въ Миланѣ настроеніе духа Достоевскаго не лучше: онъ крайне недоволенъ формой своего новаго романа: по его мнѣнію, она до того плоха, что даже „идея романа почти лопнула"; но что жъ дѣлать, „надо спѣшить, — гнать на почтовыхъ".

Когда Н. Н. Страховъ приглашаетъ его участвовать въ новомъ журналѣ „Заря" (24 ноября 1868 г.), первая его мысль—получить впередъ часть денегъ за повѣсть, за которую онъ еще и не принимался. Всѣ его письма къ А. Н. Майкову переполнены денежными разсчетами, запросами и судьбищемъ, изъ-за недоплаты нѣсколькихъ сотъ рублей, съ Стелловскимъ.

„Идіотъ" — по идеѣ одно изъ самыхъ задушевныхъ произведеній Достоевскаго и одно изъ самыхъ слабыхъ по исполненію. Главная мысль романа, какъ говоритъ самъ Достоевскій, „изобразить положительно прекраснаго человѣка", не смѣшного, какъ Донъ-Кихотъ и Пиквикъ, и не возбуждающаго сожалѣнія своими несчастьями, какъ Жанъ Вальжанъ. Эта мысль воплощена въ больномъ князѣ Мышкинѣ. Въ основѣ его характера — та же душевная чистота и правдивость, та же потребность безграничной любви и непониманіе злыхъ чувствъ, что и у Алеши „Униженныхъ и Оскорбленныхъ" и у Алеши Карамазова. Но оба Алеши—почти мальчики, а князь Мышкинъ—человѣкъ съ глубокимъ и тонкимъ, всесторонне развитымъ умомъ, человѣкъ много видавшій и много страдавшій. Мысль „открыть Россію" для человѣка съ такими данными, какъ князь Мышкинъ—мысль въ высшей степени удачная, но Достоевскій не провелъ ее послѣдовательно: мы видимъ героя въ Петербургѣ, а какъ онъ прожилъ шесть мѣсяцевъ въ Москвѣ и внутри Россіи, мы не знаемъ. Мы знаетъ только, что онъ вернулся

убѣжденнымъ народникомъ и исповѣдникомъ православія. Глубоко задуманъ и мѣстами прекрасно исполненъ характеръ Рогожина; слабѣе всего тенденціозная часть романа — изображеніе полупомѣшанныхъ соціалистовъ Бурдовскаго и К°.

„Бѣсамъ", въ основу которыхъ положенъ нечаевскій процессъ, сильно вредитъ избытокъ политики и тенденціи. Мысль вывести въ смѣшномъ видѣ Грановскаго и Тургенева положительно неудачна, и злобныя выходки противъ Кармазинова-Тургенева могутъ быть объяснены только крайне тяжелымъ и раздраженнымъ настроеніемъ автора.

Около того же времени написанная повѣсть „Вѣчный Мужъ" — одна изъ лучшихъ повѣстей Достоевскаго по оригинальности идеи и характера, ее выражающаго; даже построеніе ея отличается ясностью, ходъ дѣйствія—энергіею, что очень рѣдко у Достоевскаго; видно, что онъ, измучившись надъ соціальнымъ романомъ съ „прекраснымъ" героемъ, поработалъ надъ повѣстью съ удовольствіемъ.

По возвращеніи въ Петербургъ начинается самый свѣтлый періодъ въ жизни романиста, въ горячо любимой семьѣ (дочь Любовь, родившаяся въ 1869 г. въ Дрезденѣ, сынъ Ѳеодоръ, род. въ 1871 г. въ Петербургѣ), съ доброй и умной женой, которая взяла въ свои руки денежныя (издательскія) дѣла и скоро освободила мужа отъ долговъ.

Въ первый разъ пятидесятилѣтній писатель оказался въ сносномъ денежномъ положеніи и въ состояніи работать не „изъ подъ палки", не „на почтовыхъ"; но многолѣтняя привычка не могла исчезнуть и при измѣнившихся обстоятельствахъ.

Достоевскій и теперь подгоняетъ работу къ послѣднему сроку и тѣмъ искусственно возбуждаетъ свой мозгъ и нервы; у него и теперь встрѣчаются небрежности, но въ общемъ отдѣлка его произведеній лучше, и „надрывъ" чувствуется значительно слабѣе.

Съ начала 1873 г. Достоевскій дѣлается редакторомъ еженедѣльнаго журнала „Гражданинъ", съ платою по двѣсти пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, кромѣ гонорара за статьи, и пишетъ въ немъ фельетонъ, подъ названіемъ „Дневникъ Писателя", и обзоръ иностранной политики.

Въ его фельетонахъ есть интересныя личныя воспоминанія (о Бѣлинскомъ, о Чернышевскомъ), комментаріи къ собственнымъ произведеніямъ и повѣствовательные очерки; слабѣе всего критическія и чисто публицистическія статьи.

Въ началѣ 1874 года Достоевскій разошелся съ „Гражданиномъ" и занялся новымъ большимъ романомъ: „Подростокъ". Въ тотъ періодъ Достоевскіе проводили лѣтніе мѣсяцы въ Старой Руссѣ (откуда Достоевскій на іюль и августъ уѣзжалъ въ Эмсъ для лѣченія; такъ было въ 1874, 1875, 1876, 1878 и 1879 гг.); въ 1874 г. они остались тамъ и на зиму.

Задача „Подростка" (напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" за 1875 г.) опредѣляется самымъ заглавіемъ. Изъ подростковъ выходятъ дѣятели; стало быть, и вопросъ о настроеніи ихъ— вопросъ о будущемъ Россіи. Подростковъ, какъ и взрослыхъ, Достоевскій дѣлитъ на безразличную массу и на людей съ идеаломъ. Такіе держатся всегда особнякомъ, въ уединеніи. Ихъ способности и характеръ „угрожаютъ развиться къ худшему, часто въ стремленіе къ безпорядку". Но это желаніе „безпорядка" происходитъ изъ затаенной жажды порядка и благообразія. „Юность чиста уже потому, что она юность". Герой романа — это самъ Достоевскій въ юности, въ не очень лестномъ изображеніи. Онъ „сбродъ всѣхъ несовершенствъ". Онъ всего больше мучитъ тѣхъ, кого больше всего любитъ. Сердце его переполнено любовью къ людямъ, а онъ старается „держать себя какъ можно мрачнѣе", онъ ненавидитъ себя за желаніе „прыгать людямъ на шею".

Онъ не мстителенъ, но страшно злопамятенъ: онъ желаетъ отомстить великодушіемъ, чтобы обидчикъ почувствовалъ свою вину передъ нимъ. Уединеніе и большая развитость сравнительно съ товарищами мѣшаютъ ему стать въ ряды политическихъ дѣятелей, и онъ изобрѣтаетъ себѣ собственную идею, въ сущности незрѣлую, но за то оригинальную (литературный ея источникъ—„Скупой Рыцарь" — не уничтожаетъ этой оригинальности). Но живая жизнь, любовь къ отцу и матери и полудѣтская страсть къ Катеринѣ Николаевнѣ, въ концѣ концовъ, излѣчиваютъ его отъ исключительностей.

Въ романѣ есть и другой герой—это Версиловъ, въ лицѣ котораго Достоевскій, такъ сказать, расплачивается съ собою за свое прежнее отрицательное отношеніе къ русскому образованному двоинству.

Версиловъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и при своемъ скромномъ эгоизмѣ — самый умный и самый порядочный человѣкъ не только въ нашемъ обществѣ, но и единственный европеецъ въ нынѣшней Европѣ; онъ—представитель міровой идеи, „высшій культурный типъ болѣнія за всѣхъ". Такихъ какъ онъ, по его словамъ,

можетъ быть тысяча въ Россіи, которая только и существовала д
того, чтобы произвести эту тысячу, и существовала не даро
благодаря имъ, она живетъ не для себя, а для идеи, а только з
и есть настоящая жизнь. Ни въ какомъ другомъ своемъ произ
деніи Достоевскій не возстаетъ съ такимъ ожесточеніемъ на жи
разсудочную, безъ идеала, на занятіе „полезнымъ". Техники-с
ціалисты, „которые въ послѣднее время у насъ подняли носъ"
по его убѣжденію, люди грубо-необразованные.

Съ начала 1876 г. Достоевскій берется за оригинальное пр
пріятіе, идея котораго мелькала у него еще во время четыр
лѣтняго пребыванія за границей; это—„Дневникъ Писателя", е
мѣсячный журналъ, безъ сотрудниковъ, безъ программы и от
ловъ. Въ матеріальномъ отношеніи успѣхъ предпріятія былъ
сомнѣнный: въ первый же годъ „Дневникъ Писателя" имѣлъ
тысячи подписчиковъ и въ такомъ же количествѣ расходился
розничной продажѣ; въ 1877 г. расходилось до 6000 экз.

„Дневникъ Писателя" нажилъ Достоевскому и массу горячи
приверженцевъ и много порицателей, которые не безъ основа
доказывали, что поэтъ взялся не за свое дѣло.

Теперь прочесть подъ рядъ всѣ №№ „Дневника" — трудъ
малый; но этотъ трудъ вознаграждается перлами ума, добро
и поэзіи, встрѣчающимися среди массы повтореній и парадокс

„Дневникъ Писателя" интересенъ, во первыхъ, какъ коммента
къ произведеніямъ Достоевскаго, во вторыхъ,—какъ превосход
матеріалъ для выясненія процесса творчества поэта, такъ какъ
здѣсь находимъ фактъ, который далъ толчокъ фантазіи, и ху
жественное произведеніе, которое возникло изъ этого факта;
третьихъ, наконецъ, какъ собраніе превосходныхъ повѣстей и оч
ковъ, изъ которыхъ иные (напр., „Мальчикъ у Христа на ел
уже успѣли сдѣлаться народными книжками.

Всего слабѣе Достоевскій въ вопросахъ политическихъ,
необходима подготовка, и вовсе не литературнаго характера, и
ему мѣшаетъ сила его воображенія и односторонняя страстн
его „патріотизма". Глубоко убѣжденный въ нашемъ внутренн
превосходствѣ передъ Европою, онъ твердо вѣруетъ что она
нынче, такъ завтра постучится къ намъ и будетъ требовать, чт
мы шли спасать ее отъ нея самой.

Чтобы это случилось скорѣе, мы должны перестать быть
ждународной *общмыгой*, какъ выражается Достоевскій, стать
скими прежде всего—а стать русскими—значитъ перестать пр

рать народъ свой. И какъ только европеецъ увидитъ, что мы начали уважать народъ нашъ и національность нашу, такъ тотчасъ же онъ начнетъ насъ самихъ уважать.

Достоевскій вовсе не закрываетъ глазъ на недостатки нашего народа: онъ видитъ въ немъ грязь и даже грубый матеріализмъ, но считаетъ это вліяніемъ наноснымъ и преходящимъ. Что касается до средства очиститься, оно у Достоевскаго то же самое, что и у всѣхъ лучшихъ людей 40-хъ, 60-хъ и 80-хъ годовъ. „Я не хочу, говоритъ Достоевскій, мыслить и жить иначе какъ съ вѣрой, что всѣ наши 90 мил. русскихъ будутъ образованы, очеловѣчены и счастливы. Я знаю и твердо вѣрую, что всеобщее просвѣщеніе у насъ никому повредить не можетъ".

Достоевскій настойчиво требуетъ для всѣхъ права на высшее образованіе, и прежде всего для будущихъ матерей, для нашихъ женщинъ. Онъ видитъ въ современной русской женщинѣ, которую вообще ставитъ много выше мужчины, великій недостатокъ: зависимость отъ мужскихъ идей и наклонность принимать ихъ на вѣру. Лѣкарство отъ этой болѣзни — высшее образованіе. Основа всякой педагогіи, по убѣжденію Достоевскаго, есть дѣятельная и неустанная любовь. Мѣры насильственныя, тѣлесныя наказанія — продуктъ тѣни родителей. Дѣти — великій и страшный долгъ: честный отецъ съ матерью должны прежде всего перевоспитать самихъ себя. Дѣти гораздо больше понимаютъ, чѣмъ мы объ нихъ думаемъ, и расположены къ любви самой природой, разъ что родители добры къ нимъ, они простятъ всякія отклоненія, всякія безобразія, и если не будутъ уважать родителей, то будутъ любить ихъ и вынесутъ изъ дѣтства хоть нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній—а нѣтъ ничего на свѣтѣ выше, сильнѣе и полезнѣе для жизни, какъ эти воспоминанія. Съ этими гуманными, прогрессивными воззрѣніями рѣзко расходится мрачный мистицизмъ Достоевскаго и его проповѣдь о потребности человѣка (преимущественно русскаго) въ страданіяхъ, о необходимости суровыхъ судебныхъ приговоровъ и т. п.

Почти обезпеченный матеріально, Достоевскій съ 1878 г. прекратилъ „Днев. Писат.", чтобы отдаться большому роману, который онъ задумалъ еще въ Дрезденѣ, въ 1870 г. Тогда онъ думалъ написать пять отдѣльныхъ повѣстей, подъ общимъ заглавіемъ: „Житіе великаго грѣшника". Это житье должно было обнимать жизнь нѣсколько поколѣній, начиная со временъ Чаадаева и до нашихъ дней, и представить параллель къ „Войнѣ и Миру" Толстого, подъ вліяніемъ чтенія котораго оно, повидимому, и замышлено.

Впослѣдствіи планъ измѣнился: эпоха Чаадаева оставлена, и пять повѣстей превратились въ два, связанныхъ единствомъ лицъ, романа, между дѣйствіями которыхъ проходятъ 13 лѣтъ. Достоевскій успѣлъ написать только первый романъ, совершенно самостоятельный и внутренно законченный: „Братья Карамазовы" („Русскій Вѣстникъ", 1879—1880 год.)-

Этотъ романъ обработанъ значительно лучше всѣхъ другихъ крупныхъ произведеній Достоевскаго и представляетъ поразительныя сцены и характеры, но въ немъ же особенно рѣзко выразились и всѣ недостатки Достоевскаго, какъ поэта, и основа его міросозерцанія — болѣзненный мистицизмъ.

Идея романа выражена въ 4-хъ представителяхъ семейства Карамазовыхъ. Карамазовъ-отецъ—отвратительный продуктъ воздѣйствія Европы на полудикую въ глубинѣ провинціи Россію XVIII и начала XIX вѣка. Есть свое „благообразіе" въ западномъ баронѣ и бюргерѣ, есть свое и въ русскомъ мужикѣ и мѣщанинѣ. Ѳеодоръ Карамазовъ не имѣетъ ни того ни другого, и соединяетъ въ себѣ безобразіе разнузданнаго эгоизма и скептицизма худшаго изъ учениковъ Вольтера съ безобразіемъ пьянаго и распутнаго мужика. Двое старшихъ его сыновей подѣлены между Европой и Россіей— подѣлены, конечно, неравномѣрно, такъ какъ по крови и по обстановкѣ они оба русскіе люди. Иванъ, по образованію и по образу мыслей, европеецъ; на Руси это оторванный отъ почвы несчастный искатель идеала, тотъ-же Раскольниковъ, геройски смѣлый въ мысляхъ и вѣчно колеблющійся въ дѣйствіяхъ, человѣкъ съ яснымъ сознаніемъ зла безъ сознанія добра, вѣчный „мученикъ" безъ надежды на царство небесное. Дмитрій — натура почвенная; но при этомъ онъ такой же холодный эгоистъ, какъ его отецъ, и также лишенъ всякой нравственной поддержки; онъ человѣкъ чисто русскій, но изломанный, вслѣдствіе вѣчной борьбы между „благообразіемъ" своего идеала и безобразіемъ своей жизни; но и онъ эгоистъ, потому что не зналъ другой цѣли въ жизни, кромѣ удовлетворенія своихъ страстей и капризовъ. Иванъ ненавидитъ Дмитрія, какъ Европа ненавидитъ Россію; Дмитрій благоговѣетъ передъ Иваномъ, какъ Россія благоговѣетъ передъ Европой. Третій сынъ, Алеша — настоящій герой романа, во второй, не написанной его половинѣ; это Россія будущаго, прилѣпившаяся „къ народнымъ началамъ", но не исключающая черезъ нихъ, а, напротивъ, усиливающая ими начало общечеловѣческое: вѣру въ человѣка и христіанскую всепрощающую любовь. Эту Россію всѣ возлюбятъ, потому

что она всѣхъ возлюбитъ и всѣхъ примиритъ. Характеръ Алеши обработанъ слабѣе другихъ.

Во время печатанія „Братьевъ Карамазовыхъ" Достоевскому удалось испытать моментъ творчества настолько же полнаго, какъ тотъ ободряющій приговоръ Бѣлинскаго, который встрѣтилъ его первое произведеніе. Рѣчь его во время московскихъ пушкинскихъ празднествъ 8 іюня 1880 г. (она напечатана съ поясненіями въ единственномъ № „Дн. Пис." за 1880 г.; 4000 экз. его перваго изданія разошлись въ нѣсколько дней) привела многочисленную публику въ восторгъ неописуемый, и, по словамъ И. Аксакова, соединила въ одномъ чувствѣ славянофиловъ и западниковъ. Рѣчь эта — одно изъ лучшихъ произведеній Достоевскаго по горячности и искренности чувства къ поэту и по гуманности идей, въ ней проводимыхъ; она очень важна и для пониманія самого Достоевскаго, такъ какъ, безсознательно для оратора, оказалась подведеніемъ итоговъ всей лучшей стороны его литературной дѣятельности. Достоевскій превозноситъ поэта-прозорливца за его горячее стремленіе къ идеалу и за умѣнье находить идеалъ въ родной землѣ. Достоевскій былъ всю жизнь „неисправимый идеалистъ", вѣчно искавшій святынь и умѣвшій находить ихъ у себя дома. Онъ превозноситъ Пушкина за созданіе, въ лицѣ Онѣгина, типа русскаго скитальца и страдальца, тоскующаго по потерянной правдѣ. Самъ Достоевскій всю жизнь болѣлъ за русскихъ страдальцевъ и всю жизнь указывалъ имъ потерянную правду, говоря: „смири свою гордость, гордый человѣкъ, поработай на нивѣ, праздный человѣкъ!" Онъ видитъ въ Татьянѣ апоѳеозъ русской женщины, которая не можетъ основать своего счастья на несчастіи другого. Достоевскій, начиная съ „Бѣдныхъ Людей", доказывалъ, что счастье только въ томъ, чтобы доставлять другимъ минуты счастья, поднимать падшихъ, утѣшать униженныхъ и оскорбленныхъ. Пушкинъ не былъ ни славянофиломъ, ни западникомъ, а былъ одновременно и русскимъ и міровымъ человѣкомъ. Достоевскій въ лучшія свои минуты проповѣдывалъ объединеніе національныхъ и гуманныхъ стремленій, всеобщее братство народовъ и сословій и отдѣльныхъ людей. Рѣчь Достоевскаго прекрасна; но ошибется тотъ, кто станетъ въ ней искать полной характеристики Пушкина: въ ней та сторона Пушкина, гдѣ онъ сходился съ Достоевскимъ.

Съ начала 1881 г. Достоевскій рѣшился возобновить „Дневникъ Писателя", и первый № его сдалъ въ цензуру 25 Января. 29-го Января онъ обѣщалъ участвовать въ Пушкинскомъ вечерѣ.

но 28 Января къ вечеру его уже не было въ живыхъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ страдалъ эмфиземой, вслѣдствіе катарра дыхательныхъ путей; въ ночь съ 25 на 26-е у него произошелъ разрывъ легочной артеріи, которому, впрочемъ, доктора не придали особаго значенія; но сильный припадокъ обыкновенной его болѣзни сразу сокрушилъ давно надломленный организмъ. Вѣсть о смерти Достоевскаго вызвала у всей читающей Россіи чрезвычайно пылкое чувство къ покойному. Похороны его (2 февраля 1881 г.) были настоящимъ событіемъ для С.-Петербурга: шестьдесятъ семь вѣнковъ было внесено въ церковь св. Духа въ Александро-Невской лаврѣ, семьдесятъ двѣ депутаціи участвовали въ процессіи.

Успѣхъ двухъ посмертныхъ изданій „Полн. Собр. Соч. Достоевскаго" и статистика читательскихъ требованій въ публичныхъ библіотекахъ ясно доказываютъ, что увлеченіе Достоевскимъ не было минутнымъ и скоропреходящимъ. Несмотря на свое восторженное поклоненіе передъ Пушкинымъ и на поразительную близость темъ своихъ раннихъ повѣстей къ произведеніямъ Гоголя, Достоевскій не принадлежитъ ни къ Пушкинской, ни къ Гоголевской школѣ и не унаслѣдовалъ ихъ общихъ свойствъ.

Защищая въ теоріи „искусство для искусства", Достоевскій въ своихъ произведеніяхъ не придаетъ никакого значенія изяществу формы, не интересуется физической красотой и гармоніей, не хочетъ видѣть и красоты въ природѣ, и всѣ силы своего ума и воображенія устремляетъ исключительно на выясненіе правды, какъ онъ ее понимаетъ. Правда для него настолько выше всего остального, что онъ не отдастъ малѣйшей ея частицы за всѣхъ Аполлоновъ бельведерскихъ въ мірѣ.

Этой правды онъ ищетъ въ изображеніи души человѣческой, но не въ здоровомъ ея равновѣсіи, а въ состояніи тяжкаго страданія, борьбы, противорѣчій, раздвоенія, когда обнаруживаются самые тайные изгибы ея, короче сказать — въ состояніи патологическомъ. Цѣль воспроизведенія этой правды, въ первыхъ его произведеніяхъ — пушкинское пробужденіе „милости къ падшимъ", но средства прямо противоположны тѣмъ, которыя употребляетъ Пушкинъ. Достоевскій не услаждаетъ читателя, не возвышаетъ его надъ пошлой дѣйствительностью, а мучитъ его, заставляя всматриваться въ то, что есть самаго ужаснаго и жалкаго въ человѣческой жизни; читателю тяжело и больно, минутами томительно и тоскливо, но онъ не можетъ оторваться отъ чтенія, какъ человѣкъ часто не можетъ оторваться отъ зрѣлища страданій больного друга.

Въ послѣдующихъ большихъ романахъ къ этой цѣли Достоевскій присоединяетъ и другую, болѣе глубокую и трудную: онъ хочетъ показать обществу его грѣхи и ошибки и направить его на новый путь, путь „любви и правды“.

У Достоевскаго нѣтъ чувства мѣры, нѣтъ свойственнаго великимъ художникамъ умѣнія немногими, характерными чертами изобразить человѣка или положеніе; у него нѣтъ и слѣда гоголевскаго юмора; смѣхъ у него тяжелый и какъ будто дѣланный. Но все это происходитъ не отъ творческаго безсилія, а отъ того же вѣчнаго исканія одной правды и пренебреженія ко всему остальному.

Онъ минутами бываетъ поразительно остроумень и мѣтокъ; но часто самъ же и уничтожаетъ дѣйствіе своего мѣткаго выраженія, ослабляя его перифразами и прибавленіями. У него всѣ главныя лица говорятъ почти всегда однимъ и тѣмъ же языкомъ, и это — языкъ самого Достоевскаго: но это происходитъ не отъ неумѣнья вселиться въ чужую душу и не отъ недостатка наблюдательности — немногія жанровыя сцены у него написаны превосходно,—а оттого, что всѣ дѣйствующія лица нужны ему только для его идеи, которую они и выясняютъ длинными монологами и разговорами.

Достоевскій не можетъ считаться ни чистымъ художникомъ, ни реалистомъ. Онъ, по выраженію одного нѣмецкаго критика, „оставляетъ за собою міръ явленій, феноменовъ, хотя и пользуется ими, какъ матеріалами“.

Не даромъ Достоевскій въ юности изучалъ со страстью Гофмана и французскихъ романтиковъ. У него то же объединеніе поэзіи и дѣйствительности; какъ самые крайніе изъ романтиковъ, онъ ненавидитъ утилитаризмъ, жизнь разсудочную, людей „практическихъ“; они всѣ у него выходятъ смѣшными дураками или негодяями.

Онъ, какъ Гофманъ, отмежевалъ себѣ особую область — неопредѣленныхъ и несогласимыхъ чувствъ и стремленій, необыкновенныхъ, болѣзненныхъ ощущеній, противорѣчій мысли и дѣла, короче сказать: психологію безсознательнаго. Онъ горячій проповѣдникъ субъективизма въ искусствѣ, какъ и всѣ крайніе романтики, начиная съ братьевъ Шлегелей.

Онъ ученикъ Бальзака по необузданности реалистической фантазіи; по своимъ мечтамъ о золотомъ вѣкѣ въ будущемъ, онъ до старости остается послѣдователемъ Жоржъ Занда.

Всю жизнь онъ высоко чтитъ Диккенса и раздѣляетъ его г
бокую вѣру въ людей.

Но, уступая Диккенсу и Жоржъ Зандъ, и даже Гофману
Бальзакомъ, въ отдѣлкѣ формы, въ пластичности и ясности, о
превосходитъ ихъ всѣхъ богатствомъ содержанія, смѣлостью мы
и небывалой глубиной анализа. Онъ такъ расширилъ рамки ро
на и повѣсти, что оставилъ далеко за собою самыя смѣлыя меч
романтиковъ относительно реформы „въ беллетристикѣ“.

Умъ необыкновенно обширный, изворотливый, смѣлый
дерзости, впечатлительность тонкая до болѣзненности, фантазія
обузданная, но вращающаяся исключительно въ предѣлахъ д
ствительности—все это, послѣ появленія переводовъ „Преступле
и Наказанія“, поразило до крайности всю западно-европейскую
теллигенцію и критику, и несомнѣнно окажетъ сильное вліяніе
исторію всемірной литературы. Другой вопросъ, насколько это вл
ніе будетъ благотворно. Западные критики самымъ характерны
признакомъ Достоевскаго считаютъ его безотрадный пессимиз
Они правы въ томъ отношеніи, что Достоевскій смотритъ на
ловѣческую жизнь, какъ на юдоль скорби и мученій, отъ которы
было бы напрасно искать спасенія, такъ какъ источникъ важн
шихъ изъ нихъ въ самомъ человѣкѣ (да и нужно ли спасеніе, ес
страданіе такъ необходимо, какъ иногда казалось Достоевскому

Но по отношенію къ каждому отдѣльному человѣку Досто
скій — крайній оптимистъ; въ самомъ черствомъ эгоистѣ онъ п
знаетъ возможность альтруистическихъ, благородныхъ моменто
въ самомъ ужасномъ злодѣѣ учитъ видѣть несчастную человѣ
скую душу, которой не чужды ни высшая справедливость ни
ликодушіе.

Печальный взглядъ на жизнь и безотрадный квіетизмъ, к
его естественное послѣдствіе, для самого Достоевскаго смягчаю
его глубокой вѣрой въ безконечное: онъ былъ религіозенъ
дѣтствѣ и юности, прошелъ съ Библіей каторгу и умеръ съ ев
гельскимъ текстомъ на устахъ.

Несравненно тяжелѣе положеніе тѣхъ его послѣдовател
которые лишены такой вѣры; лучшіе изъ нихъ не могутъ ус
коиться ни на пошлыхъ личныхъ наслажденіяхъ ни на безплодны
палліативахъ, и иногда насильственно сводятъ себя со сце
успѣвъ заразить другихъ своимъ безсильнымъ отчаяніемъ.

Относительно техники разсказа Достоевскій—въ высшей с
пени опасный образецъ для подражанія. Кажущаяся крайняя

брежность его изложенія, съ безчисленными отступленіями и повтореніями, прикрываетъ почти неуловимую внутреннюю связь и стройность: если читатель пропуститъ 3—4 страницы, связь потеряется, электрическій токъ, какъ выражается Вогюэ, прервется.

Необыкновенная простота и обыденность его слога доходятъ почти до границъ литературной неопрятности. Одинъ шагъ дальше въ этомъ направленіи — и литература обратится въ нѣчто безформенное, безобразное, „уличное".

Проф. А. Кирпичниковъ.

Успѣхъ „Бѣдныхъ людей".

Въ одно изъ моихъ посѣщеній Бѣлинскаго, передъ обѣдомъ, когда онъ отдыхалъ отъ утреннихъ писательскихъ работъ, я со двора дома увидѣлъ его у окна гостиной, съ большой тетрадью въ рукахъ и со всѣми признаками волненія въ лицѣ.

Онъ тоже замѣтилъ меня и прокричалъ: „Идите скорѣе, сообщу новость... Вотъ отъ этой самой рукописи,—продолжалъ онъ, поздоровавшись со мною,—которую вы видите, не могу оторваться второй день. Это романъ начинающаго таланта: каковъ этотъ господинъ съ виду и каковъ объемъ его мысли—еще не знаю, а романъ открываетъ такія тайны жизни и характеровъ на Руси, которыя до него и не снились никому. Подумайте, это первая попытка у насъ соціальнаго романа и сдѣланная притомъ такъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно художники, т.-е. не подозрѣвая и сами, что у нихъ выходитъ. Дѣло тутъ простое: нашлись добродушные чудаки, которые полагаютъ, что любить весь міръ есть необычайная пріятность и обязанность для каждаго человѣка. Они ничего и понять не могутъ, когда колесо жизни со всѣми ея порядками, наѣхавъ на нихъ, дробитъ имъ молча члены и кости. Вотъ и все,— а какая драма, какіе типы! Да, я и забылъ вамъ сказать, что художника зовутъ „Достоевскій", а образцы его мотивовъ представлю сейчасъ".

И Бѣлинскій принялся съ необычайнымъ пафосомъ читать мѣста, наиболѣе поразившія его, сообщая имъ еще большую окраску своей интонаціей и нервной передачей.

Такъ встрѣтилъ онъ первое произведеніе нашего романиста.

И этимъ еще не кончилось.

Бѣлинскій хотѣлъ сдѣлать для молодого автора то, что онъ дѣлалъ уже для многихъ, какъ, напримѣръ, для Кольцова и Некрасова, т.-е. высвободить его талантъ отъ резонерскихъ наклонностей и сообщить ему сильные, такъ сказать, нервы и мускулы, которые помогли бы овладѣвать предметами прямо, съ разу, не надрываясь въ попыткахъ, но тутъ критикъ встрѣтилъ уже рѣшительный отпоръ.

Въ домѣ же Бѣлинскаго прочитанъ былъ новымъ писателемъ второй его разсказъ: „Двойникъ“; это сенсаціонное изображеніе лица, существованіе котораго проходитъ между двумя мірами — реальнымъ и фантастическимъ, не оставляя ему возможности окончательно пристроиться ни къ одному изъ нихъ.

Бѣлинскому нравился и этотъ разсказъ по силѣ и полнотѣ разработки оригинально-странной темы, но мнѣ, присутствовавшему тоже на этомъ чтеніи, показалось, что критикъ имѣетъ еще заднюю мысль, которую не считаетъ нужнымъ высказывать тотчасъ-же.

Онъ безпрестанно обращалъ вниманіе Достоевскаго на необходимость *набить руку*, что называется, въ литературномъ дѣлѣ, пріобрѣсти способность легкой передачи своихъ мыслей, освободиться отъ затрудненій изложенія.

Бѣлинскій, видимо, не могъ освоиться съ тогдашней, еще расплывчатой манерой разсказчика, возвращавшагося поминутно на старыя свои фразы, повторявшаго и измѣнявшаго ихъ до безконечности, и относилъ эту манеру къ неопытности молодого писателя, еще не успѣвшаго одолѣть препятствій со стороны языка и формы.

Но Бѣлинскій ошибся: онъ встрѣтилъ не новичка, а совсѣмъ уже сформировавшагося автора, обладающаго потому и закоренѣлыми привычками работы, несмотря на то, что онъ являлся, повидимому съ первымъ своимъ произведеніемъ.

Достоевскій выслушалъ наставленія критика благосконно и равнодушно.

Внезапный успѣхъ, полученный его повѣстью, сразу оплодотворилъ въ немъ тѣ сѣмена и зародыши высокаго уваженія къ самому себѣ и высокаго понятія о себѣ, какіе жили въ его душѣ. Успѣхъ этотъ болѣе, чѣмъ освободилъ его отъ сомнѣній и колебаній, которыми сопровождаются обыкновенно первые шаги авто-

ровъ: онъ еще принялъ его за вѣщій сонъ, пророчившій вѣнки и капитоліи.

Такъ, рѣшаясь отдать романъ свой въ готовившійся тогда альманахъ, авторъ его совершенно спокойно, и какъ условіе, слѣдующее ему по праву, потребовалъ, чтобъ его романъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ статей книги особеннымъ типографскимъ знакомъ, напримѣръ — каймой.

П. Анненковъ.

„Бѣдные Люди".

Талантъ Достоевскаго не сатирическій, не описательный, но въ высокой степени *творческій,* и преобладающій характеръ его таланта — юморъ.

Онъ не поражаетъ тѣмъ знаніемъ жизни и сердца человѣческаго, которое дается опытомъ и наблюденіемъ: нѣтъ, онъ знаетъ ихъ, и при томъ глубоко знаетъ, но à priori, слѣдовательно, чисто-поэтически, творчески.

Его знаніе есть *талантъ, вдохновеніе.*

Мы не хотимъ его сравнивать ни съ кѣмъ, потому что такія сравненія вообще отзываются дѣтствомъ и ни къ чему не ведутъ, ничего не объясняютъ.

Скажемъ только, что это талантъ *необыкновенный и самобытный,* который сразу, еще первымъ произведеніемъ своимъ, рѣзко отдѣлялся отъ всей толпы нашихъ писателей, болѣе или менѣе обязанныхъ Гоголю направленіемъ и характеромъ, а потому и успѣхомъ своего таланта.

Что же касается до его отношеній къ Гоголю, то если его, какъ писателя съ сильнымъ и самостоятельнымъ талантомъ, нельзя назвать подражателемъ Гоголя, то и нельзя не сказать, что онъ еще болѣе обязанъ Гоголю, нежели сколько Лермонтовъ обязанъ былъ Пушкину.

Во многихъ частностяхъ романа Достоевскаго видно сильное вліяніе Гоголя, даже въ оборотѣ фразы, но со всѣмъ тѣмъ, въ талантѣ Достоевскаго такъ много самостоятельности, что это теперь очевидное вліяніе на него Гоголя, вѣроятно, не будетъ продолжительно и скоро исчезнетъ съ другими, собственно ему

принадлежащими недостатками, хотя тѣмъ не менѣе Гоголь навсегда останется, такъ сказать, его отцомъ по творчеству.

Продолжая эту риторическую фигуру сравненія, прибавимъ, что тутъ нѣтъ никакого даже намека на подражательность: сынъ живя своею собственною жизнію и мыслію, тѣмъ не менѣе все-таки обязанъ своимъ существованіемъ отцу.

Какъ бы ни великолѣпно и ни роскошно развился впослѣдствіи талантъ Достоевскаго, Гоголь навсегда останется Колумбомъ той неизмѣримой и неистощимой области творчества, въ которой долженъ подвизаться Достоевскій.

Пока еще трудно опредѣлить рѣшительно, въ чемъ заключается особенность, такъ сказать, индивидуальность и личность таланта Достоевскаго, но что онъ имѣетъ все это, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Судя по „Бѣднымъ Людямъ", мы заключили было, что *глубоко-человѣчественный и патетическій* элементъ, въ сліяніи съ *юмористическимъ*, составляетъ особенную черту въ характерѣ его таланта; но прочтя „Двойника", мы увидѣли, что подобное заключеніе было бы слишкомъ поспѣшно.

Правда, только нравственно слѣпые и глухіе не могутъ не видѣть и не слышать въ „Двойникѣ" глубоко-патетическаго, глубоко-трагическаго колорита и тона; но, во-первыхъ, этотъ колоритъ и тонъ въ „Двойникѣ" спрятались, такъ сказать, за юморъ замаскировались имъ, какъ въ „Запискахъ Сумашедшаго", Гоголя..

Вообще, талантъ Достоевскаго, при всей его огромности еще такъ молодъ, что не можетъ высказаться и высказаться опредѣленно.

Это естественно: отъ писателя, который весь высказывается первымъ своимъ произведеніемъ, многаго ожидать нельзя.

Какъ ни хорошъ „Герой нашего времени", но если бы кто подумалъ, что Лермонтовъ впослѣдствіи не могъ бы написать чего-нибудь несравненно лучшаго, тотъ этимъ показалъ бы, что онъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о талантѣ Лермонтова.

Мы сказали, что въ романѣ Достоевскаго замѣтно сильное вліяніе Гоголя, и это должно относиться только къ частностямъ къ оборотамъ фразы, но отнюдь не къ концепціи цѣлаго произведенія и характеровъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ послѣднихъ двухъ отношеніяхъ, талантъ Достоевскаго блеститъ яркою самостоятельностью.

Если можно подумать, что Макару Алексѣевичу Дѣвушкину

старику Покровскому и г-ну Голядкину старшему Достоевскаго нѣсколько сродни Поприщинъ и Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ Гоголя, то въ тоже время нельзя не видѣть, что между лицами романовъ Достоевскаго и повѣстей Гоголя существуетъ такая-же разница, какъ и между Поприщинымъ и Башмачкинымъ, хотя оба эти лица созданы однимъ и тѣмъ-же авторомъ. Мы даже думаемъ, что Гоголь только первый на-велъ всѣхъ (и въ этомъ его заслуга, которой подобной уже никому болѣе не оказать) на эти забитя существованія въ нашей дѣйствительности, но что Достоевскій самъ собоювзялъ ихъ въ той-же самой дѣйствительности.

Нельзя не согласиться, что для перваго дебюта „Бѣдные Люди" и непосредственно за ними „Двойникъ"—произведенія необыкновеннаго размѣра, и что такъ еще никто не начиналъ изъ русскихъ писателей. Конечно, это доказываетъ совсѣмъ не то, чтобъ Достоевскій по таланту былъ выше своихъ предшественниковъ (мы далеки отъ подобной нелѣпой мысли), но только то, что онъ имѣлъ передъ ними выгоду явиться послѣ нихъ; однакожъ со всѣмъ тѣмъ подобный дебютъ ясно указываетъ на мѣсто, которое современемъ займетъ Достоевскій въ русской литературѣ, и на то, что еслибъ онъ и не сталъ рядомъ съ своими предшественниками, какъ равный съ равными, то долго еще ждать намъ таланта, который бы сталъ къ нимъ ближе его.

Посмотрите, *какъ проста завязка* въ „Бѣдныхъ Людяхъ": вѣдь, и разсказать нечего! А между тѣмъ такъ много приходится разсказывать, если уже рѣшиться на это!

Бѣдный пожилой чиновникъ, недалекаго ума, безъ всякаго образованія, но съ безконечно-доброй душой и теплымъ сердцемъ, опираясь на право дальняго, чуть ли еще не придуманнаго имъ для благовиднаго предлога, родства, исхищаетъ бѣдную дѣвушку изъ рукъ гнусной торговки женской добродѣтелью, дѣвической красотой.

Авторъ не говоритъ намъ, любовь ли заставила этого чиновника почувствовать состраданіе или состраданіе родило въ немъ любовь къ этой дѣвушкѣ; только мы видимъ, что его чувство къ ней не просто отеческое и стариковское, не просто чувство одинокаго старика, которому нужно кого-нибудь любить, чтобъ не возненавидѣть жизни и не замереть отъ ея холода, и которому всего естественнѣе полюбить существо, обязанное ему, одолженное

имъ, — существо, къ которому онъ привыкъ и которое привыкло къ нему.

Нѣтъ, въ чувствѣ Макара Алексѣевича къ его „маточкѣ, ангельчику и херувимчику Варинькѣ" есть что-то похожее на чувство любовника, — на чувство, которое онъ силится не признавать въ себѣ, но которое у него противъ воли по временамъ прорывается наружу, и которое онъ не сталъ бы скрывать, еслибъ замѣтилъ, что *она* смотритъ на него не какъ на вовсе неумѣстное.

Но бѣднякъ видитъ, что этого нѣтъ, и съ героическимъ самоотверженіемъ остается при роли родственника-покровителя.

Иногда онъ разнѣживается, особенно въ первомъ письмѣ, насчетъ поднятаго уголочка оконной занавѣски, хорошей весенней погоды, птичекъ небесныхъ — и говоритъ, что „все въ розовомъ цвѣтѣ представляется".

Получивъ въ отвѣтъ намекъ на его лѣта, бѣднякъ впадаетъ въ тоску, чувствуя, что его поймали на шалости, и досада его слегка высказывается только въ увѣреніяхъ, что онъ еще вовсе не старикъ.

Эти отношенія, это чувство, эта старческая страсть, въ которой такъ чудно слились и доброта сердечная, и любовь, и привычка,—все это развито авторомъ съ удивительнымъ искусствомъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ

Дѣвушкинъ, помогая Варинькѣ Доброселовой, забираетъ впередъ жалованье, входитъ въ долги, терпитъ страшную нужду, и въ лютыя минуты отчаянія, какъ русскій человѣкъ, ищетъ забвенія въ пьянствѣ.

Но какъ онъ деликатенъ по инстинкту! Благодѣтельствуя, онъ лишаетъ себя всего, такъ сказать, обворовываетъ, грабитъ самого себя, — до послѣдней крайности обманываетъ свою Вариньку небывалымъ у него капиталомъ въ ломбардѣ, и если проговаривается объ истинномъ своемъ положеніи, то по стариковской болтливости и такъ простодушно!

Ему не приходитъ въ голову, что онъ пріобрѣлъ право своими пожертвованіями требовать вознагражденія любовью за любовь, тогда какъ по тѣснотѣ и узкости его понятій онъ могъ бы навязать себя Варинькѣ въ мужья уже по тому естественному и весьма справедливому убѣжденію, что никто, какъ онъ, не можетъ такъ любить ее и всего себя принести ей на жертву; но отъ нея онъ не потребовалъ жертвы: онъ любилъ ее не для себя, а для нея самой, и жертвовать для ней всѣмъ — было для него счастьемъ.

Чѣмъ ограниченнѣе его умъ, чѣмъ тѣснѣе и грубѣе его понятія, тѣмъ, кажется, шире, благороднѣе и деликатнѣе его сердце; можно сказать, что у него всѣ умственныя способности изъ головы перешли въ сердце.

Многіе могутъ подумать, что въ лицѣ Дѣвушкина авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, у котораго умъ и способности придавлены, приплюснуты жизнью.

Была бы большая ошибка думать такъ.

Мысль автора гораздо глубже и гуманнѣе: онъ въ лицѣ Макара Алексѣевича показалъ намъ, *какъ много прекраснаго, благороднаго и святого лежитъ въ самой ограниченной человѣческой натурѣ.*

Конечно, не всѣ бѣдняки такого рода похожи на Макара Алексѣевича въ его хорошихъ свойствахъ, и мы согласны, что такіе люди рѣдки, но въ то же время нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что на такихъ людей мало обращаютъ вниманія, мало ими занимаются, мало ихъ знаютъ.

Если богачъ, ежедневно проѣдающій сто, двѣсти и больше рублей, броситъ нищему двадцать пять рублей, всѣ замѣчаютъ это и, въ чаяніи получить отъ него больше, умиляются душой отъ его великодушнаго поступка. Но бѣднякъ, отдающій такому же бѣдняку, какъ и онъ самъ, свои послѣднія двадцать копѣекъ мѣдью, какъ отдалъ ихъ Дѣвушкинъ Горшкову,—такой бѣднякъ не всѣхъ тронетъ и въ повѣсти, мастерски написанной, а въ дѣйствительности въ его поступкѣ не захотѣли бы увидѣть ничего, кромѣ смѣшного.

Честь и слава молодому поэту, муза котораго любитъ людей на чердакахъ и въ подвалахъ, и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: „вѣдь, это тоже люди, ваши братья!"

Обратите вниманіе на старика Покровскаго — и вы увидите ту же гуманную мысль автора. Подставной мужъ обольщенной и обманутой женщины, потомъ угнетенный мужъ разлихой бой-бабы, шутъ и пьяница—и онъ *человѣкъ*! Вы можете смѣяться надъ его любовью къ своему мнимому сыну, напоминающую робкую любовь собаки къ человѣку, но если, смѣясь надъ ней, вы въ то же время глубоко ею не трогаетесь, если изображаніе Покровскаго, съ книгами въ карманѣ и подъ мышкой, безъ шапки на головѣ, въ дождь и холодъ бѣгущаго за гробомъ смѣшно-любимаго имъ сына,—не производитъ на васъ трагическаго впечатлѣнія, не говори-

те объ этомъ никому, чтобъ какой-нибудь Покровскій, шутъ и пьяница, не покраснѣлъ за васъ, какъ за человѣка...

Вообще *трагическій* элементъ глубоко проникаетъ собою весь этотъ романъ. И этотъ элементъ тѣмъ поразительнѣе, что онъ передается читателю не только словами, но и понятіями Макара Алексѣевича. Смѣшить и глубоко потрясать душу читателя въ одно и то же время, заставить его улыбаться сквозь слезы, — какое умѣнье, какой талантъ! И никакихъ мелодраматическихъ пружинъ, ничего похожаго на театральные эффекты! Все такъ просто и обыкновенно, какъ та будничная, повседневная жизнь, которая кишитъ вокругъ каждаго изъ насъ и пошлость которой нарушается только неожиданнымъ появленіемъ смерти, то къ тому, то къ другому!...

Всѣ лица обрысованы такъ полно, такъ ярко, не исключая ни лица Быкова, только на минуту появляющагося въ романѣ собственной особой, ни лица Анны Ѳеодоровны, ни разу не появляющейся въ романѣ собственной особой.

Отецъ и мать Доброселовой, старикъ и юноша Покровскіе, жалкій писака Ратазяевъ, ростовщикъ,—словомъ, каждое лицо, даже изъ тѣхъ, которыя или только вскользь показываются, или только заочно упоминаются въ романѣ, такъ и стоитъ передъ читателемъ, какъ-будто давно коротко ему знакомое.

Можно бы замѣтить, и не безъ основанія, что лицо Вариньки какъ-то не совсѣмъ опредѣленно и неоконченно; но, видно, ужъ такова участь русскихъ женщинъ, что русская поэзія не ладитъ съ ними да и только!

Не знаемъ, кто тутъ виноватъ, русскія ли женщины или русская поэзія; но знаемъ, что только Пушкину удалось въ лицѣ Татьяны схватить нѣсколько чертъ русской женщины, да и то ему необходимо было сдѣлать ее свѣтской дамой, чтобъ сообщить ея характеру опредѣленность и самобытность.

Журналъ Вариньки прекрасенъ, но все-таки, по мастерству изложенія, его нельзя сравнить съ письмами Дѣвушкина. Замѣтно, что авторъ тутъ былъ не совсѣмъ, какъ говорится, у себя дома; но и тутъ онъ блистательно умѣлъ выйти изъ затруднительнаго положенія. Воспоминанія дѣтства, переѣздъ въ Петербургъ, разстройство дѣлъ Доброселова, ученье въ пансіонѣ, особенно жизнь въ домѣ Анны Ѳеодоровны, отношенія Вариньки къ Покровскому, ихъ сближеніе, портретъ отца Покровскаго, подарокъ молодому Покровскому въ день именинъ, смерть Покровскаго,—все это разска-

зано съ изумительнымъ мастерствомъ. Доброселова не выговариваетъ ни одного щекотливаго для нея обстоятельства, ни безчестныхъ видовъ на нее Анны Ѳедоровны, ни своей любви къ Покровскому, ни своего потомъ невольнаго паденія; но читатель самъ видитъ все такъ ясно, что ему и не нужно никакихъ объясненій.

Разсказывать содержаніе этого романа было бы излишне; дѣлать большія выписки тоже. Но не мѣшаетъ инымъ, можетъ быть, забывчивымъ читателямъ напомнить ихъ же собственныя впечатлѣнія, ихъ же самихъ призвать въ свидѣтели справедливости и вѣрности нашего мнѣнія о высокомъ художественномъ достоинствѣ „Бѣдныхъ Людей", и потому считаемъ необходимымъ выписать нѣсколько мѣстъ изъ писемъ Макара Алексѣевича.

Это не дастъ большой работы вниманію читателей;—а между тѣмъ посреди нихъ вѣроятно найдутся такіе, которымъ эти выписанныя нами мѣста покажутся какъ-будто новыми, въ первый разъ прочитанными, и это обстоятельство, можетъ быть, заставитъ ихъ вновь прочесть всю повѣсть и сознаться себѣ, что они только при этомъ второмъ чтеніи поняли ее...

Такія произведенія, какъ „Бѣдные Люди", никому не даются съ перваго раза: они требуютъ не только чтенія, но и изученія.

„Пишу къ вамъ внѣ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все вокругъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что я разскажу-то вамъ теперь! Вотъ мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ: я все это предчувствовалъ. Все это заранѣ слышалось моему сердцу! Я даже намедни во снѣ что-то видѣлъ подобное.

„Вотъ что случилось. — Разскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положитъ. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ то же. Ну, такъ вотъ вчера подходитъ ко мнѣ Тимоѳей Ивановичъ и лично изволитъ показывать, что—вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. Перепишите, говоритъ, Макаръ Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательно; сегодня къ подписанію идетъ. — Замѣтить вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя ясочка. Ну, вотъ, я и принялся переписывать; переписывалъ чисто, хорошо, только ужъ не знаю, какъ

вамъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться — только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ Господь его знаетъ какой; просто никакого не вышло. Ст бумагой-то вчера опоздали, и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ с Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, родная, что я с недавняго времени сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и в стыдъ приходить. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на ко го. Чуть стулъ заскрипитъ у кого-нибудь, такъ ужъ я и ни живъ ни мертвъ. Вотъ точно такъ и сегодня, приникъ, присмирѣлъ, ежом снижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и н свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: „Что, дескать, вы Макаръ Алексѣевичъ, сидите сегодня такимъ у-у-у!" да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, так и покатились со смѣху, и ужъ, разумѣется, на мой счетъ. И по шли, и пошли! Я и уши прижалъ и глаза зажмурилъ, снижу себ не пошевелюсь. Таковъ ужъ обычай мой; они этакъ скорѣй отста ютъ. И такъ я уткнулся носомъ въ бумагу и ничу поромъ. Вдруг слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу — не обманываются ли уш мои? зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожал у меня сердце въ груди, и ужъ самъ не знаю, чего я испугался только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизн со мной не было. Я приросъ къ стулу, — и какъ ни въ чемъ н бывало, точно и не я. Но вотъ, опять начали; ближе и ближ Вотъ ужъ надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣву шкина! гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза: передо мной Евстафій Ив новичъ; говоритъ: Макаръ Алексѣевичъ! къ его превосходительств скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали. Только это одно и ск залъ, да довольно, не правда ли, маточка, довольно сказано был Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду—ну, да ужъ пр сто ни живъ, ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ од комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ каб нетъ — предсталъ! Положительнаго отчета, о чемъ я тогда д малъ, я вамъ дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительств вокругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился; позабылъ. От ропѣлъ такъ, что и губы трясутся, и ноги трясутся. Да и бы отчего, маточка. Во-первыхъ, совѣстно; я взглянулъ направо зеркало, такъ просто было отъ чего съ ума сойти отъ того, ч

я тамъ увидѣлъ. А во-вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ что едва ли его превосходительству было извѣстно о существованіи моемъ. Можетъ быть, слышали, такъ, мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

„Начали гнѣвно: какъ же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нужная бумага, нужно къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это, — тутъ его превосходительство обратились къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ:—нерадѣнье! неосмотрительность! Вводите въ непріятности!— Я раскрылъ было ротъ для чего-то. Хотѣлъ было прощенья просить, да не могъ, убѣжать — покуситься не смѣлъ, и тутъ... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда. Моя пуговка—ну ее къ бѣсу—пуговка, что висѣла у меня на ниточкѣ — вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я видно задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатилась и прямо, такъ-таки прямо, проклятая, къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны! Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспомнилъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ, я бросился ловить пуговку, нашла на меня дурь, нагнулся, хочу взять пуговку, катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужъ я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужъ все, все потеряно! Вся репутація, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ушахъ ни съ того ни съ сего и Тереза, и Фальдони, и пошло перезванивать. Наконецъ, поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужъ коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же. Началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прилаживать, точно оттого она и пристанетъ; да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули — слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: какъ же?... посмотрите, въ какомъ онъ видѣ?.. какъ онъ!... что онъ!... — Ахъ, родная моя, что ужъ тутъ—какъ онъ? Да что онъ? отличился, въ полномъ смыслѣ слова отличился. Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ — не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведенія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу... Ну, облегчите его какъ-нибудь, говоритъ его превосходительство. Выдать ему впередъ...—Да забралъ

говорятъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. О
стоятельства вѣрно такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, ник
гда не замѣченъ.—Я, ангельчикъ мой, горѣлъ, въ адскомъ огнѣ горѣл
Я умиралъ!—Ну, говорятъ его превосходительство громко: переписа
же вновь поскорѣе; Дѣвушкинъ, подойдите сюда, перепишите опят
вновь безъ ошибки; да послушайте: тутъ его превосходительств
обернулись къ прочимъ, роздали приказанія разныя, и всѣ раз
шлись. Только что разошлись они, его превосходительство п
спѣшно вынимаютъ бумажникъ и изъ него сторублевую: вотъ—гово
рятъ они—чѣмъ могу, считайте какъ хотите, возьмите... да и вс
нулъ мнѣ въ руку. Я, ангелъ мой, вздрогнулъ, вся душа моя п
тряслась; не знаю, что было со мною; я было схватить ихъ ручк
хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да—вотъ у
тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю, родная моя; взял
мою руку недостойную да и потрясъ ее, такъ-таки взялъ да и п
трясъ, словно ровнѣ своей, словно такому же какъ онъ самъ генерал
Ступайте, говоритъ; чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а тепер
грѣхъ пополамъ".

Такая *страшная* сцена можетъ не потрясти глубоко тольк
душу такого человѣка, для котораго человѣкъ, если онъ чиновник
не выше 9-го класса, не стоитъ ни вниманія, ни участія. Но вс
кое человѣческое сердце, для котораго въ мірѣ ничего нѣтъ вы
и священнѣе человѣка, кто бы онъ ни былъ, всякое человѣческо
сердце судорожно и болѣзненно сожмется отъ этой, повторяем
страшной, глубоко-патетической сцены... И сколько потрясающ
го душу дѣйствія заключается въ выраженіи его благодарност
смѣшанной съ чувствомъ сознанія своего паденія и съ чувством
того самоуниженія, которое бѣдность и ограниченность ума част
считаютъ за добродѣтель!...

„Теперь, мамочка, вотъ какъ я рѣшилъ: васъ и Ѳедору пр
шу, и если-бы и дѣти у меня были, то и имъ бы повелѣлъ, чтоб
Богу молились, т.-е. вотъ какъ: за родного отца не молились б
а за его превосходительство каждодневно и вѣчно бы молились
Еще скажу, маточка, и это торжественно говорю—слушайте мен
маточка, хорошенько—клянусь, что какъ ни погибалъ я отъ ско
би душевной, въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ,
ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и мою неспособност
несмотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рубле
дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, соломе
ньяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили. Этимъ они ме

самому себѣ возвратили. Этимъ поступкомъ они мой духъ воскре-
сили, жизнь мнѣ слаще на вѣки сдѣлали, и я твердо увѣренъ, что
я какъ ни грѣшенъ передъ Всевышнимъ, но молитва о счастіи
и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!..."

Другимъ образомъ, но не менѣе ужасна эта картина:

„Сего числа случилось у насъ на квартирѣ до нельзя го-
рестное, ничѣмъ необъяснимое и неожиданное событіе. Нашъ бѣ-
дный Горшковъ (замѣтить вамъ нужно, маточка) совершенно опра-
вдался. Рѣшеніе-то ужъ давно какъ вышло, а сегодня онъ ходилъ
слушать окончательную резолюцію. Дѣло для него весьма счастли-
во кончилось. Какая тамъ была вина на немъ, за нерадѣніе и не-
смотрительность—на все вышло полное отпущеніе. Присудили вы-
править въ его пользу съ купца знатную сумму денегъ, такъ что
онъ и обстоятельствами-то сильно поправился, да и честь-то его
отъ пятна избавилась, и все стало лучше,—однимъ словомъ, вышло
самое полное исполненіе желанія. Пришелъ онъ сегодня въ три
часа домой. На немъ лица не было, блѣдный какъ полотно, губы
у него трясутся, а самъ улыбается—обнялъ жену, дѣтей. Мы всѣ
гурьбой ходили къ нему поздравлять его. Онъ былъ весьма ра-
зроганъ нашимъ поступкомъ, кланялся на всѣ стороны, жалъ
каждаго изъ насъ руку по нѣсколько разъ. Мнѣ даже показа-
лось, что онъ и выросъ-то, и выпрямился-то, и что у него и сле-
зинки-то нѣтъ уже въ глазахъ. Въ волненіи былъ такомъ, бѣдный!
духъ минутъ на мѣстѣ не могъ простоять; бралъ въ руки все,
что ему ни попадалось, потомъ опять бросалъ, безпрестанно улы-
бался и кланялся, садился, вставалъ, опять садился, говорилъ Богъ
знаетъ что такое—говорилъ: „честь моя, честь, доброе имя, дѣти
мои" — и какъ говорилъ-то! Даже заплакалъ. Мы тоже большею
частію прослезились. Ратазяевъ видно хотѣлъ его ободрить и ска-
зать — „что, батюшка, честь, когда нечего ѣсть, деньги, батюшка,
деньги главное, вотъ за что Бога благодарите!" — и тутъ же его
по плечу потрепалъ. Мнѣ показалось, что Горшковъ обидѣлся, т.-е.
не то, чтобы прямо неудовольствіе выказалъ, а только посмотрѣлъ
какъ-то странно на Ратазяева, да руку его съ плеча своего снялъ.
Впрежде бы этого не было, маточка! Впрочемъ! различные бы-
ваютъ характеры.—Вотъ я, напримѣръ, на такихъ радостяхъ гор-
шкомъ бы не выказался; вѣдь чего, родная моя, иногда и поклонъ
униній и уничиженіе изъявляешь, не отъ чего иного, какъ отъ
избытка доброты душевной и отъ излишней мягкости сердца... но,
впрочемъ, не во мнѣ тутъ и дѣло-то.—Да, говоритъ, и деньги хо-

рошо; слава Богу, слава Богу!... и потомъ все время, какъ м
у него были, твердилъ: слава Богу, слава Богу!... Жена его зака
зала обѣдъ поделикатнѣе, пообильнѣе. Хозяйка наша сама дл
нихъ стряпала. Хозяйка наша отчасти добрая женщина. А д
обѣда Горшковъ на мѣстѣ не могъ усидѣть. Заходилъ ко всѣм
въ комнаты, звали-ль, не звали его. Такъ себѣ войдетъ, улыбнется
присядетъ на стулъ; скажетъ что-нибудь, а иногда и ничего н
скажетъ и уйдетъ. У мичмана даже карты въ руки взялъ; е
и усадили играть за четвертаго. Онъ поигралъ-поигралъ, напутал
въ игрѣ какого-то вздора, сдѣлалъ три-четыре хода и бросил
играть. Нѣтъ, говоритъ, вѣдь, я такъ, я это только такъ—и ушел
отъ нихъ. Меня встрѣтилъ въ коридорѣ, взялъ меня за обѣ рук
посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, только такъ чудно, пожалъ мн
руку и отошелъ, и все улыбаясь, но какъ-то тяжело, странно ул
баясь, словно мертвый. Жена его плакала отъ радости, весел
такъ у нихъ было, по праздничному. Пообѣдали они скоро. Во
послѣ обѣда онъ и говоритъ женѣ:—„Послушайте, душенька, во
я немного прилягу" — да и пошелъ на постель. Подозвалъ къ с
бѣ дочку, положилъ ей на голову руку и долго гладилъ по голов
ребенка. Потомъ опять оборотился къ женѣ; дескать, а что-
Петинька? Петя нашъ, Петинька?... Жена перекрестилась да и отв
чаетъ, что, вѣдь, онъ уже умеръ.—Да, да, знаю, все знаю, Петин
ка теперь въ царствѣ небесномъ.— Жена видитъ, что онъ самъ
свой, что происшествіе-то его потрясло совершенно, и говори
ему—вы бы, душенька, заснули. — Да, говоритъ, я сейчасъ... я н
множко, — тутъ онъ отвернулся, полежалъ немного, потомъ обор
тился, хотѣлъ сказать что-то. Жена его не разслышала; спроси
его: что, мой другъ? А онъ не отвѣчаетъ. Она подождала
множко — ну, думаетъ, уснулъ, и вышла на часокъ къ хозяй
Черезъ часъ времени воротилась—видитъ, мужъ еще не проснул
и лежитъ себѣ не шелохнется. Она думала, что спитъ, сѣла и с
ла работать что-то. Она разсказываетъ, что она работала съ п
часа и такъ погрузилась въ размышленіе, что даже и не помни
о чемъ она думала, говоритъ только, что она и позабыла объ
жѣ. Только вдругъ она очнулась отъ какого-то тревожнаго о
щенія, и гробовая тишина въ комнатѣ поразила ее прежде все
Она посмотрѣла на кровать и видитъ, что мужъ лежитъ все
одномъ положеніи. Она подошла къ нему, сдернула одѣяло, с
тритъ—а ужъ онъ холоднехонекъ — умеръ, маточка, умеръ Го
ковъ, внезапно умеръ, словно его громомъ убило. А отчего умо

Богъ его знаетъ. Меня это такъ сразило, Варинька, что я до сихъ поръ опомниться не могу. Не вѣрится что-то, чтобы такъ просто могъ умереть человѣкъ. Этакой бѣднята, горемыка этотъ Горшковъ! Ахъ судьба-то, судьба какая! Жена въ слезахъ, такая испуганная. Дѣвочка куда-то въ уголъ забилась. У нихъ тамъ суматоха такая идетъ; слѣдствіе медицинское будутъ дѣлать... ужъ не могу самъ навѣрное сказать. Только жалко! Грустно подумать, что этакъ въ самомъ дѣлѣ ни дня ни часа не вѣдаешь!... Погибаешь ни за что..."

Что передъ этой картиной, написанной такой широкой и мощной кистью, что передъ нею мелодраматическіе ужасы въ повѣстяхъ модныхъ французскихъ фельетонныхъ романистовъ! Какая страшная простота и истина! И кто все это разсказываетъ? — ограниченный и смѣшной Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ!...

Мы не будемъ больше указывать на превосходныя частности этого романа: легче перечесть весь романъ, нежели пересчитать все, что въ немъ превосходнаго, потому что онъ весь, въ цѣломъ— превосходенъ. Упомянемъ только о послѣднемъ письмѣ Дѣвушкина къ его Варинькѣ: это слезы, рыданіе, вопль, раздирающіе душу! Тутъ все истинно, глубоко и велико, а между тѣмъ это пишетъ ограниченный, смѣшной Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ! И читая его, вы сами готовы рыдать и въ то же время вы улыбаетесь... Сколько сокрушительной силы любви, горя и отчаянія въ этихъ простодушныхъ словахъ старика, теряющаго все, чѣмъ мила была ему жизнь: „Да вы знаете ли только, что тамъ такое, куда вы ѣдете-то, маточка? Вы, можетъ-быть, этого не знаете, такъ меня спросите! Тамъ степь, родная моя, тамъ степь чистая, голая степь, вотъ какъ моя ладонь голая! Тамъ ходитъ баба безчувственная да мужикъ необразованный, пьяница, ходитъ...".

В. Бѣлинскій.

„Бѣдные люди".

„Бѣдные люди" — очень обыкновенная исторія, разсказанная въ перепискѣ двухъ лицъ.

Мелкій канцелярскій чиновникъ, истощенный годами и заботами, приближается къ склону своей печальной жизни въ борьбѣ съ нуждою и муками оскорбленнаго самолюбія. Еще немного и этотъ невѣжественный и наивный чиновникъ, съ своимъ пошлымъ раз-

говоромъ, посредственной мыслью, служащій чуть не шутомъ для своихъ сотоварищей и полагающій все свое честолюбіе въ красивой перепискѣ бумагъ, сдѣлался бы только смѣшнымъ. Но подъ этой устарѣвшей и забавной оболочкой сохранилось такое чистое, такое преданное,—я чуть было не сказалъ столь свято, тупоумное въ своемъ высокомъ самоотверженіи, сердце ребенка. Типъ этотъ— любимый типъ русскихъ наблюдателей, онъ совмѣщаетъ въ себѣ все, что есть лучшаго въ духѣ ихъ народа: такова Лукерья въ „Живыхъ мощахъ" Тургенева, таковъ Каратаевъ въ „Войнѣ и Мирѣ" Толстого. Но то были простые крестьяне. Дѣвушкинъ изъ „Бѣдныхъ людей" стоитъ нѣсколькими ступенями выше ихъ на умственной и общественной лѣстницѣ.

Въ этой жизни, темной и холодной, какъ русская декабрская ночь, свѣтитъ одинъ ясный лучъ, одна радость. Напротивъ каморки, гдѣ чиновникъ переписываетъ свои бумаги, живетъ молодая дѣвушка, дальняя его родственница. Она также убита судьбой и не имѣетъ въ мірѣ другой опоры, кромѣ ничтожнаго покровительства своего друга.

Удаленные отъ міра, полуподавленные грубыми столкновеніями съ людьми и дѣйствительностью, два несчастныхъ существа поддерживаютъ одинъ другого, любятъ другъ друга и помогаютъ одинъ другому — не умереть.

Въ эту взаимную привязанность мужчина вноситъ молчаливое самоотверженіе, деликатность тѣмъ болѣе привлекательную, чѣмъ болѣе она противорѣчитъ обычной неловкости его мысли и дѣйствія. Какъ-будто видишь стыдливый цвѣтокъ, выросшій на безплодной землѣ, среди терновника, — только ароматъ выдаетъ его присутствіе.

Для того, чтобы облегчить и даже пріукрасить жизнь подруги, Дѣвушкинъ налагаетъ на себя героическія лишенія, они тщательно скрываются, ихъ можно угадать только въ нѣкоторыхъ нечаянно проскользывающихъ неосторожныхъ выраженіяхъ, онъ, вѣдь, считаетъ свои поступки столь естественными.

Онъ выражаетъ поочередно чувство отца, брата, доброй старой собаки; самъ Дѣвушкинъ охотно охарактеризовалъ бы ихъ такъ, если бы ему пришло въ голову провѣрить себя. Мы, однако, хорошо знаемъ настоящее названіе его чувства; но сказать ему этого нельзя, онъ умеръ бы со стыда при одномъ звукѣ настоящаго слова.

Характеръ женщины очерченъ съ удивительнымъ мастерствомъ.

Она стоитъ гораздо выше своего друга по уму и воспитанію, и руководитъ его во всемъ, что касается умственнаго развитія, въ которомъ вся для него ново. Она нѣжна и слаба, сердце ея менѣе надежно, не такъ безропотно.

Она не совсѣмъ еще отказалась отъ жизни. Безпрестанно возставая противъ лишеній, которыя выноситъ Дѣвушкинъ, прося его не заботиться болѣе о ней, она иногда вдругъ испускаетъ вопль противъ бѣдности, или выражаетъ какое-нибудь дѣтское желаніе, потребность въ тряпкѣ. Сосѣди, чтобы не подавать повода къ сплетнямъ, могутъ видаться только черезъ долгіе промежутки времени и поэтому между ними установилась почти ежедневная переписка.

Изъ этихъ-то писемъ мы и узнаемъ ихъ прошедшее, ихъ мрачную исторію, мелкія происшествія ежедневной жизни и разочарованій.

Въ этихъ письмахъ разсказывается и объ ужасѣ молодой дѣвушки, преслѣдуемой бдительнымъ порокомъ, объ отчаяніи чиновника въ погонѣ за кускомъ насущнаго хлѣба, напрасно старающагося сохранить обрывки собственнаго достоинства отъ безчеловѣчныхъ рукъ, раздирающихъ его.

Наступаетъ, наконецъ, развязка. Дѣвушкинъ теряетъ свою единственную радость.

Вы, безъ сомнѣнія, думаете, что новая молодая любовь замѣнила братскую привязнность въ сердцѣ дѣвушки, — о, нѣтъ, дѣло разрѣшилось проще, болѣе по-человѣчески, гораздо печальнѣе.

Одинъ господинъ, интересовавшійся прежде этой дѣвушкой и бывшій одною изъ главныхъ причинъ ея настоящихъ затрудненій, предлагаетъ ей свою руку. Онъ уже не молодъ, очень богатъ и нѣсколько подозрительнаго поведенія, но все-таки предложеніе его почетно.

Уставъ бороться противъ судьбы, увѣренная, быть-можетъ, въ томъ, что такимъ поступкомъ она даже облегчитъ затруднительное положеніе, въ которомъ находится ея другъ, несчастная принимаетъ это предложеніе.

Здѣсь обрисовка характера достигаетъ до поразительной правдивости. Невѣста, перейдя отъ нужды къ роскоши, чувствуетъ минутное опьяненіе въ новой атмосферѣ: наряды, драгоцѣнности, наконецъ-то! Съ наивной жестокостью она наполняетъ послѣднія письма подробностями объ этихъ важныхъ предметахъ, она по при-

вычкѣ поручаетъ своему доброму Дѣвушкину, дѣлавшему для нея прежде всѣ покупки, сходить къ модисткѣ, къ ювелиру...

Слѣдуетъ ли сказать, что это презрѣнная душа, недостойная превосходнаго чувства, внушеннаго ею? Могу васъ увѣрить, что въ читателѣ ни на минуту не зарождается подобнаго впечатлѣнія: настолько писатель умѣлъ сохранить вѣрный тонъ. Нѣтъ, здѣсь чувствуется немного молодости и человѣчности всплывшей на поверхность въ этой разбитой душѣ; развѣ можно негодовать за это?

А затѣмъ такая жестокость объясняется недоразумѣніемъ въ отношеніяхъ двухъ лицъ. Для нея это только дружба, которая останется навсегда такою же вѣрною, такою же признательною, хотя, быть-можетъ, менѣе близкою. Какъ можетъ она понять, что для него ея бракъ—причина отчаянія, такъ какъ одно изъ условій свадьбы составляетъ немедленный отъѣздъ въ одну изъ отдаленныхъ провинцій.

Дѣвушкинъ, до послѣдней минуты отвѣчаетъ на письма съ мелочными подробностями относительно исполненныхъ порученій; онъ дѣлаетъ громадныя усилія разобраться въ кружевахъ и лентахъ, и развѣ только подавленное содроганіе выдаетъ тамъ и сямъ ужасъ, наполняющій его при мысли о близкой разлукѣ.

Только въ послѣднемъ письмѣ изливается растерзанное сердце, несчастный человѣкъ видитъ передъ собою остающуюся ему жизнь, ея одиночество и ужасающую пустоту; онъ самъ не помнитъ, что пишетъ, но тѣмъ не менѣе жалобы его сдержанны, онъ, кажется, еще самъ не угадываетъ всего размѣра своей скорби. Драма заканчивается этимъ стономъ, звенящимъ въ одиночествѣ, позади поѣзда, разлучившаго „бѣдныхъ людей".

Уже въ этомъ произведеніи замѣчаются нѣкоторыя длинноты, но недостатокъ менѣе чувствителенъ, чѣмъ сдѣлается впослѣдствіи. Нѣкоторыя картины схвачены съ полной жизненностью, съ трагической силой. Молодая дѣвушка разсказываетъ о смерти студента, сосѣда ея по квартирѣ, и объ отчаяніи его отца, простого, необразованнаго старика, который жилъ въ боязливомъ преклоненіи передъ знаніями такого ученаго сына.

„Похоронами распорядилась сама Анна Ѳедоровна. Купили гробъ простой-простой и наняли ломового извозчика. Въ обезпеченіе издержекъ Анна Ѳеодоровна захватила всѣ книги и вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнялъ у нея книгъ, сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, куда могъ, носился съ ними всѣ три дня, и даже не разстался

съ ними и тогда, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какой-то странной заботливостью все хлопоталъ около гроба: то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна Ѳеодоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Ѳеодоровна совсѣмъ было ужъ собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ и осталась. Была только одна я да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ — словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви. Наконецъ гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извозчикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ; плачъ его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ; изморось сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали и показывали ему на потерю; онъ поднималъ и опять пускался вдогонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая старуха. Телѣга поворотила, наконецъ, за уголъ и скрылась отъ глазъ монхъ".

Я хотѣлъ бы привести другіе отрывки, но я колеблюсь и не знаю, что цитировать. Это самая лучшая похвала, какую только можно сказать о романѣ. Построеніе его настолько прочно, матеріалы такъ просты и такъ приспособлены къ впечатлѣнію производимому цѣлымъ, что вырванный кусокъ теряетъ всякую стоимость. Онъ значилъ бы не болѣе, чѣмъ обломокъ камня, отбитый отъ греческаго храма, гдѣ вся красота заключается въ общихъ линіяхъ.

Черта эта одинакова у всѣхъ великихъ русскихъ романистовъ.

Страницы въ ихъ книгахъ накопляются безъ шума, падаютъ медленными и протачивающими каплями воды, но вдругъ, неожиданно, не замѣчая прилива, очутишься среди глубокаго озера, затопленнаго все поднимающимися и поднимающимися волнами грустнаго чувства.

Другое, общее имъ свойство, которымъ замѣчателенъ Тургеневъ, но Достоевскій, быть-можетъ, превзошелъ его, — это умѣнье одною строчкою, однимъ словомъ возбуждать безконечные отголоски, цѣлые ряды мыслей и чувствъ.

Уже въ „Бѣдныхъ людяхъ" это умѣнье выразилось въ полной мѣрѣ. Слова, которыя вы читаете на бумагѣ, кажутся написанными не въ длину, а въ глубину; они влекутъ за собою глухіе отзвуки, теряющіеся въ неизвѣстной дали. Они, какъ клавиши органа, эти узкія косточки, откуда, кажется, выходитъ звукъ, но которыя связаны невидимыми проводниками съ глубиною инструмента, вмѣстилищемъ гармоніи, гдѣ раздаются громовые раскаты.

Когда перевернута послѣдняя страница, двухъ выведенныхъ лицъ знаешь такъ, какъ-будто цѣлые годы прожилъ съ ними. Авторъ не разсказалъ намъ и тысячной доли того, что мы узнали о нихъ, а однако мы знаемъ ихъ точнымъ знаніемъ, — настолько указанія его раскрыли намъ ихъ жизнь.

Прошу прощенія у нашей школы, требующей точности и отчетливости, но, заявляю рѣшительно, писатель наиболѣе могущественъ именно тѣмъ, чего онъ не сказалъ; мы благодарны ему за то, что онъ даетъ намъ угадывать.

Этотъ романъ — скорбная книга, она могла бы взять вмѣсто эпиграфа строки, написанныя Дѣвушкинымъ объ одномъ изъ товарищей его по несчастію пораженнымъ новымъ ударомъ: „слезы текутъ у него, да можетъ-быть и не отъ горести, а такъ, по привычкѣ, глаза гноятся".

Эта книга, исполненная любви — она вылилась изъ сердца однимъ порывомъ.

Достоевскій высказался въ ней весь со своей болѣзненной чувствительностью, потребностью соболѣзнованія и преданности, онъ выразилъ въ ней свойственное ему горькое воззрѣніе на жизнь, постоянно болящую и нелюдимую гордость.

Какъ въ сочиненной перепискѣ Дѣвушкина, такъ и въ его собственныхъ письмахъ, относящихся къ тому времени, говорится о несказанныхъ страданіяхъ, которыя заставлялъ его испытывать „постыдный сюртукъ".

Для того, чтобы раздѣлить удивленіе Некрасова и Бѣлинскаго, чтобы понять всю самобытность творенія, нужно возвратиться къ тому литературному моменту, когда оно появилось. „Записки охотника" были напечатаны лишь спустя пять лѣтъ послѣ того.

Правда повѣсть Гоголя, подъ заглавіемъ „Шинель", дала уже тему.

Русскіе писатели справедливо говорятъ, что всѣ они вышли изъ „Шинели" Гоголя, но Достоевскій иронію своего учителя замѣнилъ невольно вызываемымъ волненіемъ.

Мельхіоръ де-Вогюэ.

Макаръ Дѣвушкинъ.

Люди, которыхъ человѣческое достоинство оскорблено, являются намъ у Достоевскаго въ двухъ главныхъ типахъ: *кроткомъ* и *ожесточенномъ*.

Первые не дѣлаютъ уже никакого протеста, склоняются подъ тяжестью своего положенія и серьезно начинаютъ увѣрять себя, что они—нуль, ничего, и что если его превосходительство заговоритъ съ ними, то они должны считать себя счастливыми и облагодѣтельствованными.

Другіе, напротивъ: видя, что ихъ право, ихъ законныя требованія, то, что имъ свято, съ чѣмъ они въ міръ вошли, — попирается и не признается, они хотятъ разорвать со всѣмъ окружающимъ, сдѣлаться чуждыми всему, быть достаточными самимъ для себя и ни отъ кого въ мірѣ не попросить и не принять ни услуги, ни братскаго чувства, ни добраго взгляда.

Само собою понятно, что имъ не удается выдержать характеръ, и оттого они вѣчно недовольны собою, проклинаютъ себя и другихъ, задумываютъ самоубійство и т. п.

Между этими двумя крайностями стоитъ еще разрядецъ людей, которыхъ можно, пожалуй, отнести скорѣе къ первому типу: это люди, потерявшіе широкое сознаніе своего человѣческаго права, но замѣнившіе его какою-нибудь узенькою фикціею условнаго права, утвердившіеся въ этой фикціи и бережно ее хранящіе. При всякомъ случаѣ, гдѣ подобные господа воображаютъ, что ихъ личное достоинство въ опасности, они готовы повторять, напримѣръ, что „я титулярный совѣтникъ", „мнѣ самъ Василій Петровичъ руку подалъ", „меня штабъ-офицерша Похлестова знаетъ", и т. п. Это тоже люди трусливые, подозрительные, щепетильные, обидчивые до-нельзя, и сами болѣе всѣхъ несчастные своею обидчивостью.

Обратимся къ анализу первой черты,—совершеннаго смиренія,

тупого успокоенія въ своемъ положеніи, каково оно вышло. Ка-
жется, тутъ бы и говорить не о чемъ; человѣкъ убѣдился, что онъ
глупъ, или безобразенъ, или манеръ не имѣетъ,—ну, и ладно, и бро-
сить эту матерію... Что тутъ канитель-то тянуть! И еще ему жи
спокойнѣе: знаетъ, что слѣпъ, такъ и подсматривать нечего... Си-
ди да слушай, что другіе скажутъ. И какой интересъ—описывать
то, какъ слѣпой не видитъ?...

Но вотъ въ томъ-то и заслуга художника: онъ открываетъ
что слѣпой-то не совсѣмъ слѣпъ; онъ находитъ въ глупомъ-то че-
ловѣкѣ проблески самаго яснаго, здраваго смысла, въ забитомъ
потерянномъ, обезличенномъ человѣкѣ онъ отыскиваетъ и показы
ваетъ намъ живыя, никогда не заглушимыя стремленія и потребно
сти человѣческой природы, вынимаетъ въ самой глубинѣ души за
прятанный протестъ личности противъ внѣшняго, насильственнаг
давленія, и представляетъ его на нашъ судъ и сочувствіе. Такі
открытія дѣлаетъ намъ Гоголь въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ своихъ
то же, только въ нѣсколько затѣйливой формѣ, находимъ мы в
„Бѣдныхъ Людяхъ" Достоевскаго и отчасти въ другихъ его по
вѣстяхъ.

Чиновникъ Дѣвушкинъ, напримѣръ, живетъ себѣ, дожилъ д
сѣдыхъ волосъ, прослужилъ безъ малаго тридцать лѣтъ тихо и скро
мно, ни о чемъ не задумываясь, ни на что не претендуя.

„Что это вы пишете мнѣ — объясняется онъ съ Варенькой —
про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя
я не брюзгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняг
не жилъ; такъ что же на старости-то лѣтъ привередничать!
*Я сытъ, одѣтъ, обутъ; да и куда намъ затѣи затѣвать! Н
графскаго рода!*... Родитель былъ не изъ дворянскаго званія, и с
всей-то семьей своей былъ бѣднѣе меня по доходу. — Я не нѣ
женка".

И точно онъ не нѣженка: квартиру занимаетъ за перегород
кой въ кухнѣ, платитъ за нее два цѣлковыхъ, и утѣшается тѣм
что онъ „ото всѣхъ особнячкомъ, помаленьку живетъ, втихомолоч
ку живетъ"...

„Сытъ я", говоритъ,—а за столъ платитъ пять цѣлковыхъ в
мѣсяцъ: можно представить, какая тутъ сытость. Обутъ и одѣтъ
онъ,—тоже соотвѣтственно, но все повторяетъ: „Я не рощу и д
воленъ, жалованья достаточно, вотъ уже нѣсколько лѣтъ дост
точно".

Относительно своего умственнаго состоянія сознаетъ, что он

человѣкъ не ученый, на мѣдныя деньги учился, и слога не имѣетъ, а высокихъ матерій понимать не можетъ, а потому далеко и не лѣзетъ; съ общественнымъ положеніемъ онъ примирился отлично.

Онъ дошелъ до такихъ выводовъ, успокоительныхъ и резонныхъ: „Всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ".

Утвердившись въ такихъ цѣлительныхъ мысляхъ, Макаръ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно теряетъ всякую опору внутри себя, въ собственномъ разсудкѣ, и высшею единственною мѣрою своихъ достоинствъ считаетъ уже не собственное сознаніе, а мнѣнія начальства и фамильныя отношенія.

Достоинства свои онъ описываетъ такимъ образомъ: „Состою я уже около 30 лѣтъ по службѣ, служу безукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ никогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя *собственнымъ сознаніемъ своимъ,* какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели. *Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны* (собственное то сознаніе куда пошло!); и хотя еще они доселѣ не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны".

Далѣе Макаръ Алексѣевичъ опять показываетъ, какъ сильно его собственное сознаніе: „Я, говоритъ, въ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ никогда не замѣченъ, чтобы этакъ противъ постановленій что-нибудь или въ нарушеніи общественнаго спокойствія, — въ этомъ я никогда не замѣченъ, этого не было; *даже крестикъ выходилъ*"...

Какъ видите, *крестикъ* составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ базисъ философіи Макара Алексѣича и самый высшій, послѣдній аргументъ его.

Онъ не лишенъ и амбиціи, но она удовлетворяется тоже довольно легко: онъ разъ, напримѣръ, выпилъ неосторожно, дебошу надѣлалъ, по его словамъ, и послѣ того пишетъ къ Варенькѣ, утѣшая ее: „Вы, говоритъ, обо мнѣ не безпокойтесь; спѣшу вамъ объявить, что амбиція моя мнѣ всего дороже, и увѣдомляю васъ, что *изъ начальства еще никто ничего не знаетъ, да и не бу-*

детъ знать, такъ что они всѣ будутъ питать ко мнѣ уваженіе по-прежнему".

Вообще Макаръ Алексѣичъ до того дошелъ, что даже и сапоги и шинель носитъ не для себя, а для другихъ, въ особенности же для его превосходительства; и чай пьетъ больше для другихъ и все для другихъ изъ амбиціи. „По мнѣ все равно, хоть бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапогъ ходить — я перетерплю, и все вынесу, мнѣ ничего: *человѣкъ-то я простой, маленькій*". Но *„сапоги нужны для поддержки чести и добраго имени; въ дырявыхъ же сапогахъ и то и другое пропало*". То есть какъ же пропало? А такъ, что „вдругъ его превосходительство замѣтятъ и невзначай какъ-нибудь отнесутся на мой счетъ—бѣда!"

Къ этому кодексу морали и житейской мудрости, выработавшемуся въ головѣ Макара Алексѣича, прибавьте умилительно-подлое впечатлѣніе, оставшееся въ немъ отъ сцены, когда у него отлетѣла пуговица въ присутствіи генерала, и генералъ далъ ему сто рублей и пожалъ руку.

Сцена эта дѣйствительно превосходная, много разъ была цитирована, и потому, конечно, понятна читателямъ. А вотъ мысли о ней самого Макара Алексѣича: „Клянусь вамъ, — пишетъ онъ Варенькѣ,—что какъ ни погибалъ я отъ скорби душевной, въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія и на себя, на униженіе мое и на мою неспособность, несмотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство самъ мнѣ, соломѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили! Этимъ они меня самому себя возвратили. Этимъ поступкомъ *они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще на вьюги сдѣлали,* и я твердо увѣренъ, что я какни грѣшенъ предъ Всевышнимъ, но молитва о счастіи и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!"

Въ этихъ изліяніяхъ душевныхъ вы видите доброту, чувствительность, благородство, если хотите — даже утонченную деликатность Макара Алексѣича; но согласитесь, что, вѣдь, вамъ жалко то униженіе, въ какое онъ ставитъ себя. и только сила состраданія прогоняетъ въ васъ то чувство отвращенія, которое иначе невольно возбуждалось бы въ васъ такимъ искаженіемъ человѣческой природы...

Забитый, тощій песъ Улисса, съ воемъ и ласкою встрѣчающій своего господина, неизмѣримо ближе и ровнѣе съ нимъ, нежели этотъ чиновникъ съ благодѣтельнымъ его превосходительствомъ.

Полное отсутствіе какого бы то ни было сознанія о своемъ достоинствѣ, полное признаніе своего ничтожества, исключеніе себя изъ того рода существъ, къ которому равно принадлежатъ и Макаръ Алексѣевичъ, и его благодѣтель, — вотъ что видите вы въ изліяніяхъ его благодарности.

А онъ между тѣмъ счастливъ, самъ счастливъ собственнымъ униженіемъ, и въ умиленіи молитъ Бога простить ему „ропотъ *либеральныя мысли*", которыя онъ позволялъ себѣ подчасъ „въ прежнее грустное время"...

Нужно сказать, что нѣкоторая доля художнической силы постоянно сказывается въ Достоевскомъ, а въ „Бѣдныхъ Людяхъ" сказалась даже въ значительной степени.

Отъ него не ускользнула правда жизни, и онъ чрезвычайно тѣтко и ясно положилъ грань между офиціальнымъ настроеніемъ, между внѣшностью, форменностью, и тѣмъ, что составляетъ его внутреннее существо, что скрывается въ тайникахъ его натуры и лишь по временамъ, въ минуты особаго настроенія, мелькомъ появляется на поверхности.

Изъ наблюденій автора, переданныхъ намъ въ его разсказахъ, оказывается, что вѣдь, ни одного человѣка нѣтъ, кто бы, въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ сердцемъ и душою возлюбилъ идеальную организацію, обѣщающую столько мира и довольства людямъ.

Даже люди, наиболѣе ею пропитанные, и тѣ безпрестанно проговариваются и уклоняются.

Да вотъ хоть бы самъ Макаръ Алексѣичъ: вы, можетъ быть, думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ успокоился на томъ, что „всякому свое мѣсто назначено, а мѣста по способностямъ опредѣлены" и т. д.?

Вовсе нѣтъ; это когда онъ резонируетъ въ спокойномъ положеніи, такъ и говоритъ такимъ образомъ.

А чуть кто-нибудь задѣнетъ его за живое,—онъ совсѣмъ мѣняется, и лѣзутъ ему въ голову сами собой „либеральныя" мысли.

Онъ тогда спрашиваетъ: „Отчего же это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣніи находится, а къ другому кому счастье само напрашивается?... Знаю, знаю, маточка (спѣшитъ онъ прибавить, обращаясь къ Варенькѣ),—что не хорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ-истинѣ, зачѣмъ одному еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И, вѣдь, бываетъ же такъ, что счастье-то часто Ива-

нушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачокъ, ро
въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-ся
только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься,—ты брат
вотъ какой! Грѣшно, маточка (снова спѣшитъ оговориться боя
вый Макаръ Алексѣичъ), оно грѣшно такъ думать, *да тутъ
неволь грѣхъ въ душу лѣзетъ*".

Расчувствовавшись, Макаръ Алексѣичъ уже не ограничива
и сомнѣніями, а даже до негодованія доходитъ и задѣваетъ лю
почище себя: „Что фракъ-то сидитъ на немъ гоголемъ, что въ
нетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, бесстыдникъ, — такъ
ему все съ рукъ сходитъ, такъ ужъ и рѣчь его непристойную
сходительно слушать надо! *Полно, такъ ли, голубчикъ?*"

Какъ хотите, а, вѣдь, это чуть не вызовъ со стороны бѣ
го чиновника: видно, не совсѣмъ угомонилось его сердце, не
всѣмъ успокоился онъ на томъ, что „если бы мы другъ другу
не задавали, то и свѣтъ бы не стоялъ, и порядку бы не было".

Нѣтъ, онъ издаетъ теперь вопли сердечные и сознаетъ за
бою право вопить и жаловаться: „А еще люди богатые не
бятъ,—замѣчаетъ онъ,—чтобы бѣдняки на худой жребій вслух
ловались,—дескать, они безпокоятъ, они-де назойливы. *Ла и
гда бѣдность назойлива; спать, что ли, мышаютъ ихъ сы
голодные?...*"

И переполненное горечью сердце внушаетъ ему такія мы
вызываетъ наружу такіе инстинкты, которыхъ онъ самъ испуг
и отрекся бы въ обыкновенномъ положеніи, но которые теперь
ми собой, неодолимо являются во всей своей силѣ. „*Теперь* на
ня *такая тоска напала*, — пишетъ разгоряченный Дѣвушкинъ,
*что я самъ своимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувство
вать, и* хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ
возьмешь, но все-таки *нѣкоторымъ образомъ справедливость
даешь себѣ*. И подлинно, родная моя, *часто самого себя, безъ
кой причины, уничтожаешь*, въ грошъ не ставишь и ниже щепки
какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, т
это, можетъ быть, оттого происходитъ, что я самъ *запуганъ и
гнанъ*, какъ хоть бы и тотъ бѣдненькій мальчикъ, что милост
у меня просилъ".

Вотъ этакія-то мысли, западая въ человѣка и развиваясь
немъ съ чрезвычайною быстротою и силою, при помощи его на
родныхъ инстинктовъ, — и губятъ всеобщую тишину и спокойс

въ томъ идеальномъ общественномъ механизмѣ, который рисовался намъ выше. И нельзя сказать, чтобы авторъ здѣсь выдумывалъ, клеветалъ на человѣческую природу. Можно замѣтить, пожалуй, что Макаръ Алексѣичъ, для своего образованія и положенія, является уже слишкомъ мѣткимъ оцѣнщикомъ противорѣчій официальныхъ основъ жизни съ ея дѣйствительными требованіями; но это лотому, что, сочиняя въ теченіе полугода, чуть не каждый день, письма къ Варенькѣ, Макаръ Алексѣичъ изощрилъ свой слогъ; а съ другой стороны—почему же и автору немножко не придти къ нему на помощь?

По помощь эта касается единственно словеснаго выраженія мыслей; самыя же мысли чисто принадлежатъ Макару Алексѣичу,— будто скажетъ всякій, хоть недолгое время, хоть разъ бывавшій въ его положеніи.

Макаръ Алексѣичъ формулировалъ свои тяжкія сомнѣнія въ письмахъ къ Варенькѣ; другіе не формулируютъ ихъ иначе, какъ звѣринымъ поведеніемъ, разными странными поступками и печальными ихъ результатами. *Н. Добролюбовъ.*

Акакій Акакіевичъ и Макаръ Алексѣевичъ.

Достоевскій, сознательно ли, нѣтъ ли, но являлся, какъ это ясно изъ самыхъ произведеній его, не только не подражателемъ Гоголя, но въ извѣстномъ смыслѣ *протестующимъ противникомъ* ему.

Акакій Акакіевичъ и Макаръ Алексѣевичъ—люди совершенно одной и той же среды и одинаковаго положенія.

Но въ первомъ Гоголь изобразилъ существо необыкновенно бѣдное какими бы то ни было духовными силами: умомъ, волею, чувствами,—существо, вызывающее только развѣ жалость и... смѣхъ, хотя бы въ концѣ концовъ и „горькій“.

Въ Акакіи Акакіевичѣ передъ нами человѣкъ искалѣченный и забитый жизнью до такой степени, что всѣ духовные интересы ясьного, его идеалы, сходятся на „предвѣчной идеѣ“ новой шинели да о на стремленіи красиво выводить буквы.

Всѣ права его на признаніе въ немъ „человѣка“ только въ омъ и выражены въ „Шинели“, что онъ говоритъ смѣющимся надъ

нимъ сослуживцамъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?"— слова, „преклоняющія на жалость", за которыми слышались други слова: „я братъ твой!"

Макаръ Алексѣевичъ совершенно другой человѣкъ, и призна ніе за нимъ достоинства человѣка должно быть основано не на это общей принадлежности къ роду человѣческому, а на его личных чисто человѣческихъ свойствахъ.

Конечно, его понятія, столь осмѣянныя нѣкогда Добролюбо вымъ, устарѣлы, не „современны" и не „либеральны". Но въ исто никѣ они могли быть—и дѣйствительно были чисты: въ „его пре восходительствѣ" видѣть законъ своей жизни, а въ „крестикѣ" — свидѣтельство своихъ заслугъ онъ могъ по незнакомству съ теоріе отрицанія авторитетовъ и изъ предположенія, что „его превосх дительство", вообще начальство, больше его знаютъ и понимаютъ Да и нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ него понятій, к торыя съ трудомъ даются даже предводителямъ общественной м сли въ университетахъ...

А затѣмъ, Макаръ Алексѣевичъ надѣленъ такою чуткою, ж вою и сострадательною душой, что передъ нимъ низки и грязн другіе персонажи романа, обладающіе, нужно думать, большим развитіемъ: Быковъ, потомъ живущій въ одной съ Макаромъ Алек сѣевичемъ квартирѣ „литераторъ", именуемый Бѣлинскимъ „жалко писакой", и проч.

Въ Покровскомъ и Горшковѣ, которые суть только разновид ности и дополненія къ Макару Алексѣевичу, Достоевскій затраг ваетъ и другую важную сторону жизни такихъ бѣдняковъ, как Акакій Акакіевичъ и Макаръ Алексѣевичъ,— сторону, которой Г голь не коснулся.

Акакій Акакіевичъ по своему благоденствуетъ, и если бы н „предвѣчная идея новой шинели", быть можетъ, мирно благоде ствовалъ бы и дальше.

Покровскій и Горшковъ вводятъ насъ въ бѣдственную сторо ну жизни „бѣдныхъ людей", — и поразительно видѣть, что, несм тря на свои несчастія, они остаются нравственно чистыми людьм Въ этой борьбѣ человѣческихъ свойствъ противъ гнета жизни, борьбѣ, описываемой Достоевскимъ столь страстными и остр ми—„огненными" чертами, и заключается глубокій трагическій эл ментъ, проникающій весь романъ.

Любопытно обстоятельство, что Достоевскій заставляетъ св его героя прочитать „Шинель" и такимъ образомъ познакомить

съ своимъ литературнымъ прототипомъ. Смущенный безпощадной вѣрностью, съ которой описана вся его внѣшняя жизнь, Макаръ Алексѣевичъ чувствуетъ себя обиженнымъ и униженнымъ, отраженнымъ вполнѣ, лишеннымъ тѣхъ человѣческихъ достоинствъ, какія сознаетъ въ себѣ.

„Позвольте, маточка,—пишетъ онъ Варенькѣ:—всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Какъ гражданинъ считаю себя, собственнымъ сознаніемъ моимъ, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели... Все это вы по совѣсти должны бы были знать, и *онъ* (Гоголь) долженъ бы былъ знать; ужъ какъ взялся описывать, такъ долженъ бы былъ *все* знать... Ну, добро бы онъ подъ конецъ хоть... что-нибудь смягчить..., что вотъ, дескать, при всемъ этомъ онъ былъ добродѣтеленъ, хорошій гражданинъ, такого обхожденія отъ своихъ товарищей не заслуживалъ...“

Макару Алексѣевичу кажутся не важными такія обстоятельства въ жизни Акакія Акакіевича, что тотъ нуждается, чаю не пьетъ“ и т. п. „А точно всѣ и должны ужъ такъ непремѣнно чай пить!“—восклицаетъ онъ, справедливо сознавая, что отъ питья чая въ человѣкѣ не прибудетъ человѣческаго достоинства.

Невольно рождается вопросъ, не скрывается ли за личностью Макара Алексѣевича робкій протестъ самого Достоевскаго, конечно, не безъ умысла включившаго этотъ эпизодъ съ „Шинелью“ въ свой романъ.

По крайней мѣрѣ, изъ писемъ его къ брату, писанныхъ еще въ то время, когда не появилось въ печати ни одного произведенія его, можно заключить, что Гоголь не представлялся ему недостижимымъ идеаломъ писателя.

„Вотъ ты самъ увидишь, хуже ли это „Тяжбы“ Гоголя, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ въ 1845 году. „Тебѣ онъ („Двойникъ“) понравился даже лучше „Мертвыхъ Душъ“, я это знаю”, говорится въ письмѣ отъ 1 февраля 1846 года.

„Во мнѣ находятъ новую оригинальную струю, состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезомъ, т.-е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое; Гоголь же беретъ прямо цѣлое, и оттого не такъ глубокъ, какъ я”.

Подобныя строки приписывались „самохвальству“ и „наивному увлеченію“; но въ нихъ могло сказаться молодое чутье своихъ силъ рядомъ съ элементомъ робкаго критическаго отношенія къ Гоголю.

Естественно можетъ возникнуть вопросъ, правъ ли былъ Д
стоевскій, влагая въ Акакія Акакіевича (или, что то же, въ Мак
ра Алексѣевича) высокія человѣческія свойства, и не вѣрнѣе
свидѣтельство Гоголя о страшной приниженности и бѣдности
ховной стороны въ этомъ *„одномъ* чиновникѣ", служившемъ „наи
одномъ департаментѣ", какъ выражается геніальный творецъ „Ш
пели", намекавшій тѣмъ, что онъ изображаетъ бѣдняка, мелка
чиновника вообще, какъ типъ, безъ различія мѣстъ и лицъ.

„Онъ (Достоевскій) не поражаетъ тѣмъ знаніемъ жизни и сер
ца человѣческаго, которое дается опытомъ и наблюденіемъ: нѣ
онъ знаетъ ихъ и притомъ глубоко знаетъ, но à priori, слѣдов
тельно, чисто поэтически, творчески", замѣтилъ Бѣлинскій. „Е
знаніе есть талантъ, вдохновеніе".

А Гоголь, при своемъ огромномъ талантѣ, зналъ жизнь та
же и по опыту и по наблюденію, и это обстоятельство какъ б
подчеркиваетъ значеніе поставленнаго нами вопроса.

На самомъ дѣлѣ, вопросъ этотъ, въ сущности, празденъ: в
дѣйствительности были и бываютъ, конечно, разные Акакіи Ак
кіевичи — и такіе, какого изобразилъ Гоголь, и подобные Мака
Алексѣевичу, какъ вообще во всякомъ человѣческомъ обществ
хотя бы самомъ образованномъ, бываютъ люди и умные, и глупы
и добрые, и злые, и обладающіе богатствомъ душевныхъ сил
и бѣдно надѣленные ими.

Но характеристично то, что Достоевскій избралъ для своей
изображенія героя, совершенно отличнаго отъ Гоголевскаго Акак
Акакіевича.

Онъ какъ бы хотѣлъ сказать, и не только сказать, но и с
лою анализа души человѣческой показать, что бѣдность, неразв
тость ума, отсутствіе знаній и т. п. еще не лишаютъ человѣка дра
цѣнныхъ человѣческихъ качествъ, присущихъ душѣ человѣческо
и что, наоборотъ, извѣстная степень развитія и „современной обр
зованности", какъ у Быкова и у „литератора", еще не ручаютс
за большое развитіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ душевнаго мір
людей.

Здѣсь въ зародышѣ передъ нами уже общая идея Достоевск
го, получившая въ позднѣйшихъ произведеніяхъ сильное и широко
развитіе.

Арс. Введенскій.

„Записки изъ мертваго дома".

Судьба тѣхъ несчастныхъ, тѣхъ клейменныхъ отверженниковъ общества, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой книгѣ, давно уже въ наиболѣе развитыхъ человѣческихъ обществахъ обращаетъ на себя самое всестороннее вниманіе и не только вызвала очень много гуманныхъ и возвышенныхъ чувствъ и помысловъ, дѣлающихъ честь человѣчеству, но и подверглась улучшеніямъ, вполнѣ сообразнымъ съ духомъ вѣка, въ которомъ мы живемъ.

У насъ судьбою этихъ несчастныхъ пишущіе люди занимались до сихъ поръ,—и то чрезвычайно мало и только съ самаго недавняго времени, — лишь съ одной чисто внѣшней стороны: все, что мы имѣемъ, это нѣсколько высказанныхъ указаній на то, что эти несчастные подвергаются нѣкоторымъ совершенно излишнимъ и ни для кого ненужнымъ страданіямъ въ ихъ временныхъ тюрьмахъ, въ продолженіе ихъ безконечной подсудности и, особенно, въ продолженіе не менѣе безконечнаго пѣшеходнаго слѣдованія ихъ къ мѣсту ссылки, страданіямъ, отъ которыхъ было бы справедливо и очень возможно ихъ избавить.

Глубже этого мы еще не успѣли проникнуть въ предметъ.

Не мудрено.

Такой предметъ, какъ клейменные каторжники, по-необходимости, долженъ стоять во всякомъ человѣческомъ обществѣ на самой далекой очереди, такъ какъ онъ требуетъ отъ людей слишкомъ большого развитія ума и сердца, чтобы сдѣлаться тревожнымъ для ихъ совѣсти.

Поэтому, въ нашемъ равнодушіи къ предмету такого великаго интереса, мы не видимъ благопріятнаго случая къ тому, чтобы обратиться съ уроками къ нашему обществу и къ нашей литературѣ.

Если бы быть просвѣщенными и гуманными или оставаться невѣжественными и варварскими — зависѣло отъ выбора народовъ, тогда, конечно, тутъ было бы мѣсто самымъ энергическимъ укоризнамъ.

Но количество просвѣщенія и гуманности, которымъ обладаетъ извѣстный народъ, опредѣляется его историческою судьбою, измѣряется продолжительностію его цивилизаціи и всего менѣе зависитъ отъ его произвола.

Что бы ни разсказывалось о патріархальныхъ достоинствахъ нашихъ предковъ и о ихъ любовномъ житіи, но мы со всею точ-

ностью можемъ опредѣлить то не очень еще давнее время, ко
эти патріархальные люди отличались такимъ жестокосердіемъ,
оставались совершенно хладнокровными при видѣ того, какъ
ближнему за самый сущій вздоръ, даже за одно подозрѣніе въ
комъ-нибудь вздорѣ, отрѣзывали языкъ, давали проглотить рас
пленнаго металла, или прицѣпляли его желѣзными крючьями
ребра, ставили голыми ногами на раскаленныя жаровни и т.
Такія жестокости на нашъ взглядъ представляются злодѣйство
превышающимъ всякое другое злодѣйство, за какое только че
вѣкъ можетъ попасться въ руки правосудія, и мы, въ сравне
съ нашими недавними предками, можемъ считать себя гумани
шими изъ людей.

Если мы, въ свою очередь, за нѣкоторыя черты нашихъ н
вовъ представляемся еще полуварварами для теперешнихъ пере
выхъ народовъ, то это значитъ только, что эти передовые наро
отдѣляются отъ своихъ варварскихъ предковъ болѣе длиннымъ
домъ поколѣній, чѣмъ мы отъ своихъ. Въ этомъ сопоставле
насъ съ передовыми народами для насъ нѣтъ ничего пріятнаго,
мы все-таки указываемъ на него не для укоризны, а скорѣе д
нашего оправданія.

Оно, съ тѣмъ вмѣстѣ, выясняетъ для насъ фактъ, предъ
торымъ мы должны смириться, сознавши настоящую степень
ихъ успѣховъ въ нашемъ человѣческомъ развитіи.

Общество часто слышитъ голоса,—особенно съ недавняго в
мени,—успокоительные для его statu quo и возвышаемые съ бе
пощадною бранью противъ достойныхъ людей, которые не умѣю
видѣть его недостатковъ въ розовомъ свѣтѣ.

Оно должно знать, что это голоса — сирены, пропитанн
квинтъ-эссенціей мака, мандрагоры и опіума. Ихъ такъ же опас
слушать, какъ, напримѣръ, напиваться пьянымъ для забвенія го
Къ счастію, намъ, во всякую данную минуту, очень легко сдѣла
повѣрку надъ собою — посредствомъ сличенія; если бы общест
имѣющія высшій уровень развитія и потому лучше устроенныя,
ществовали только въ теоріи, тогда относительно собственныхъ н
шихъ совершенствъ или недостатковъ были бы возможны сам
жаркія контраверсіи; но такія общества существуютъ на самом
дѣлѣ, и потому всѣ наши обольщенія собственными достоинства
могутъ быть разсѣяны самыми положительными аргументами.

Обращаясь къ нашему предмету, т.-е. къ судьбѣ клейменны
каторжниковъ, мы должны признаться, что насъ не начинали трев

жить, даже и смутнымъ образомъ, такіе вопросы:—что такое преступленіе? умышленная вражда противъ общества, т.-е. злодѣйство ли чисто-на чисто, или отчасти личное несчастіе преступника? — Что такое преступникъ: преднамѣренный злоумышленникъ противъ общества, или отчасти жертва извѣстныхъ соціальныхъ условій? — Изъ какого принципа должно проистекать наказаніе: изъ того ли, что оскорбленному обществу нужна безпощадная месть, которая должна преслѣдовать преступника и за предѣлами его политической смерти, или изъ того, что обществу нужна безопасность, которая вполнѣ гарантируется отверженіемъ преступника отъ общества и уже не нуждается въ дальнѣйшемъ преслѣдованіи его?

Книга нашего автора не поднимаетъ этихъ вопросовъ прямо; какъ произведеніе чисто беллетристическое, она не имѣетъ ничего общаго съ правильной теоретической аргументаціей. Тѣмъ не менѣе она вращается именно около этихъ вопросовъ и подвергаетъ вашъ умъ и ваше сердце къ рѣшенію ихъ въ гуманномъ духѣ. Авторъ избралъ благую часть: онъ не доказываетъ, а разсказываетъ, и на томъ держится, главнымъ образомъ, интересъ его книги. И точно всякій разъ, какъ только авторъ пытается сдѣлать выводъ изъ своихъ же собственныхъ наблюденій, онъ тотчасъ вызываетъ на споръ; теоретическія соображенія его вообще слабы и отзываются тѣмъ болѣзненнымъ расплывающимся гуманизмомъ, изъ котораго никакая правительственная мудрость не въ состояніи извлечь ничего примѣнительнаго къ практикѣ. Но авторъ рѣдко пускается въ такія соображенія. Онъ, большею частію, остается только разсказчикомъ и наблюдателемъ. Онъ знакомитъ васъ съ потрясающими подробностями жизни, которой вы не знали по слухамъ,—потому что изъ „Мертваго дома“ не выходитъ и слуховъ; онъ даетъ вамъ проникать въ самыя мрачныя глубины человѣческой совѣсти и, на первый взглядъ, не имѣетъ другого побужденія, кромѣ внутренняго интереса, заключающагося въ томъ, о чемъ онъ разсказываетъ...

Дѣсять лѣтъ постоянныхъ впечатлѣній, чувствъ и мыслей, испытанныхъ въ этомъ жилищѣ заживо погребенныхъ людей, десять лѣтъ наблюденія надъ этими отверженниками общества во время ихъ работъ, отдыховъ, развлеченій, при взаимныхъ столкновеніяхъ ихъ между собою, въ состояніи сна и безсонницъ, въ больницахъ, при упадкѣ всѣхъ силъ и обольщеніи себя несбыточными надеждами, въ минуту сердечной исповѣди и въ порывахъ звѣриной злобы, на виду страшныхъ наказаній и во время самого исполненія

ихъ, десять лѣтъ наблюденія надъ каторжниками въ такихъ разнообразныхъ положеніяхъ и составляетъ содержаніе „Записокъ изъ мертваго дома“.

Кажется, тутъ нельзя пожаловаться на то, чтобы предметъ не былъ достоинъ человѣческой любознательности, принимаемой даже въ смыслѣ простого любопытства.

И прежде всего нашей любознательности представляется вопросъ, возбуждаемый авторомъ почти на первыхъ страницахъ: какъ смотрятъ эти мрачныя совѣсти на тѣ преступленія, которыя тяготѣютъ на нихъ? да еще тяготѣютъ ли на нихъ преступленія? Т.-е.: доступны ли эти совѣсти какому-нибудь самоосужденію?

Есть мнѣніе, по которому преступники будто бы считаютъ себя протестаторами противъ того общественнаго порядка, при которомъ преступленія должны считаться неизбѣжными, и что поэтому на собственный взглядъ они всегда представляются правыми.

Чрезвычайно любопытно и въ высшей степени важно знать, справедливо ли это мнѣніе и точно ли оно есть мнѣніе воровъ и убійцъ о самихъ себѣ? Если грабежъ и убійство составляютъ сознательный протестъ, если каждый воръ и убійца есть въ то же время человѣкъ системы или фанатикъ, дѣйствующій по убѣжденію, тогда громадное большинство общества, не ворующее и не убивающее, должно видѣть въ ворахъ и убійцахъ такихъ людей, которыхъ оно осуждаетъ и наказываетъ безъ всякаго другого права, кромѣ права сильнаго,—это съ одной стороны; а съ другой,—если мы перестанемъ видѣть въ ворахъ и убійцахъ существа падшія, доведенныя до своего паденія всего менѣе силою обдуманности и всего болѣе силой внѣшнихъ обстоятельствъ, можетъ быть, дѣйствительно обусловленныхъ общественнымъ устройствомъ, и если мы, взамѣнъ такого взгляда, проникнемся убѣжденіемъ, что воръ и убійца есть человѣкъ партіи и что онъ самъ смотритъ на себя, какъ на такого, тогда всякое филантропическое чувство къ судьбѣ преступника, чувство — извѣстное всякому человѣку, вышедшему изъ дикаго состоянія, должно казаться жалкою и неумѣстною сентиментальностію, по крайней мѣрѣ—неумѣстной до тѣхъ поръ, пока общество не будетъ олицетворять собою того плана общественнаго устройства, во имя котораго совершаются будто бы протесты грабежомъ и убійствами.

Если же, напротивъ, мы будемъ думать, что воры и убійцы, рѣшаясь на свои подвиги, не укрѣпляютъ себя никакими философскими размышленіями о правотѣ своего дѣла, и если мы будемъ до-

подлинно знать, что они при своихъ грабежахъ и убійствахъ руководствуются не какими-нибудь соціальными соображеніями на счетъ общественнаго неустройства, а только самыми дикими и низкими побужденіями, тогда и уголовные законы получаютъ полное нравственное освященіе, и остается мѣсто для состраданія къ несчастію, хотя бы это несчастіе выразилось въ тяжкомъ преступленіи.

Очевидно, что и для честнаго большинства въ обществѣ и для законопреступнаго меньшинства, не одно и то же: — будетъ ли большинство видѣть въ ворахъ и убійцахъ сознательныхъ протестаторовъ, дѣйствующихъ по убѣжденію, для достиженія преднамѣренной цѣли, или будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на такихъ враговъ общественнаго порядка, которые потому только и враждуютъ противъ него, что къ величайшему своему несчастію ничего не понимаютъ въ законахъ общественнаго устройства.

Кто же такіе убійцы и воры: сознательные протестаторы, или люди жальчайшаго невѣжества и звѣрскихъ понятій?

Сентиментальные филантропы полагаютъ, что они очень много говорятъ въ пользу преступниковъ, возводя ихъ въ званіе протестаторовъ. Въ сущности они возводятъ лишнюю клевету на совѣсть и безъ того слишкомъ обремененную дѣйствительными преступленіями; желая быть адвокатами несчастія, они отнимаютъ у него единственный шансъ на человѣческое участіе, — именно тотъ шансъ, по которому преступникъ, если его преступленіе вытекаетъ изъ грубѣйшаго невѣжества, предполагается способнымъ къ исправленію.

На этомъ предположеніи, и единственно только на немъ, должны быть основаны всѣ истинно-гуманныя расположенія къ врагамъ нашей собственности и нашей личной безопасности. Но такое предположеніе объ исправленіи, конечно, не можетъ быть допущено относительно преступника,—вора или убійцы, который опираетъ свое ремесло на теоретическихъ основаніяхъ.

Какой-нибудь Лезюркъ, если это не былъ своего рода жальчайшій фанфаронъ, безъ сомнѣнія, не возбудилъ бы ни въ одномъ, даже самомъ гуманномъ мыслителѣ никакого ужаса къ смертной казни и никакого помышленія о противоестественности этого рода наказанія; онъ могъ бы, сколько угодно, служить предметомъ газетныхъ толковъ, украшать дамскіе альбомы и удивлять Парижъ своими развязными афоризмами на счетъ безгрѣшности воровства и убійства въ такомъ будто бы вавилонскомъ обществѣ, какъ фран-

цузское, но его смерть на эшафотѣ все-таки никакъ не была б
способна возбудить болѣе жалости, чѣмъ кончина отравленно
крысы.

Если бы обществу было доказано, что всѣ ворующіе и уб
вающіе—болѣе или менѣе Лезюрки, теоретики и систематики св
его ремесла, оно имѣло бы право никогда не отказываться ни от
одной свирѣпости испанскихъ инквизицій или венеціанскихъ тр
буналовъ. Обществу прежде всего необходимо существовать; он
можетъ и должно выслушивать самыя смѣлыя указанія на свои н
совершенства; оно имѣетъ всю выгоду допускать самыя обширны
пренія о способѣ и свойствѣ улучшеній; но если указанія на е
несовершенства проявляются фактически подъ формою грабеж
и убійства, оно можетъ только свирѣпствовать.

Поэтому, мы полагаемъ, что возводить разбойника изъ гр
бѣйшаго невѣжды въ сознательные протестаторы нисколько не г
манно, и, въ отношеніи къ самому разбойнику, въ высшей степе
несправедливо. Отнимать у него скотское невѣжество въ этом
случаѣ значитъ посягать на его права. Это посягательство бы
бы еще не такъ страшно, если бы оно не было ни съ чѣмъ нес
образно. Но романтическое мнѣніе о томъ, будто грабежъ есть од
изъ формъ сознательнаго протеста, есть чисто субъективное мн
ніе самихъ мыслителей, которые его выдумали; оно, очевидно, пр
надлежитъ честнымъ людямъ, имѣющимъ отличное знакомство
различными соціальными теоріями, съ которыми разбойнику не б
ло никакихъ средствъ познакомиться.

Лезюркъ, конечно, не въ примѣръ. Онъ былъ въ свое врем
фельетонистомъ, можетъ быть и плохимъ, но все-таки имѣвшим
возможность кое-чего наслушаться и начитаться. Онъ могъ гл
дѣть на свои мерзости съ теоретической точки зрѣнія, могъ кр
тически относиться какъ къ своимъ грабежамъ и убійствамъ, к
торые онъ сдѣлалъ, такъ и къ обществу, въ которомъ онъ н
сдѣлалъ. Но разбойникъ изъ фельетонистовъ долженъ считать
явленіемъ феноменальнымъ, изъ котораго невозможны никакія о
щія заключенія. Это случай—самъ по себѣ, такъ что всякій общ
выводъ изъ него будетъ непремѣнно такимъ же субъективным
какъ бываютъ субъективные цвѣта, субъективные звуки. Соотвѣ
ствія между сужденіемъ и сущностію обсуждаемаго предмета ту
не будетъ. Точно такого свойства воззрѣніями на счетъ грабежа
протеста отличаются наши отечественные филантропы, которые св

субъективныя мысли объ этомъ предметѣ приписываютъ поголовно всему русскому народу.

Этотъ народъ, по ихъ мнѣнію, въ продолженіе всей своей исторіи, видѣлъ и продолжаетъ видѣть въ разбойникахъ какихъ то непризнанныхъ борцовъ, которыхъ, если они попадутся, онъ будто бы разумѣетъ, какъ несчастныя жертвы какого то непонятнаго ему правосудія. Для доказательства этого ссылаются на добрыя и столь прославленныя чувства русскаго народа вообще ко всякому страданію, на ту всѣмъ извѣстную неохоту, съ которою нашъ простолюдинъ вызывается быть доказчикомъ и свидѣтелемъ преступленія, но болѣе всего на наши такъ называемыя разбойничьи пѣсни, въ которыхъ намъ велятъ видѣть не простую свободу народной фантазіи, а именно апоѳеозъ разбойника.

Эти именно аргументы, какъ это довольно извѣстно, приводятся въ доказательство того, будто народъ нашъ въ тягчайшихъ преступленіяхъ противъ общественной безопасности видитъ только протестъ, выражаемый во имя какого то неписаннаго кодекса.

Однако аргументы эти доказали совершенно другое, и, не смотря на то, что они приводятся съ выраженіемъ похвалъ извѣстнымъ чертамъ народнаго характера, въ сущности, они заключаютъ только справедливое указаніе на то обстоятельство, что народъ нашъ, какъ и вообще и всюду народныя массы, еще не возвысился до критическаго взгляда на жизнь, что онъ остается еще въ невѣжествѣ и живетъ безъ всякой системы — написанной или ненаписанной. Его таинственный неписанный кодексъ — это его непосредственное чувство.

Въ этомъ чувствѣ заключается источникъ его глубочайшей доброты, но въ немъ же скрываются и причины его неистощимой свирѣпости.

Это то самое чувство, которое приводитъ толпу въ умиленіе, при видѣ разбойника на крестѣ, и которое заставляетъ ее поджаривать честныхъ людей на огнѣ, при видѣ пожара, которое разливается жалобною пѣснею о свирѣпствахъ свекрови надъ невѣсткою и которое, однако, изъ каждой невѣстки дѣлаетъ, въ свою очередь, такую же свирѣпую свекровь: это то самое чувство, которое заставляетъ мужика называть свою рабочую скотину лошадушкой и кормилицей и по которому онъ забиваетъ ее чуть не до смерти, если она не въ состояніи везти непомѣрной тяжести; наконецъ, это то самое чувство, которое омрачаетъ печалью лицо всякаго простолюдина, при видѣ партіи ссыльно-каторжныхъ, и которое

заставляетъ его людей этого сорта пристрѣливать, безъ всякой ну
жды, какъ зайцевъ, при встрѣчѣ съ ними въ лѣсу, какъ это по
рѣдко случается въ Вятской губерніи, или убивать ихъ чѣмъ ни
попало, заставши ихъ въ своей клѣти, какъ это случается повсю
ду, на всемъ протяженіи нашей земли, и тоже, безъ всякой нужды
и иногда съ полной возможностью задержать преступника, не под
вергая его самосудомъ смертной казни.

Правда, есть одно обстоятельство, рѣшающее его на самосудъ.
Это какія-нибудь особенныя понятія о правѣ, не врожденное отвра
щеніе къ правосудію, а боязнь не найти его и опасеніе самому за
путаться въ той процедурѣ, которая подобно державинской *Рѣ-
кѣ временъ* —

въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья

ихъ самыя справедливыя претензіи, ихъ самыя безотлагательныя
требованія, увлекая, по дорогѣ, въ ту самую пропасть ихъ лучшіе
досуги, ихъ благосостояніе и, пожалуй, самое ихъ гражданское су
ществованіе.

И въ этомъ единственная причина неохоты быть свидѣтелемъ
или обвинителемъ, которая одинаково дѣйствуетъ на всякаго рус
скаго человѣка, при всякомъ общественномъ положеніи. Вліяніе ея
можетъ быть доказано на самомъ приличномъ господинѣ, у кото
раго украли часы изъ кармана, хотя бы онъ былъ притомъ самаго
консервативнаго образа мыслей. На эту причину указываютъ въ
газетахъ, ее приводятъ въ объясненіе безуспѣшности своихъ дѣй
ствій наши недавніе судебные слѣдователи, которые, однако, въ
многихъ мѣстахъ успѣли уже возбудить довѣріе къ себѣ и собира
ютъ нужныя имъ доказательства безъ труда. Стало-быть, неохота
обвинять и свидѣтельствовать, замѣченная въ русскомъ человѣ
кѣ, вовсе не такая соціальная добродѣтель, которою бы русскому
народу было гордиться и на которой можно бы было строить ка
кія-нибудь теоріи, а скорѣе указаніе на такое соціальное зло, на
которое русскій народъ можетъ только жаловаться и отъ котораго
ему слѣдуетъ избавиться.

И это не такое зло, о которомъ можно было бы спорить,
а сознанное и провозглашенное зло, обратившее на себя вниманіе
самого правительства, у котораго, какъ слышно, уже находятся
наготовѣ важныя судебныя реформы. Изъ всѣхъ игрушечныхъ мы-

слей, которыми мы любимъ обольщать, и очень часто невпопадъ, свою національную гордость, мысль о томъ, будто русскій народъ поголовно можно считать сознательнымъ потворщикомъ преступленія, враждебно расположеннымъ ко всякой судебной карѣ, ко всякому офиціальному проявленію правосудія, — есть мысль самая нерушечная.

Онъ точно не охотникъ отыскивать возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ путемъ офиціальнаго суда. Но если тутъ слѣдуетъ чему-нибудь удивляться, то, конечно, не этой неохотѣ, а скорѣй тому, что по точнымъ справкамъ о возникновеніи уголовныхъ дѣлъ непремѣнно должно оказаться, что самая большая часть ихъ все-таки возникаетъ вслѣдствіе частныхъ обвиненій и ходатайствъ.

Намъ очень лестно считать русскій народъ отъ природы надѣленнымъ всѣми соціальными добродѣтелями, которыя другими народами пріобрѣтаются путемъ хлопотливой цивилизаціи и государственныхъ переворотовъ; намъ въ особенности лестно считать его надѣленнымъ высочайшей изъ этихъ добродѣтелей, которая называется гуманностію.

И мы даже глубоко убѣждены, что онъ точно обладаетъ этимъ качествомъ въ самомъ полномъ избыткѣ, наперекоръ всѣмъ патріотическимъ писателямъ различныхъ націй, которые позволяютъ себѣ думать, будто это качество въ самой высокой степени свойственно именно той націи, къ которой они имѣютъ честь принадлежать сами.

Пусть знатоки человѣческой природы изъ нѣмцевъ полагаютъ, будто добросердечнѣе нѣмца нѣтъ существа во всемъ мірѣ, пусть они остаются въ своемъ ослѣпленіи до такой степени, что надъ избыткомъ этого качества въ своихъ единоплеменникахъ позволяютъ себѣ, подобно Гейне, горчайшіе сарказмы; пусть французы полагаютъ о себѣ, что нѣтъ никакой возможности быть гуманнѣе и великодушнѣе француза, который не выноситъ варварства и притѣсненій даже внѣ предѣловъ своего отечества и за гуманную идею всегда готовъ сражаться и переносить всѣ трудности самаго отдаленнаго похода; пусть люди европейскаго племени остаются въ заблужденіи, будто они самые старые и величайшіе представители гуманности на землѣ; пусть Бичеръ-Стоу, со всѣмъ безкорыстіемъ честной писательницы, распинается за негровъ, утверждая, будто это самыя добрѣйшія существа на свѣтѣ, — мы имѣемъ твердое убѣжденіе, что это вздоръ и что пальма первенства относительно

доброты и гуманности передъ всѣми народами принадлежитъ рус-
скому народу.

Но и при этомъ убѣжденіи мы не думаемъ, чтобы природная
доброта русскаго народа потеряла часть своей цѣны, если мы не
будемъ приписывать ему природной тупости ко всякому чувству
права, или навязывать ему сознательнаго сочувствія къ злодѣйству.

Разбойничьи пѣсни, конечно, составляютъ фактъ, требующій
объясненія. Но и „Разбойники" Шиллера, и „Пичинино" Жоржъ
Занда, и „Вернеръ" Байрона составляютъ точно такой же фактъ.
Если въ разбойничьихъ пѣсняхъ не видѣть заплатки для какой-
нибудь натянутой теоріи, то они будутъ означать, что человѣче-
ская фантазія, будетъ ли она принадлежать народному пѣвцу или
образованному поэту, способна поражаться всѣмъ необыкновен-
нымъ, въ томъ числѣ и удальствомъ разбойника.

Разница здѣсь будетъ только та, что поэтъ образованный ни-
когда не увлечется свирѣпостями разбойника; онъ непремѣнно сдѣ-
лаетъ изъ него героя и придастъ ему лучшія качества человѣче-
скаго сердца, а фантазія народнаго пѣвца способна увлекаться
и самыми свирѣпостями, во всей ихъ непосредственности; у поэта
образованнаго разбойникъ можетъ быть воодушевленъ какими-ни-
будь высшими побужденіями, необыкновеннымъ чувствомъ правды
или ненависти къ притѣсненію, а въ народныхъ пѣсняхъ всѣ дѣй-
ствія разбойниковъ обыкновенно объясняются одною только по-
корностію непосредственному чувству.

Если образованный поэтъ заставляетъ, напримѣръ, своего раз-
бойничьяго героя произвесть дѣйствіе мести, то изъ его рѣшитель-
наго удара, обыкновенно наносимаго съ быстротою молніи, онъ не-
премѣнно сдѣлаетъ ударъ правосудія, а народному пѣвцу нико-
гда не бываютъ нужны такія затѣи, онъ добрымъ порядкомъ,
не торопясь, даетъ вамъ пресытиться исполненіемъ самой мести,
заставляя своего мстителя, какъ поется въ одной пѣснѣ, „изъ че-
репа своего врага — сдѣлать чашку для питья, изъ его рукъ, изъ
ногъ—кровать сложить, изъ его сала—свѣчей налить, изъ его мя-
са — пироговъ напечь".

Въ первомъ случаѣ преобладаетъ идея, или выдуманный раз-
бойникъ, во второмъ непосредственное чувство, или разбойникъ
настоящій.

И это такъ и быть должно.

Только не должно быть того, чтобы народъ, въ которомъ *ко-*

ида-то могли раздаться такія пѣсни, былъ судимъ *до сихъ поръ*, на основаніи ихъ, за свои симпатіи и юридическія понятія.

Точно такъ и эпическіе разбойники, принадлежавшіе хаотическому обществу, не должны для насъ заслонять собою тѣхъ, которые теперь наполняютъ наши остроги и каторгу.

Авторъ разбираемой нами книги занимается только послѣдними, и первыя его размышленія, какъ мы сказали, посвящены вопросу: сознаютъ ли преступники, что они преступны?

Положительный отвѣтъ его состоитъ въ томъ, что они этого не сознаютъ. Онъ приводитъ даже и объясненіе этого факта, который можно считать совершенно вѣрнымъ.

По его мнѣнію, „преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Къ тому же онъ потерпѣлъ отъ него наказаніе, а черезъ то почти считаетъ себя очищеннымъ, сквитавшимся. Можно судить, продолжаетъ авторъ, съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть ли не придется оправдать самого преступника."

Здѣсь преступнику приписывается критическій взглядъ на свои отношенія къ обществу; онъ не потому преступникъ, что онъ общество падшее, достойное всего нашего состраданія, не потому, что, при своей нравственной тупости, онъ не способенъ имѣть двухъ правильныхъ мыслей ни о своемъ значеніи въ обществѣ, ни о значеніи самого общества, а потому, что онъ человѣкъ вооруженный аргументаціей, по которой онъ считаетъ себя правымъ, а общество виновнымъ; ему какъ-будто извѣстны даже и тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ „чуть ли не придется оправдать преступника."

Такія точки зрѣнія дѣйствительно существуютъ. Ихъ двѣ. Одна, которую можно назвать философской, состоитъ въ томъ, что человѣкъ признается одушевленной машиной, только обольщающей себя, будто она одарена свободной волей, а на самомъ дѣлѣ дѣйствующей своевершенно непроизвольно, по законамъ строжайшей причинности и потому, естественно, не подлежащей никакой отвѣтственности. Но эта точка зрѣнія составляетъ нетвердый предметъ философскаго спора; поэтому, разсуждать съ *этой точки зрѣнія*, когда самая постановка *этой точки зрѣнія* не имѣетъ и, можетъ-быть, никогда не будетъ имѣть никакой научной прочности, можно только для своего удовольствія; самосохраненіе общества, личная безопасность его членовъ, преступленіе и судьба людей, которые совершаютъ, вовсе не такіе отвлеченные и далекіе отъ насъ

предметы, чтобы объ нихъ позволительно было разсуждать съ точекъ зрѣнія такой сомнительной вѣрности, что всѣ сужденія съ нихъ должны представляться только умственной гимнастикой.

Другая точка зрѣнія, съ которой, выражаясь словами автора „чуть ли не придется оправдать преступника" и которую можно назвать соціальной, состоитъ въ томъ, что общество, въ которомъ существуетъ голодъ, невѣжество и неравноправность, само обвиняется во всѣхъ послѣдствіяхъ этихъ великихъ золъ, и въ томъ числѣ и въ преступленіяхъ всякаго рода. Но и эта точка зрѣнія, какова бы ни была ея безусловная справедливость, все-таки не обязываетъ общество давать ворамъ и убійцамъ похвальные листы только за то, что для ихъ преступныхъ дѣйствій существуютъ довольно вѣроятныя и естественныя причины; изъ этой точки зрѣнія могутъ быть выводимы, и совершенно логично, только смягчающія обстоятельства для преступленій, но не оправданіе ихъ; она разполагаетъ общество къ милосердію, но не къ уничтоженію своихъ уголовныхъ законовъ; она отнимаетъ у нихъ право свирѣпствовать противъ преступниковъ, отнимать у нихъ жизнь и произносить надъ ними вѣчные приговоры, но не уничтожаетъ его права охранять свое существованіе.

Путь преступленія избирается, конечно, не по доброй волѣ и не изъ обольщенія его прелестями, а вслѣдствіе стимуловъ, заключающихся въ общественномъ устройствѣ; общество должно сознавать это; но оно не можетъ сознавать и того, что и оно виновато въ своихъ совершенствахъ, для которыхъ тоже существуютъ самыя естественныя причины.

Что дѣлать обществу съ такими естественными и расплывающимися во всѣ стороны причинами, которыми объясняется все на свѣтѣ? *Жить* и совершенствоваться, т. е. дѣлать то, что волей или неволею суждено дѣлать всѣмъ обществамъ, вступившимъ на путь прогресса. А если прежде всего необходимо *жить*, то столь же обходимо, чтобы наша жизнь въ обществѣ была обезопасена и чтобы наши средства къ жизни находились подъ вѣрною защитой.

Это самое вѣрное заключеніе, какое только можно сдѣлать изъ общей для всѣхъ насъ необходимости—*жить*. И, стало-быть, воры и убійцы остаются неоправданными и съ соціальной точки зрѣнія, точно такъ же, какъ они не могутъ быть оправданы съ философской, и если и можно судить съ этихъ точекъ зрѣнія, то развѣ съ одной изъ нихъ, то для полученія совершенно другихъ выводовъ а не того, который высказываетъ авторъ.

Ронять громкія слова и бросать широкіе взгляды мимоходомъ, въ видѣ общихъ фразъ, стоитъ небольшого труда, — на это способенъ теперь самый жалкій писака.

Но пусть авторъ указалъ бы кстати: какъ несовершенное общество, въ несовершенствахъ котораго заключаются, положимъ, причины преступленій нѣкоторыхъ изъ его членовъ, какъ оно должно поступать съ этими преступными своими членами, если оно будетъ считать ихъ правыми, а себя виноватымъ, и если оно,— какъ это достовѣрно извѣстно,— освободиться вдругъ отъ своихъ несовершенствъ никакимъ образомъ не можетъ, если притомъ еще не доказано, чтобы оно могло хоть когда-нибудь освободиться отъ нихъ вполнѣ и если, наконецъ, несомнѣнно вѣрно, что причина преступленій заключается не въ однихъ несовершенствахъ общественнаго устройства, но вообще въ несовершенствахъ человѣческой природы и свойственныхъ ей страстяхъ? Каинъ убилъ своего брата изъ зависти, Отелло задушилъ свою Дездемону изъ ревности, Геростратъ обратилъ въ пепелъ прекраснѣйшее общественное зданіе изъ тщеславія, въ самыхъ „Запискахъ изъ мертваго дома" очень хорошо разсказана повѣсть глупѣйшаго преступленія: мужъ убилъ свою жену изъ раскаянія, что онъ слишкомъ долго обращался съ нею недостойнымъ образомъ. Стимулы всѣхъ этихъ преступленій нисколько не должны падать на общественную совѣсть, потому что всѣ эти преступленія могли быть совершены при всѣхъ извѣстныхъ и даже еще неизвѣстныхъ родахъ общественнаго устройства.

Здѣсь открывается цѣлая область преступленій, въ которыхъ общество не можетъ быть признано виноватымъ ни съ какой точки зрѣнія.

Но главная сторона дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что указанныя нами двѣ точки зрѣнія, съ которыхъ, по мнѣнію автора, „чуть ли не придется оправдать преступника," у нашего автора предполагаются извѣстными самимъ разбойникамъ, на которыхъ по преимуществу простираются его наблюденія; эти люди обращаются въ философскихъ и соціальныхъ мыслителей; у нихъ есть счеты и расчеты съ обществомъ; они лишаются своихъ хаотическихъ понятій, своихъ звѣрскихъ позывовъ, своего грубѣйшаго умственнаго и нравственнаго помраченія и вмѣсто всего этого надѣляются ясными представленіями и опредѣленнымъ родомъ мыслей; ихъ тяжкаго невѣдѣнія обращаются въ обдуманныя дѣла; словомъ, для нихъ уничтожается единственная точка зрѣнія, разсуждая съ ко-

торой, общество можетъ проникаться къ нимъ милосердіемъ и чув
ствовать себя обязаннымъ смягчать свои карательныя мѣры, замѣ
няя ихъ исправительными.

Наблюдатель видѣлъ передъ собою фактъ, что эти грѣшники
на его собственныхъ глазахъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ оста
вались нераскаянными; изъ этого онъ заключилъ, что такое душе
вное настроеніе они поддерживаютъ въ себѣ аргументами въ польз
своей невинности.

Психологія позволяетъ, однако, объяснять подобное душевно
состояніе совершеннымъ отупѣніемъ нравственнаго чувства и глу
биною паденія, могущаго простираться до потери всякаго сознан
о добрѣ и злѣ, — и такое оскотинѣніе, безъ сомнѣнія, служит
въ большинствѣ случаевъ нераскаянности гораздо вѣроятнѣйшим
объясненіемъ, чѣмъ теоретическія соображенія, предполагаемы
въ разбойникахъ, о несовершенствахъ общественнаго устро
ства.

Но мы уже сказали, что у нашего автора гораздо важне
то, что онъ думаетъ, и потому, признавая вполнѣ справедливы
замѣченный имъ фактъ относительно нераскаянности преступников
мы находимъ совершенно ложнымъ приводимое имъ объясне
этого факта.

„Я сказалъ уже," говоритъ авторъ, „что въ продолженіе н
сколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйша
признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ пр
ступленіи, и что большая часть изъ нихъ внутренно считаетъ се
правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры, м
лодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиною. Съ друг
стороны, кто можетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ п
гибшихъ сердецъ и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣт
Но, вѣдь, можно же было, во столько лѣтъ, хоть что-нибудь зам
тить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ хоть какую-нибудь черт
которая бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страдан
Но этого не было, положительно не было."

Но этого не могло и быть, прибавимъ отъ себя, и въ
казательство этихъ словъ приведемъ прекрасную характеристи
этого кромѣшнаго общества, которую встрѣчаемъ у самого
автора.

„Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзк
общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзк
самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими неволь

и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога... Вообще тщеславіе, наружность были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были безпрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная... Бывали характеры рѣзко выдающіеся... Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волю, такъ что ужъ и преступленія свои дѣлали подъ конецъ какъ-будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, несмотря на то, что иные до прибытія въ острогъ бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить ужъ некого и непремѣнно старался и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно, въ самомъ дѣлѣ, званіе каторжнаго, рѣшеннаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ, было и какое-то наружное смиреніе, такъ сказать офиціальное, какое-то спокойное резонерство: „Мы—погибшій народъ," говорили они: „не умѣлъ на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣряй ряды."—„Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры."—„Не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ."— Все это говорилось часто, и въ видѣ нравоученія, и въ видѣ обыкновенныхъ поговорокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были только слова. Врядъ ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта преступленіемъ, выбранить его—ругательствамъ не будетъ и конца. А какіе они были мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство было у нихъ возведено въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей,— а это утонченнѣе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно, онъ былъ праздный, слѣдственно, развращался: если и не былъ прежде развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе... „Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу!" говорили они про себя сами; а потому сплетни, интриги, бабьи наговоры, зависть, ссоры, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Ника-

кая баба не въ состояніи была бы быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ."

И въ этомъ аду, въ этой кромѣшной тьмѣ, въ этой бездн оскотинѣнія и нравственнаго индифферентизма, насъ заставляют отыскивать какія-то философскія и соціальныя убѣжденія для объ ясненія нераскаянности! И на выдумкѣ этихъ убѣжденій строят философію преступленія! Нѣтъ тутъ никакихъ убѣжденій, ника кихъ расчетовъ съ обществомъ и никакого сознательнаго возстан противъ него; а есть только одно нравственное одеревенѣніе и при вычка—до такой степени тупая, что преступленіе представляетс поступкомъ не нравственно-свободнаго и размышляющаго существа а скорѣе дѣйствіемъ автомата. Викторъ Гюго, заставившій Жан Вальжана въ своемъ послѣднемъ романѣ обокрасть маленкаго сав яра совершенно противъ воли, посредствомъ одного механическа движенія, усвоеннаго привычкою, поступилъ какъ человѣкъ, гл боко понимающій философію преступленій, потому что, дѣйстви тельно, преступленіе есть привычка, точно такая же привычк какъ хожденіе въ должность, ремесло, нищенство и т. п.

Но не всѣ Жанъ-Вальжаны встрѣчаются съ добродѣтельны епископами, отъ которыхъ они могли бы узнавать хотя и прост но все-таки незнакомую для нихъ истину, что есть на свѣтѣ ве честныя и безчестныя; самая большая часть Жанъ-Вальжановъ имѣютъ никакой возможности возвышаться до критическаго взгля на свои привычки; до острога для нихъ это совершенно невозмож потому что не такова ихъ жизнь и избранныя ими занятія, что они располагали къ умозрѣніямъ; а въ самомъ острогѣ для ни это еще менѣе возможно и опять-таки потому, что и острож каторжная жизнь очень мало располагаетъ къ умозрѣніямъ.

Для этого нуженъ невозмутимый досугъ, хотя бы и не оче продолжительный; какъ можно менѣе мелочныхъ дрязгъ и ка можно больше вещей, располагающихъ къ серьезному настроен а главное—для всякаго умозрѣнія нужна прежде всего точка правленія; оскотинѣвшему преступнику прежде всего нужно зна о существованіи добра и зла, чтобы сдѣлать умственныя комби ціи о значеніи своихъ поступковъ.

Но картина, изображенная авторомъ въ приведенныхъ на строкахъ, представляетъ совершенную противоположность всѣ этимъ требованіямъ; двумстамъ звѣроподобнымъ существа заключеннымъ въ одной казармѣ, такъ много случаевъ развл

себя и уклониться отъ всякихъ расчетовъ съ нехорошими воспоминаніями, если они еще признаются за нехорошія!

Въ одной кучкѣ ругаются только что изобрѣтаемыми выраженіями, въ другой лѣзутъ въ драку изъ-за негодной тряпки и ужъ дѣло доходитъ до ножей, въ третьей клейменные игроки ведутъ азартную игру въ засаленныя карты, въ четвертой развлекаются зеленымъ виномъ, принесеннымъ въ острогъ чуть ли не подъ страхомъ жизни—все это картины, нисколько не располагающія къ созерцательному настроенію.

Есть ли чему удивляться, что тутъ не замѣчается никакихъ признаковъ стыда и раскаянія?

Скорѣе было бы удивительно, если бы здѣсь происходили случаи раскаянія, хотя бы самые рѣдкіе; такіе случаи были-бы чисто феноменальныя явленія.

Е. Заринъ.

Каторга.

Кому не случалось видѣть на большой дорогѣ или даже на городскихъ улицахъ толпы людей, въ сѣрыхъ курткахъ и шинеляхъ, съ бритыми головами, которые въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ и повозокъ бредутъ, тяжело передвигая скованныя ноги? Кто не слыхалъ что эти преступники или, какъ говоритъ нашъ народъ, несчастные, наказанные закономъ, которые простясь съ родиной, могилами отцовъ и колыбелями дѣтей, идутъ въ Сибирь гдѣ однихъ ждетъ новая трудовая жизнь, а другихъ каторжная работа, болѣе или менѣе продолжительная! Все это намъ хорошо извѣстно.

Но многіе ли знаютъ отчетливо, что это за преступники или несчастные, какія совершили они преступленія и при какихъ обстоятельствахъ, что такое эта каторга и какая въ ней ожидаетъ ихъ жизнь? Вѣроятно, при этой мысли мы отвѣтимъ, что каторжные не что иное, какъ убійцы и разбойники, осужденные на дальнее поселеніе или на работы въ сибирскихъ рудникахъ. Вотъ все, что извѣстно объ этомъ большинству нашей публики. Да откуда же намъ и узнать это подробнѣе и яснѣе? Толпы каторжныхъ, постоянно двигаясь на востокъ, остаются за Ураломъ, и рѣдко кто возвращается изъ-за этой каменной стѣны. Свободные люди, уѣзжаю-

щіе въ Сибирь на службу или по промысламъ, если и встрѣчают
поселенцевъ, освобожденныхъ изъ каторги, то узнаютъ отъ нихъ
очень немногое, потому что эти люди неохотно говорятъ о своихъ
минувшихъ несчастіяхъ или не знаютъ, что именно сказать и на
что указать.

Еще жизнь уволенныхъ отъ работъ поселенцевъ доступна для
посторонняго наблюденія, и мы встрѣчали въ нашей литературѣ
очерки этого быта, нерѣдко довольно вѣрные и полные. Но сама
каторга, ея жизнь и нравы, составъ ея страшнаго общества—оста
валисъ для насъ рѣшительно недоступною terra incognita. До сихъ
поръ у насъ не было Данта, который самъ спустился бы въ эти
вертепы преступленія и страданій, приглядѣлся къ страшнымъ сце
намъ этого чистилища и ада, изучилъ нравы и бытъ этихъ непо
гребенныхъ мертвецовъ и передалъ намъ это въ полной и живопис
ной картинѣ.

Первымъ сочиненіемъ по этому предмету даритъ нашу ли
тературу Ѳ. М. Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго
дома." Съ первыхъ страницъ его книги вы входите въ міръ совер
шенно новый и неизвѣстный, слѣдите за разсказчикомъ съ напря
женнымъ любопытствомъ и участьемъ. Это одно изъ такихъ со
чиненій, которыя приковываютъ ваше вниманіе поразительной сви
жестью впечатлѣнія, точно книга какого-нибудь Ливингстона
сообщающаго открытія въ незнакомомъ и любопытномъ мірѣ
съ тою разницею, что англійскій путешественникъ разсказываетъ
о странахъ хотя до сихъ поръ таинственныхъ, но все же не со
всѣмъ недосупныхъ, между тѣмъ какъ авторъ „Мертваго Дома"
знакомитъ насъ съ другимъ, можно сказать загробнымъ свѣтомъ
въ который не ступала нога писателя или изъ котораго она еще
не выходила.

Картина „Мертваго дома," или каторжнаго острога, въ которы
вводитъ насъ Достоевскій, поразительна своей новостью и страшно
правдою. Съ самыхъ далекихъ временъ народная фантазія и
воображеніе поэтовъ представляли намъ адъ, какъ мѣсто вѣчно
казни, на которую обрекаетъ небесное правосудіе за преступлен
и злодѣйства. Вспомните тартаръ древнихъ грековъ, окруженны
пламеннымъ Флегетономъ, гдѣ Танталъ изнываетъ въ неутолимо
жаждѣ, Сизифъ вѣчно катитъ на гору свой камень и Данаиды
осуждены на страшно безплодный трудъ наливать бездонную бочк
Вспомните адъ Данта, съ его безконечными изгибами, гдѣ пре
ступники закованы въ никогда не тающіе льды, захлебываются

въ удушливо-смрадномъ болотѣ и гдѣ Уголино вѣчно вгрызается окровавленными зубами въ черепъ Руджіеро. Вспомните, наконецъ, хаотическій адъ Байрона, на блуждающей кометѣ, полный мукъ въ одномъ существованіи безъ свѣта и жизни, безъ страстей и даже страданій, въ одной призрачной и томительной безличности. Передъ этими страшными картинами вы останавливаетесь съ трепетомъ и жалостью, съ негодованіемъ на порокъ и укоризною на жестокость суда.

Такія же чувства пробудили въ насъ и „Записки изъ мертваго дома". По мѣрѣ чтенія, намъ казалось, что Достоевскій, точно Вергилій, ведетъ насъ въ какой-то страшный міръ страданій, въ какой-то новый адъ, только не фантастическій, а дѣйствительный, и показываетъ намъ такія же преступленія и страданія, но тѣмъ болѣе ужасныя, что это не вымыселъ поэта, а голая правда.

Какъ при входѣ Дантова ада вы встрѣчаете страшную надпись: lasciate ogni speranza, voi ch'entrate, такъ и здѣсь съ первымъ шагомъ въ каторжный острогъ авторъ говоритъ намъ: „Надобно полагать, что нѣтъ такого преступленія, которое бы не имѣло здѣсь своего представителя". И посмотрите, какая мрачная картина открывается вамъ за острожнымъ частоколомъ, среди этого отверженнаго общества. Какъ въ изворотахъ Дантова ада, въ Мертвомъ домѣ три отдѣла: первый слой составляютъ каторжные военнаго разряда, не лишенные правъ состоянія и присланные на короткіе сроки въ чистилище, изъ котораго они выходятъ въ сибирскіе баталіоны; ко второму принадлежатъ ссыльно-каторжные разряда гражданскаго, присылаемые на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, послѣ чего они обращаются въ поселенцевъ по волостямъ, гдѣ иныхъ ждетъ можетъ-быть и спокойная жизнь.

Наконецъ въ послѣднемъ слоѣ этого ада есть особое отдѣленіе, называемое „всегдашнимъ", куда поступаютъ преступники, обреченные на безсрочные работы и называющіе себя *вѣчными*. Всѣ живутъ въ общихъ казармахъ — и разбойники по натурѣ, и убійцы по ремеслу, и преступники невзначай, и злодѣи изъ фанатизма, и несчастные, которыхъ натолкнулъ на преступленіе случай, и страдальцы, виновные только въ несходствѣ своего образа мыслей съ убѣжденіями общественной силы и власти. Все это лица мрачныя, почти всегда молчаливыя, въ отверженномъ костюмѣ: у однихъ половина куртки темнобурая, а половина сѣрая, у другихъ вся куртка сѣрая, а рукава темнобурые. Днемъ шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копоть, бритыя головы, клейменыя лица,

лоскутныя платья; ночью сонный говоръ и бредъ, въ которомъ слышатся воровскія слова, ножи, топоры. Отвращеніе и ненависть къ работѣ, воровство, шпіонство и доносы, безпрестанныя наказанія, контрабандная торговля виномъ, ростовщичество—„вотъ узы страшнаго семейства". И какая жизнь: постель на трехъ доскахъ грязныхъ наръ, щи съ огромнымъ количествомъ таракановъ, по ночамъ азартныя игры, иногда пьяный арестантъ, въ одинъ праздникъ пропивающій деньги, накопленныя въ цѣлые мѣсяцы, и въ этой толпѣ изъ двухсотъ пятидесяти человѣкъ пришлецы со всѣхъ концовъ Россіи, раскольники, поляки, черкесы, татары, — въ буквальномъ смыслѣ самая разнородная смѣсь

Племенъ, нарѣчій, состояній!

Не правда ли, что картина ничѣмъ не уступаетъ страшной картинѣ ада, созданнаго Дантомъ? Не окажется ли она даже вымысломъ мрачной фантазіи, похожденіемъ ужаснаго настроенія духа, въ которомъ поэтъ хотѣлъ нарисовать намъ самыя страшныя картины нечеловѣческо-уродливой жизни? И не становится ли еще ужаснѣе эта картина, когда мы знаемъ, что она не въ глубинѣ преисподней, а на поверхности земли, въ нашемъ Божьемъ мірѣ, освѣщенномъ солнцемъ, наполненномъ благоуханіемъ цвѣтовъ; что это не безтѣлесныя тѣни отжившихъ, а живые люди съ плотью и кровью, которые хоть и умерли нравственно, но еще живутъ тѣломъ, головою и даже сердцемъ? Не поучительно ли заглянуть въ печальный міръ этихъ людей, оторванныхъ отъ общества преступленіемъ, совершеннымъ подъ различными психическими условіями, при различіи темперамента, воспитанія, жизненной обстановки, нравственныхъ началъ или противорѣчія съ общественными законами? Не любопытно ли всмотрѣться въ это общество, сведенное и поддерживаемое въ принужденной работѣ, составленное изъ существъ съ исключительными страстями и надеждами? И Достоевскій представляетъ намъ рядъ портретовъ, чрезвычайно разнообразныхъ и типичныхъ.

Вотъ страшный разбойникъ Газинъ, который не разъ бѣгалъ, перемѣнялъ имя и попалъ въ „особое отдѣленіе". Про него разсказывали, что онъ заведетъ ребенка, напугаетъ, измучаетъ его и, насладившись вполнѣ трепетомъ маленькой жертвы, зарѣжетъ ее медленно. Вотъ злодѣй Орловъ, уличенный во многихъ убійствахъ. Пройдя сквозь строй половину назначеннаго числа па-

локъ, онъ возвращается съ опухлой спиною кроваво-синяго цвѣта и торопится выписаться изъ лазарета, чтобы совсѣмъ покончить съ наказаніемъ. „Выхожу остальное число ударовъ, говоритъ онъ товарищамъ, и тотчасъ же отправятъ въ Нерчинскъ, а я-то съ дороги бѣгу, непремѣнно бѣгу, только бы спина зажила!" Вотъ шестидесятилѣтній благодушный старичокъ изъ старообрядцевъ-вѣтковцевъ, сосланный за поджогъ построенной правительствомъ единовѣрческой церкви. А вотъ Спроткинъ, кроткій юноша, который до того не взлюбилъ солдатской жизни, что рѣшился посредствомъ убійства выйти изъ нея въ безсрочно-каторжную работу. А наивный Акимъ Акимовичъ, который, будучи офицеромъ на Кавказѣ, зазвалъ къ себѣ мятежнаго князька, разстрѣлялъ его по собственному усмотрѣнію и обстоятельно донесъ о своемъ распоряженіи начальству. А трое братьевъ дагестанцевъ, сосланные за разбой на большой дорогѣ—и особенно Алей, возбуждающій состраданіе, какъ грустная тѣнь Франчески посреди Дантова ада.

Безъ сомнѣнія, все это преступники, болѣе или менѣе уклонившіеся отъ настоящаго общественнаго порядка, и никакіе современные законы не оставили бы ихъ безъ наказанія. Но здѣсь невольно являются вамъ вопросы, хотя, можетъ-быть, и не новые, но однакожъ и далеко не рѣшенные.

При первомъ взглядѣ на страшную картину острога вамъ приходитъ мысль: какъ можетъ сжиться съ такимъ мѣстомъ человѣкъ, брошенный сюда изъ быта достаточной жизни, не за злодѣйство противоестественное, но по тѣмъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ русскій народъ такъ гуманно даетъ ссыльнымъ знаменательное названіе несчастныхъ? Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ живучестью человѣка, говоря, что это—существо ко всему привыкающее. И читая „Записки" Достоевскаго, дѣйствительно готовъ согласиться съ этимъ остроумнымъ опредѣленіемъ. Далѣе вы спрашиваете: неужели въ этомъ земномъ аду все должно быть подведено въ одну мѣрку, и законъ равно неумолимо долженъ карать безчеловѣчнаго Газина и наивнаго Акима Акимыча, ужаснаго разбойника Орлова и несчастнаго Алея? Если правосудіе представляютъ намъ слѣпымъ, то неужели оно должно оставаться и глухимъ къ голосу человѣческаго сердца, къ вопіющимъ правамъ справедливости! Въ каторжномъ быту, по степени преступленій, есть и градаціи въ наказаніяхъ, но всѣ онѣ основаны не на различіи работъ или помѣщенія, а только на одномъ неравенствѣ срока каторжной ссылки. Не ужаснѣе ли это Дантова ада? Тамъ Франческа Римини не бро-

шена въ одну ледяную пропасть съ свирѣпымъ Руджіеро, тамъ поэтъ Горацій и гражданинъ Катонъ не скованы вмѣстѣ съ отцеубійцами; а здѣсь страшный злодѣй Газинъ спитъ на однихъ нарахъ съ наивнымъ лезгиномъ Нуррою, виноватымъ въ однихъ дерзкихъ наѣздахъ, и кроткимъ простодушнымъ Алеемъ, котораго все преступленіе въ томъ, что онъ по восточной патріархальности слѣпо повиновался старшимъ братьямъ! И сколько здѣсь, на ряду съ разбойниками по ремеслу, людей преступныхъ по легкомыслію, даже по образу мыслей, нетерпимыхъ, можетъ-быть, въ одно время и вовсе не преступныхъ въ другую, болѣе свѣтлую эпоху. Къ счастію, благодаря успѣхамъ нашего времени, теперь, по словамъ автора, все это значительно смягчилось, и нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи измѣнится еще болѣе...

Давно не встрѣчали мы въ нашей литературѣ сочиненія, которое дѣйствовало бы на читателя такъ увлекательно, какъ записки изъ „Мертваго дома". Неистощимый интересъ этого разсказа то поражаетъ васъ ужасомъ, то вызываетъ слезы участія и жалости, то заставляетъ задуматься надъ темной задачей человѣческаго сердца. Это совершенно новый міръ, до сихъ поръ знакомый вамъ только по наслышкѣ, который наводитъ васъ на множество мыслей и вопросовъ психическихъ и соціальныхъ.

Но, можетъ быть, скажутъ, что достоинство сочиненія Достоевскаго зависитъ именно отъ новости предмета, до сихъ поръ никѣмъ нетронутаго и, слѣдовательно, успѣхъ книги обезпечивается даже при отсутствіи искусства и значительнаго таланта. Стоитъ однако прочесть нѣсколько страницъ изъ „Мертваго дома", чтобы понять несправедливость подобнаго предположенія. Предметъ, конечно, самъ по себѣ чрезвычайно новъ, интересенъ и съ первыхъ строкъ подкупаетъ вниманіе читателя; но мы того мнѣнія, что Достоевскій обнаружилъ здѣсь талантъ, гораздо больше, чѣмъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, не исключая и „Бѣдныхъ людей". Въ картинахъ „Мертваго дома" мы видимъ истиннаго художника.

Конечно, все содержаніе этого сочиненія взято изъ дѣйствительной жизни, безъ всякаго изобрѣтенія. Но кто же теперь не знаетъ, что творчество состоитъ не въ придумываніи замысловатыхъ сюжетовъ и эффектныхъ сценъ, а въ искусствѣ изъ началъ, представляемыхъ жизнью, создать ясную картину, во множествѣ видѣнныхъ нами лицъ, угадать полные типы и изъ дѣйствительности перенести ихъ въ область прекраснаго. Это сдѣлалъ Гоголь въ „Мертвыхъ душахъ", это сдѣлалъ Крестовскій съ своемъ романѣ

„Въ ожиданіи лучшаго". Такое же художественное значеніе видимъ мы и въ сочиненіи Достоевскаго. Его „Мертвый домъ" не дагеротипный снимокъ каторжнаго острога, а художественная картина, которая съ достоинствомъ фотографіи соединяетъ все обаяніе красокъ, даетъ не одинъ какой-нибудь моментъ выраженія человѣческаго лица, а всю игру его физіономіи, что умѣетъ всецѣло выразить одинъ истинный художникъ. Когда вы прочтете сочиненіе, у васъ остается картина полная и неизгладимая: какъ не забудете вы русской провинціи въ помѣщикахъ „Мертвыхъ душъ", или гостиной княгини Десятовой, которая, въ ожиданіи лучшаго, служитъ представительницей нашихъ салоновъ, такъ точно никогда не забудете ужасной и печальной жизни, съ которою познакомилъ насъ Достоевскій въ своемъ „Мертвомъ домѣ".

Читатели знаютъ, что это за жизнь. Но посмотрите, какъ взглянулъ на нее авторъ. Онъ умѣлъ освѣтить ее такимъ высокогуманнымъ свѣтомъ, согрѣть такимъ теплымъ чувствомъ, какіе можно встрѣтить только въ сочиненіи, глубоко и долго зрѣвшемъ въ душѣ, полной любви и сочувствія къ людямъ. Въ каждомъ преступникѣ онъ ищетъ человѣка, и каждый его портретъ есть теплый, задушевный вопросъ, поставленный передъ обществомъ во имя правды или человѣколюбія. И какое высокое умѣнье въ немногихъ чертахъ рисовать характеры такъ, что вы видите ихъ во всей полнотѣ: Достоевскій едва набрасываетъ свои лица, но вы, кажется, читаете всю прошлую жизнь ихъ, даже угадываете ихъ будущую судьбу. Это немного удивило насъ. У автора „Бѣдныхъ людей" мы находили прежде любовь къ деталямъ, къ анализу сердца и характера въ чертахъ мелкихъ и тонкихъ; здѣсь мы видимъ совершенно иной пріемъ — умѣнье въ немногихъ, но крупныхъ чертахъ представлять полный и оконченный образъ. И по нашему мнѣнію, это больше удается Достоевскому. Мы знаемъ его Макара Алексѣевича такъ, какъ-будто бы предъ нами было разсѣчено его сердце, и всякое біеніе его повторилось нѣсколько разъ, но процессъ этого анатомическаго анализа утомляетъ; здѣсь безъ всякаго напряженія вы узнаете человѣка во всей полнотѣ его натуры. Немногими взмахами карандаша Достоевскій рисуетъ намъ Орлова, Газина, Акима Акимыча, стародубскаго старичка, а мы знаемъ ихъ такъ, какъ-будто сами прожили съ ними цѣлые годы.

Съ перваго взгляда чтеніе записокъ изъ „Мертваго дома" можетъ поразить нѣкоторой безпорядочностью изложенія: авторъ нерѣдко начинаетъ какой-нибудь очеркъ ex-abrupto, дѣлаетъ рѣзкіе

переходы отъ одного предмета къ другому и снова возвращается къ первому, многое не оканчиваетъ, иное повторяетъ, чтобы прибавить нѣкоторыя черты къ набросанной прежде картинѣ или образу, очень часто говоритъ: „объ этомъ скажу послѣ, это разскажу впослѣдствіи". Въ другомъ сочиненіи это могло бы показаться недостаткомъ; въ „Мертвомъ домѣ" такіе пріемы не только не вредятъ сочиненію, но вполнѣ гармонируютъ съ его содержаніемъ: поддерживая васъ постоянно въ какомъ-то раздраженномъ состояніи, эта манера только усиливаетъ впечатлѣніе, произведенное хаотической картиной острога. Здѣсь обыкновенная стройность противорѣчила бы всей обстановкѣ каторжной жизни.

Скажемъ въ заключеніе, что „Записки изъ мертваго дома", по нашему крайнему разумѣнію, ожидаетъ огромный успѣхъ, — не въ большинствѣ журнальной критики, умѣющей только отрыгать жвачку того, что поднесено ей наканунѣ, а не сегодня, но между нашей публикой, въ которой еще Бѣлинскій подмѣтилъ инстинктъ угадывать свѣжее и здоровое въ литературѣ, не по указанію присяжныхъ аристарховъ, а по собственному живому чутью. Явленія, подобныя „Мертвому дому" Достоевскаго,— не минутныя эфемериды, порожденныя какимъ-нибудь мгновеннымъ интересомъ или увлеченіемъ, а сочиненія, которыя живутъ и не умираютъ въ литературѣ, какъ памятники своего вѣка и общества. „Записки изъ мертваго дома", безъ сомнѣнія, переживутъ и самые мертвые дома, которые должны перестроиться до основанія съ успѣхами просвѣщенія и обобщеніемъ идей о человѣческомъ достоинствѣ.

А. Милюковъ.

Общественное значеніе „Записокъ изъ мертваго дома".

Судьба, какъ извѣстно, свела Достоевскаго, и надолго свела съ людьми, являющимися окончательными жертвами общества, не только „униженными и оскорбленными", обездоленными, доведенными до чахотки или забитыми, не только запивающими съ горя, сходящими съ ума или лишающими себя жизни, но и втягивающимися въ преступленія. Литературнымъ результатомъ непосредственнаго знакомства съ этими жертвами общества являются у До-

стоевскаго „Записки изъ мертваго дома" — произведеніе единственное въ своемъ родѣ. Что подъ вымышленнымъ именемъ „уголовнаго преступника" Александра Петровича, ведущаго эти записки, скрывается самъ Достоевскій, не подлежитъ никакому сомнѣнію *).

Первое впечатлѣніе, испытанное составителемъ этихъ записокъ при поступленіи въ „Мертвый домъ", было самое безотрадное! Это множество людей, собравшихся не по доброй волѣ, съ разныхъ концовъ обширной земли Русской въ одно разношерстное общество, трудящихся не по собственному хотѣнію,—это общество и на читателя производитъ сначала такое мрачное впечатлѣніе, что онъ готовъ повторить стихи Пушкина:

„Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье"...

Но, приглядываясь къ людямъ, которые его окружаютъ, составитель записокъ мало-по-малу различаетъ между ними натуры, мало испорченныя или даже исполненныя самыхъ мягкихъ, самыхъ симпатичныхъ качествъ.

Такими чертами отличается, напримѣръ, *Сушиловъ*, когда-то дворовый человѣкъ, Богъ вѣсть за что попавшій въ ссылку въ безотчетно-безправныя времена крѣпостничества, а въ самомъ ужасномъ отдѣленіи „мертваго дома" очутившійся прямо по простодушію, заставившему его „смѣниться" съ другимъ арестантомъ.

Не менѣе сочувственнаго представляетъ и этотъ красивый

*) Это стало окончательно ясно изъ письма Ѳедора Михайловича къ брату своему Михаилу Михайловичу отъ 22-го февраля 1854 г., появившагося въ сентябрьской книжкѣ „Русской Старины" 1885 г. Если это драгоцѣннѣйшее письмо не вошло въ полное собраніе сочиненій Достоевскаго, то виновна въ томъ не издательница, а то лицо, или тѣ лица, которыя не захотѣли во-время сообщить ей эту, конечно, *общественную*, а не *ихъ*-же *личную* собственность.

мальчикъ, *Сиротинъ*, любимецъ своей крестьянки-матери, прямо изъ-подъ ея, по крайней мѣрѣ, теплаго крова попавшій въ рекруты, да еще этого не надо забывать—въ рекруты той поры, когда никому и не снилось о гуманныхъ преобразованіяхъ Александра II. Не помирившись со своей новой долей, онъ попытался сперва застрѣлиться, потомъ, съ отчаянія, что это не удалось, вдругъ, въ порывѣ какого-то нравственнаго опьяненія, убилъ своего командира, и послѣ этого мгновеннаго взрыва снова обратился въ кроткаго, тихонькаго ребенка.

Другого рода оттѣнокъ представляетъ *Акимъ Акимычъ*, человѣкъ, постоянно съ величайшимъ усердіемъ исполнявшій всѣ обязанности службы, но разъ, по глупости, хватившій въ своемъ усердіи черезъ край. Разстрѣлявъ кавказскаго князька, стрѣлявшаго по русскимъ крѣпостямъ, онъ безсознательно дошелъ до жестокости, поставленной ему въ вину и самимъ начальствомъ, въ сущности же остался предобродушнымъ малымъ.

А кавказецъ *Нурра*, котораго вина заключалась въ томъ, что, принадлежа къ числу „мирныхъ“, онъ переходилъ къ „немирнымъ“ и дѣйствовалъ противъ русскихъ! Несмотря на этотъ горскій патріотизмъ, онъ въ острогѣ предобродушно относился къ своимъ русскимъ товарищамъ, а автора записокъ привѣтствовалъ дружескимъ ударомъ по плечу, которымъ хотѣлъ, очевидно, выказать свое сердечное участіе къ „новичку“.

Или этотъ милый, кроткій *Алей*, о которомъ говоритъ авторъ, что „никогда его не забудетъ“, — этотъ младшій братъ въ семьѣ горцевъ, напавшій вмѣстѣ со старшими на караванъ не съ цѣлью грабежа, а слѣдовавшій за братьями потому, что младшему, по понятіямъ горцевъ, нельзя разсуждать, когда велятъ старшіе *). Самъ по себѣ Алей—мягкій, добрый юноша. Онъ зачитывается въ острогѣ Евангеліемъ, и съ особеннымъ наслажденіемъ думаетъ угодить христіанину тѣмъ, что говоритъ ему: „Иса былъ великій пророкъ!“

А величавая фигура *старика раскольника*, сосланнаго за то, что, съ его точки зрѣнія, представляется религіознымъ подвигомъ, и свое пребываніе въ одномъ мѣстѣ съ каторжниками считающаго за спасительное мученичество! Понятна послѣ этого сила его

*) О немъ-то, должно быть, Достоевскій говоритъ въ своемъ письмѣ: „я училъ одного молодого черкеса (присланнаго въ каторгу за разбои) русскому языку и грамотѣ. Какою же благодарностью окружилъ онъ меня“.

нравственнаго вліянія на остальныхъ каторжниковъ, которые такъ ему довѣряютъ, что всѣ отдаютъ ему на сохраненіе свои деньги.

Мало-по-малу вглядываясь и въ совершенно другія острожныя личности, авторъ и въ нихъ понемногу отыскиваетъ человѣческія черты. Такъ, онъ замѣчаетъ въ нихъ жажду полезной работы, работы съ цѣлью, со смысломъ, и ту готовность, съ которой они принимаются за работу такого рода и стараются окончить ее непремѣнно къ сроку, потому что это даетъ имъ возможность выказать себя съ доброй стороны. А усердное справленіе ими праздниковъ, чѣмъ арестанты какъ бы хотятъ сказать: „вѣдь, и мы тоже люди, тоже христіане!" Или эта почти дѣтская радость, когда имъ разрѣшили театръ, что даетъ имъ возможность обнаружить свои способности и внести хотя нѣкоторое разнообразіе въ свою однозвучную жизнь; или то, что пожертвованные колачи дѣлятся у нихъ постоянно поровну; или мягкія отношенія каторжниковъ къ ссыльнымъ изъ иноземцевъ, чуждыя всякой исключительности и нетерпимости.

Но вспомнимъ, наконецъ, и сцену выпуска на волю орла съ подстрѣленнымъ крыломъ, котораго никакъ не удалось жителямъ „мертваго дома" сдѣлать ручнымъ и который, быть можетъ, именно этимъ и вызываетъ ихъ особенное сочувствіе.

— „Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ",—говорили одни

— „Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то", – поддакивали другіе.

— „Знать, онъ не такъ, какъ мы"—прибавилъ кто-то.

— „Вишь, сморозилъ: то птица, а мы, значитъ, человѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ" и т. д.

И вотъ, несвободные сами, они, по крайней мѣрѣ, отпускаютъ на волю этого неподдавшагося острогу царя птицъ, и любуются, какъ онъ улетаетъ, несмотря на свое больное крыло.

— „Вишь его!—задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется!—прибавилъ другой.

— А ты думалъ, благодарить воротится?—замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло, воля. Волю почуялъ.

— Свобода, значитъ.

— И не видать уже, братцы"...

Нельзя, наконецъ, не привести и слѣдующаго общаго замѣчанія составителя „Записокъ": „Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ слу-

чайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу, и вы видите въ немъ такое богатство чувства сердца, такое яркое пониманіе и собственнаго и чужого страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали..." *)

Достоевскій вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, до какой степени сколько-нибудь мягкое отношеніе начальства къ этимъ людямъ, малѣйшее выраженіе съ его стороны довѣрія къ нимъ способно укрѣплять въ нихъ человѣческія чувства. „Съ этими несчастными, — утверждаетъ онъ, — и надобно обращаться наиболѣе по-человѣчески".

Говоря объ одномъ изъ острожныхъ начальниковъ, онъ утверждаетъ: „потеряй онъ тысячу рублей, я думаю, первый воръ изъ нашихъ, если бы нашелъ ихъ, отнесъ бы къ нему". Зато всякое выраженіе въ родѣ: „ты знаешь, я могу съ тобой все сдѣлать", — „я тебя въ баранiй рогъ согну", а тѣмъ болѣе: „я твой Богъ и твой царь" — доводитъ этихъ людей до совершеннаго ожесточенія.

Въ отпоръ тѣмъ, кто способенъ такъ выражаться, а равно и дѣйствовать въ соотвѣтственномъ духѣ, острожники противопоставляютъ гордую выносливость при самыхъ даже ужасныхъ наказаніяхъ.

Но та-же особаго рода гордость не позволяетъ имъ и сознаваться въ своей преступности.

Такая гордость является часто со стороны арестантовъ мстительнымъ отпоромъ обществу, изъ-за котораго ихъ, какъ грозящихъ его безопасности, засадили въ острогъ.

„Большинство совсѣмъ не винило себя: врядъ-ли кто изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности".

Между тѣмъ, авторъ представляетъ намъ и говѣніе арестантовъ, показываетъ, какъ они, при выходѣ священника съ чашей и произнесеніи имъ словъ: „помяни мя, яко разбойника", все вдругъ, гремя цѣпями, падаютъ на землю, съ чувствомъ несомнѣннаго искренняго раскаянія.

*) Въ томъ же письмѣ своемъ Достоевскій говоритъ: „Люди—вездѣ люди. И въ каторгѣ между разбойниками я отличилъ, наконецъ, людей. Поверишь-ли, есть характеры глубокіе, сильные, прекрасные, и какъ весело было подъ грубой корой отыскать золото. И не одинъ, не два, а нѣсколько. Ихъ нельзя не уважать, другіе рѣшительно прекрасны".

Откуда же вдругъ такое пробужденіе чувства виновности? Но, вѣдь, тутъ ихъ зовутъ словами *одинаковыми для всѣхъ* (съ разбойникомъ сравниваются тутъ *всѣ люди*), ихъ зовутъ къ пролившему свою кровь *за всѣхъ безъ изъятія;* тутъ, передъ этой *единой* чашей, они чувствуютъ себя дѣйствительно *равными со всѣми людьми,* тутъ и они—не отверженники родной семьи, и вотъ это-то сознаніе размягчаетъ ихъ ожесточившіяся сердца, и они готовы признать себя виноватыми, потому что тутъ оказываются, въ той или другой мѣрѣ, виноватыми *всѣ вообще.*

Въ самомъ концѣ „Записокъ изъ Мертваго Дома“ Достоевскій спрашиваетъ: „...И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь, надо ужъ все сказать, вѣдь, этотъ народъ,—необыкновенный былъ народъ, вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего *). Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ? То-то, кто виноватъ?“

И съ этимъ вопросомъ мы должны, къ сожалѣнію, обратиться ко всѣмъ странамъ и ко всѣмъ народамъ, такъ какъ, вѣдь, вездѣ преступленія являются, въ большей или меньшей степени, слѣдствіемъ несовершенства порядковъ общественныхъ.

Многое въ „Запискахъ изъ Мертваго Дома“ отзывается собственно нашей жизнью, связано съ нашими порядками, отчасти теперь уже упраздненными человѣколюбивою волею Александра II **).

Отжило крѣпостное право—и цѣлый многочисленный разрядъ ссыльныхъ сдѣлался послѣ того невозможнымъ ***).

*) Въ своемъ письмѣ онъ говоритъ: „что за чудный народъ! ...Если я узналъ не Россію, такъ народъ русскій хорошо, и такъ хорошо, какъ можетъ быть, немногіе знаютъ его“.

**) Надо однако-же замѣтить, что и при прежнихъ порядкахъ въ нашемъ острогѣ жилось въ извѣстномъ смыслѣ вольготнѣе, чѣмъ гдѣ-либо за моремъ, потому что и тутъ, какъ вездѣ, мы, по натурѣ своей, менѣе педанты и формалисты (это замѣтили иностранцы).

***) Къ числу ихъ относится крѣпостной, убившій своего барина за то, что онъ обошелся съ его новобрачною женою на основаніи juris primae noctis, и бывшій, по замѣчанію Ѳедора Михайловича „однимъ изъ самыхъ смирныхъ арестантовъ во всемъ острогѣ“. Его исторія не вошла въ „Записки изъ Мертваго Дома“, по тогдашнимъ цензурнымъ соображеніямъ, но передана была Достоевскимъ А. П. Милюкову, который сообщилъ ее публикѣ въ своихъ во-

Смягчилась военная дисциплина, и все рѣже должны станов
виться преступленія, связывавшіяся съ прежнею крайнею ея стро
гостью. Нѣтъ уже болѣе тѣхъ шпицрутеновъ, кровавые слѣды ко
торыхъ на спинахъ у каторжниковъ наводили такой ужасъ на До
стоевскаго. Новый судъ положилъ конецъ тому, что такъ глубок
возмущало составителя „Записокъ изъ Мертваго Дома“,—необра
щенію вниманія на побудительныя причины, исключительному вни
манію въ разсчетъ только самый *фактъ* преступленія.

Право присяжныхъ — даже и признавая фактъ, оправдывал
въ извѣстныхъ случаяхъ подсудимаго (право *священное,* безъ вся
каго спора, хотя бы и случались злоупотребленія), въ свою оч
редь положило конецъ цѣлому разряду прежнихъ каторжниковъ
Подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ преобразованій, много должно явит
ся и другихъ подобнаго рода *изъятій и сокращеній* въ числѣ пр
ступниковъ. Въ самомъ быту арестантовъ многое можетъ улу
шиться, при введеніи той или другой новѣйшей, усовершенств
ванной пенитенціарной системы. Но впечатлѣніе, производим
книгой Достоевскаго, не потеряетъ основной силы и послѣ с
мыхъ рѣшительно-гуманныхъ преобразованій по тюремной част

„Преступникъ, — говоритъ Достоевскій, — кажется, не може
быть осмысленъ съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и филос
фія его нѣсколько потруднѣе, чѣмъ полагаютъ... Остроги и сист
ма насильныхъ работъ не исправляютъ преступника... Я твер
увѣренъ, что знаменитая *келейная система* достигаетъ только л
жно-обманчивой, наружной цѣли. Она высасываетъ жизненны
сокъ изъ человѣка... и нравственно изсохшую мумію... предст
вляетъ какъ образецъ исправленія... Конечно, преступникъ, в
ставшій на общество, ненавидитъ его, и почти всегда считает
себя правымъ, а не виноватымъ *).

Все это придаетъ книгѣ Достоевскаго значеніе общечело
ческое, и оно тѣмъ болѣе неотразимо, что авторъ не позволяе
себѣ ни малѣйшей натяжки, ни малѣйшаго преувеличенія, ни

споминаніяхъ о Ѳ. М. Достоевскомъ въ майской книжкѣ „Русской Стари
1881 г. (стр. 36—39).

*) И впослѣдствіи, въ „Дневникѣ Писателя“, онъ говорилъ: „ник
никого не исправила каторга“. Между тѣмъ Достоевскому нерѣдко припис
вали другой взглядъ, изъ того, что говорилъ онъ объ образовательномъ д
ствіи на человѣка страданій вообще, выводя мнимую защиту острога и остр
ной системы.

не впадаетъ въ мелодраматизмъ или фальшивую идеализацію преступленія, а стремится къ глубинѣ психическаго анализа, имъ вполнѣ и достигнутой. Это совсѣмъ не то, что мы видимъ у нѣкоторыхъ французскихъ писателей на ту же тему, у которыхъ преступники являются нерѣдко героями, а представители правосудія— какими-то мелодраматическими злодѣями.

Дѣло вовсе не въ *злодѣяхъ, такъ или иначе понимаемыхъ, а въ цѣломъ и повсемѣстномъ порядкѣ вещей, жертвою котораго оказываются цѣлые разряды преступниковъ.* О томъ, какъ внезапно они иногда являются, Достоевскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „У насъ въ простонародьи иныя убійства происходятъ отъ удивительныхъ причинъ... Живетъ человѣкъ тихо и смирно. Доля горькая—терпитъ... Вдругъ что-нибудь у него сорвалось; онъ не выдержалъ и пырнулъ ножомъ своего врага и притѣснителя. Тутъ-то и начинается странность: на время *человѣкъ вдругъ выскакиваетъ изъ мѣрки.* Перваго онъ зарѣзалъ притѣснителя, врага... Но потомъ онъ рѣжетъ и не враговъ, рѣжетъ... за грубое слово, за взглядъ... или просто: *„прочь съ дороги, не попадайся— я иду!"* ...Точно, перескочивъ разъ черезъ завѣтную для него черту, онъ уже начинаетъ любоваться на то, что нѣтъ для него больше ничего святого... Чѣмъ забитѣе былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣе подмываетъ его теперь пощеголять, задать страху..."

У Достоевскаго преступники, тѣмъ не менѣе, вовсе не являются образцами героизма; они у него только остаются *людьми*, они у него—*несчастные.* Взглядъ Достоевскаго на преступника — это нашъ русскій народный взглядъ, взлядъ той простой дѣвочки, про которую тутъ же разсказываетъ Достоевскій, какъ она побѣжала за нимъ, когда онъ шелъ съ работы, и, суя ему въ руку копеечку, закричала: „на, несчастный". (Эту копеечку онъ долго берегъ).

Но взглядъ этотъ, конечно, вынесенъ изъ ученія, столь же хорошо извѣстнаго и всему христіанскому міру; взглядъ этотъ непосредственно основывается на словахъ: „не судите, да не судимы будете"—или: „кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ первый подними камень и брось въ нее".

Не даромъ Л. Н. Толстой въ своемъ письмѣ къ Н. Н. Страхову послѣ смерти Достоевскаго говоритъ о „Мертвомъ Домѣ": „я не знаю лучше книги изъ всей новой литературы... не тонъ, а точка зрѣнія удивительная — искренняя, естественная и христіанская".

Да, но она же и народная, надо прибавить. Не мало было говорено о томъ, какъ слабо народъ нашъ усвоилъ себѣ столько

уже вѣковъ тому назадъ доставшееся ему просвѣщеніе хр
стіанское.

И дѣйствительно мы замѣчаемъ за нимъ преимущественну
наклонность къ обрядности, при несомнѣнныхъ остаткахъ прив
чекъ и суевѣрныхъ понятій чисто языческихъ; дѣйствительн
нарушеніе поста нерѣдко соединяется у него съ самымъ вопі
щимъ нарушеніемъ первыхъ основъ христіанской или даже и вс
кой, нравственности, и вовсе, къ несчастію, невыдуманными ок
зываются такіе случаи, что осѣняли себя крестомъ, приступ
къ совершенію преступленія *).

Все это такъ, и никакая ложная сентиментальность въ отн
шеніяхъ нашихъ къ народу не должна намъ мѣшать сознать
въ этомъ.

Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что нѣкотор
стороны христіанскаго нравственнаго ученія запали, должно бы
уже очень давно въ глубину души нашего народа и, однажды
павъ, прочно пустили тамъ корни.

Вотъ этимъ-то объясняется и тотъ мягкій, сострадательн
взлядъ на преступника, который доставилъ ему у насъ, при вл
ніи множества, разумѣется, даже и очень позднихъ историческ
обстоятельствъ, нисколько не оскорбительное названіе „нес
стнаго“.

Извѣстно, что Некрасовъ въ своей поэмѣ „Несчастны
въ лицѣ такъ-называемаго „Крота“ думалъ выставить Достоевс
го въ „мертвомъ домѣ“ (онъ самъ въ этомъ сознался Ѳедо
Михайловичу). Между тѣмъ то очеловѣчивающее вліяніе (въ см
слѣ оцивилизовывающаго) на каторжниковъ, которое приписыва
ся тутъ „Кроту“, совершенно не соотвѣтствуетъ тому, что разс
зываетъ въ „Записках изъ М. Д.“ самъ Достоевскій. Такое вл
ніе было невозможно уже потому, что Достоевскій, какъ двор
нинъ, долго не могъ пріобрѣсти и малѣйшаго даже довѣрія кат
жниковъ. Дворянъ величали они „желѣзными носами, которые
заклевали“ **).

Съ другой стороны, Некрасовъ въ своей поэмѣ совершен

---

*) Подобный случай приводится у Ѳ. М. Достоевскаго въ „Идіотѣ“.

**) Въ письмѣ своемъ онъ говоритъ про каторжниковъ: „ненави
къ дворянамъ превосходитъ у нихъ всѣ предѣлы, и потому насъ, двора
встрѣтили они враждебно и съ злобною радостью о нашемъ горѣ. Они бы
съѣли, еслибъ имъ дали“.

вѣрно угадалъ то настроеніе, которое окрѣпло у Достоевскаго именно въ Сибири, настроеніе человѣка, твердо вѣрующаго въ свой народъ.—Поэтъ говоритъ про того-же „Крота":

„Онъ не жалѣлъ, что мы не нѣмцы,
Онъ говорилъ: во многомъ насъ
Опередили иноземцы;—
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы Русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй,—
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знаетъ середины—
Черна—куда не погляди!
Но не проѣлъ до сердцевины
Ее порокъ. Въ ея груди
Бѣжитъ потокъ живой и чистый
Еще нѣмыхъ народныхъ силъ:
Такъ подъ корой Сибири льдистой
Золотоносныхъ много жилъ".

Въ пониманіи этой стороны Достоевскаго Некрасовъ далеко опередилъ современную критику, которая, благосклонно относясь, разумѣется, къ „Запискамъ изъ Мертваго Дома", не остановилась, однако, съ должнымъ вниманіемъ на такихъ тутъ мѣстахъ: „стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ,—и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Немногому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу — напротивъ: сами они еще должны у него поучиться".

Съ негодованіемъ вспоминалъ Достоевскій (уже въ „Дневникѣ Писателя" 1876 г.) о тѣхъ каторжникахъ-дворянахъ, которые съ такимъ высокомѣріемъ относились къ простымъ русскимъ людямъ по случаю пьянства каторжниковъ на святой недѣлѣ. „Je hais ces brigands", сказалъ одинъ изъ этихъ интеллигентовъ—поляковъ. Тутъ-то и пришла Ѳедору Михайловичу на память та встрѣча еще въ дѣтствѣ съ „мужикомъ Мареемъ", которую онъ и разсказалъ въ „Дневникѣ Писателя". Съ умиленіемъ вспоминалъ онъ про этого мужика, такъ нѣжно старавшагося успокоить

ребенка, которому вдругъ почудился въ полѣ волкъ. „Испугался, малецъ“, говорилъ онъ, проводя по дрожавшимъ губамъ мальчика своимъ запачканнымъ землею пальцемъ и выказывая при этомъ какую-то даже женскую мягкость и доброту. И вотъ, Достоевскому пришло въ голову, что, можетъ быть, и среди этихъ, въ самомъ дѣлѣ такъ безобразно разгулявшихся каторжниковъ, находятся люди, по основнымъ задаткамъ своей природы похожіе на „мужика Марея“.

Еще прежде своей ссылки, въ „Честномъ Ворѣ“, Достоевскій уже предугадывалъ тѣ черты народнаго „золота“ подъ самою густою грязью, которыя онъ окончательно разглядѣлъ въ „мертвомъ домѣ“ *).

Но современная критика въ „Запискахъ“ о немъ не обратила должнаго внинанія и на кое-что иное, совершенно расходившееся съ господствующими въ ней понятіями. Хотя переходъ „мужиковъ Мареевъ“ въ „каторжниковъ“ и долженъ, повидимому, объясняться модною въ то время ссылкою на такъ называемую „заѣдающую среду“, Достоевскій тутъ-же, по поводу сибирскихъ докторовъ, т.-е. нашей братіи—интеллигентовъ, прямо замѣчаетъ: „пора бы намъ перестать апатически жаловаться на среду, что она насъ заѣла“. Права ссылаться на нее онъ не признавалъ такимъ образомъ за нами—интеллигентнымъ классомъ. Насъ самая эта интеллигентность должна бы, по его мнѣнію, охранять отъ среды.

О. Миллеръ.

Борьба за жизнь.

(„ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ“).

Приступая къ разбору новаго романа г. Достоевскаго, я заранѣе объявляю читателямъ, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла ни до личныхъ убѣжденій автора, которыя, быть можетъ, идутъ въ раз-

---

*) Это то *золото*, которое разумѣлось К. С. Аксаковымъ, когда онъ выразился, что народъ — это „золото въ грязи“ (а свѣтское общество — „грязь въ золотѣ“).

рѣзъ съ моими собственными убѣжденіями, ни до общаго направленія его дѣятельности, которому я, быть можетъ, нисколько не сочувствую, ни даже до тѣхъ мыслей, которыя авторъ старался, быть можетъ, провести въ своемъ произведеніи, и которыя могутъ казаться мнѣ совершенно несостоятельными. Меня очень мало интересуетъ вопросъ о томъ, къ какой партіи и къ какому оттѣнку принадлежитъ г. Достоевскій, какимъ идеямъ или интересамъ онъ желаетъ служить своимъ перомъ, и какія средства онъ считаетъ позволительными въ борьбѣ съ своими литературными или какими бы то ни было другими противниками. Я обращаю вниманіе только на тѣ явленія общественной жизни, которыя изображены въ его романѣ; если эти явленія подмѣчены вѣрно, если сырые факты, составляющіе основную ткань романа, совершенно правдоподобны, если въ романѣ нѣтъ ни клеветы на жизнь, ни фальшивой и приторной подкрашенности, ни внутреннихъ несообразностей; однимъ словомъ, если въ романѣ дѣйствуютъ и страдаютъ, борются и ошибаются, любятъ и ненавидятъ живые люди, носящіе на себѣ печать существующихъ общественныхъ условій,— то я отношусь къ роману такъ, какъ я отнесся бы къ достовѣрному изложенію дѣйствительно случившихся событій; я всматриваюсь и вдумываюсь въ эти событія, стараюсь понять, какимъ образомъ они вытекаютъ одно изъ другого, стараюсь объяснить себѣ, насколько они находятся въ зависимости отъ общихъ условій жизни, и при этомъ оставляю совершенно въ сторонѣ личный взглядъ разсказчика, который можетъ передавать факты очень вѣрно и обстоятельно, а объяснять ихъ въ высшей степени неудовлетворительно.

Сюжетъ романа „*Преступленіе и Наказаніе*“, по всей вѣроятности, извѣстенъ большинству читателей. Образованный молодой человѣкъ, бывшій студентъ Раскольниковъ, убиваетъ старуху процентщицу и ея сестру, похищаетъ у этой старухи деньги и вещи, потомъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль томится и терзается сильнѣйшею душевною тревогою, и, наконецъ, не находя себѣ покоя, самъ на себя доноситъ, послѣ чего, разумѣется, отправляется въ каторжную работу.

Раскольниковъ очень бѣденъ. Отца у него уже нѣтъ. Его мать получаетъ послѣ покойнаго мужа сто двадцать рублей пенсіона, и изъ этихъ денегъ старается тратить какъ можно меньше на собственную особу. Сестра Раскольникова живетъ въ гувернанткахъ. Самъ Раскольниковъ кое-какъ перебивается уроками

и разными грошовыми работами, получаетъ изрѣдка субсидіи отъ матери, борется съ нищетою, старается при этомъ учиться, напрягаетъ всѣ свои силы, наконецъ изнемогаетъ въ непосильной борьбѣ, выходитъ изъ университета, по совершенному недостатку средствъ, и погружается въ то мучительное оцѣпенѣніе, которое обыкновенно овладѣваетъ утомленными, измученными и окончательно побѣжденными людьми. Романъ начинается тогда, когда Раскольниковъ совершенно задавленъ обстоятельствами. Онъ живетъ въ крошечной каморкѣ, болѣе похожей на шкафъ, чѣмъ на комнату; онъ долженъ кругомъ хозяйкѣ квартиры, и, при каждой случайной встрѣчѣ съ нею, принужденъ выслушивать кротко и почтительно напоминанія о платежѣ, жалобы и угрозы, на которыя ему приходится отвѣчать извиненіями, избитыми отговорками, стереотипными просьбами объ отсрочкѣ, и торжественными, но неубѣдительными обѣщаніями уплатить сполна при первой возможности. Гардеробъ Раскольникова дошелъ до такого разстройства, что превратился въ лохмотья, въ которыхъ „иной, даже и привычный человѣкъ, по словамъ г. Достоевскаго, посовѣстился бы днемъ выходить на улицу“. Обѣдъ для Раскольникова не существуетъ; хозяйка двѣ недѣли не высылаетъ ему кушанья, чтобы принудить его голодомъ къ уплатѣ денегъ или къ очищенію квартиры; Раскольниковъ по цѣлымъ днямъ лежитъ у себя въ каморкѣ, на старомъ изорванномъ диванѣ, подъ старымъ изорваннымъ пальто, и поддерживаетъ свое существованіе какими-то объѣдками, которые изъ состраданія приноситъ ему кое-когда кухарка Настасья, относящаяся къ нему съ добродушно-презрительною фамильярностью. Своими насущными дѣлами Раскольниковъ не занимается; у него нѣтъ и не можетъ быть никакихъ насущныхъ дѣлъ; чтобы давать уроки, или поддерживать съ кѣмъ бы то ни было дѣловыя сношенія, надо имѣть сколько-нибудь приличный костюмъ, и быть увѣреннымъ въ томъ, что не упадешь въ обморокъ отъ пустоты въ желудкѣ и отъ истощенія силъ. Существуютъ такія границы, за которыми бѣдность становится неприличною и невыносимою для глазъ благовоспитаннаго и состоятельнаго человѣка; кто имѣлъ несчастіе или неосторожность перешагнуть черезъ эти роковыя границы, тотъ теряетъ право искать себѣ работу и являться серьезнымъ претендентомъ на какое бы то ни было вакантное мѣсто; оборванецъ, которому съ часу на часъ грозитъ голодная смерть подъ открытымъ небомъ, можетъ, въ случаѣ удачи, получить двугривенный отъ сострадательнаго прохожаго, такъ

точно, какъ онъ получаетъ тарелку вчерашнихъ щей отъ добродушной Настасьи, но ему до крайности мудрено надѣяться на то, что какой-нибудь отецъ семейства довѣритъ ему обученіе своихъ дѣтей. Онъ оборванъ и голоденъ, — слѣдовательно опъ чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь виноватъ; онъ оборванъ и голоденъ,—слѣдовательно онъ опасенъ, и всякій порядочный человѣкъ, при встрѣчѣ съ нимъ, долженъ тщательно наблюдать за его руками, чтобъ эти грязныя и дрожащія руки не посягнули какимъ-нибудь образомъ на благосостояніе порядочнаго человѣка. Такъ разсуждаютъ обыкновенно обезпеченные люди, когда ихъ спокойный и добродушный взоръ падаетъ на особу, перешагнувшую черезъ извѣстныя границы, и унизившуюся до неимѣнія крѣпкаго платья и постояннаго обѣда; обезпеченнымъ людямъ пріятно и необходимо разсуждать такимъ образомъ, потому что, при такомъ способѣ разсужденія, обезпеченность оказывается сама по себѣ достоинствомъ и положительною заслугою передъ обществомъ; взглянувъ сострадательно на оборванца и снабдивъ его двугривеннымъ, обезпеченный человѣкъ обращаетъ свои взоры на самого себя и самодовольно размышляетъ о томъ, что онъ ни отъ кого не возьметъ двугривеннаго, что онъ, слѣдовательно, великъ и прекраснъ, сравнительно съ жалкимъ нарѣю, получившимъ отъ него благодѣяніе, и что, влѣдствіе этого величія и этой красоты, онъ обязанъ по возможности уклоняться отъ всякихъ сношеній съ такими подонками общества, и протягивать руку помощи, то есть давать работу только тому, кто еще кое-какъ соблюдаетъ правила благопристойности.

Итакъ, Раскольниковъ растерялъ свои насущныя дѣла, и ему почти невозможно было обзавестись ими снова. Почему и какимъ образомъ онъ ихъ растерялъ, этого не сказано у г. Достоевскаго, но этотъ пробѣлъ очень легко можетъ быть пополненъ собственными соображеніями читателя. Какія-нибудь двѣ-три самыя пустыя случайности, отъѣздъ семейства въ другой городъ, болѣзнь ребенка, готовящагося въ какое-нибудь учебное заведеніе, капризъ папеньки или маменьки,—могутъ, въ одно прекрасное утро, оставить бѣднаго студента, живущаго уроками, безо всякихъ средствъ къ существованію. Въ самомъ счастливомъ случаѣ исканіе новыхъ работъ или уроковъ протянется недѣлю, двѣ-три; этотъ кризисъ можно какъ-нибудь пережить, извертываясь прибереженными копейками, занимая у товарищей, пользуясь кредитомъ у хозяйки и у фурнисеровъ, или обращаясь къ ростовщикамъ и закладывая

у нихъ какія-нибудь фамильныя дргагоцѣнности, въ родѣ серебряныхъ часовъ или золотыхъ пуговокъ. Но всего правдоподобнѣе, что кризисъ затянется на нѣсколько мѣсяцевъ и тогда несчастный юноша, полный силъ и желанія работать, воодушевленный любовью къ наукѣ и къ людямъ, проникнутый самыми честными стремленіями, имѣющій право многаго требовать и многаго ожидать отъ жизни, попадаетъ въ положеніе человѣка, медленно утопающаго въ грязномъ болотѣ. Скромныя сбереженія, если даже они и имѣлись, окажутся истраченными до послѣдней копейки; товарищи отдадутъ все, что они были способны дать, и дальнѣйшія обращенія къ ихъ братской помощи сдѣлаются невозможными; хозяйка заговоритъ объ уплатѣ денегъ и начнетъ жаловаться на шаромыжниковъ, за которыми пропадаетъ ея добро; послѣднія часишки пропадутъ въ закладѣ за какіе-нибудь три цѣлковыхъ; а между тѣмъ сапоги начнутъ разваливаться отъ безполезной бѣготни по городу за трудовымъ кускомъ хлѣба; платье расползется по швамъ и по цѣлику, и повиснетъ на плечахъ живописными лохмотьями; бѣлье загрязнится до послѣдней степени отвратительности; щеки поблекнутъ и ввалятся; въ глазахъ появится постоянное выраженіе тревожной и суетливой разсѣянности; и въ душу закрадется понемногу чувство холодной безнадежности и лихорадочной раздражительности; бѣготня будетъ еще продолжаться, но самъ бѣгающій субъектъ перестанетъ вѣрить въ ея практическую пригодность; все измѣнитъ человѣку разомъ, и послѣднія денежныя средства, и послѣдняя пара приличнаго платья, и физическія силы, и надежды на лучшую будущность, и вѣра въ жизнь, и желаніе работать, и способность отмахиваться отъ дурныхъ, опасныхъ и соблазнительныхъ мыслей. Человѣкъ забьется въ свою грязную конуру, изъ которой его выживаютъ голодомъ, холодомъ, бранью и полицейскими мѣрами, завалится на свою грязную постель, махнетъ рукой на свои любимые планы, на самого себя, на чистоту и святость своего внутренняго міра, и какъ безсовѣстная жертва, отдастъ себя въ полное распоряженіе тѣхъ мрачныхъ и дикихъ мыслей, которыя порождаются отчаяніемъ, голодомъ, озлобленіемъ противъ людей, презрѣніемъ къ самому себѣ, какъ побѣжденному и раздавленному существу, горькимъ ощущеніемъ незаслуженной обиды, и начинающеюся болѣзнью, составляющею неизбѣжный результатъ всѣхъ испытанныхъ волненій и страданій.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Раскольниковъ, утомленный мелкою и неудачною борьбою за существованіе, впалъ

въ изнурительную апатію; нѣтъ также ничего удивительнаго въ томъ, что во время этой апатіи въ его умѣ родилась и созрѣла мысль совершить преступленіе. Можно даже сказать, что большая часть преступленій противъ собственности устраивается въ общихъ чертахъ по тому самому плану, по какому устроилось преступленіе Раскольникова. Самою обыкновенною причиною воровства, грабежа и разбоя является бѣдность; это извѣстно всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ уголовною статистикою. Далѣе, не трудно даже доказать фактами, что воровать и грабить человѣкъ, въ большей части случаевъ, рѣшается только тогда, когда честный трудъ оказался для него недоступнымъ, или когда онъ убѣдился въ томъ, что честный трудъ составляетъ слишкомъ медленное и недостаточное лѣкарство противъ гнетущей бѣдности. Это значитъ, что человѣкъ, рѣшившійся воровать и грабить, искалъ труда и не нашелъ его, или нашелъ его въ такихъ нищенскихъ размѣрахъ, которые не покрываютъ его насущныхъ потребностей. За неудачными поисками должна послѣдовать апатія; во время апатіи должно сложиться убѣжденіе, что нѣтъ возможности оставаться честнымъ человѣкомъ, и что надо выбирать одно изъ двухъ: голодную смерть или преступленіе. Затѣмъ должна слѣдовать борьба между инстинктомъ самосохраненія и отвращеніемъ къ грязному поступку; если побѣдитъ первый,—человѣкъ сдѣлается хищнымъ животнымъ, и его ближніе станутъ травить его, какъ голоднаго волка; если побѣдитъ второе,—человѣкъ заболѣетъ отъ недостатка здоровой пищи, и, по всей вѣроятности, кончитъ свое печальное существованіе на койкѣ чернорабочей или какой-нибудь другой больницы, въ отдѣленіи тифозныхъ или возвратногорячечныхъ больныхъ.

Итакъ, огромное большинство людей, отправляющихся на воровство или на грабежъ, переживаютъ тѣ самыя фазы, черезъ которыя проходитъ Раскольниковъ. Преступленіе, описанное въ романѣ г. Достоевскаго, выдается изъ ряда обыкновенныхъ преступленій только потому, что героемъ его является не безграмотный горемыка, совершенно неразвитый въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а студентъ, способный анализировать до мельчайшихъ подробностей всѣ движенія собственной души, умѣющій создавать для оправданія своихъ поступковъ цѣлыя [замысловатыя теоріи, и сохраняющій, во время самыхъ дикихъ заблужденій, тонкую и многостороннюю впечатлительность и нравственную деликатность высоко-развитаго человѣка. Вслѣдствіе этого обстоятель-

ства, колоритъ преступленія до нѣкоторой степени измѣняется, и процессъ его подготовленія становится болѣе удобнымъ для наблюденія, но его основная побудительная причина остается неизмѣнною. Раскольниковъ совершаетъ свое преступленіе не совсѣмъ *такъ*, какъ совершилъ бы его безграмотный горемыка; но онъ совершаетъ его *потому*, почему совершилъ бы его любой безграмотный горемыка. Бѣдность въ обоихъ случаяхъ является главною, побудительною причиною. При этомъ само собою разумѣется, что вліяніе бѣдности въ обоихъ случаяхъ выражается не въ одинаковыхъ формахъ. У человѣка, подобнаго Раскольникову, внутренняя борьба, возбужденная безнадежнымъ положеніемъ, проявляется очень рельефно, отчетливо и, если можно такъ выразиться, членораздѣльно. Раскольниковъ обсуживаетъ свое положеніе со всѣхъ сторонъ, взвѣшиваетъ свои силы, измѣряетъ величину тѣхъ препятствій, которыя онъ долженъ преодолѣть, чтобы остаться незамараннымъ человѣкомъ, ставитъ себѣ вопросы и отвѣчаетъ на нихъ, придумываетъ доказательства и опровергаетъ ихъ, словомъ, постоянно роется въ своихъ собственныхъ мысляхъ и ощущеніяхъ, ясно понимаетъ ихъ во всякую данную минуту, и высказываетъ ихъ въ такихъ оживленныхъ и разнообразныхъ разговорахъ съ самимъ собою, что развитіе опасной и соблазнительной мысли становится для насъ понятнымъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. У неразвитаго бѣдняка всѣ мысли и ощущенія, пережитыя Раскольниковымъ, оказались бы смятыми и скомканными въ одну темную и безобразную кучу, которую самъ переживающій субъектъ былъ бы еще менѣе способенъ разложить на ея составныя части, чѣмъ другіе люди, смотрящіе на дѣло со стороны. Онъ чувствовалъ бы только, что ему тяжело и больно, гадко и пошло, что ему совѣстно встрѣчаться съ прежними товарищами, что ему противно думать о работѣ, которая его не кормитъ, и что какая-то сила, похожая на демона искусителя, подмываетъ и подталкиваетъ его на скверное дѣло, которое съ каждымъ днемъ кажется ему неизбѣжнымъ, и котораго возрастающая неизбѣжность наводитъ на него ужасъ и отвращеніе. Никакихъ теорій тутъ, конечно, не могло бы быть; никакихъ философскихъ обобщеній, никакихъ высшихъ взглядовъ на отношенія личности къ обществу; ничего, кромѣ тупого страданія и неясной тревоги. Одинокая борьба неразвитаго бѣдняка съ самимъ собою, была бы, по всей вѣроятности, сокращена въ значительной степени сближеніемъ даннаго субъекта съ такими товарищами, которые залили бы его послѣднія сомнѣ-

нія хлѣбнымъ виномъ, завербовали бы его въ свою компанію, и указали бы ему всѣ приступы и подходы къ первому нарушенію существующихъ законовъ. У Раскольникова, напротивъ того, борьба оставалась одинокою до самаго конца, т. е. до той минуты, когда дикая мысль превратилась въ кровавое дѣло; чѣмъ ближе Раскольниковъ знакомился съ своею дикою мыслью, чѣмъ яснѣе онъ видѣлъ, что это уже не фантазія, а серьезный планъ, тѣмъ тщательнѣе онъ избѣгалъ всякихъ сношеній съ людьми; онъ ни съ кѣмъ не могъ и не хотѣлъ дѣлиться своими планами и совѣтоваться на счетъ своего предпріятія. Его прежніе товарищи и друзья, конечно, постарались бы пристроить его въ домъ умалишенныхъ, если бы онъ заикнулся имъ о томъ, какимъ образомъ онъ намѣревается отыскать себѣ выходъ изъ своего затруднительнаго положенія. А новыхъ товарищей,—такихъ, которые могли бы отнестись къ его замыслу съ дѣятельнымъ сочувствіемъ, Раскольниковъ не желалъ имѣть ни подъ какимъ видомъ. Онъ ненавидѣлъ, презиралъ и боялся такихъ товарищей; у него не было и не могло быть ни въ образѣ мыслей, ни въ желаніяхъ, ни во вкусахъ, ни въ привычкахъ, ни одной точки соприкосновенія съ ворами и грабителями по ремеслу. Онъ хотѣлъ убить и ограбить, но такъ, чтобы на него не брызнула ни одна капелька пролитой крови, чтобы ни одинъ живой человѣкъ не могъ проникнуть его тайну, чтобы всѣ прежніе друзья и товарищи жали ему руку съ прежнимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, и чтобы его мать и сестра болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, считали его своимъ ангеломъ-хранителемъ, сокровищемъ и утѣшеніемъ. Особенность преступленія, совершеннаго Раскольниковымъ, состоитъ именно въ томъ, что онъ самъ слѣдилъ очень внимательно за всѣми фазами того психологическаго процесса, которымъ оно подготовлялось, и, кромѣ того, обдумывалъ, устроивалъ и выполнялъ все одинъ, безъ всякихъ сообщниковъ, помощниковъ и повѣренныхъ. По поводу этого преступленія возникаютъ естественнымъ образомъ два главные вопроса: во-первыхъ, былъ-ли Раскольниковъ помѣшанъ и, во-вторыхъ, есть ли основаніе думать, что теоретическія убѣжденія Раскольникова имѣли какое-нибудь замѣтное вліяніе на совершеніе убійства. Мнѣ кажется, что на оба эти вопроса приходится дать отрицательный отвѣтъ.

Хотя слово *помѣшанный* или *сумасшедшій* до сихъ поръ не имѣетъ и, при теперешнемъ положеніи медицинскихъ знаній, вѣроятно, еще не можетъ имѣть строго опредѣленнаго значенія, хо-

тя, быть можетъ, въ природѣ даже совсѣмъ не существуетъ рѣзкой границы между здоровымъ и больнымъ состояніемъ организма вообще и нервной системы въ особенности, однако я осмѣливаюсь выразить то предположеніе, что Раскольникова невозможно считать помѣшаннымъ, и что ни одинъ мыслящій медикъ не подмѣтилъ бы въ немъ такого разстройства умственныхъ способностей, при которомъ человѣкъ перестаетъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ и значеніи своихъ собственныхъ поступковъ. Если бы Раскольниковъ былъ помѣшанъ, то мнѣ кажется, что мы, люди, находящіеся въ здравомъ умѣ, не были бы въ состояніи слѣдить за каждою его мыслью до самыхъ послѣднихъ ея изгибовъ и до тончайшихъ ея развѣтвленій. Многія изъ его мыслей должны были бы казаться намъ неожиданными; многіе изъ его поступковъ должны были бы поражать насъ своею безпричинностью; ставя себя на его мѣсто, каждый изъ насъ долженъ былъ бы чувствовать, что онъ рѣшительно не былъ бы въ состояніи набрести на тѣ мысли, на которыя набрелъ Раскольниковъ; мы должны были бы замѣчать, что у Раскольникова въ процессѣ мышленія обнаруживаются какіе-то пробѣлы и перерывы, что среди ровнаго и плавнаго теченія мысли у него попадаются такіе зигзаги и скачки, такіе пируэты и вольтфасы, которые наша трезвая и здоровая мысль отказывается продѣлывать вслѣдъ за нимъ, и для которыхъ необходимо предположить существованіе и дѣятельность особой причины, особаго фактора, называемаго умственною болѣзнью. Этого-то и нѣтъ. Каждая мысль и каждый поступокъ Раскольникова, въ особенности до совершенія убійства, мотивированы въ высшей степени удовлетворительно. Мы видимъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, почему и зачѣмъ онъ дѣлаетъ тотъ или другой шагъ. Мы видимъ, что именно его сзади, и что именно манитъ его впереди. Онъ бросается стремглавъ въ лужу крови и грязи, что, конечно, довольно странно со стороны образованнаго и высоко-развитаго молодого человѣка; но бросается онъ вовсе не потому, что чувствуетъ къ этой крови и грязи непреодолимое влеченіе, которое, конечно, было бы непонятно здоровому человѣку, и которое, слѣдовательно, можно было бы объяснить только разстройствомъ умственныхъ способностей; бросается онъ въ лужу собственно и единственно потому, что сухая тропинка, прилегающая къ этой лужѣ, становится, наконецъ, невыносимо узкою. Бросается онъ въ лужу съ болью и со страхомъ, съ ужасомъ и съ отвращеніемъ, зажимая себѣ носъ и ротъ, и собираясь долго и тщательно отмываться отъ

нечистоты, какъ только ему удастся вынырнуть и взобраться снова на сухую и чистую дорожку.

Если вы хотите окончательно убѣдиться въ томъ, что Раскольниковъ не помѣшанный, сдѣлайте слѣдующее предположеніе: Наканунѣ убійства, Раскольниковъ узнаетъ совершенно случайно, изъ разговора, услышаннаго имъ на Сѣнной, куда ему даже и незачѣмъ было ходить, что завтра, ровно въ семь часовъ вечера, старуха, которую требовалось убить и ограбить, останется дома одна. Послѣ этого разговора, „онъ вошелъ къ себѣ, какъ приговоренный къ смерти. Ни о чемъ онъ не разсуждалъ и совершенно не могъ разсуждать; но всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно. Конечно, если бы даже цѣлые годы приходилось ему ждать удобнаго случая, то и тогда, имѣя замыселъ, нельзя было разсчитывать навѣрное на болѣе очевидный шагъ къ успѣху этого замысла, какъ тотъ, который представлялся вдругъ сейчасъ. Во всякомъ случаѣ, трудно было бы узнать наканунѣ и навѣрно, съ большою точностью и съ наименьшимъ рискомъ, безъ всякихъ разспросовъ и разысканій, что завтра, въ такомъ-то часу, такая-то старуха, на которую готовится покушеніе, будетъ дома одна одинехонька“. (I, 95, 96). Мысль и рѣшимость созрѣли въ Раскольниковѣ настолько, что онѣ должны были немедленно, не дальше, какъ на другой день, выразиться въ поступкѣ, послѣ котораго невозможенъ никакой поворотъ назадъ. Теперь вообразите же себѣ, что въ это самое время, когда уже все рѣшено, когда нашъ герой чувствуетъ себя приговореннымъ къ совершенію убійства, въ его каморку входитъ почтальонъ и подаетъ ему письмо и повѣстку, требуя себѣ, по обыкновенію, шесть копеекъ. Раскольниковъ морщится, платитъ деньги изъ послѣднихъ своихъ ресурсовъ, полученныхъ за отцовскіе часы, и распечатываетъ полученныя бумаги; оказывается, что повѣстка объявляетъ ему о полученіи письма на его имя, со вложеніемъ пятисотъ рублей; что же касается простого письма, полученнаго вмѣстѣ съ повѣсткою, то оно написано рукою его матери и извѣщаетъ его о томъ, что ихъ семейству досталось совершенно неожиданнымъ образомъ наслѣдство тысячъ въ двадцать серебромъ, что мать вмѣстѣ съ сестрою ѣдутъ къ нему въ Петербургъ, и что ему уже выслано пятьсотъ рублей для немедленнаго поправленія его разстроенныхъ обстоятельствъ. Какъ вы думаете, что предприметъ Раскольниковъ, получивши такія извѣстія?

Будетъ-ли онъ, по прежнему, считать вопросъ о старухѣ безпово
ротно рѣшеннымъ, и смотрѣть на самого себя, какъ на че
ловѣка, окончательно приговореннаго къ отвратительному купанію
въ грязной и кровавой лужѣ? Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ
читателей серьезно отвѣтилъ на этотъ вопросъ: *да*. Для такого
отвѣта нѣтъ никакихъ матеріаловъ въ романѣ г. Достоевскаго.
Если же вы допустите, что письмо и повѣстка могли перевернуть
всѣ планы и намѣренія Раскольникова въ то самое время, когда
онъ уже готовился приступить къ ихъ выполненію, то вы тѣмъ
самымъ лишите себя всякой возможности считать его помѣшан
нымъ. Я понимаю очень хорошо, что порядочная сумма денегъ
очень часто можетъ быть гораздо полезнѣе, необходимѣе и спа
сительнѣе всевозможныхъ лѣкарствъ, теплыхъ ваннъ и гимнасти
ческихъ упражненій, но я до сихъ поръ никогда не слыхалъ, что
бы дѣйствительно существующее помѣшательство лѣчилось пись
мами и повѣстками изъ почтамта. Если Раскольникова можно бы
ло бы вылѣчить радостнымъ извѣстіемъ и присылкою денегъ, т
не трудно, кажется, сообразить, что корень его болѣзни таился
не въ мозгу, а въ карманѣ. Онъ былъ бѣденъ, голоденъ, обезку
раженъ и озлобленъ, но нисколько не помѣшанъ. Конечно, он
размышлялъ не совсѣмъ такъ, какъ размышляютъ люди, находя
щіеся въ хорошемъ, ровномъ и спокойномъ расположеніи духа. Н
что же изъ этого слѣдуетъ? Когда человѣкъ чѣмъ-нибудь силь
обрадованъ, или огорченъ, или испуганъ, или взволнованъ, или оз
боченъ, то мысль его непремѣнно работаетъ не совсѣмъ так
какъ это дѣлается въ спокойныя минуты его жизни. Если вы уси
лите какимъ-нибудь образомъ дѣйствіе той причины, которая про
извела измѣненія въ процессѣ мышленія, то вмѣстѣ съ тѣмъ уси
лится и самое измѣненіе; если оно усилится въ очень значитель
ныхъ размѣрахъ, то человѣкъ сдѣлается до нѣкоторой степени по
хожимъ на сумасшедшаго; онъ начнетъ заговариваться, болтать
чепуху, перебивать самого себя, смѣяться или плакать безъ вид
мой причины, задумываться, отвѣчать не впопадъ на самые пр
стые вопросы и вообще вести себя такъ, что отъ него трудно б
детъ добиться толку. Но признать его помѣшаннымъ было б
все-таки въ высшей степени опрометчиво. Удалите причину, п
репутавшую его мысли, и онъ немедленно сдѣлается снова сове
шенно разсудительнымъ человѣкомъ. Всякая страсть, всякое вп
чатлѣніе, всякое глубокое душевное движеніе нарушаютъ до н
которой степени полное равновѣсіе и гармоническое дѣйствіе и

шихъ умственныхъ способностей, но если бы каждое подобное нарушеніе считалось за помѣшательство, то, по всей вѣроятности, каждому изъ насъ пришлось бы провести въ сумасшедшемъ домѣ большую часть своей жизни. Помѣшательствомъ можно назвать только такое нарушеніе равновѣсія, послѣ котораго нормальныя умственныя отправленія уже не возстановляются сами собою.

Человѣкъ помѣшанный не можетъ отвѣчать за свои поступки. Съ него невозможно взыскивать за то зло, которое онъ дѣлаетъ себѣ и другимъ; его нельзя ни судить, ни наказывать. Этотъ принципъ въ настоящее время принятъ всѣми уголовными кодексами образованнаго міра. Доказать, что преступленіе совершено во время помѣшательства, значитъ доказать, что преступленія вовсе не существуетъ и что, вмѣсто преступника, подлежащаго извѣстному наказанію, судьи имѣютъ передъ собою больного, нуждающагося въ попеченіяхъ добросовѣстнаго и человѣколюбиваго медика. Поэтому, въ вопросѣ о томъ, помѣшанъ ли Раскольниковъ, скрывается въ сущности другой вопросъ: на сколько Раскольниковъ былъ свободенъ и способенъ отвѣчать за свои поступки въ то время, когда онъ совершалъ свое преступленіе? Этотъ вопросъ имѣетъ очень важное и глубокое общественное значеніе. Этотъ вопросъ гораздо болѣе интересенъ для каждаго размышляющаго читателя, чѣмъ спеціально-психіатрическій вопросъ о томъ, можно ли назвать помѣшательствомъ то ненормальное настроеніе, въ которое погрузила Раскольникова его безвыходная нищета. Собственно говоря, именно этотъ вопросъ и предлагается каждымъ читателемъ, желающимъ знать, былъ ли Раскольниковъ помѣшанъ или нѣтъ. Отъ рѣшенія этого вопроса зависятъ тѣ отношенія, въ которыя читатель станетъ къ герою, совершившему грязное и отвратительное преступленіе. Читатель можетъ или презирать и ненавидѣть Раскольникова, какъ вреднаго и низкаго негодяя, для котораго уже нѣтъ и не должно быть мѣста въ гражданскомъ обществѣ; или же читатель можетъ смотрѣть на него съ почтительнымъ состраданіемъ, какъ на несчастнаго человѣка, свалившагося въ грязь подъ невыносимымъ гнетомъ такихъ суровыхъ и непобѣдимо-враждебныхъ обстоятельствъ, которыя могли бы сломить даже очень твердую волю и отуманить даже очень свѣтлую голову. Отношенія читателя къ Раскольникову опредѣляются такъ или иначе, смотря по тому, какъ рѣшится вопросъ о свободѣ Раскольникова и о его способности отвѣчать за свои поступки. Этотъ послѣдній вопросъ можно и должно совершенно

отдѣлить отъ вопроса о его помѣшательствѣ. Можно признать тотъ фактъ, что Раскольниковъ не былъ помѣшанъ, и, въ то же время, можно доказать, что та доля свободы, которою пользовался Раскольниковъ, была совершенно ничтожна.

Переберемъ одну за другою всѣ подробности той обстановки, при которой Раскольникову приходилось обдумывать свое положеніе и искать выхода изъ той ловушки, которую разставила ему жизнь; перечислимъ одно за другимъ впечатлѣнія, которыя ложились на его измученную нервную систему; взвѣсимъ и оцѣнимъ всѣ мелкія и мучительныя столкновенія съ грубостью и бездушностью окружающихъ людей, всѣ столкновенія, которыя направляли въ извѣстную сторону теченіе его мыслей,—и потомъ спросимъ себя, оставалась ли за Раскольниковымъ свобода выбора, и въ его-ли власти было притти или не притти къ тому дикому абсурду, которымъ закончилась его глухая и одинокая борьба.

Въ ту минуту, когда мы знакомимся съ Раскольниковымъ, онъ старается *„проскользнуть какъ-нибудь кошкой по лѣстницѣ"* мимо квартиры хозяйки, которой онъ долженъ, *и улизнуть чтобы никто не видалъ.* При этомъ онъ чувствуетъ *какое-то болѣзненное и трусливое ощущеніе,* котораго стыдится и отъ котораго морщится. И это ощущеніе онъ принужденъ испытывать всякій разъ, когда выходитъ на улицу, потому что всякій разъ ему надо проходить по лѣстницѣ, мимо хозяйкиной двери, которая обыкновенно бываетъ отворена. Выходитъ онъ на улицу въ такомъ видѣ, который въ однихъ прохожихъ возбуждаетъ насмѣшку, въ другихъ отвращеніе, въ третьихъ праздное состраданіе. Онъ остается равнодушенъ къ тому впечатлѣнію, которое его лохмотья могутъ произвести на уличную публику. Но почему онъ равнодушенъ? Потому, какъ объясняетъ г. Достоевскій, что въ душѣ его накопилось уже достаточное количество *злобнаго презрѣнія.* Это злобное презрѣніе, составляющее для Раскольникова оборонительное оружіе противъ мелкихъ булавочныхъ уколовъ которыми добрые люди расточаютъ своимъ ближнимъ для препровожденія времени,—пріобрѣтается не легко, покупается не дешевою цѣною и изображаетъ собою такую почву, на которой могутъ укорениться и созрѣть самыя дикія, мрачныя и отчаянныя намѣренія. Это злобное презрѣніе еще недостаточно защищаетъ его отъ стыда за свою безпомощность, когда ему случается встрѣтиться съ знакомыми или съ прежними товарищами. Онъ тщательно избѣгаетъ

такихъ встрѣчъ. Дурной знакъ! Его молодое самолюбіе такъ глубоко изранено разнообразнѣйшими оскорбленіями, что уже нѣтъ той формы дружескаго участія, которая могла бы доставить ему пріятное ощущеніе, и которая не показалась бы ему выраженіемъ обиднаго и высокомѣрнаго состраданія.

Раскольниковъ идетъ къ той старухѣ, которую онъ собирается убить; онъ идетъ закладывать серебряные часы и въ то же время осматривать мѣстность. Старуха даетъ ему за часы полтора рубля, и беретъ съ него проценты за мѣсяцъ. Раскольниковъ видитъ и чувствуетъ на самомъ себѣ, какъ люди пользуются страданіями своихъ ближнихъ, какъ искусно и старательно, какъ аккуратно и безопасно они высасываютъ послѣдніе соки изъ бѣдняка, изнемогающаго въ непосильной борьбѣ за жалкое и глупое существованіе. Ненависть и презрѣніе приливаютъ широкими и ядовитыми волнами въ молодую и воспріимчивую душу Раскольникова въ то время, когда грязная старуха, наукъ въ человѣческомъ образѣ, тянетъ изъ него все, что можно вытянуть изъ человѣка, находящагося наканунѣ голодной смерти. Ненависть и презрѣніе одолѣваютъ его съ такою силою, что ему становится безконечно отвратительнымъ даже бить эту старуху, даже марать руки ея кровью и ея деньгами, въ которыхъ ему чуются слезы многихъ десятковъ голодныхъ людей, быть можетъ, даже многихъ покойниковъ, умершихъ въ больницѣ отъ истощенія силъ или бросившихся въ воду, во избѣжаніе голодной смерти. На минуту все тонетъ для Раскольникова въ какомъ-то туманѣ непобѣдимаго отвращенія. Пропадай эта подлая старуха, пропадай ея грязныя деньги, пропадай я самъ съ моими глупыми страданіями и еще болѣе глупыми планами обогащенія. Наплевалъ бы на всю эту тину человѣческой гнусности, ушелъ бы куда-нибудь, забылся бы, умеръ бы, если бы для этого достаточно было закрыть глаза и пожелать смерти.

Это чувство нравственнаго отвращенія усиливается еще и доводится до своего апогея простымъ ощущеніемъ физической тошноты. Раскольниковъ голоденъ до такой степени, что мысли путаются въ его головѣ. Онъ входитъ въ распивочную, выпиваетъ стаканъ холоднаго пива, и ему вдругъ становится веселѣе и легче; онъ самъ замѣчаетъ, что у него „крѣпнетъ умъ, яснѣетъ мысль, твердѣютъ намѣренія". Сознательная ненависть къ старухѣ и взглядъ на ея безчестно нажитыя деньги, какъ на средство выбраться изъ затрудненія, одерживаютъ перевѣсъ надъ инстинкти-

вно сильнымъ отвращеніемъ къ грязному убійству. Раскольниковъ замѣчаетъ тотчасъ же, что этотъ поворотъ въ его мысляхъ произошелъ отъ стакана пива, и это простое наблюденіе заставляетъ его плюнуть и сказать: „какое все это ничтожество!" Изъ этого наблюденія онъ видитъ, что онъ не властенъ надъ своими мыслями, что онъ не можетъ подавлять или вызывать ихъ по своему благоусмотрѣнію, и что ему надо будетъ, волею или неволею, пттти туда, куда поведутъ его внѣшнія вліянія, дающія его мыслямъ то или другое направленіе. Въ распивочной Раскольниковъ встрѣчается съ горькимъ пьяницею, отставнымъ чиновникомъ Мармеладовымъ, который комически-витіеватымъ языкомъ разсказываетъ ему свою простую и глубоко-трагическую исторію. Бѣдность, голодныя дѣти, грязный уголъ, оскорбленія разныхъ нахаловъ, чахоточная жена, сохраняющая воспоминаніе о лучшихъ дняхъ и убивающая себя работою, старшая дочь, превратившаяся въ публичную женщину, чтобы поддерживать существованіе семейства — вотъ выдающіяся черты той жизни, которой панорама развертывается передъ Раскольниковымъ въ разсказѣ пьянаго Мармеладова. Самъ разсказчикъ нисколько не желаетъ себя выгораживать; съ смиреніемъ, свойственнымъ разговорчивому пьяницѣ, онъ неоднократно называетъ себя свиньею и скотомъ, и доказываетъ очень убѣдительно, что онъ въ самомъ дѣлѣ скотъ и свинья. Онъ объясняетъ Раскольникову, съ чувствомъ искренняго негодованія противъ себя, что пропилъ даже чулки своей жены, пропилъ косыночку изъ козьяго пуха, *„даренную, прежнюю, ея собственную"*, пропилъ въ послѣдніе пять дней свое мѣсячное жалованье, укравши его изъ-подъ замка у жены, вмѣстѣ съ жалованьемъ пропилъ форменное платье и послѣднюю надежду выбраться на чистую дорожку посредствомъ службы, которая была ему доставлена только по особому великодушію какого-то благодѣтеля, его провосходительства Ивана Аѳанасьевича, тронувшагося его слезными мольбами и взявшаго его на свою личную отвѣтственность. „Пятый день изъ дома, кончаетъ Мармеладовъ, и тамъ меня ищутъ, и службѣ конецъ, и вицъ-мундиръ въ распивочной у Египетскаго моста лежитъ, взамѣнъ чего и получилъ сіе одѣяніе... и всему конецъ".

До столкновенія съ Мармеладовымъ, Раскольниковъ зналъ коротко только тѣ физическія лишенія, которыя порождаются бѣдностью. Онъ могъ, конечно, дойти и, по всей вѣроятности, доходилъ путемъ теоретическихъ выкладокъ до того заключенія, что бѣдность, придавливая и пригибая человѣка къ землѣ, дѣлая его

безотвѣтнымъ и беззащитнымъ, заставляя его ползать и пресмыкаться въ грязи у ногъ великодушныхъ благодѣтелей, медленно и безвозвратно убиваетъ въ немъ его человѣческое достоинство; но доходитъ путемъ размышленія до того вывода, что какой-нибудь фактъ возможенъ и дѣйствительно существуетъ, совсѣмъ не то, что встрѣтиться съ этимъ фактомъ лицомъ къ лицу, осмотрѣть его со всѣхъ сторонъ и вдохнуть въ себя весь его своеобразный ароматъ. Раскольниковъ *никогда до сихъ поръ не входилъ въ распивочныя,* слѣдовательно, никогда не видалъ вблизи тѣхъ образчиковъ нравственнаго паденія, которые изготовляются бѣдностью. Мармеладовъ и его разсказъ дѣйствуютъ на него такъ, какъ дѣйствуютъ обыкновенно на юнаго медицинскаго студента тѣ куски разлагающагося человѣческаго мяса, съ которыми онъ встрѣчается и принужденъ знакомиться самымъ обстоятельнымъ образомъ, при первомъ своемъ вступленіи въ анатомическій театръ. Прошу читателей извинить меня. Мое сравненіе грѣшитъ тѣмъ, что оно слишкомъ слабо. Оно могло бы сдѣлаться вѣрнымъ только въ томъ случаѣ, если бы мы предположили, что въ анатомическомъ театрѣ производятся вивисекціи надъ самими медицинскими студентами, и что каждый изъ этихъ студентовъ, превратившись подъ ножемъ прозектора въ куски кроваваго и разлагающагося мяса, продолжаетъ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, страдать, стонать, метаться, чувствуя и сознавая свое собственное гніеніе. Допустивши это дикое предположеніе и вообразивъ себѣ, какое чувство долженъ испытывать студентъ, вступающій въ анатомическій театръ, знающій заранѣе ту судьбу, которая его ожидаетъ, и встрѣчающійся въ первый разъ съ живыми примѣрами тѣхъ метаморфозъ, которыя скоро должны совершиться надъ нимъ самимъ, мы составимъ себѣ довольно ясное понятіе о томъ, что долженъ былъ передумать и перечувствовать Раскольниковъ, созерцая Мармеладова и выслушивая его пьяную исповѣдь. Всего ужаснѣе въ этой личности и въ этой исповѣди именно то, что Мармеладова невозможно презирать цѣликомъ, презирать такъ, чтобы къ этому презрѣнію не примѣшивалось никакого другого чувства. Глядя на него, Раскольниковъ не можетъ остановиться и успокоиться на томъ приговорѣ, что это дѣйствительно скотъ и свинья, и что въ этомъ скотѣ или въ этой свиньѣ никогда не было, или, по крайней мѣрѣ, уже не осталось ничего чисто-человѣческаго, ничего такого, въ чемъ просвѣчивало бы его сродство съ самимъ Раскольниковымъ, и въ чемъ таились бы задатки безпредѣльнаго совершенствованія. Мар-

меладовъ любитъ свою жену и своихъ дѣтей, запоминаетъ всѣ оттѣнки ихъ страданій, и самъ страдаетъ за нихъ и вмѣстѣ съ ними въ то же самое время, когда онъ самъ, своими же собственными руками сталкиваетъ ихъ въ грязную яму безвыходной нищеты, которая уже разрѣшилась для его старшей дочери всѣми муками и пытками вынужденнаго разврата. Мармеладовъ способенъ сознательно уважать свою жену, способенъ оцѣнивать, понимать и прощать естественною деликатностью и чуткостью глубоко-нѣжнаго характера (я бы сказалъ *сердца*, если бы не избѣгалъ этого неточнаго и до крайности опошленнаго выраженія) тѣ взрывы взбалмошной сварливости и несправедливой злости, которымъ подвержена эта измученная чахоточная женщина. „Лежалъ я тогда, говоритъ Мармелодовь.... ну да ужъ что! лежалъ пьяненькой-съ, и слышу, говоритъ моя Соня (безотвѣтная она, и голосокъ у нея такой кроткій.... бѣлокуренькая, и личико всегда блѣдненькое, худенькое), говоритъ: „что-жъ, Катерина Ивановна, неужели же мнѣ на такое дѣло пойти?" А ужъ Дарья Францовна, женщина злонамѣренная и полиціи многократно извѣстная, раза три черезъ хозяйку навѣдывалась. „А что-жъ, отвѣчаетъ Катерина Ивановна, вѣдь пересмѣшку,—что беречь? Эко сокровище!" Но не вините, не вините! Не въ здравомъ разсудкѣ сіе сказано было, а при взволнованныхъ чувствахъ, въ болѣзни и при плачѣ дѣтей не ѣвшихъ, да и сказано болѣе ради оскорбленія, чѣмъ въ точномъ смыслѣ.... Ибо Катерина Ивановна такого ужъ характера, и какъ расплачутся дѣти, хоть бы и съ голоду, тотчасъ же ихъ бить начинаетъ. И вижу я эдакъ часу въ шестомъ, Сонечка встала, надѣла платочекъ, надѣла бурнусикъ, и съ квартиры отправилась, а въ девятомъ часу и назадъ обратно пришла. Пришла и прямо къ Катеринѣ Ивановнѣ, и на столъ передъ ней тридцать цѣлковыхъ молча выложила. Ни словечка при этомъ не вымолвила, хоть бы взглянула, а взяла только нашъ большой драдедамовый зеленый платокъ (общій такой платокъ у насъ есть, драдедамовый), накрыла имъ совсѣмъ голову и лицо, и легла на кровать, лицомъ къ стѣнѣ, только плечики да тѣло все вздрагиваютъ.... А я, какъ и давечъ, въ томъ же видѣ лежалъ-съ.... И видѣлъ я тогда, молодой человѣкъ, видѣлъ я, какъ затѣмъ Катерина Ивановна, также ни слова не говоря, подошла къ Сонечкиной постелькѣ и весь вечеръ въ ногахъ у ней на колѣнкахъ простояла, ноги ей цѣловала, встать не хотѣла, а потомъ такъ обѣ и заснули вмѣстѣ, обнявшись... обѣ.... обѣ.... да-съ.... а я.... лежалъ пьяненькой-съ...." Все разска

зано просто, ясно и до послѣдней степени отчетливо. Приведены всѣ подробности, которыя могъ подмѣтить очевидецъ, глубоко заинтересованный въ совершавшемся событіи. Подмѣчено все, что могло бросить свѣтъ на характеры обѣихъ женщинъ, все, что могло объяснить и оправдать ихъ проступки, идущіе въ разрѣзъ съ правилами той нравственности, которую счастливые люди могутъ и должны считать для себя обязательной, и во имя которой они очень естественнымъ образомъ расположены судить и осуждать своихъ несчастныхъ ближнихъ. Видно изъ каждаго слова разсказа, что впечатлѣнія этого рокового вечера, какъ капли расплавленнаго свинца, падали въ мозгъ жалкаго пьяницы и оставляли въ немъ такіе слѣды, которыхъ не сотрутъ до конца жизни никакіе винные пары. Все онъ понимаетъ, все объясняетъ, все прощаетъ и оправдываетъ — только для самого себя нѣтъ у него ни одного слова объясненія, прощенія и оправданія. И три раза встрѣчается въ его разсказѣ упоминаніе о томъ голомъ фактѣ, что онъ лежалъ пьяненькій, упоминаніе, похожее на похоронное пѣніе, пропѣтое человѣкомъ надъ самимъ собою. И съ этимъ-то яснымъ пониманіемъ своего глубокаго ничтожества, съ этимъ неизгладимымъ яркимъ и жгучимъ воспоминаніемъ о событіяхъ рокового вечера, онъ все-таки бѣжитъ въ кабакъ, укравши у жены свои трудовыя деньги, пьянствуетъ безъ просыпу пятеро сутокъ, губитъ всѣ послѣднія надежды своего семейства, и въ довершеніе всѣхъ своихъ подвиговъ, спустивши въ кабакѣ все, что можно было спустить, идетъ выпрашивать у своей дочери, живущей по желтому билету, выпрашиваетъ на послѣдній полуштофъ водки частицу тѣхъ денегъ, которыя она добываетъ отъ искателей легкой и дешевой любви, и которыя составляютъ единственное постоянное подспорье чахоточной женщины и тройхъ вѣчно голодныхъ ребятишекъ. Ясное дѣло, что Мармеладовъ трупъ, чувствующій и понимающій свое разложеніе, трупъ, слѣдящій съ невыразимо-мучительнымъ вниманіемъ, за всѣми фазами того ужаснаго процесса, которымъ уничтожается всякое сходство этого трупа съ живымъ человѣкомъ, способнымъ чувствовать, мыслить и дѣйствовать. Это мучительное вниманіе составляетъ послѣдній остатокъ человѣческаго образа; глядя на этотъ послѣдній остатокъ, Раскольниковъ можетъ понимать, что Мармеладовъ не всегда былъ такимъ трупомъ, какимъ онъ видитъ его въ распивочной, за полуштофомъ, купленнымъ на Сонины деньги. Этотъ остатокъ намекаетъ ему на то, что есть тропинка, ведущая къ Мармеладовскому паденію, и что есть воз-

можность спуститься на эту скользкую тропинку даже съ той высоты умственнаго и нравственнаго развитія, на которую удалось взобраться ему, студенту Раскольникову. Не даромъ же Мармеладовъ обращается въ распивочной исключительно къ нему одному, и не даромъ же онъ самъ слушаетъ его разсказъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Между ними есть точки соприкосновенія, между ними существуетъ возможность взаимнаго пониманія, и, стало быть, нѣтъ основаній ручаться за то, чтобы тѣ испытанія, которыя погубили Мармеладова, не обнаружили своего мертвящаго и разлагающаго вліянія надъ Раскольниковымъ. Мармеладова раздавила бѣдность, та самая бѣдность, которая давитъ Раскольникова, и уже довела его до изнурительной апатіи и до дикихъ мыслей о грабежѣ и убійствѣ. Мармеладовъ не вынесъ своихъ страданій, осложненныхъ страданіями продолжительными и разнообразными, то острыми, то хроническими страданіями тѣхъ людей, которые были ему дороги, и которыхъ существованіе онъ одинъ могъ и одинъ обязанъ былъ обезпечивать. Мармеладовъ не вынесъ, и сталъ искать себѣ мивутнаго забвенія; онъ *прикоснулся,* какъ онъ самъ выражается, и прикоснулся по тому самому побужденію, по которому человѣкъ, страдающій невыносимою зубною болью, кладетъ себѣ опіумъ и хлороформъ въ дупло больного зуба. Мармеладовъ сдѣлался врагомъ, разорителемъ и мучителемъ своего семейства, такъ нечувствительно и незамѣтно для самого себя, какъ человѣкъ, пристрастившійся къ лѣченію посредствомъ опіума, становится сознательно губителемъ собственнаго здоровья. Мармеладовъ не принималъ никакихъ противозаконныхъ и насильственныхъ мѣръ противъ своей нищеты; онъ просто падалъ, вязнулъ и тонулъ, потому что у него не хватало силъ стоять на ногахъ, и потому что его ноги не находили себѣ твердой точки опоры въ той бездонной трясинѣ, которая изъ году въ годъ поглощаетъ сотни и тысячи бѣдныхъ людей. Результатъ, къ которому онъ пришелъ путемъ этого краткаго и пассивнаго погруженія въ болото нищеты, разоблачился передъ Раскольниковымъ во всей наготѣ своего потрясающаго безобразія. При томъ направленіи, которое уже было дано мыслямъ Раскольникова, при томъ планѣ, по которому уже складывались и созрѣвали его намѣренія, видъ трупа, доведеннаго до разложенія собственною пассивностью и кротостью, долженъ былъ подѣйствовать на Раскольникова такъ, какъ можетъ подѣйствовать ударъ каленымъ желѣзомъ на бѣшеную лошадь, уже закусившую удила.

Личность Сони и ея образъ дѣйствій также наводятъ Раскольникова на такія размышленія, которыя могутъ только расчищать передъ нимъ дорогу къ преступленію. Во-первыхъ, у Раскольникова есть сестра, дѣвушка молодая, умная, образованная, и красавица собою. Раскольниковъ любитъ свою сестру также сильно, какъ Мармеладовъ любитъ свою старшую дочь. Но къ чему годится эта сильная любовь бѣднаго, задавленнаго и безсильнаго человѣка? Отъ чего можетъ защитить и куда можетъ привести такая любовь? Пользуясь этою любовью, Авдотья Романовна Раскольникова такъ же точно можетъ очутиться въ безотчетномъ распоряженіи уличныхъ ловеласовъ, какъ очутилась въ ихъ распоряженіи Софья Семеновна Мармеладова. Невозможно разсчитывать навѣрное даже и на тотъ исходъ, что самоубійство спасетъ Авдотью Романовну отъ вынужденнаго разврата. Можетъ быть, Софья Семеновна также сумѣла бы броситься въ Неву; но, бросаясь въ Неву, она не могла бы выложить на столъ предъ Катериною Ивановною тридцати цѣлковыхъ, въ которыхъ заключается весь смыслъ и оправданіе ея безнравственнаго поступка. Бываютъ въ жизни такія положенія, которыя убѣждаютъ безпристрастнаго наблюдателя въ томъ, что самоубійство есть роскошь, доступная и позволительная только обезпеченнымъ людямъ. Очутившись въ такомъ положеніи, человѣкъ научается понимать выразительную пословицу: куда ни кинь, все клинъ. Къ такому положенію оказываются непримѣнимыми правила и предписанія общепринятой житейской нравственности. Въ такомъ положеніи, точное соблюденіе каждаго изъ этихъ превосходныхъ правилъ и предписаній приводитъ человѣка къ какому-нибудь вопіющему абсурду. То, что при обыкновенныхъ условіяхъ было бы священною обязанностью, начинаетъ казаться человѣку, попавшему въ исключительное положеніе, презрѣннымъ малодушіемъ или даже явнымъ преступленіемъ; то, что при обыкновенныхъ условіяхъ возбудило бы въ человѣкѣ ужасъ и отвращеніе, начинаетъ казаться ему необходимымъ шагомъ или геройскимъ подвигомъ, когда онъ находится подъ гнетомъ своего исключительнаго положенія. И не только самъ человѣкъ, подавленный исключительнымъ положеніемъ, теряетъ способность рѣшать нравственные вопросы такъ, какъ они рѣшаются огромнымъ большинствомъ его современниковъ и соотчественниковъ, но даже и безпристрастный наблюдатель, вдумываясь въ такое исключительное положеніе, останавливается въ недоумѣніи и начинаетъ испытывать такое ощущеніе, какъ будто онъ попалъ въ новый особенный, совершен-

но фантастическій міръ, гдѣ все дѣлается навыворотъ, и гдѣ наши обыкновенныя понятія о добрѣ и злѣ не могутъ имѣть никакой обязательной силы. Что вы скажете, въ самомъ дѣлѣ, о поступкѣ Софьи Семеновны? Какое чувство возбудитъ въ васъ этотъ поступокъ: презрѣніе или благоговѣніе? Какъ вы назовете ее за этотъ поступокъ: грязною потаскушкою, бросившею въ уличную лужу святыню своей женской чести, или великодушною героинею, принявшею съ спокойнымъ достоинствомъ свой мученическій вѣнецъ? Какой голосъ эта дѣвушка должна принять за голосъ совѣсти, тотъ ли, который ей говорилъ: „сиди дома и терпи до конца; умирай съ голоду вмѣстѣ съ отцомъ, съ матерью, съ братомъ и съ сестрами, но сохраняй до послѣдней минуты свою нравственную чистоту" — или тотъ, который говорилъ: не жалѣй себя, не береги себя, отдай все, что у тебя есть, продай себя, опозорь и загрязни себя; но спаси, утѣшь, поддержи этихъ людей, накорми и обогрѣй ихъ хоть на недѣлю, во что бы то ни стало? Я очень завидую тѣмъ изъ моихъ читателей, которые могутъ и умѣютъ рѣшать съ плеча, безъ оглядки и безъ колебаній вопросы, подобные предыдущему. Я самъ долженъ сознаться, что передъ такими вопросами я становлюсь въ тупикъ; противоположныя воззрѣнія и доказательства сталкиваются между собою; мысли путаются и мѣшаются въ моей головѣ; я теряю способность оріентироваться и анализировать; начинается тревожное и мучительное исканіе какой-нибудь твердой точки и какого-нибудь возможнаго выхода изъ заколдованнаго круга, созданнаго исключительнымъ положеніемъ. Кончается-ли это исканіе какимъ-нибудь положительнымъ результатомъ, нахожу-ли я точку опоры и удастся-ли мнѣ замѣтить выходъ — объ этомъ я не скажу моимъ читателямъ ни одного слова.

Если здѣсь возможенъ какой-нибудь положительный результатъ, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ показаться читателямъ такою выдумкою, которая въ высшей степени похожа на абсурдъ или на парадоксъ. Но, такъ какъ, съ одной стороны, бросать бисеръ передъ свиньями нерасчетливо и неблагоразумно, то, съ другой стороны, также неблагоразумно и нерасчетливо, и, кромѣ того, даже очень невѣжливо предлагать предметы, годные только для свиней, какъ-то жолуди и отруби, такимъ особамъ, передъ которыми слѣдуетъ разсыпать чистый бисеръ. Поэтому, если бы даже я имѣлъ несчастье добраться путемъ моихъ размышленій до обильнаго запаса жолудей и отрубей, то я бы тщательно скрылъ отъ моихъ благовоспитанныхъ читателей мое неприличное открытіе.

Это было бы тѣмъ болѣе удобно, что, въ настоящемъ случаѣ, насъ занимаетъ исключительно вопросъ о томъ: какимъ образомъ разсказъ Мармеладова о поступкѣ Сони долженъ былъ подѣйствовать на Раскольникова? Со стороны Раскольникова невозможно ожидать продолжительныхъ колебаній во взглядѣ на этотъ поступокъ. Раскольниковъ не могъ быть безпристрастнымъ наблюдателемъ. Раскольниковъ самъ былъ въ высшей степени ожесточенъ трудностями своего собственнаго положенія: въ его душѣ накопилось, какъ мы уже видѣли выше, много злобнаго презрѣнія къ обществу, къ его законамъ и ко всѣмъ его установившимся нравственнымъ понятіямъ. Онъ самъ уже былъ коротко знакомъ съ тою опасною мыслью, что бѣднякъ, которому общество отказываетъ въ работѣ и въ кускѣ хлѣба, долженъ поневолѣ вступить въ открытую войну съ этимъ обществомъ, и вести эту войну всѣми правдами и неправдами, силою и хитростью, нарушая безбоязненно и безсовѣстно всѣ предписанія нравственнаго закона. То обстоятельство, что Соня шла наперекоръ общественному мнѣнію, должно было подкупить Раскольникова въ пользу ея поступка. Въ этомъ поступкѣ онъ могъ видѣть только то высокое самоотверженіе, съ которымъ Соня рѣшилась надѣть мученическій вѣнецъ и выпить до дна чашу униженія и страданія. Онъ могъ только почувствовать къ Сонѣ восторженное уваженіе за то, что она, подобно Курцію, бросилась въ пропасть и согласилась сдѣлаться искупительною жертвою за цѣлое семейство. При этомъ, разумѣется, онъ долженъ былъ также сообразить, что пропасть, въ которую бросилась Соня, все-таки остается открытою, и что семейство, за которое принесена жертва, все-таки остается неискупленнымъ, такъ что младшія сестры Сони сохраняютъ за собою всѣ шансы отправиться въ свое время по ея слѣдамъ. Примѣръ Сони долженъ былъ, съ одной стороны, возбудить въ немъ соревнованіе, а съ другой стороны, подѣйствовать на него, какъ предостереженіе. Съ одной стороны, онъ долженъ былъ подумать: вѣдь, вотъ въ самомъ дѣлѣ, эта Соня! Семнадцатилѣтняя дѣвушка, слабая, робкая, безотвѣтная, забитая, не развитая, опутанная всякими рутинными понятіями и предразсудками,— а какъ пришлось очень круто, такъ сумѣла же рѣшиться, и нашла возможность дѣйствовать. Не осталась же она дома, чтобы сидѣть сложа руки, хныкать надъ пьянымъ отцомъ, надъ больною мачихою, надъ голодными ребятами, или въ тысячный разъ затыкать трудовыми копеечками такую прорѣху, на которую очевидно требовались рубли, добытые какими

бы то ни было средствами. Нѣтъ. Посидѣла, поплакала, надумалась, вышла на улицу, бросилась прямо въ грязь, и выкопала изъ этой грязи тридцать рублей для семейнаго бюджета. А я то чего же смотрю. Я то, мужчина, сильный человѣкъ, свободный мыслитель, строгій судья существующихъ нелѣпостей. Развѣ я не способенъ понять, что мое положеніе не поправляется грошевыми уроками? Развѣ я считать не умѣю? Или я, можетъ быть, боюсь столкновенія съ существующими понятіями, боюсь того, чего не боялась Соня? Или я жду того, чтобы сестра Дуня приняла на себя обязанности искупительной жертвы за наше семейство, и погибла бы такъ же безтолково и такъ же безплодно, какъ погибла эта Соня? Или я просто на словахъ города беру, а на дѣлѣ поджимаю хвостъ передъ простымъ городовымъ.

Съ другой стороны, онъ долженъ былъ подумать: не стоитъ мараться по мелочамъ и изъ-за пустяковъ. Ужъ если бросаться въ грязь, то бросаться не изъ-за тридцати цѣлковыхъ, и ужъ, конечно, не такъ нерасчетливо, какъ бросилась эта Соня. Надо сильно рискнуть, чтобы много выиграть. Надо такъ—или панъ или пропалъ!—А то ужъ лучше лежать дома на диванѣ, хлебать вчерашнія Настасьины щи, прятаться отъ хозяйки, бѣгать высуня языхъ за грошевыми уроками, какъ за кладомъ, который все не дается въ руки,—и при этомъ утѣшать себя пріятнымъ сознаніемъ своей незапятнанной честности.—Я убѣдительно прошу читателей не думать, что я сколько-нибудь одобряю эти размышленія Раскольникова; я нахожу напротивъ того, что его проническія отношенія къ незапятнанной честности и къ упорному труду, получающему копеечное вознагражденіе, въ высшей степени предосудительны; я вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что его мысли—дурныя, вредныя и опасныя мысли. Я только осмѣливаюсь утверждать и стараюсь доказывать, что эти мысли были неизбѣжными продуктами его невыносимаго положенія; въ этихъ мысляхъ проявилась та болѣзнь, которая развилась въ немъ подъ вліяніемъ его лишеній и разнообразныхъ страданій,—та болѣзнь, которую нельзя назвать помѣшательствомъ, но которая все-таки ведетъ и должна вести человѣка къ нелѣпымъ и безобразнымъ поступкамъ. При тѣхъ условіяхъ, которыя давили Раскольникова, у него не могло быть никакихъ другихъ мыслей. Поставьте на мѣсто Раскольникова какого-нибудь другого человѣка обыкновенныхъ размѣровъ, развивавшагося иначе и смотрящаго на вещи другими глазами, и вы увидите, что получится тотъ же самый результатъ. Невыносимое

положеніе воспитаетъ въ немъ ту же самую болѣзнь, и всѣ его мысли примутъ то же самое вредное и опасное направленіе. Онъ убѣдитъ себя въ томъ, что общество обращается съ нимъ, какъ съ голоднымъ волкомъ, и что ему остается только принять на себя эту странную роль со всѣми ея возможными послѣдствіями, со всѣми ея своеобразными правами и обязанностями, со всѣми ея удобствами и неудобствами.

Будемъ теперь слѣдить дальше за тѣми впечатлѣніями, которыя доставались на долю Раскольникова и могли обнаруживать на общее теченіе его мыслей то или другое вліяніе. На другой день послѣ посѣщенія распивочной, Раскольниковъ получаетъ письмо отъ своей матери. Видъ этого письма дѣйствуетъ на него очень сильно: „Письмо, говоритъ г. Достоевскій, дрожало въ рукахъ его; онъ не хотѣлъ распечатывать при ней (при Настасьѣ): ему хотѣлось остаться *наединѣ* съ этимъ письмомъ. Когда Настасья вышла, онъ быстро поднесъ его къ губамъ и поцѣловалъ, потомъ долго еще вглядывался въ почеркъ адреса, въ знакомый и милый ему мелкій почеркъ его матери, учившей его когда-то читать и писать. Онъ медлилъ; онъ даже какъ-будто боялся чего-то". Если человѣкъ такимъ образомъ принимаетъ и держитъ нераспечатанное письмо, то вы можете себѣ представить, какъ онъ будетъ читать его по строкамъ, и между строками, какъ онъ будетъ всматриваться въ каждый оттѣнокъ и поворотъ мысли, какъ онъ въ словахъ и подъ словами будетъ отыскивать затаенную мысль, отыскивать то, что лежало, быть можетъ, тяжелымъ камнемъ на душѣ писавшей особы, и что скрывалось самымъ тщательнымъ образомъ отъ пытливыхъ глазъ любимаго сына. Начинается одна изъ самыхъ утонченныхъ пытокъ, какія только могутъ выпасть на долю бѣднаго человѣка, еще не доведеннаго гнетущею нищетою до тупости, безчувственности и покорности разбитой и загнанной почтовой клячи. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ строкъ, согрѣтыхъ кроткимъ и мягкимъ сіяніемъ безпредѣльной материнской нѣжности, сыплются на изнемогающаго Раскольникова такіе жгучіе удары, которые могутъ быть нанесены ему именно только рукою любящей матери. Письмо написано самымъ добрымъ и веселымъ тономъ, и наполнено самыми пріятными извѣстіями, и вслѣдствіе этого мучительность пытки становится еще болѣе утонченною. Письмо начинается самыми горячими выраженіями любви: „ты знаешь, какъ я люблю тебя, ты одинъ у насъ, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда упованіе наше". Затѣмъ слѣдуютъ извѣстія о сестрѣ: „Сла-

ва тебѣ Господи, кончились ея истязанія, но разскажу тебѣ все по порядку, чтобы ты узналъ, какъ все было, и что мы отъ тебя до сихъ поръ скрывали". Такъ какъ Раскольникову пишутъ объ *окончившихся* истязаніяхъ, и при этомъ признаются, что отъ него *до сихъ поръ* скрывали многое, или даже все, то ему представляется полнѣйшее право думать, что теперь начинаются новыя истязанія, которыя также будутъ отъ него скрываться до тѣхъ поръ, пока они въ свою очередь не превратятся въ окончившіяся. Раскольниковъ, конечно, съ внимательностью, свойственною сильно любящему человѣку, наматываетъ себѣ на усъ это полезное указаніе, и продолжаетъ чтеніе съ твердою рѣшимостью разглядѣть между радостными строками эти начинающіяся или уже начавшіяся истязанія. Касательно окончившихся истязаній въ письмѣ сообщаются слѣдующія подробности. Дуня поступила гувернанткою въ домъ господъ Свидригайловыхъ, и забрала впередъ *цѣлыхъ сто рублей*, „болѣе для того, чтобы выслать тебѣ шестьдесять рублей, въ которыхъ ты тогда такъ нуждался, и которые ты и получилъ отъ насъ въ прошломъ году". Закабаливъ себя такимъ образомъ на нѣсколько мѣсяцевъ, Дуня принуждена была переносить грубости г. Свидригайлова, стараго кутилы, трактирнаго героя и уличнаго донъ-Жуана, который, какъ сказано въ письмѣ, *по старой привычкѣ своей, находился часто подъ вліяніемъ Бахуса.* Отъ грубостей и насмѣшекъ г. Свидригайловъ перешелъ къ настойчивому ухаживанію, и усиленно сталъ приглашать Дуню къ побѣгу за границу. Супруга г. Свидригайлова, Марѳа Петровна, влюбленная въ мужа по уши, въ высшей степени взбалмошная и ревнивая до крайности, подслушала *своего мужа, умолявшаго Дунечку въ саду,* перепутала въ своей убогой головѣ всѣ обстоятельства дѣла, выскочила изъ своей засады какъ бѣшеная кошка, собственноручно отколотила Дуню, „не хотѣла ничего слушать, а сама цѣлый часъ кричала, и, наконецъ, приказала тотчасъ же отвезти Дуню въ городъ, на простой крестьянской телѣгѣ, въ которую сбросили всѣ ея вещи, бѣлье, платья, все какъ случилось, неувязанное и неуложенное. А тутъ поднялся проливной дождь, и Дуня, оскорбленная и опозоренная, должна была проѣхать съ мужикомъ цѣлыхъ семнадцать верстъ въ мокрой некрытой телѣгѣ". Этимъ мщеніемъ не удовлетворилась разгнѣванная Юнона. Пріѣхавъ въ городъ, она стала такъ успѣшно звонить во всѣхъ домахъ о своихъ семейныхъ несчастіяхъ и о преступленіяхъ безстыжей дѣвки Авдотьи Раскольниковой, что мать и сестра нашего героя были принуждены запе-

реться дома *отъ подозрительныхъ взглядовъ и шестаній*. Всѣ знакомые отъ нихъ отстранились, всѣ перестали имъ кланяться; шайка негодяевъ изъ купеческихъ приказчиковъ и канцелярскихъ писцовъ, всегда готовыхъ бить и оплевывать всякаго лежачаго, стремилась даже принять на себя роль мстителей за outrage à la morale publique, и собиралась вымазать дегтемъ ворота того дома, въ которомъ жила коварная соблазнительница цѣломудреннаго г. Свидригайлова. Хозяева дома, пылая тѣмъ же добродѣтельнымъ негодованіемъ и преклоняясь передъ непогрѣшимымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія, коноводомъ котораго являлась постоянно бѣшеная дура, Марѳа Петровна, потребовали даже, чтобы госпожи Раскольниковы очистили квартиру отъ своего тлетворнаго и компрометирующаго присутствія.

Наконецъ, дѣло разъяснилось. Свидригайловъ предъявилъ своей бѣсноватой супругѣ письмо Авдоты Романовны, написанное задолго до трагической сцены въ саду, и доказывавшее очевидно, что во всемъ былъ виноватъ только одинъ старый селадонъ. Изъ этого письма Марѳа Петровна извлекла себѣ новыя и въ высшей степени драгоцѣнныя средства разнообразить, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, безконечные досуги своей сытой и сонной жизни. Съ искреннимъ увлеченіемъ праздной и пустой женщины, которая со скуки готова съ одинаковымъ наслажденіемъ злословить и благотворить, клеветать и вышивать подвѣски къ паникадиламъ, устраивать концерты въ пользу бѣдныхъ и сѣчь на конюшнѣ беременныхъ горничныхъ,—Марѳа Петровна напустила на себя раскаяніе, прискакала въ городъ, влетѣла въ квартиру Раскольниковыхъ, наводнила эту квартиру потоками своихъ душевныхъ слезъ, попробовала задушить Дуню и ея мать въ своихъ непрошеныхъ объятіяхъ, и потомъ принялась бѣгать по городу и перезванивать по новому всю исторію, съ приличнымъ аккомпанементомъ вздоховъ, крековъ, рыданій, сморканій и нѣвучихъ проклятій, направленныхъ на коварнаго изверга и жестокаго тирана ея нѣжной и пылающей души. Почтенные обитатели города встрепенулись и обрадовались новому обороту дѣла, которое уже казалось покончennымъ, обрадовались такъ же безкорыстно и простодушно, какъ они обрадовались бы извѣстію о томъ, что въ ихъ городѣ родился поросенокъ о двухъ головахъ, или что черезъ ихъ захолустье проѣдетъ въ скоромъ времени какое-нибудь белуджистанское посольство. Нашлась для людей неожиданная возможность о чемъ-то говорить и прикидываться въ продолженіе нѣсколькихъ дней, что они о чемъ-то

думаютъ и чѣмъ-то озабочены. Дунечка сдѣлалась героинею дня, то-есть, всѣ пошляки и негодяи города, всѣ сплетники и сплетницы, всѣ безмозглые и бездушные руководители и руководительницы такъ называемаго общественнаго мнѣнія, присвоили себѣ право и вмѣнили себѣ въ священную обязанность заглядывать своими глупыми глазами въ душу оскорбленной дѣвушки, ходить своими грязными руками и ногами по всѣмъ закоулкамъ ея недавняго страданія, и комментировать сплами своихъ куриныхъ умовъ такіе оттѣнки чувства и проблески мысли, до которыхъ имъ самимъ удастся возвыситься только тогда, когда они сумѣютъ укусить собственный локоть. Дунечка сдѣлалась поводомъ для цѣлаго ряда литературныхъ чтеній. Марѳѣ Петровнѣ „пришлось нѣсколько дней сряду объѣзжать всѣхъ въ городѣ, такъ какъ иные стали обижаться, что другимъ оказано было предпочтеніе, и такимъ образомъ завелись очереди; такъ что въ каждомъ домѣ уже ждали заранѣе, и всѣ знали, что въ такой-то день Марѳа Петровна будетъ тамъ-то читать это письмо, и на каждое чтеніе опять-таки собирались даже и тѣ, которые письмо уже нѣсколько разъ прослушали и у себя въ домахъ, и у другихъ знакомыхъ, по очереди". Къ довершенію благополучія и къ окончательному увѣнчанію оправданной добродѣтели, почтенный и солидный человѣкъ, *уже наворовавшій состояніе*, составившій себѣ капиталъ, и раздѣляющій во многомъ, какъ онъ самъ выражается, *убѣжденія послѣднихъ поколѣній новыхъ*, словомъ, ходячая квинтъ-эссенція всей приличной и самодовольной пошлости, украшающей своимъ существованіемъ тотъ городъ, въ которомъ живутъ госпожи Раскольниковы, подноситъ Авдотьѣ Романовнѣ руку и сердце, въ видѣ высокой и торжественной награды за незаслуженныя страданія. Имя этого благодѣтеля—Петръ Петровичъ Лужинъ. Онъ дальній родственникъ Марѳы Петровны, которая очень горячо мастеритъ это дѣло, потому что она женщина богатая, вліятельная, великодушная и подверженная припадкамъ внезапнаго вдохновенія, потому что она вольна казнить, вольна и миловать ничтожество, подобное Дунѣ Раскольниковой, и еще потому, что это казненіе и милованіе, игриво чередуясь между собою, пріятно разнообразятъ идиллію ея сельской жизни. Все вниманіе Раскольникова сосредоточивается на Петрѣ Петровичѣ Лужинѣ; Раскольниковъ догадывается съ первыхъ словъ письма объ этомъ щекотливомъ сюжетѣ, что начинающіяся истязанія, о которыхъ ему, разумѣется, не пишутъ и не будутъ писать, какъ не писали о грубостяхъ и любезностяхъ г. Свидригайлова и о воинственныхъ подвигахъ его супруги,—идутъ теперь отъ со-

лиднаго человѣка, уже составившаго себѣ капиталъ и раздѣляющаго во многомъ убѣжденія новѣйшихъ поколѣній нашихъ. Въ своемъ письмѣ, мать Раскольникова, Пульхерія Александровна, говоря о Лужинѣ, носится между Сциллою и Харибдою. Съ одной стороны, ей необходимо расположить сына въ пользу Петра Петровича, чтобы состоялась свадьба, на которой основываются многія ея надежды. Съ другой стороны, ей надо соблюдать въ похвалахъ очень большую осторожность и умѣренность, потому что ея сыну предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ личная встрѣча съ Петромъ Петровичемъ, встрѣча, которая, въ случаѣ сильнаго разочарованія со стороны молодого и пылкаго Раскольникова, можетъ кончиться неожиданнымъ и рѣшительнымъ разрывомъ. Дуня уже дала Петру Петровичу свое согласіе, и мать старается убѣдить себя, что ея дочь будетъ, если и не совсѣмъ счастлива, то, по крайней мѣрѣ, и не слишкомъ несчастлива. Она видитъ ясно въ Лужинѣ черствость, мелочность, скаредность и тщеславіе; ее коробитъ отъ всѣхъ этихъ украшеній того человѣка, въ рукахъ котораго будетъ находиться жизнь ея дочери, она чувствуетъ, что Дуня добровольно и сознательно беретъ на себя очень тяжелый крестъ; но и мать и дочь, обѣ дорожатъ предположеннымъ бракомъ и считаютъ его за счастье, потому что онъ даетъ имъ возможность, по крайней мѣрѣ, неопредѣленную надежду вытащить безцѣннаго Родю, то-есть нашего героя, изъ болота нищеты на гладкую и твердую дорогу. Въ своемъ письмѣ, Пульхерія Александровна старается говорить о Лужинѣ спокойно, весело и развязно; она старается показать, что онѣ съ дочерью не обманываютъ себя фантастическими надеждами, что онѣ видятъ ясно всѣ достоинства и недостатки жениха, всѣ удобства и неудобства предположеннаго брака, и что ихъ согласіе дано послѣ зрѣлаго и хладнокровнаго обсужденія вопроса со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Но Раскольниковъ изъ письма своей матери выноситъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, на которое разсчитывала Пульхерія Александровна. Раскольниковъ видитъ, ясно, что тутъ не было никакого хладнокровія и никакого обсужденія; онъ видитъ, что все было рѣшено обѣими женщинами въ чаду пожертвованія, и что онѣ обѣ, и мать и дочь, стараются поддерживать этотъ чадъ, занимаясь построеніемъ воздушныхъ замковъ, которые, разумѣется, всѣ безъ исключенія относятся къ участи Родіона Романовича Раскольникова. Въ письмѣ говорится, что Лужинъ *и тебѣ можетъ быть весьма полезенъ, и что ты, даже съ теперешняго же дня, могъ бы опредѣленно начать свою*

будущую карьеру и считать участь свою уже ясно опредѣлившеюся... Дуня только и мечтаетъ объ этомъ... Дуня ни о чемъ, кромѣ этого, и не думаетъ. Она теперь, уже нѣсколько дней, просто въ какомъ-то жару, и составила уже цѣлый проектъ о томъ, что впослѣдствіи ты можешь быть товарищемъ и даже компаніономъ Петра Петровича по его тяжебнымъ занятіямъ, тѣмъ болѣе, что ты самъ на юридическомъ факультетѣ".

То дѣйствіе, которое должно произвести на Раскольникова радостное письмо его матери о радостномъ событіи, случившемся съ его сестрою, такъ ясно и понятно, что о немъ нечего много распространяться. Параллель между Сонею и Дунею сама собою напрашивается въ его голову; онъ думаетъ, что если только онъ позволитъ совершиться той жертвѣ, которая должна купить ему карьеру и обезпеченное существованіе, то онъ самъ упадетъ ниже отставного чиновника Мармеладова; у того есть, по крайней мѣрѣ, хоть несчастная страсть, которою объясняется его способность помириться съ чѣмъ бы то ни было; у того есть, по крайней мѣрѣ, та оговорка, что онъ человѣкъ мало развитой и уже достаточно принюхавшійся ко всевозможной грязи; а Раскольникову приходится итти на компромиссы съ своею совѣстью въ то время, когда онъ видитъ насквозь, до послѣднихъ подробностей, всю отвратительность этихъ компромиссовъ, когда его нравственная зоркость и чуткость не притуплены ни пьянствомъ, ни обществомъ грязныхъ кутилъ и погибшихъ горемыкъ, ни лѣтами. Раскольниковъ рѣшаетъ, что онъ ни за что не пойдетъ на такіе компромиссы. „Не бывать этому браку, пока я живъ, говоритъ онъ, и къ чорту г. Лужина". Письмо его матери кладетъ конецъ той апатіи которая давила его въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Онъ видитъ ясно, что ему необходимо дѣйствовать, но теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, онъ убѣждаетъ себя въ томъ, что честный трудъ, какъ бы онъ ни былъ упоренъ, не приведетъ его ни къ чему. „Не бывать? говоритъ онъ самъ себѣ. А что-же ты сдѣлаешь, чтобы этому не бывать? Запретишь? А право какое имѣешь? Что ты имъ можешь обѣщать въ свою очередь, чтобы право такое имѣть? Всю судьбу свою, всю будущность имъ посвятить, *когда кончишь курсъ и мѣсто достанешь?* Слышали мы это, да, вѣдь, это *буки* а теперь? Вѣдь, тутъ надо теперь же что-нибудь сдѣлать, понимаешь ты это? А ты что теперь дѣлаешь? Обираешь ихъ же? Вѣдь деньги-то имъ подъ сторублевый пенсіонъ, да подъ господъ Свидригайловыхъ подъ закладъ достаются!

Отъ Свидригайловыхъ-то, отъ Аѳанасія-то Ивановича Вахрушина, чѣмъ ты ихъ убережешь, милліонеръ будущій, Зевесъ, ихъ судьбою располагающій? Черезъ десять-то лѣтъ? Да въ десять-то лѣтъ мать успѣетъ ослѣпнуть отъ косынокъ, а, пожалуй, что и отъ слезъ; отъ поста исчахнетъ; а сестра? Ну, придумай-ка, что можетъ случиться съ сестрой черезъ десять лѣтъ, али въ эти десять лѣтъ? Догадался?" Раскольниковъ находится въ такомъ положеніи, при которомъ всѣ лучшія силы человѣка поворачиваются противъ него самого и вовлекаютъ его въ безнадежную борьбу съ обществомъ. Самыя святыя чувства и самыя чистыя стремленія, которыя обыкновенно поддерживаютъ, ободряютъ и облагораживаютъ человѣка, становятся вредными и разрушительными страстями, когда человѣкъ лишается возможности доставлять имъ правильное удовлетвореніе. Раскольникову хотѣлось, во что бы то ни стало, покоить и лелѣять свою старую мать, доставлять ей тѣ скромныя удобства жизни, которыя были ей необходимы, избавлять ее отъ томительныхъ заботъ о кускѣ насущнаго хлѣба; ему хотѣлось далѣе, чтобы сестра его была ограждена въ настоящемъ отъ дерзостей разныхъ Свидригайловыхъ, а въ будущемъ отъ участи, постигшей Соню Мармеладову; или отъ необходимости выйти замужъ безъ любви за какого-нибудь деревяннаго человѣка, подобнаго г. Лужину. Самый строгій моралистъ не найдетъ въ этихъ желаніяхъ ничего предосудительнаго или нескромнаго; самый строгій моралистъ даже похвалитъ Раскольникова за эти желанія, и пожелаетъ, въ интересахъ его собственнаго нравственнаго совершенствованія, чтобы Раскольниковъ, въ теченіе всей своей жизни, постоянно любилъ мать и сестру, и самымъ ревностнымъ образомъ, не жалѣя силъ и энергіи, заботился объ ихъ участи. Моралистъ нашелъ бы даже, по всей вѣроятности, что Раскольниковъ поступилъ бы очень дурно, если бы сбавилъ что-нибудь изъ своихъ требованій, потому что сбавлять нечего, и всякая сбавка сопряжена съ очевиднымъ и неизбѣжнымъ ущербомъ для человѣческаго достоинства его матери и его сестры. Но эти требованія остаются законными, разумными и похвальными только до тѣхъ поръ, пока у Раскольникова имѣются матетеріальныя средства, которыми онъ дѣйствительно можетъ покоить свою мать и спасать отъ безчестія свою сестру. Пока Раскольниковъ обезпеченъ имѣніемъ, капиталомъ или трудомъ, до тѣхъ поръ ему предоставляется полное право, и на него даже налагается священная обязанность любить мать и сестру, защищать ихъ отъ лишеній и оскор-

бленій, и даже, въ случаѣ надобности, принимать на самого себя тѣ удары судьбы, которые предназначаются имъ, слабымъ и безотвѣтнымъ женщинамъ. Но какъ только матеріальныя средства истощаются, такъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ этими средствами у Раскольникова отбирается право носить въ груди человѣческія чувства, такъ точно, какъ у обанкротившагося купца отбирается право числиться въ той или въ другой гильдіи. Любовь къ матери и къ сестрѣ и желаніе покоить и защищать ихъ становятся противозаконными и противообщественными чувствами и стремленіями съ той минуты, какъ Раскольниковъ превратился въ голоднаго и оборваннаго бѣдняка. Кто не можетъ по-человѣчески кормиться и одѣваться, тотъ не долженъ также думать и чувствовать по-человѣчески. Въ противномъ случаѣ, человѣческія мысли и чувства разрѣшатся такими поступками, которые произведутъ неизбѣжную коллизію между личностью и обществомъ. Попавши въ свое исключительное положеніе, Раскольниковъ очутился на распутьѣ, очень похожемъ на то распутье, о которомъ говорится въ сказкахъ, и въ которомъ одна дорога обѣщаетъ гибель коню, другая—всаднику, а третья—обоимъ. Раскольникову казалось, что ему надо или отказаться отъ всего, что было ему дорого и свято въ себѣ самомъ и въ окружающемъ мірѣ, или вступить за свою святыню въ отчаянную борьбу съ обществомъ, въ такую борьбу, въ которой тоже невозможно будетъ разбирать средствъ. „Или отказаться отъ жизни совсѣмъ, вскричалъ онъ вдругъ въ изступленіи, послушно принять судьбу, какъ она есть, разъ навсегда, и задушить въ себѣ все, отказавшись отъ всякаго права дѣйствовать, жить и любить!" Раскольникову казалось, что ему надо непремѣнно или сдѣлаться трупомъ, подобнымъ Мармеладову, или рѣшиться на преступленіе, и что необходимо сдѣлать выборъ немедленно, прежде чѣмъ Дуня успѣетъ въ видахъ его карьеры, обвѣнчаться съ Лужинымъ. Въ размышленіяхъ Раскольникова замѣтна значительная недодуманность. Онъ, повидимому, не понимаетъ, что выходъ посредствомъ преступленія не можетъ ни въ какомъ случаѣ дѣйствительно вывести его изъ затрудненія. Онъ соображаетъ очень основательно, что для спасенія матери и сестры отъ нищеты и отъ всякихъ ея послѣдствій, воплотившихся въ Свидригайловыхъ и Лужиныхъ, необходимы деньги, и что честнымъ трудомъ невозможно ихъ достать въ необходимомъ количествѣ. Значитъ, заключаетъ онъ, остается только достать ихъ безчестнымъ средствомъ. Заключеніе вѣрное. Кромѣ безчестныхъ средствъ, не остается никакихъ.

Но весь вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли безчестныя средства достигаютъ въ данномъ случаѣ той цѣли, къ которой стремится Раскольниковъ. Этого вопроса самъ Раскольниковъ вовсе себѣ не задастъ. Положимъ, что ему удалось убить и ограбить процентщицу; положимъ, что онъ нашелъ у нея въ шкатулкѣ цѣлую Калифорнію; положимъ, что онъ благополучно схоронилъ всѣ концы; положимъ, слѣдовательно, что все дѣло сложилось по его желанію во всѣхъ своихъ мельчайшихъ подробностяхъ. Что же дальше? Какимъ образомъ онъ пуститъ ихъ именно въ то предпріятіе, которое ему всего дороже, и которое заставило его рѣшиться на преступленіе? Какъ онъ ухитрится провести эти деньги въ домашнюю жизнь матери и сестры такъ, чтобы эти деньги улучшили и обезпечили ихъ существованіе, и чтобы въ то же время мать и сестра не замѣтили этого неожиданнаго прилива денегъ, и не озадачили его настоятельными вопросами на счетъ ихъ происхожденія? Соблюдая должную осторожность и постепенность, Раскольниковъ могъ бы ускользнуть отъ подозрѣній полиціи, но ему, ни въ какомъ случаѣ, не удалось бы отвести глаза тѣмъ людямъ, которые сами должны наслаждаться плодами его преступленія, и которые привыкли въ бѣдности считать каждый кусокъ и беречь каждую тряпку. Это можно было и надо было предвидѣть заранѣе. Съ одной стороны, Раскольниковъ не могъ и подумать даже о томъ, что его мать и сестра согласятся когда-нибудь помириться съ его преступленіемъ, какъ съ совершившимся фактомъ, и спокойно проживать проценты съ капитала, облитаго кровью. Съ другой стороны, если Раскольниковъ считалъ возможнымъ постоянно обманывать мать и сестру, то ему необходимо было заранѣе придумать съ отношеніи къ нимъ цѣлый сложный и обширный планъ дѣйствій, цѣлую систему тонкихъ и стройныхъ мистификацій. Между тѣмъ, въ романѣ мы не находимъ ни одного намека на существованіе такого плана или такой системы. Раскольниковъ просто не подумалъ до конца, и рѣшилъ свою задачу, упустивъ изъ виду одинъ изъ важнѣйшихъ ея элементовъ. Онъ успѣлъ только понять, что тою дорогою, по которой идутъ честные работники, онъ итти не можетъ, потому что эта дорога совсѣмъ не приведетъ его, или приведетъ слишкомъ поздно, къ той цѣли, которую онъ имѣетъ въ виду: затѣмъ нить размышленій оборвалась, и онъ бросился стремглавъ, очертя голову, безъ оглядки и безъ дальнѣйшихъ разсчетовъ въ противоположную сторону, на ту грязную дорогу, ко-

торая одна казалась ему открытою, но которая на самомъ дѣлѣ ведетъ только въ бездну.

Послѣ письма, полученнаго отъ матери, всѣ мысли до такой степени перепутываются въ головѣ Раскольникова, что убійство превращается въ его глазахъ не только въ единственный выходъ, но даже въ какой-то неумолимый долгъ. Чтобы уклониться отъ исполненія этого долга, онъ ищетъ себѣ убѣжища въ своей слабости. „Нѣтъ, я не вытерплю, не вытерплю, говоритъ онъ. Пусть, пусть даже нѣтъ никакихъ сомнѣній во всѣхъ этихъ разсчетахъ, будь это все, что рѣшено въ этотъ мѣсяцъ, ясно какъ день, справедливо, какъ ариѳметика,—Господи! вѣдь, я все же равно не рѣшусь! Я, вѣдь, не вытерплю, не вытерплю!... Чего же, я до сихъ поръ!“ Признавая слабостью то чувство, которое удерживаетъ его отъ пролитія человѣческой крови, Раскольниковъ въ то же время радуется этой слабости, и ухватывается за нее, какъ за спасительный якорь. Ему становится легко и весело, когда онъ чувствуетъ эту мнимую слабость, избавляющую его отъ исполненія такого же мнимаго долга. Подъ вліяніемъ своей мнимой слабости, онъ отказывается отъ мысли объ убійствѣ, и при этомъ переживаетъ такое радостное, уже давно неиспытанное ощущеніе, какъ будто „нарывъ на сердцѣ его, нарывавшій весь мѣсяцъ, вдругъ прорвался”. Но на самомъ дѣлѣ нарывъ не прорвался; облегченіе было минутное. Въ немъ выразилось только послѣднее содроганіе человѣка передъ проступкомъ, совершенно противнымъ его природѣ... Всѣ колебанія Раскольникова прекратились въ ту минуту, когда онъ узналъ случайно, что старуха въ такомъ-то часу, въ такой-то день останется дома одна. За мгновеніе передъ тѣмъ, какъ онъ услышалъ разговоръ, заключавшій въ себѣ это извѣстіе, онъ чувствовалъ себя свободнымъ *отъ этихъ чаръ, отъ колдовства, обаянія, отъ наваожденія,* онъ отрекся отъ *проклятой мечты* своей“, и смотрѣлъ на Неву и на яркій закатъ солнца съ тою тихою радостью, съ которою обыкновенно смотритъ на всю окружающую природу человѣкъ только-что оправившійся отъ тяжелой болѣзни и понемногу возвращійся къ жизни здоровыхъ людей. Мгновеніе спустя, когда онъ, выслушавъ внимательно и понявъ ясно каждое слово разговора, происходившаго между какимъ-то мѣщаниномъ и сестрою старухи, „онъ всѣмъ существомъ своимъ вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли, и что все вдругъ рѣшено окончательно“, и пошелъ домой „какъ приговоренный къ смер-

ти". Этотъ переворотъ произошелъ въ немъ отъ того, что обстоятельства вдругъ назначили ему для совершенія его замысла опредѣленный срокъ. Пропустить этотъ срокъ значило или совсѣмъ отказаться отъ всего предпріятія или, по крайней мѣрѣ, добровольно отнять у себя нѣсколько важнѣйшихъ шансовъ успѣха.

Но чтобы навсегда отказаться отъ плана, воспитаннаго и взлелѣяннаго нѣсколькими недѣлями уединеннаго размышленія, надо было снова передумать все съ самаго начала, и, кромѣ того, надо было пріискать какую-нибудь новую программу, на которой можно было бы успокоиться. На такой умственный трудъ Раскольниковъ, измученный бѣдностью, праздностью, апатіей и безобразнымъ фантазерствомъ уже не былъ способенъ. Въ его изнемогающемъ умѣ уже не было достаточно силъ на то, чтобы уничтожить *проклятую мечту* спокойнымъ и холоднымъ размышленіемъ. Онъ могъ только ужасаться, содрогаться и чувствовать припадки конвульсивнаго отвращенія къ тѣмъ гадостямъ, на которыя его наталкивала эта *проклятая мечта*. Ужасъ и отвращеніе могли иногда доходить въ немъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ проклятая мечта начинала казаться ему совершенно неосуществимою и, слѣдовательно, неопасною. Въ такія минуты онъ могъ праздновать свое освобожденіе отъ чаръ, и смотрѣть на природу и на самого себя глазами выздоравливающаго человѣка, но ужасъ и отвращеніе, какъ бы они ни были сильны, не могли замѣнить ему спокойное размышленіе и передѣлать по новому плану то, что уже давно было построено упорною работою мысли, пошедшей по ложному и опасному пути. Какъ только обстоятельства притиснули его къ стѣнѣ рѣшительнымъ вопросомъ, требующимъ безотлагательнаго отвѣта, такъ онъ немедленно сдѣлался безотвѣтнымъ рабомъ своей проклятой мечты.

Во время своихъ послѣднихъ приготовленій къ убійству, Раскольниковъ уже не чувствовалъ ни ужаса, ни отвращенія. Онъ потерялъ способность смотрѣть на свое дѣло со стороны. Хороша или дурна его цѣль,—объ этомъ онъ уже не думалъ. Все его вниманіе было обращено на подробности выполненія и сосредоточено на борьбѣ съ препятствіями. Когда онъ услышалъ бой часовъ и чей-то возгласъ о томъ, что уже седьмой часъ,—онъ испугался только той мысли, что можетъ опоздать. Когда онъ увидѣлъ невозможность утащить топоръ изъ хозяйской кухни,—онъ почувствовалъ только *тупую, звѣрскую злобу* противъ этого препятствія, которое въ первую минуту показалось ему неодолимымъ.

Когда онъ, вслѣдъ за тѣмъ, разглядѣлъ топоръ въ дворницкой и благополучно его спряталъ къ себѣ подъ пальто, онъ почувствовалъ только радость удачи. Словомъ, *проклятая мечта* господствовала надъ всѣмъ его существомъ и обусловливала собою всѣ его отношенія къ мелкимъ случайностямъ, встрѣтившимся на его пути. Тѣ случайности, которыя благопріятствовали осуществленію *проклятой мечты*, казались ему счастливыми, и возбуждали въ немъ радость; тѣ случайности, которыя могли помѣшать успѣху предпріятія, казались ему несчастными, и доводили его до бѣшенства. Тутъ, очевидно, Раскольниковъ уже не думалъ и не хотѣлъ думать о томъ выздоровленіи, которое радовало его наканунѣ, и даже возбуждало въ немъ потребность молиться. Освобожденіе отъ чаръ было невозможно, самъ очарованный возмущался противъ тѣхъ случайностей, которыя сколько нибудь были способны произвести это освобожденіе. Идя на квартиру старухи, Раскольниковъ не могъ думать о томъ дѣлѣ, которое ему предстояло. Придя на квартиру и пристукнувъ старуху обухомъ топора, онъ потерялъ способность думать даже о мелкихъ подробностяхъ выполненія, на которыхъ до сихъ поръ сосредоточивалось его вниманіе. Онъ растерялся, засуетился, сталъ дѣлать одну глупость за другою, и избавился отъ бѣды, то есть, не попался на мѣстѣ преступленія, только благодаря совершенно исключительному стеченію счастливыхъ случайностей.

Теперь я дошелъ до поворотнаго пункта въ романѣ. Главное дѣло, составляющее центръ и узелъ этого романа, уже сдѣлано. Я старался прослѣдить шагъ за шагомъ тѣ вліянія, которыя привели Раскольникова къ катастрофѣ. Говоря о причинахъ, подготовившихъ преступленіе, я до сихъ поръ не сказалъ ни одного слова объ убѣжденіяхъ Раскольникова, объ его образѣ мыслей, объ его взглядахъ на важнѣйшіе вопросы частной и общественной нравственности. Это умолчаніе не было съ моей стороны ошибкою. Въ первой части моей рецензіи, я уже замѣтилъ мимоходомъ, что теоретическія убѣжденія Раскольникова не имѣли никакого замѣтнаго вліянія на совершеніе убійства. Теперь, когда настоящія причины преступленія достаточно разъяснены, я считаю не лишнимъ развить эту мысль подробно и защитить ее противъ тѣхъ возраженій, которыя могутъ быть ею вызваны.

Раскольниковъ высказываетъ нѣкоторыя изъ своихъ убѣжденій въ разговорѣ съ слѣдственнымъ приставомъ, Порфиріемъ Пе-

тровичемъ. Дѣло идетъ объ одной статьѣ, написанной Раскольниковымъ и помѣщенной въ какой-то газетѣ. Раскольниковъ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ своему собесѣднику основную мысль этой статьи:

„Я просто на просто, говоритъ онъ, намекнулъ, что необыкновенный человѣкъ имѣетъ право... то есть, не официальное право, а самъ имѣетъ право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть... черезъ иныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть, для всего человѣчества) того потребуетъ... По моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ нибудь комбинацій, никоимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ бы этому развитію, или ставшихъ бы на пути какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ бы право и даже былъ бы обязанъ... устранить этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать свои открытія извѣстными всему человѣчеству. Изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы Ньютонъ имѣлъ право убивать кого вздумается, встрѣчныхъ и поперечныхъ, или воровать каждый день на базарѣ. Далѣе, помнится мнѣ, я развиваю въ моей статьѣ, что всѣ... ну, напримѣръ, хоть законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и такъ далѣе, всѣ до единаго, были преступники, уже тѣмъ однимъ, что, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, свято чтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужъ, конечно, не останавливались и передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблестно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Однимъ словомъ, я вывожу, что и всѣ, не то что великіе, но и чуть-чуть изъ колеи выходящіе люди, то-есть, чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природѣ своей, быть непремѣнно преступниками,—болѣе или менѣе, разумѣется. Иначе трудно имъ выйти изъ колеи, а оставаться въ колеѣ, они, конечно, не могутъ согласиться, опять-таки по природѣ своей, а по моему, такъ даже и обязаны не соглашаться".

Всѣми этими запутанными и сбивчивыми разсужденіями, Раскольниковъ старается доказать, что преступникъ дѣлается пре-

ступникомъ потому, что стоитъ выше окружающихъ его людей. Чтобы подстроить доказательства, Раскольниковъ, всѣми правдами и неправдами, раздвигаетъ рамки того понятія, которое въ общеупотребительномъ разговорномъ и литературномъ языкѣ связывается съ словомъ преступникъ. Расширивъ это понятіе и сдѣлавъ его по возможности неопредѣленнымъ, Раскольниковъ подводитъ подъ него все, что ему угодно, и облагораживаетъ дѣятельность воровъ и разбойниковъ, завербовывая въ ихъ компанію всѣхъ замѣчательныхъ людей, оставившихъ слѣды своего существованія и вліянія въ исторіи человѣчества. Натяжки, на которыхъ построена эта странная теорія, и бѣлыя нитки, которыми она сшита, бросаются въ глаза каждому сколько-нибудь внимательному читателю. Изъ законодателей и установителей человѣчества очень многіе, дѣйствительно, были преступниками, то-есть, похитителями чужой собственности. Эти многіе, дѣйствительно, могутъ стоять рядомъ съ ворами и грабителями, но ихъ вступленіе въ это общество не приноситъ ни малѣйшей пользы ихъ болѣе мелкимъ товарищамъ, и нисколько не облагораживаетъ ихъ общихъ занятій, которыя однимъ доставили безсмертіе, а другимъ – уголовныя наказанія. Эти многіе оказываются преступниками совсѣмъ не потому, что замѣнили древній законъ новымъ, а отъ того, что, по своей дикой прихоти, по своему корыстолюбію или властолюбію, раздавили на своемъ пути много человѣческихъ существованій и отняли у многихъ работниковъ продукты ихъ честнаго труда. Что *большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшными кровопроливцами*—это доказываетъ совсѣмъ не то, что проливаніе человѣческой крови очень похвально и полезно, а только то, что человѣчество, по простотѣ своей коллективной души, и по своей извѣстной ребяческой слабости къ блеску и грохоту, къ яркимъ краскамъ и рѣзкимъ звукамъ, до сихъ поръ считаетъ своими благодѣтелями такихъ людей, которые, очевидно, причинили ему, этому добродушному и довѣрчивому человѣчеству, гораздо больше вреда чѣмъ пользы. Что кровопролитіе бываетъ иногда неизбѣжно и ведетъ за собою самыя благодѣтельныя послѣдствія—это извѣстно всякому человѣку, умѣющему понимать причинную связь историческихъ событій. Но это обстоятельство ровно ничего не доказываетъ въ пользу того права, которое Раскольниковъ присвоиваетъ необыкновеннымъ людямъ. Произвольное устраненіе живыхъ людей и безцеремонное шаганіе черезъ препятствія, во всякомъ случаѣ,

остается дѣломъ очень вреднымъ, и, слѣдовательно, въ высшей степени преступнымъ, т. е., совершенно предосудительнымъ. Кровопролитіе становится неизбѣжнымъ вовсе не тогда, когда его желаетъ устроить какой-нибудь необыкновенный человѣкъ; вовсе не тогда, когда какое-нибудь живое препятствіе мѣшаетъ этому необыкновенному человѣку осуществить свою личную идею или фантазію, а только тогда, когда двѣ большія группы людей, двѣ націи или двѣ сильныя партіи рѣзко и рѣшительно расходятся между собою въ своихъ намѣреніяхъ и желаніяхъ. Когда этимъ двумъ противнымъ сторонамъ невозможно договориться до удовлетворительнаго результата, когда не остается никакой возможности покончить дѣло соглашеніемъ или полюбовнымъ размежеваніемъ столкнувшихся и перепутавшихся интересовъ, когда нѣтъ возможности разъяснить заблуждающейся сторонѣ, посредствомъ спокойнаго научнаго анализа, въ чемъ состоятъ ея настоящія выгоды и въ чемъ заключается ошибочность и неосуществимость ея требованій,—тогда, разумѣется, остается только начать драку и драться до тѣхъ поръ, пока правое дѣло не восторжествуетъ. Но и здѣсь, въ этихъ случаяхъ, роль необыкновенныхъ людей, правильно понимающихъ свое назначеніе, состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы порождать и поддерживать драку. Прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до кровопролитія, необыкновенные люди, то-есть, самые умные и самые честные люди даннаго общества, всѣми силами стараются о томъ, чтобы предупредить это кровопролитіе, и чтобы произвести какъ можно спокойнѣе ту перемѣну, которой требуютъ обстоятельства, и которой необходимость уже чувствуется и даже сознается значительною частью заинтересованной націи. Необыкновенные люди стараются открыть глаза своимъ соотечественникамъ и современникамъ, разъяснить имъ настоящее положеніе дѣлъ, направить ихъ къ мирному и безобидному выходу изъ затруднительнаго положенія, и доказать имъ необходимость обширныхъ и добровольныхъ уступокъ тому теченію идей, которое называется духомъ времени, и которое порождается общими причинами и условіями, а никакъ не выдумками и усиліями какихъ-нибудь необыкновенныхъ людей. Честные и умные совѣты необыкновенныхъ людей очень часто остаются непонятыми или даже невыслушанными; страсти спорящихъ сторонъ разгораются; разрывъ становится неминуемымъ; и тогда необыкновенные люди, убѣдившись раньше массы въ неизбѣжности открытой борьбы, изъ роли благоразумныхъ совѣтниковъ переходятъ въ роль воиновъ

и полководцевъ. Они становятся рѣшительно на ту сторону, которой стремленія совпадаютъ съ истинными выгодами данной націи и всего человѣчества, они группируютъ вокругъ себя своихъ единомышленниковъ, они организуютъ, дисциплинируютъ и воодушевляютъ своихъ будущихъ сподвижниковъ, и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, выжидаютъ нападенія противниковъ, или наносятъ сами первый ударъ. Когда борьба начата, все вниманіе необыкновенныхъ людей устремляется на то, чтобы какъ можно скорѣе покончить кровопролитіе, но, разумѣется, покончить такъ, чтобы вопросъ, породившій борьбу, оказался дѣйствительно рѣшеннымъ, и чтобы условія примиренія не заключали въ себѣ двусмысленныхъ комбинацій и уродливыхъ компромиссовъ, способныхъ, при первомъ удобномъ случаѣ, произвести новое кровопролитіе. Ни передъ борьбою, ни во время борьбы, ни послѣ ея окончанія, необыкновенные люди, которыми можетъ и должно гордиться человѣчество, не являются любителями и виновниками кровопролитія. Кровь льется не потому, что въ данномъ обществѣ, въ данную минуту, дѣйствуютъ необыкновенные люди, а потому, что дѣятельность этихъ необыкновенныхъ людей не можетъ перевѣсить собою массу человѣческаго неблагоразумія, узкаго своекорыстія и близорукаго упрямства. Кровь льется совсѣмъ не для того, чтобы подвигать впередъ общее дѣло человѣчества; напротивъ того, это общее дѣло подвигается впередъ *несмотря* на кровопролитія, а никакъ не *вслѣдствіе* кровопролитій; виновниками кровопролитій бываютъ вездѣ и всегда не представители разума и правды, а поборники невѣжества, застоя и безправія. Доказать, что какой-нибудь историческій дѣятель былъ страшнымъ кровопроливцемъ, то есть, что дѣйствительно кровь лилась по его личному желанію и распоряженію, а не вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ былъ поставленъ и надъ которыми онъ былъ властенъ, значитъ доказать тѣмъ самымъ, что этотъ дѣятель былъ врагомъ человѣчества, и что его примѣръ ни для кого и ни для чего не можетъ служить оправданіемъ.

Необыкновенные люди именно тѣмъ и необыкновенны, что они умѣютъ додумываться до такихъ истинъ, которыя еще остаются неизвѣстными ихъ современникамъ. Тѣ необыкновенные люди, которые всего больше желаютъ и умѣютъ оставаться вѣрными своему естественному назначенію, то есть приносить людямъ какъ можно больше пользы, — должны только добывать новыя истины, доводить ихъ до всеобщаго свѣдѣнія, защищать ихъ противъ ста-

рыхъ заблужденій, и убѣждать людей въ необходимости перестроивать жизнь сообразно съ новыми истинами. Идя по этому пути, необыкновенные люди никакъ не могутъ сдѣлаться страшными кровопроливцами; уклоняясь отъ этого пути и призывая насильственныя мѣры на помощь къ такимъ идеямъ, которыя могутъ и должны торжествовать силою своей собственной разумности и внутренней убѣдительности, необыкновенные люди въ значительной степени перестаютъ быть необыкновенными и начинаютъ обнаружитать ту нетерпѣливую близорукость, которою отличаются всѣ ихъ дюжинные современники. Рѣшаясь проливать кровь во имя идеи, необыкновенные люди измѣняютъ своему естественному назначенію, компрометируютъ свою идею, дискредитируютъ ее и замедляютъ ея успѣхи именно тѣми насильственными мѣрами, которыми они стараются доставить ей быстрое и вѣрное торжество.

Великіе дѣятели науки, по самому роду своихъ занятій, всего менѣе могутъ уклониться отъ естественнаго назначенія необыкновенныхъ людей и сбиться въ сторону на скользкую и опасную дорогу насильственныхъ мѣръ. Въ ихъ дѣятельности нѣтъ мѣста для кровопролитія; ихъ руки совершенно чисты и всегда останутся чистыми; они могутъ только убѣждать людей, а не приневоливать ихъ; въ той минуты, какъ великій мыслитель вздумалъ бы употреблять насильственныя мѣры противъ невѣжественныхъ и тупоумныхъ противниковъ своей доктрины, онъ пересталъ бы быть великимъ мыслителемъ, онъ сдѣлался бы врагомъ безпристрастнаго изслѣдованія и свободнаго мышленія, онъ сдѣлался бы преступникомъ противъ всего человѣчества, вреднѣйшимъ изъ вредныхъ негодяевъ и, по всѣмъ правамъ, занялъ бы въ исторіи почетное мѣсто рядомъ съ испанскими инквизиторами. Представить себѣ Ньютона или Кеплера въ такомъ положеніи, въ которомъ они, изъ любви къ идеѣ, обязаны были бы устранить хоть одного живого человѣка или пролить хоть одну каплю человѣческой крови,—еще гораздо труднѣе, чѣмъ представить себѣ, что Кеплеръ или Ньютонъ, состоя въ чинѣ необыкновенныхъ людей, пользуются своими исключительными правами для того, чтобы убивать встрѣчныхъ и поперечныхъ, или воровать каждый день на базарѣ. Но Раскольникову до такой степени хочется превратить всѣхъ великихъ людей въ уголовныхъ преступниковъ, и всѣхъ уголовныхъ преступниковъ въ великихъ людей, что онъ не останавливается даже и передъ самымъ невозможнымъ предположеніемъ. Что Ньютонъ и Кеплеръ не сдѣлались уголовными преступниками,

что они не стоили человѣчеству ни одной капли крови и ни одной слезы, — это, по мнѣнію Раскольникова, счастливая случайность. Измѣните условія, при которыхъ они жили и дѣйствовали, поставьте ихъ въ другое положеніе, и вотъ сейчасъ эти самые Кеплеръ и Ньютонъ, оставаясь по прежнему великими мыслителями и благодѣтелями человѣчества, обзаведутся палачами или подкупными убійцами, и сдѣлаются страшными кровопроливцами, старшими братьями рядовыхъ бандитовъ. — Этимъ предположеніемъ Раскольниковъ показываетъ совсѣмъ не то, что онъ старается доказать. Этимъ предположеніемъ онъ доводитъ самого себя до очевиднѣйшаго абсурда, и наноситъ смертельный ударъ своей странной теоріи. Стараясь придумать для благодѣтелей человѣчества такое положеніе, при которомъ они были бы принуждены рѣшиться на преступленіе, онъ показываетъ самымъ наглядным образомъ, что для настоящихъ благодѣтелей такое положеніе совершенно невозможно. Спрашивается, въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ жизнь одного человѣка, или десяти, или ста человѣкъ, и такъ далѣе, можетъ помѣшать распространенію истинъ, открытыхъ Кеплеромъ и Ньютономъ? Предположите, напримѣръ, что одинъ человѣкъ, или десять или сто, занимаютъ такое высокое положеніе и располагаютъ такимъ количествомъ матеріальной силы, что они могутъ совершенно запретить чтеніе лекцій и печатаніе книгъ, въ которыхъ излагаются доктрины Кеплера и Ньютона. Значитъ ли это, что именно этотъ одинъ человѣкъ, или десять, или сто мѣшаютъ распространенію спасительныхъ истинъ? Нисколько не значитъ. Распространенію истинъ мѣшаютъ все-таки не тѣ люди, которые сопротивляются чтенію лекцій и печатанію книгъ, а все-таки тѣ общія условія, благодаря которымъ такіе люди занимаютъ высокое положеніе и располагаютъ значительнымъ количествомъ матеріальной силы. Если бы Кеплеръ и Ньютонъ рѣшились дѣйствовать по рецепту Раскольникова, и если бы имъ удалось устранить какое-нибудь живое препятствіе, то на мѣстѣ этого, благополучно устраненнаго препятствія, тотчасъ появилось бы другое, на мѣстѣ другого третье, потому что общія условія, порождающія такія препятствія, остались бы нетронутыми. Общими условіями оказываются въ подобныхъ случаяхъ невѣжество, умственная неподвижность, робкая безгласность и дикіе предразсудки массы. Противъ этихъ общихъ условій невозможно дѣйствовать насильственными средствами. Стало быть, пока общія условія дѣлаютъ возможнымъ существованіе и дѣятельность сильныхъ противниковъ научной исти-

ны, до тѣхъ поръ Кеплеры и Ньютоны должны дѣйствовать не противъ этого существованія, а противъ общихъ условій, которыя могутъ быть измѣнены только путемъ настойчиваго и неутомимаго проповѣдыванія той же самой научной истины. Изъ любви къ этой истинѣ, необыкновенные люди, подобные Кеплеру и Ньютону, становились иногда мучениками, но никакая любовь къ идеѣ никогда не могла превратить ихъ въ мучителей, по той простой причинѣ, что мученія никого не убѣждаютъ, и, слѣдовательно, никогда не приносятъ ни малѣйшей пользы той идеѣ, во имя которой они производятся.

Какимъ путемъ Раскольниковъ могъ дойти до основныхъ положеній своей дикой теоріи? Откуда могла залетѣть въ его голову мысль о томъ, что въ каждомъ преступникѣ скрывается неудавшійся, недодѣланный или возникающій великій человѣкъ? Откуда взялась у него потребность дѣлить людей на обыкновенныхъ и необыкновенныхъ? Какія вліянія, какіе разговоры съ людьми, или какое чтеніе заставили его, съ одной стороны, дать необыкновеннымъ людямъ такія обширныя полномочія, въ которыхъ они даже вовсе не нуждаются, и, съ другой стороны, осудить обыкновенныхъ людей на унизительную и мучительную роль пушечнаго мяса? Почему, наконецъ, ему понадобилось сдѣлать то уродливое предположеніе, которое завершаетъ и тотчасъ же опрокидываетъ собою его теорію, — то предположеніе, что, при извѣстныхъ условіяхъ, Кеплеръ и Ньютонъ могли и даже обязаны были устранять живыхъ людей?

Мнѣ кажется, что Раскольниковъ не могъ заимствовать свои идеи ни изъ разговоровъ съ своими товарищами, ни изъ тѣхъ книгъ, которыя пользовались и пользуются до сихъ поръ успѣхомъ въ кругу читающихъ и размышляющихъ людей. Въ настоящее время нѣтъ ни одного замѣчательнаго мыслителя или свѣдущаго историка, который бы думалъ и доказывалъ публично, что какія бы то ни было личныя дарованія могутъ замедлить или ускорить, или повернуть назадъ, или свернуть въ сторону естественное теченіе историческихъ событій. Чѣмъ внимательнѣе вглядываются изслѣдователи въ смыслъ и послѣдовательное развитіе историческихъ фактовъ, тѣмъ сильнѣе и окончательнѣе убѣждаются они въ томъ, что отдѣльная личность, какими бы громадными силами она ни была одарена, можетъ сдѣлать какое-нибудь прочное дѣло только тогда, когда она дѣйствуетъ за одно съ великими общими причинами, то есть съ характеромъ, образомъ мыслей и насущными потребностя-

ми данной націи. Когда она дѣйствуетъ наперекоръ этимъ общимъ причинамъ, то ея дѣло погибаетъ вмѣстѣ съ нею, или даже при ея жизни. Когда же она, въ своей дѣятельности, соображается съ духомъ времени и народа, тогда она дѣлаетъ только то, что сдѣлалось бы непремѣнно и помимо ея воли, что настоятельно требуется обстоятельствами минуты, и что, при ея отсутствіи или бездѣйствіи, было бы въ свое время выполнено такъ же удовлетворительно какою-нибудь другою личностью, сформировавшеюся при тѣхъ же вліяніяхъ, и воодушевленною тѣми же стремленіями. Человѣчество, по мнѣнію всѣхъ новыхъ и новѣйшихъ мыслителей, развивается и совершенствуется вслѣдствіе коренныхъ и неистребимыхъ свойствъ своей собственной природы, а никакъ не по милости остроумныхъ мыслей, зарождающихся въ головахъ немногихъ избранныхъ геніевъ. Человѣчество, по мнѣнію тѣхъ же мыслителей, состоитъ изъ множества отдѣльныхъ личностей, очень неодинаково одаренныхъ природою, но ни одна изъ этихъ личностей, какими бы богатыми дарами ни осыпала ее природа, не имѣетъ разумнаго основанія думать, что ея голова заключаетъ въ себѣ будущность всей ея породы, или, по крайней мѣрѣ, всей ея націи. Ни одна изъ этихъ личностей, какъ бы она ни была геніальна, не имѣетъ разумнаго основанія, во имя этой будущности или во имя своей геніальности, разрѣшать себѣ такіе поступки, которые вредятъ другимъ людямъ, и, вслѣдствіе этого, считаются непозволительными для обыкновенныхъ смертныхъ. Что хорошо въ простомъ человѣкѣ, то хорошо и въ геніѣ; что дурно въ первомъ, то дурно также и въ послѣднемъ. Многое можетъ быть объяснено и даже оправдано силою тѣхъ страстей, которыя возбуждаются въ геніальномъ человѣкѣ ожесточеніемъ великой борьбы; но если, поддаваясь вліянію этихъ страстей, геніальный человѣкъ раздавилъ то, что могло и должно было жить, то историкъ въ этомъ рѣзкомъ и насильственномъ поступкѣ увидитъ все-таки проявленіе слабости, которое должно служить людямъ поучительнымъ предостереженіемъ, а никакъ не выраженіе геніальности и силы, долженствующее вызвать въ другихъ людяхъ восторженное соревнованіе. Словомъ, съ точки зрѣнія тѣхъ мыслителей, которыхъ произведенія господствуютъ надъ умами читающаго юношества, дѣленіе людей на геніевъ, освобожденныхъ отъ дѣйствія общественныхъ законовъ, на тупую чернь, обязанную раболѣпствовать, благоговѣть и добродушно покоряться всякимъ рискованнымъ экспериментамъ, оказывается совершенною нелѣпостью, которая безвоз-

вратно опровергается всею совокупностью историческихъ фактовъ Знакомясь съ произведеніями этихъ мыслей и пріучаясь смотрѣть на вещи съ ихъ точки зрѣнія, Раскольниковъ отнялъ бы у себя всякую возможность проводить натянутыя параллели между уголовными преступниками и великими людьми. Онъ убѣдился бы въ томъ, что эти параллели не принесутъ ни малѣйшей пользы уголовнымъ преступникамъ, во-первыхъ, потому, что величіе тѣхъ великихъ людей, которые если бы и имѣли съ преступниками нѣкоторыя точки соприкосновенія, само по себѣ очень сомнительно, а во-вторыхъ, потому, что тѣ стороны, которыми эти сомнительно великіе люди соприкасаются съ уголовными преступниками, все-таки составляютъ въ ихъ біографіяхъ самыя темныя и грязныя пятна. Читая мыслящихъ историковъ или разсуждая объ историческихъ фактахъ съ умными и работящими студентами-товарищами, Раскольниковъ въ особенности убѣдился бы въ томъ, что люди, подобные Ньютону, Кеплеру, никогда не пользовались кровопролитіемъ, какъ средствомъ популяризировать свои доктрины, никогда не были поставлены въ необходимость устранять какихъ-нибудь обскурантовъ, мѣшавшихъ распространенію ихъ идей, даже никогда не могли бы попасть въ такое странное и унизительное положеніе, если бы даже для нихъ нарочно была придумана и устроена какая-нибудь самая неправдоподобная комбинація.

Теорія Раскольникова не имѣетъ ничего общаго съ тѣми идеями, изъ которыхъ складывается міросозерцаніе современно развитыхъ людей. Эта теорія выработана имъ въ зловѣщей тишинѣ глубокаго и томительнаго уединенія; на этой теоріи лежитъ печать его личнаго характера и того исключительнаго положенія, которымъ была порождена его апатія. Раскольниковъ написалъ свою статью *о преступленіи* за полгода до того времени, когда онъ убилъ старуху, и вскорѣ послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ университета, по неимѣнію денежныхъ средствъ. Тѣ мысли, которыя выразились въ его статьѣ, были продуктами того самаго положенія, которое впослѣдствіи, истощивши по каплѣ всю его энергію и извративши его замѣчательныя умственныя способности, заставило его обдумать во всѣхъ подробностяхъ, тщательно приготовить и успѣшно выполнить грязное преступленіе. Когда Раскольниковъ рѣшился оставить университетъ, уже, по всей вѣроятности, находился въ очень бѣдственномъ положеніи. Никакое трудолюбіе, никакая добросовѣстность въ исполненіи работъ, никакая затрата силы и энергіи не могли доставить ему ни такого обѣда, который

покрывалъ бы текущіе расходы его молодого организма, ни такого платья, которое достаточно защищало бы его отъ холода, сырости и нечистоты, ни такого жилища, въ которомъ его легкія находили бы себѣ достаточное количество свѣжаго воздуха. Жизнь въ каждую данную минуту, на каждомъ шагу, въ каждомъ изъ его мельчайшихъ ощущеній, накладывала на него свою грубую и грязную руку, дразнила и щипала его, теребила и шпыняла его, словомъ, мучила и обижала его такъ, какъ толпа шаловливыхъ школьниковъ можетъ обижать и мучить новичка, только что поступившаго въ училище и еще не успѣвшаго зарекомендовать себя товарищамъ съ хорошей стороны. Раскольникову надо читать или писать — вдругъ у него въ подсвѣчникѣ гаснетъ послѣдній огарокъ, а купить свѣчи не на что; Раскольникову надо итти на урокъ куда-нибудь верстъ за пять, — а на улицѣ проливной дождь, который пронизываетъ его до костей сквозь его тощую шинелишку, а подъ ногами такая непроходимая грязь, которая съ неудержимою силою врывается въ его ветхіе сапоги; приходитъ онъ съ этого урока домой голодный, утомленный десятиверстовымъ путешествіемъ, измученный непонятливостью и капризами избалованнаго мальчишки, съ тяжелою головою, съ мокрыми, грязными и окоченѣвшими ногами — а дома свѣжо и холодно, печка не топлена, изъ окна дуетъ, за дверью бранятся какія-то кухарки или пищатъ чьи-то ребятишки, въ комодѣ или въ чемоданѣ нѣтъ ни одной пары чистыхъ носковъ, самовара не допросишься, да впрочемъ не зачѣмъ его и спрашивать, потому что уже дней пять тому назадъ истреблены послѣдняя щепотка чаю и послѣдній кусокъ сахару. Все это, конечно, мелочи; ко всему этому можно относиться издали съ великолѣпнѣйшимъ стоическимъ равнодушіемъ; въ отношеніи ко всему этому можно превосходнѣйшимъ образомъ рекомендовать другому человѣку великодушное терпѣніе и непоколебимое мужество. Но когда вся жизнь состоитъ изъ такихъ мелочей, когда одна мучительная мелочь слѣдуетъ за другою мелочью, такою же мучительною, когда человѣкъ постоянно попадаетъ съ булавки на булавку, когда этимъ булавкамъ не предвидится конца, и когда человѣкъ видитъ и понимаетъ, что, при ужаснѣйшемъ напряженіи всѣхъ своихъ силъ, онъ можетъ только поддерживать это многобулавочное statu quo,—тогда... тогда невозможно разсчитать заранѣе, въ какихъ безумныхъ планахъ и въ какихъ безобразныхъ галлюцинаціяхъ выразится уныніе, озлобленіе, отчаяніе и бѣшенство этого человѣка, котораго люди и обстоятельства со всѣхъ

сторонъ продолжаютъ колоть булавками въ его незажившія и незаживающія раны.

Какого же рода мысли должны зарождаться въ головѣ Раскольникова, когда онъ, воротившись съ грошоваго урока, располагается у себя дома, въ своей тѣсной, сырой и душной берлогѣ? Вотъ онъ стащилъ съ себя свою загрязненную обувь и завалился на свой узкій и жесткій диванъ, который уже давно старается натереть ему мозоли на ребрахъ и на кострецахъ. Задаетъ онъ себѣ самый простой и естественный вопросъ: много ли онъ получитъ за свою десятиверстную бѣготню, за промоченныя ноги, за испорченныя сапоги, и за полтора часа возни съ безтолковымъ мальчикомъ, который думаетъ о бабкахъ и о бумажномъ змѣѣ, когда ему надо размышлять о числителѣ и знаменателѣ, и ловить съ почтительною благодарностью каждое слово добросовѣстнаго преподавателя. Оказывается, что получитъ онъ полтинникъ. Полтинникъ считается красною цѣною въ мірѣ тѣхъ студентовъ, которые по бѣдности бываютъ иногда поставлены въ необходимость на время выходить изъ университета. „Уроки выходили, говоритъ Раскольниковъ Сонѣ, доказывая ей, что, собственно говоря, онъ имѣлъ нѣкоторую возможность содержать себя работой. *По полтиннику предлагали*" (II, 224). Здѣсь о полтинникѣ говорится даже съ уваженіемъ, ужъ если по полтиннику предлагали, такъ значитъ и толковать нечего; ясное дѣло, что жить было можно, и что унынie было совершенно неумѣстно. Итакъ, получитъ онъ полтинникъ. Положимъ, что счастье улыбнется ему, и что судьба пошлетъ ему, круглымъ счетомъ, по такому же уроку на каждый день; въ мѣсяцъ это составитъ тридцать уроковъ, а на деньги пятнадцать рублей. Дальше этого предѣла не могутъ простираться самыя смѣлыя и размашистыя его мечты. Уроки, даже такіе невыгодные, достаются съ трудомъ. На каждый урокъ имѣется по нѣсколько голодныхъ претендентовъ. Добыть урокъ, значитъ одержать немаловажную побѣду надъ двумя, тремя менѣе счастливыми соперниками. Раскольниковъ, какъ особеннымъ счастіемъ, котораго онъ въ свое время не умѣлъ оцѣнить по достоинству, — хвалится тѣмъ, что ему *уроки выходили,* и *по полтиннику предлагали.* Итакъ, пятнадцать рублей въ мѣсяцъ — Геркулесовы столбы доступнаго ему благосостоянія,—такіе Геркулесовы столбы, до которыхъ онъ, быть можетъ, не доплыветъ въ теченіе цѣлаго года, и на которыхъ ему придется, по всей вѣроятности, остановиться надолго, быть можетъ, лѣтъ на пять или на шесть. И это луч-

шій изъ возможныхъ и правдоподобныхъ исходовъ. И при этомъ лучшемъ исходѣ онъ все-таки видитъ передъ собою необозримо длинный рядъ такихъ сѣрыхъ и темныхъ дней, въ которыхъ каждая минута будетъ отмѣчена какимъ-нибудь чувствительнымъ лишеніемъ, какою-нибудь крошечною болью, какимъ-нибудь мелкимъ столкновеніемъ, мучительно напоминающимъ гордому, страстному, умному и впечатлительному человѣку, что всѣ радости жизни, все то, что онъ умѣетъ понять и оцѣнить своимъ тонкимъ и гибкимъ умомъ, все то, чего онъ умѣетъ желать всѣми силами своего кипучаго темперамента, что всѣ эти радости и наслажденія существуютъ и почти навѣрное всегда будутъ существовать не для него. А что же будетъ при менѣе счастливомъ исходѣ? И какъ возможенъ, какъ ужасно правдоподобенъ, какъ почти неизбѣженъ такой менѣе счастливый исходъ! Вотъ онъ чувствуетъ, какъ у него трещитъ голова и холодѣютъ промоченныя ноги, и происходитъ въ горлѣ и въ груди что-то такое, предвѣщающее сильный простудный кашель. Что же это будетъ? Долго ли выдержитъ его здоровье? Удастся ли ему пересилить себя и переломить начинающуюся болѣзнь? Что тогда? Что будетъ, если онъ свалится недѣли на три? Какъ онъ потомъ снова поднимется на ноги и обзаведется новыми работами? И это жизнь! Голодать, зябнуть, задыхаться въ конурѣ, отказывать себѣ во всякомъ мало-мальски пріятномъ ощущеніи, тратить силы и время на безсмысленную ненавистную и неблагодарную работу, и при этомъ еще каждую минуту бояться, что вотъ-вотъ все это подъ тобою подломится, и полетишь ты внизъ, въ какую-то темную пропасть, на днѣ которой тебя ожидаетъ мучительная голодная смерть. Такого рода размышленіямъ Раскольниковъ долженъ былъ предаваться каждый разъ, когда онъ оставался наединѣ съ самимъ собою. А оставался онъ наединѣ съ самимъ собою очень часто, потому что онъ, по основнымъ свойствамъ своего характера, не любилъ сближаться съ людьми. Чѣмъ мрачнѣе становилось его душевное настроеніе, чѣмъ ближе приступали къ нему нищета и отчаяніе, чѣмъ сильнѣе онъ нуждался въ дружеской помощи, въ братскомъ сочувствіи или даже просто въ веселомъ и беззаботномъ разговорѣ съ бодрыми и умными товарищами, въ такомъ разговорѣ, который заставилъ бы его забыть на минуту булавки настоящаго, мелочи душной конуры, хозяйской кухни и хозяйскаго ворчанія, — тѣмъ упорнѣе онъ отворачивался отъ людей, запирался въ своей берлогѣ, и углублялся въ свои горькія размышленія, изъ которыхъ ничего не могло выйти, кромѣ

безсмыслицы въ теоріи и грязнаго паденія на практикѣ. Исходною точкою для такихъ горькихъ размышленій могла служить каждая ничтожнѣйшая мелочь: то уличная грязь, напоминавшая Раскольникову, что калоши его давно разваливаются, то новая прорѣха, усмотрѣнная на сюртукѣ или на пальто, то кусокъ говядины, поданный ему на обѣдъ, и похожій на связку мочалы, то запошенная рубашка, которую нечѣмъ было замѣнить. А въ результатѣ размышленій всегда получалось одно и то же бѣшеное проклятіе противъ такой жизни, которая не даетъ человѣку ничего, кромѣ горя и мучительнаго сознанія собственнаго безсилія. На этомъ результатѣ такой раздражительный и самолюбивый человѣкъ, какъ Раскольниковъ, не могъ остановиться навсегда. Мысль его непремѣнно должна была пойти дальше. Онъ долженъ былъ, въ припадкѣ бѣшенства и отчаянія, задать себѣ вопросъ: дѣйствительно ли онъ такъ безсиленъ, какъ это ему кажется? Не отъ того ли происходитъ его безсиліе, что онъ самъ считаетъ себя безсильнымъ? Не преувеличиваетъ ли онъ крѣпость тѣхъ заборовъ, которые отдѣляютъ его отъ теплаго и свѣтлаго міра матеріальнаго благосостоянія и разнообразно-полнаго наслажденія всѣми благами жизни? Не отъ того ли эти заборы кажутся ему такими высокими и крѣпкими, что ему никогда не приходило въ голову ни перепрыгнуть черезъ нихъ, ни проломить въ нихъ какую-нибудь лазейку? Не отъ того ли его положеніе кажется ему безвыходнымъ, что онъ нарочно отвертывается отъ нѣкоторыхъ выходовъ, по недостатку рѣшимости и умственной смѣлости? Не подумать ли объ этихъ выходахъ? Не попробовать ли? Не рискнуть ли? Подумать во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ. Человѣкъ долженъ быть неустрашимымъ въ области мысли, и, кромѣ того, отъ размышленій никакой бѣды произойти не можетъ.

Такимъ образомъ, мысль Раскольникова вступила на новый путь, который могъ открыться передъ нею только тогда, когда Раскольниковъ, озлобленный лишеніями и утомленный неблагодарною работою, отвернулся отъ своихъ товарищей, уединился въ свою конуру гдѣ стѣны и потолки *тиснятъ душу и умъ*, и распродалъ или забросилъ свои книги и тетради. Ни отъ товарищей, ни изъ книгъ, Раскольниковъ не могъ добыть себѣ ту дикую мысль, что, кромѣ упорнаго труда, существуютъ еще какія-нибудь другія удобныя средства выбиться изъ затруднительнаго положенія. Эта мысль, къ которой отнеслись бы съ презрѣніемъ или съ насмѣшкой всѣ товарищи, эта мысль, въ которой и товарищи и авторы

книгъ, прочитанныхъ Раскольниковымъ, увидали бы продуктъ болѣзненнаго настроенія, — эта мысль могла созрѣть и укорениться только тогда, когда некому было смотрѣть на нее со стороны. Эта мысль была не продуктомъ той теоріи, которую я разсматривалъ выше, а напротивъ того, ея зародышемъ и основаніемъ. Вся теорія развилась изъ этой мысли, а эта мысль родилась въ Раскольниковѣ потому, что мучительность его положенія превышала размѣры его силъ и его мужества.

Чѣмъ пристальнѣе Раскольниковъ вглядывался и вдумывался въ свое положеніе, тѣмъ ненавистнѣе становился ему правильный и упорный трудъ, цѣною котораго онъ могъ покупать себѣ только жалкое прозябаніе, переполненное всевозможными лишеніями, страданіями и униженіями. Вѣра въ спасительность труда была подорвана. Утомительный трудъ, съ его грошовымъ вознагражденіемъ, сталъ казаться Раскольникову печатью проклятія и отверженія, которую судьба кладетъ на тупоумныхъ и трусливыхъ людей, не умѣющихъ или не желающихъ хватать насиліемъ или обманомъ то, что можетъ попасться имъ подъ руку и улучшить ихъ положеніе. Раскольниковъ началъ чувствовать и сознавать, что мысль о быстрой и легкой наживѣ, какими бы то ни было средствами, силою врывается въ его умъ и овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. На первыхъ порахъ эта мысль должна была удивить, озадачить и даже испугать нашего героя. Она должна была породить въ немъ мучительную внутреннюю борьбу. Раскольниковъ могъ почувствовать къ себѣ за эту мысль довольно сильное презрѣнье; онъ могъ сказать себѣ, что онъ просто не вынесъ тяжелой борьбы съ обстоятельствами, раскисъ, упалъ духомъ, опустился, и позволилъ себѣ дойти до самаго края грязной пропасти. Этотъ взглядъ былъ бы, конечно, единственнымъ правильнымъ взглядомъ. Но онъ былъ возможенъ только до тѣхъ поръ, пока у Раскольникова еще оставалось въ наличности достаточно умственной трезвости и силы характера, чтобы удержаться отъ окончательнаго паденія. За этимъ строгимъ и вѣрнымъ взглядомъ на самого себя должна была послѣдовась крутая реакція, вслѣдствіе которой лежаніе на диванѣ и размышленіе о быстрой наживѣ должны были смѣниться взрывомъ страстной любви ко всякой честной работѣ, какъ бы ни была она утомительна, безсмысленна и неблагодарна. Но силы Раскольникова уже были истощены. Работа была ему противна. Мысль о легкой и быстрой наживѣ находила себѣ мало отпора въ его ослабѣвшемъ умѣ, и легко одерживала одну побѣду за другою надъ

тѣми возраженіями, которыя она встрѣчала себѣ въ остаткахъ его прежняго юношески-чистаго образа мысли. Но эта мысль все-таки была въ его головѣ чѣмъ-то совершенно новымъ и непривычнымъ, а Раскольниковъ былъ слишкомъ тонкимъ аналитикомъ, чтобы не замѣтить въ себѣ присутствія этого новаго и притомъ такого важнаго элемента. А замѣтивъ его, онъ непремѣнно долженъ былъ задать себѣ вопросъ о томъ, какъ же ему относиться къ этому новому элементу, дружелюбно или враждебно, съ уваженіемъ или съ презрѣніемъ, со страхомъ или съ надеждою. Съ одной стороны, враждебныя отношенія Раскольникова къ этому новому элементу никакъ не могли установиться прочно и окончательно, потому что, ненавидя и презирая такую мысль, которая завоевала себѣ господство надъ всѣми его умственными способностями, Раскольниковъ былъ бы поставленъ въ необходимость ненавидѣть и презирать самого себя. Съ другой стороны, эти враждебныя отношенія, на которыхъ умъ Раскольникова никакъ не могъ остановиться и успокоиться, были неизбѣжны въ началѣ его знакомства съ новою мыслью, именно потому, что эта мысль была уже черезчуръ нова и составляла слишкомъ рѣзкій и неожиданный диссонансъ со всѣмъ его прежнимъ юношескимъ и студенческимъ пониманіемъ жизни. Эти враждебныя отношенія были для Раскольникова настолько же мучительны, насколько и неизбѣжны; ему надо было во что бы то ни стало покончить въ самомъ себѣ тотъ внутренній разладъ, который былъ порожденъ естественною враждебностью его задушевныхъ мыслей; разладъ этотъ можно было уничтожить, или уничтоживъ эту новую мысль, или передѣлавши тѣ понятія, которыми обусловливались враждебныя отношенія къ ней. Первая изъ этихъ операцій была для Раскольникова неисполнима; новая мысль отличалась крѣпостью и живучестью; ее поддерживали каждый день и каждую минуту всѣ тѣ мучительныя мелочи, изъ которыхъ складывается вся жизнь бѣднаго человѣка. Вторая операція была полегче. Тонкій и гибкій умъ Раскольникова, закаленный въ школѣ уединеннаго размышленія и самаго внимательнаго психологическаго анализа, былъ въ высшей степени способенъ открывать въ людяхъ, въ предметахъ и въ понятіяхъ самыя неожиданныя, а пожалуй даже и совсѣмъ не существующія стороны. Этимъ умомъ не трудно было выстроить такіе эшафодажи, съ вершины которыхъ наблюдателю представляются совершенно новые и даже въ значительной степени фантастическіе ландшафты. Этотъ казуистическій умъ, пущенный въ ходъ и направленный въ извѣст-

ную сторону какою-нибудь настоятельною внутреннею потребностью хозяина, могъ, съ изумительнымъ успѣхомъ, изготовить на заказъ такую замысловатую зрительную трубу, такую сложную систему призмъ, цвѣтныхъ стеколъ и металлическихъ зеркалъ, благодаря которой черное могло показаться бѣлымъ, зеленое—краснымъ, глупое — умнымъ, вредное — полезнымъ, вялое и слабое — сильнымъ и великимъ. — Какъ процессъ такой работы, которая должна была извратить такимъ образомъ очертанія и краски всѣхъ предметовъ, такъ и результаты ея были одинаково лестны для раздражительнаго и ненасытнаго самолюбія нашего героя. Если бы во время процесса этой работы самъ Раскольниковъ вдругъ остановился и задалъ себѣ вопросъ: „что же я дѣлаю теперь?" — то у него немедленно явился бы такой отвѣтъ, который могъ не только успокоить его, но даже пробудить въ немъ удивительно пріятное чувство гордости и самодовольства. Я, могъ онъ отвѣтить себѣ на свой недоброжелательный и недовѣрчивый вопросъ, я пересматриваю, провѣряю и переработываю силами собственнаго ума тѣ рѣшенія, которыми удовлетворялись до сихъ поръ самые умные и замѣчательные представители человѣчества. Я недоволенъ этими рѣшеніями, и стараюсь дать себѣ добросовѣстный отчетъ въ причинахъ этого недовольства. Я чувствую въ себѣ присутствіе титаническихъ силъ, и эти силы побуждаютъ меня предпринять такую громадную и многосложную работу, которая никогда не грезилась ни одному изъ моихъ честныхъ, но недалекихъ товарищей.

Доведя работу до конца, то есть, додумавшись до такихъ результатовъ, которые позволяли ему ненавидѣть упорный и неблагодарный трудъ, и относиться съ любовью и съ уваженіемъ къ мысли о быстрой и легкой наживѣ, Раскольниковъ могъ скрестить руки на груди, и насладиться тѣмъ чувствомъ восторженнаго самодовольства, съ которымъ художникъ осматриваетъ свое только что оконченное и вполнѣ удавшееся произведеніе. Раскольникову это произведеніе было особенно дорого, потому что въ немъ заключалось оправданіе и превознесеніе его собственной личности. Если бы Раскольникову пришлось остановиться на противуположныхъ результатахъ, если бы онъ увидѣлъ себя въ необходимости осудить ту новую мысль, изъ которой родилась впослѣдствіи *проклятая мечта*, то ему надо было бы во всякомъ случаѣ выпрашивать у себя прощенія и каяться передъ собою въ позорной слабости уже за одно то, что такая грязная мысль могла родиться въ его умѣ, обратить на себя его серьезное вниманіе, и воз-

будить въ немъ смятеніе и внутреннюю борьбу. Кромѣ того ему надо было бы сознаться, что онъ нуждается въ посторонней поддержкѣ, что ему необходимо обмѣниваться мыслями съ товарищами и подкрѣплять себя въ борьбѣ съ обстоятельствами ихъ дружескими совѣтами, ему надо было бы убѣдиться въ томъ, что одиночество можетъ сдѣлаться для него вреднымъ и даже опаснымъ. Напротивъ того, додумавшись до оправданія своей новой мысли, Раскольниковъ совершенно избавлялъ себя отъ всякихъ признаній и покаяній, невыносимыхъ для его щекотливаго самолюбія. Онъ могъ сказать себѣ, что онъ умнѣе и смѣлѣе всѣхъ своихъ товарищей, — и что ему необходимо было уединиться отъ нихъ и сосредоточиться для того, чтобы отрѣшиться отъ ихъ предразсудковъ и возвыситься до болѣе вѣрнаго взгляда на самые важные вопросы частной и общественной нравственности.

Всю свою теорію Роскольниковъ построилъ исключительно для того, чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ мысль о быстрой и легкой наживѣ. Онъ почувствовалъ желаніе прибѣгнуть, при первомъ удобномъ случаѣ, къ безчестнымъ средствамъ обогащенія. Во его умѣ родился вопросъ: чѣмъ объяснить себѣ это желаніе? Силою или слабостью? Объяснить его слабостью было бы гораздо проще и вѣрнѣе, но за то Раскольникову было гораздо пріятнѣе считать себя сильнымъ человѣкомъ, и поставить себѣ въ заслугу свои позорныя размышленія о путешествіяхъ по чужимъ странамъ. Объясняя все дѣло слабостью, и дѣлаясь такимъ образомъ для самого себя предметомъ презрительнаго и оскорбительнаго состраданія, Раскольниковъ нисколько не разошелся бы во взглядахъ съ своими товарищами, и поставилъ бы себя въ необходимость уничтожить опасную мысль, чтобы не лишиться правъ на собственное уваженіе. Усматривая, напротивъ того, въ позывѣ къ преступленію признаки смѣлаго ума и сильнаго характера, Раскольниковъ пошелъ по совершенно оригинальной дорогѣ. Преступникъ, думалъ онъ, дѣлается преступникомъ потому, что чувствуетъ неудовлетворительность тѣхъ учрежденій, подъ господствомъ которыхъ ему приходится жить, тѣхъ законовъ, на основаніи которыхъ его будутъ судить, и тѣхъ общепринятыхъ понятій, во имя которыхъ общество вооружается противъ его поступка. Смѣшавши такимъ образомъ тѣ преступленія, которыя совершаются на основаніи поговорки: *своя рубашка къ тѣлу ближе,* съ тѣми, на которыя человѣкъ рѣшается подъ вліяніемъ восторженной любви къ идеѣ, — Раскольниковъ продолжалъ философствовать въ томъ же

направленіи, и доказалъ себѣ безъ особеннаго труда, что всякое движеніе впередъ, всякое усовершенствованіе въ области общественной жизни, само по себѣ, составляетъ преступленіе, потому что оно возможно только при нарушеніи существующаго закона. А такъ какъ родъ человѣческій давнымъ давно исчезъ бы съ лица земли, если бы онъ не подвигался впередъ и не улучшалъ постоянно своихъ учрежденій, то и выходитъ, что преступленія въ высшей степени полезны для человѣчества, и что преступники оказываются величайшими благодѣтелями существующихъ обществъ, которыя только ихъ усиліями спасаются отъ ужасныхъ послѣдствій губительнаго застоя. Всѣ преступники оказались до нѣкоторой степени великими людьми, всѣ великіе люди оказались до нѣкоторой степени преступниками, и оригинальная теорія завершилась тѣмъ блистательнымъ маневромъ, посредствомъ котораго было доказано близкое и несомнѣнное родство Кеплера и Ньютона съ убійцами и грабителями.

Эту теорію никакъ нельзя считать причиною преступленія, такъ точно какъ галлюцинацію больного невозможно считать за причину болѣзни. Эта теорія составляетъ только ту форму, въ которой выразилось у Раскольникова ослабленіе и извращеніе умственныхъ способностей. Она была простымъ продуктомъ тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, съ которыми Раскольниковъ принужденъ былъ бороться, и которыя довели его до изнеможенія. Настоящею и единственною причиною являются все-таки тяжелыя обстоятельства, пришедшіяся не по силамъ нашему раздражительному и нетерпѣливому герою, которому легче было разомъ броситься въ пропасть, чѣмъ выдерживать, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже лѣтъ, глухую, темную и изнурительную борьбу съ крупными и мелкими лишеніями. Преступленіе сдѣлано не потому, что Раскольниковъ, путемъ различныхъ философствованій, убѣдилъ себя въ его законности, разумности и необходимости. Напротивъ того, Раскольниковъ сталъ философствовать въ этомъ направленіи и убѣдилъ себя только потому, что обстоятельства натолкнули его на преступленіе.

Теорія Раскольникова сдѣлана имъ на заказъ. Сооружая эту теорію, Раскольниковъ не былъ безпристрастнымъ мыслителемъ, отыскивающимъ чистую истину, и готовымъ принять эту истину, въ какомъ бы неожиданномъ и даже непріятномъ видѣ она ему ни представилась. Онъ былъ кляузникомъ, подбирающимъ факты, придумывающимъ натянутыя доказательства, и подстроивающимъ искус-

ственныя сопоставленія единственно для того, чтобы выиграть запутанный процессъ самаго сомнительнаго достоинства. Дѣйствуя такимъ образомъ, чувствуя надъ всѣмъ процессомъ своего мышленія неотразимое и подавляющее вліяніе предвзятой идеи, Раскольниковъ былъ расположенъ относится къ своей теоріи съ крайнимъ недовѣріемъ. Ближайшія послѣдствія совершившагося убійства показали, до какой степени сильно и непобѣдимо было это недовѣріе. Когда Раскольниковъ, убивши старуху и ея сестру, чувствовалъ сильнѣйшую потребность успокоиться и ободриться, онъ уже и не подумалъ искать себѣ успокоенія въ своей теоріи. Когда онъ всего больше нуждался въ дружескомъ сочувствіи, когда откровенный разговоръ съ близкимъ и надежнымъ человѣкомъ могъ поставить его на ноги и обновить всѣ его силы, ему даже и въ голову не приходило, что убійство, оправданное замысловатою теоріею, можетъ быть разсказано кому бы то ни было изъ его товарищей, друзей или ближайшихъ родственниковъ. Онъ даже и не попробовалъ подѣлиться съ кѣмъ бы то они было своими мыслями объ убійствѣ и грабежѣ, какъ о грандіозномъ протестѣ противъ несовершенствъ общественной организаціи. Онъ никого не пробовалъ убѣждать въ томъ, что онъ, Раскольниковъ, въ качествѣ будущаго Наполеона или Ньютона, имѣетъ право, поговоривши наединѣ съ собственною совѣстью, и получивши отъ нея или давши ей надлежащія разрѣшенія, шагать черезъ тѣ препятствія, которыя отдѣляютъ его отъ матеріальнаго благосостоянія и отъ блестящей карьеры. А между тѣмъ, у него была сестра, которая въ значительной степени была похожа на него по складу ума и характера, и которая въ значительной степени способна понять и усвоить себѣ всякую новую истину. У него, кромѣ того, былъ товарищъ, готовый идти за него въ огонь и въ воду, и также способный откликнуться съ полнымъ сочувствіемъ на всякую свѣжую и вѣрную мысль. Если-бы Раскольниковъ сколько нибудь вѣровалъ самъ въ свою теорію, то онъ, конечно, сдѣлалъ бы, по крайней мѣрѣ, попытку просвѣтить и обратить на путь истины такихъ людей, какъ Дуня и Разумихинъ, тѣмъ болѣе, что, открывшись имъ, убѣдивши ихъ, онъ могъ пріобрѣсти въ ихъ лицѣ драгоцѣнныхъ союзниковъ, нравственная поддержка которыхъ была для него въ высшей степени необходима. Но Раскольниковъ, послѣ совершенія убійства, держалъ себя совсѣмъ не какъ фанатикъ, увлекшійся ложною идеею и дошедшій въ своихъ поступкахъ до крайнихъ предѣловъ логической послѣдовательности, а просто какъ мелкій, трусливый и слабонерв-

ный мошенникъ, которому крупное злодѣяніе приходится не по силамъ, и который, желая во что бы то ни стало схоронить концы, ежеминутно теряется отъ страха, и на каждомъ шагу выдаетъ себя встрѣчнымъ и поперечнымъ своею лихорадочною суетливостью.

Раскольниковъ убилъ старуху для того, чтобы ограбить ее. Однако-же эта послѣдняя цѣль осталась недостигнутою. Тотчасъ послѣ совершенія убійства, Раскольниковъ овладѣлъ ключами старухи и отправился въ ея спальню, но его волненіе было до такой степени сильно, что онъ ни за что не умѣлъ взяться, не ухитрился отпереть почти ни одного замка, набилъ себѣ карманы какими-то заложенными вещами, которыя потомъ ему пришлось бы сбывать за полцѣны съ громадною опасностью, и не нашелъ ни билетовъ ни наличныхъ денегъ, которыхъ однако было очень много, и которые преспокойно лежали въ верхнемъ ящикѣ комода. Какъ только убійство совершилось, Раскольниковъ рѣшительно забылъ о своемъ желаніи обогатиться, забылъ о томъ, что именно это желаніе заставило его взяться за топоръ, забылъ также о тѣхъ подвигахъ іезуитской изобрѣтательности и изворотливости, которые были имъ совершены для того, чтобы оправдать въ собственныхъ глазахъ это предосудительное желаніе. Всѣ его мысли, всѣ его усилія направились исключительно къ тому, чтобы избавить себя отъ преслѣдованій и скрыть всѣ слѣды преступленія. Въ общемъ результатѣ получилась, такимъ образомъ, возмутительная безсмыслица. Убійство оказалось совершенно безцѣльнымъ. На другой день послѣ убійства, Раскольниковъ всѣми силами своего существа желалъ воротиться назадъ къ тому положенію, которое накануне убійства казалось ему невыносимымъ. Онъ понималъ ясно, что это желаніе неисполнимо, и невыносимое положеніе, изъ котораго онъ отыскалъ себѣ такой оригинальный выходъ, стало представляться ему какимъ-то навсегда потеряннымъ раемъ.

Послѣ убійства, Раскольниковъ унесъ къ себѣ домой туго набитый замшевый кошелекъ и нѣсколько коробочекъ съ золотыми и серебряными вещами. Эти предметы были единственными плодами преступленія. Ими ограничивалась вся добыча убійцы. Между тѣмъ, Раскольниковъ, очнувшись на другой день утромъ отъ мучительнаго забытья, сталъ думать не о томъ, какъ воспользоваться скудными трофеями побѣды, а только о томъ, какъ бы ихъ выбросить поскорѣе и куда-нибудь подалѣе. Онъ пошелъ къ Екатерининскому каналу съ твердымъ намѣреніемъ бросить въ воду все:

и вещи, и кошелекъ, котораго онъ не раскрывалъ и котораго содержаніе оставалось ему совершенно неизвѣстнымъ. Не исполнилъ онъ этого намѣренія только потому, что на набережной и возлѣ самой воды было слишкомъ много народа. Кончилось тѣмъ, что онъ всю свою добычу сложилъ подъ камень, въ пустомъ огороженномъ мѣстѣ, гдѣ лежали какіе-то матеріалы. Освободившись отъ этой добычи, онъ почувствовалъ приливъ *сильной, едва выносимой* радости, точно будто эта добыча свалилась къ нему въ карманъ противъ его воли, какъ сваливается на человѣка неожиданное несчастіе, точно будто не онъ самъ добивался ея, точно будто онъ изъ-за нея не морочилъ самого себя софизмами, не припеволивалъ себя къ отвратительному поступку и не подвергалъ себя самымъ серьезнымъ опасностямъ. Вышло что-то похожее на работу Пенелопы. Сначала человѣкъ старался и мучился, чтобы пріобрѣсти себѣ добычу; а потомъ, какъ только добыча оказалась у него въ рукахъ, онъ началъ стараться о томъ, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ этой самой добычи. Это обстоятельство блистало такою яркою уродливостью, что оно бросилось въ глаза даже самому Раскольникову, несмотря на то, что всѣ его умственныя способности находились въ совершенномъ изнеможеніи. „Если дѣйствительно, подумалъ онъ, все это дѣло сдѣлано было сознательно, а не по дурацки, если у тебя, дѣйствительно, была опредѣленная и твердая цѣль, то какимъ же образомъ ты до сихъ поръ даже и не заглянулъ въ кошелекъ и не знаешь, что тебѣ досталось, изъ-за чего всѣ муки принялъ и на такое подлое, гадкое, низкое дѣло сознательно шелъ? Да, вѣдь, ты въ воду его хотѣлъ сейчасъ бросить, кошелекъ-то, вмѣстѣ со всѣми вещами, которыхъ тоже еще не видалъ. Это какъ-же?".

Раскольниковъ принужденъ сознаться, что все это дѣло было сдѣлано по-дурацки. Онъ даже самъ не понималъ, зачѣмъ онъ его сдѣлалъ. Онъ видитъ только, что ему приходится, такъ или иначе, нести на себѣ всѣ послѣдствія этого дурацкаго дѣла. Эти послѣдствія оказываются очень мучительными. Подробная исторія этихъ мучительныхъ послѣдствій наполняетъ собою почти весь романъ г. Достоевскаго; она начинается со второй части и оканчивается только вмѣстѣ съ эпилогомъ. Я постараюсь теперь разобрать вопросъ: въ чемъ именно состоитъ мучительность этихъ послѣдствій?

Прежде всего, Раскольниковъ просто боится уголовнаго наказанія, которое изломаетъ всю его жизнь, выброситъ его изъ

общества честныхъ людей и навсегда закроетъ ему дорогу къ счастливому, респектабельному и комфортабельному существованію. Съ той самой минуты, какъ онъ увидѣлъ передъ собою на полу окровавленный и обезображенный трупъ старухи, ему кажется, что его подозрѣваютъ, что за нимъ слѣдятъ, что въ его квартирѣ немедленно станутъ производить обыскъ, что его самого схватятъ, посадятъ подъ арестъ и начнутъ судить. Зная за собою такое важное дѣло, которое должно возбудить толки во всемъ городѣ и поднять на ноги всю мѣстную полицію, Раскольниковъ понимаетъ, что ему необходимо соблюдать во всѣхъ своихъ поступкахъ и словахъ самую утонченную осторожность, необходимо взвѣшивать каждый шагъ, обдумать каждое слово, контролировать движенія всѣхъ мускуловъ тѣла и лица, и устраивать все это такъ, чтобы никому не бросалась въ глаза эта сдержанность и расчитанность, чтобы въ его хладнокровіи и спокойствіи никто не видалъ и не предполагалъ ничего искусственнаго и натянутаго, и чтобы вообще, во всей его личности и во всемъ его поведеніи, не было ничего похожаго на таинственность и загадочность, способную обратить на себя вниманіе опытныхъ наблюдателей. Эта задача, уже достаточно трудная сама по себѣ, осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что человѣкъ, находящійся въ положеніи Раскольникова, естественнымъ образомъ чувствуетъ непреодолимое влеченіе присматриваться ко всѣмъ окружающимъ людямъ и прислушиваться къ ихъ толкамъ съ тою спеціальною цѣлью, чтобы заблаговременно увидать или услыхать подготовляющееся нападеніе и приближающуюся опасность. Эту тревожную внимательность, эту болѣзненную чуткость къ извѣстнымъ разговорамъ, эту подозрительную способность принимать случайно брошенныя слова за зловѣщіе или оскорбительные намеки надо скрывать самымъ тщательнымъ образомъ, и скрывать такъ, чтобы это скрываніе также оставалось совершенно незамѣтнымъ. На каждомъ шагу Раскольниковъ долженъ задавать себѣ вопросъ: что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ человѣкъ совершенно невинный, такой человѣкъ, которому нечего скрывать и нечего бояться? Какъ бы онъ понялъ такое-то слово? Почувствовалъ ли бы онъ въ этомъ словѣ что-нибудь странное? Принялъ ли бы онъ его за неумѣстный намекъ на совершенно неизвѣстное ему событіе? Заинтересовался ли бы онъ этимъ намекомъ настолько, чтобы потребовать себѣ объясненія? Какимъ тономъ заявилъ бы онъ это требованіе,—спокойно-недоумѣвающимъ или сурово-обиженнымъ? Всѣ эти и многіе другіе вопросы надо было ставить и рѣшать ежеми-

нутно, по поводу каждой ничтожнѣйшей встрѣчи, при каждомъ пустѣйшемъ разговорѣ. На постановку и рѣшеніе этихъ и другихъ подобныхъ вопросовъ отпускалось каждый разъ по секундѣ времени; эти операціи надо было производить, глядя прямо въ глаза любознательному и словоохотливому собесѣднику, не допуская на собственную физіономію выраженія задумчивости и озабоченности, поддерживая начатый разговоръ спокойными и толковыми репликами и совершенно свободно и естественно переходя изъ тона въ тонъ. Надо было тщательно воздержаться отъ фальшивыхъ нотъ, и при этомъ еще тщательнѣе скрывать тѣ страшныя усилія, цѣною которыхъ покупается это отсутствіе диссонансовъ. Раскольниковъ долженъ былъ, силами одного своего ума, вести постоянную борьбу съ цѣлымъ обществомъ, и вести ее такъ, чтобы самое ея существованіе оставалось совершенно незамѣтнымъ для его многочисленныхъ, опытныхъ и хладнокровныхъ противниковъ, которые сами не рисковали въ этой борьбѣ ничѣмъ, между тѣмъ, какъ у него вся жизнь была поставлена на карту. Для Раскольникова такая борьба была труднѣе, чѣмъ для кого-либо другого. Ему мѣшала именно его тонкая наблюдательность, его способность внимательно вглядываться въ людей и отгадывать ихъ затаенныя намѣренія. Смотря внимательно на другихъ и пронизывая ихъ насквозь своимъ инквизиторскимъ взглядомъ, Раскольниковъ естественнымъ образомъ былъ расположенъ думать, что и другіе смотрятъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ смотрѣть, такъ же внимательно на него самого, и такъ же успѣшно пронизываютъ, или, по крайней мѣрѣ, могутъ пронизывать его самого своими инквизиторскими взглядами. Сказавши какое-нибудь слово или сдѣлавши какое-нибудь движеніе, Раскольниковъ въ ту же минуту становился на мѣсто своего собесѣдника, всматривался съ его точки зрѣнія въ сказанное слово или сдѣланное движеніе, подмѣчалъ въ нихъ все, что можно было признать неискусственнымъ, ставилъ себѣ въ упрекъ то, что казалось ему ошибкою, считалъ себя до нѣкоторой степени скомпрометированнымъ, злился на себя за недостатокъ виртуозности въ выполненіи роли, и сосредоточивая, такимъ образомъ, свое вниманіе на подробной критикѣ того, что уже было сдѣлано, терялъ способность слѣдить съ необходимою внимательностью за тѣмъ, что дѣлалось въ текущую минуту, и что надо было дѣлать въ ближайшее время. Такимъ образомъ онъ прорывался, дѣлалъ новую ошибку, гораздо болѣе крупную, чѣмъ предыдущую, опять ловилъ и казнилъ себя за опрометчивость, волновался и самъ пер-

вый замѣчалъ свое неумѣстное волненіе, доводилъ себя до изступленія этимъ вѣчнымъ подглядываніемъ за самимъ собою и, наконецъ, съ досады, съ горя, со страха, не зная чѣмъ поправить мелкія оплошности, замѣтныя только для его собственнаго, болѣзненно-зоркаго взгляда, дѣлалъ такую яркую эксцентричность, которая бросалась въ глаза самому близорукому и равнодушному свидѣтелю. Словомъ, Раскольниковъ былъ слишкомъ хорошимъ критикомъ, чтобы быть хорошимъ актеромъ. Превосходно понимая всѣ мельчайшіе недостатки своей игры, онъ требовалъ отъ себя съ этой стороны такого идеальнаго совершенства, которое, по всей вѣроятности, было недостижимо не только для него, но даже и для человѣка съ воловьими нервами. Видя, что это идеальное совершенство остается недоступнымъ, онъ начиналъ думать, что все пропало, и подъ вліяніемъ этой мысли, обнаруживалъ такую тревогу, которая, рано или поздно, должна была обратить на себя общее вниманіе.

Способность къ микроскопическому анализу вредила Раскольникову не только потому, что онъ слишкомъ тщательно разбиралъ свои себственные поступки и слова, но также и потому, что онъ, пользуясь этою способностью, на каждомъ шагу подвергалъ такому же тщательному разбору слова и поступки другихъ людей, со стороны которыхъ онъ могъ ожидать прямого или косвеннаго нападенія. Благодаря своему замѣчательному умѣнію объяснять, разбирать, комментировать, повертывать каждое слово; благодаря своей способности восходить отъ сказаннаго слова къ тому внутреннему побужденію, подъ вліяніемъ котораго оно было произнесено, Раскольниковъ очень часто извлекалъ изъ словъ своихъ собесѣдниковъ больше, чѣмъ сколько въ нихъ заключалось. Ему случалось видѣть намекъ самаго зловѣщаго свойства тамъ, гдѣ слово было произнесено безо всякой задней мысли; случалось принимать оборонительныя мѣры противъ нападенія въ то время, когда собесѣдникъ и не думалъ о возможности сдѣлаться его противникомъ. Понятное дѣло, что при усиленной и совершенно излишней бдительности, тревога Раскольникова должна была расти не по днямъ, а по часамъ, и въ скоромъ времени доразвиться до такихъ размѣровъ, при которыхъ всякое самообладаніе становится невозможнымъ.

Борьба съ цѣлымъ обществомъ была особенно трудна и безнадежна для Раскольникова еще и потому, что его вѣра въ собственныя силы была уже подорвана. Онъ зналъ, что послѣ убійства у него не достало хладнокровія на то, чтобы ограбить ста-

руху съ надлежащею внимательностью и систематичностью; онъ зналъ, что голова его кружилась, мысли путались, руки дрожали, что ключи, снятые съ убитой, не подходили къ замкамъ, вслѣдствіе его растерянности, и что весь онъ вообще былъ гораздо больше похожъ на десятилѣтняго мальчишку, котораго ведутъ сѣчь за кражу яблоковъ или орѣховъ, чѣмъ на Наполеона, устраивающаго свое 18-е брюмера. Онъ зналъ далѣе, что онъ чуть-чуть не бросилъ въ воду единственные плоды своего кроваваго подвига; онъ зналъ, что эти плоды зарыты въ землю, и предвидѣлъ, что у него никогда не хватитъ рѣшимости на то, чтобы вырыть ихъ оттуда и воспользоваться для своихъ потребностей похищенными деньгами. Совокупность этихъ свѣдѣній, конечно, давала Раскольникову очень невыгодное понятіе о силѣ его собственнаго характера. А Раскольниковъ, какъ умный человѣкъ, конечно, понималъ, что для успѣшной борьбы съ цѣлымъ обществомъ, сила характера требуется громадная. Поэтому онъ долженъ былъ предвидѣть, что эта борьба очень скоро кончится для него полнымъ пораженіемъ, и что онъ, по всей вѣроятности, будетъ принужденъ сдаться безо всякихъ условій, то-есть, принести повинную голову въ ближайшее полицейское управленіе. Эта возрастающая безнадежность, конечно, должна была усиливать его тревогу, разбивать послѣдніе остатки его хладнокровія, и доводить его, такимъ образомъ, до состоянія полнѣйшей беззащитности. Кто заранѣе считаетъ себя побѣжденнымъ, тотъ, дѣйствительно, побѣжденъ на половину до начала самой борьбы.

Мысль объ уголовномъ наказаніи, которое, какъ Дамокловъ мечъ, висѣло надъ головою Раскольникова и въ каждую данную минуту, при каждомъ его неосторожномъ движеніи, могло обрушиться на него всею своею тяжестью, эта мысль сама по себѣ была достаточно мучительна, чтобы отравить всю его жизнь и сдѣлать ее невыносимымъ страданіемъ для несчастнаго преступника. Чувство страха составляетъ, по всей вѣроятности, самое мучительное изъ всѣхъ психическихъ ощущеній, доступныхъ человѣческой природѣ. Это чувство ужасно даже тогда, когда оно достается на нашу долю въ микроскопическихъ пріемахъ и когда оно продолжается всего нѣсколько секундъ. Извѣстны случаи, когда у здороваго и молодаго человѣка бѣлѣли волосы въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ въ смертельномъ страхѣ. Растяните такой или даже болѣе слабый страхъ на нѣсколько дней, и можно будетъ поручиться за то, что противъ испытанія не устоитъ че-

ловѣческій разсудокъ, и что человѣкъ, стараясь во что бы то н
стало избавиться отъ невыносимаго ощущенія страха, самъ, как
шальной, какъ бѣшеный, полѣзетъ на ту опасность, отъ которо
стынетъ кровь въ его жилахъ. Тотъ видъ помѣшательства, кото
рый называется меланхоліею, состоитъ главнымъ образомъ въ том
что больной видитъ со всѣхъ сторонъ угрожающія ему опасност
и испытываетъ постоянное ощущеніе смертельнаго страха. Мела
холики постоянно ищутъ смерти и стараются извести себя каким
бы то ни было средствами именно потому, что они постоянн
боятся за свою жизнь, и что это хроническое чувство страха дѣй
ствительно составляетъ для человѣка самую невыносимую изъ всѣх
возможныхъ пытокъ. Раскольникову пришлось переживать тѣ са
мыя мученія, которыя переживаются меланхоликами. Конечно,
бѣдствіе, ожидавшее Раскольникова, не было настолько ужасно,
чтобы не было возможности помириться съ мыслью о ея неизбѣж
ности; человѣкъ можетъ, болѣе или менѣе, привыкнуть ко всему,
даже къ мысли о близкой и неминуемой смерти. Но дѣло здѣс
именно въ томъ, что ожиданіе бѣдствія бываетъ всегда гораздо
ужаснѣе и невыносимѣе, чѣмъ самое бѣдствіе. Пока человѣкъ еще
колеблется между страхомъ и надеждою, онъ томится и страдаетъ
гораздо сильнѣе, чѣмъ тогда, когда онъ уже видитъ совершенно
ясно, что для него уже не остается ни малѣйшей надежды, и что
ему приходится рѣшительно отказаться отъ борьбы, скрестить
руки, стиснуть зубы, и покориться неотразимой необходимости.
Мучительность ожиданія заставляетъ человѣка всѣми силами ста
раться о томъ, чтобы какъ-нибудь сократить тотъ періодъ, когда
страхъ борется съ надеждою. Человѣку всего труднѣе, въ виду
серьезной опасности, сохранять выжидательное положеніе и оста
ваться неподвижнымъ. Человѣкъ обыкновенно или старается убѣ
жать отъ опасности, или, очертя голову, бросается къ ней навстрѣ
чу; въ первомъ случаѣ, онъ поддается естественному и чисто жи
вотному инстинкту самосохраненія, во второмъ случаѣ, онъ дѣ
лаетъ попытку покончить съ самимъ собою; въ обоихъ случаяхъ
онъ старается убѣжать отъ мучительнаго чувства страха, которое
отравляетъ его существованіе. То обстоятельство, что человѣкъ
оказывается иногда способнымъ купить цѣною собственной жизни
избавленіе отъ чувства страха, показываетъ ясно, что это чувство
въ самомъ дѣлѣ очень мучительно, и что оно, продолжаясь нѣ
сколько дней, можетъ дѣйствительно, само по себѣ, безъ отноше
нія къ тѣмъ причинамъ, которыми оно порождено, сдѣлаться

исходною точкою тѣхъ разнообразныхъ страданій и полусумасшедшихъ поступковъ, которые г. Достоевкій приписываетъ своему герою.

Кромѣ уголовнаго наказанія, Раскольниковъ боится еще того ужаса, негодованія или отвращенія, съ которымъ посмотрятъ на его поступокъ всѣ дорогіе и близкіе ему люди. Онъ думаетъ, что онъ останется одинъ въ цѣломъ мірѣ живыхъ людей, когда преступленіе его сдѣлается извѣстнымъ. Онъ думаетъ, что открытіе ужасной истины убьетъ его мать и заставитъ всѣхъ его друзей, начиная съ его родной сестры, отшатнуться навсегда отъ погибшаго и замараннаго человѣка. Поэтому, онъ не смѣетъ никому открыться; признаться одному человѣку, по его мнѣнію, все равно, что признаться всѣмъ, или просто донести на самого себя по начальству. Онъ увѣренъ въ томъ, что первый человѣкъ, которому онъ откроется, тотчасъ оттолкнетъ его отъ себя, какъ грязную гадину, и немедленно сдѣлается его врагомъ и преслѣдователемъ, хотя бы, за минуту до его признанія, этотъ самый человѣкъ любилъ и уважалъ его больше всего на свѣтѣ. Поглощенный этою несокрушимою увѣренностью, Раскольниковъ чувствуетъ необходимость хитрить и лицемѣрить со всѣми людьми безъ исключенія, съ родною матерью такъ же точно, какъ со слѣдственнымъ приставомъ Порфиріемъ Петровичемъ. Вслѣдствіе этого, онъ можетъ чувствовать себя свободнымъ, онъ можетъ отдыхать отъ своей утомительной роли, онъ можетъ снимать съ себя костюмъ и маску невиннаго человѣка, онъ можетъ выпускать на волю всю свою тревогу и все свое страданіе только тогда, когда онъ остается только одинъ. Для него уже не существуетъ своего круга, для него нѣтъ и не можетъ быть общества такихъ близкихъ людей, съ которыми онъ могъ бы вести себя безъ церемоній и обращаться запросто. Чѣмъ ближе къ нему люди, чѣмъ они для него дороже, чѣмъ больше правъ они имѣютъ на его довѣріе и откровенность, чѣмъ нѣжнѣе ихъ ласки и заботливѣе ихъ разспросы, чѣмъ искреннѣе и трогательнѣе ихъ участіе,—тѣмъ невыносимѣе для него ихъ общество, потому что тѣмъ труднѣе отклонить эти ласки, увертываться отъ этихъ разспросовъ и отвергать это единственное и неизбѣжное участіе. Съ какимъ нибудь Порфиріемъ Петровичемъ можно говорить сухо и холодно, можно держать себя осторожно и офиціально вѣжливо, не приводя никого въ изумленіе и не возбуждая никакихъ неумѣстныхъ догадокъ. Но съ матерью и съ сестрою нѣтъ никакой возможности соблюдать дипломатическую осто-

рожность и непроницаемость; холодный и вѣжливый тонъ или разговоръ о погодѣ и о текущихъ извѣстіяхъ, пересыпанный офиціальными нѣжностями, приведетъ ихъ сначала въ изумленіе, потомъ въ негодованіе и, наконецъ, въ отчаяніе, изъ котораго они будутъ искать выхода, и которое немедленно породитъ и воспитаетъ въ нихъ то убѣжденіе, что тутъ существуетъ какая-то серьезная и печальная загадка, настоятельно требующая себѣ разрѣшенія! О поддѣлкѣ такого тона, такой нѣжности, такой радости при свиданіи, такой искренности и довѣренности, которыя могли бы обмануть зоркіе глаза и чуткія уши матери и сестры — нечего и думать. Обмануть такого человѣка, который васъ любитъ, который ловитъ глазами каждое ваше движеніе и жадно вслушивается въ каждое ваше слово — до такой степени трудно, что подобный подвигъ врядъ ли удался бы даже самому закоренѣлому злодѣю, самому бездушному негодяю, не чувствующему ни капли любви къ тѣмъ людямъ, предъ которыми онъ разыгрываетъ свою трогательную комедію. Тѣмъ менѣе могъ этотъ подвигъ притворства оказаться по силамъ Раскольникову. Мы уже знаемъ достаточно, какъ сильно онъ любитъ мать и сестру. Мы легко можемъ себѣ представить, какъ сильна была въ немъ потребность броситься къ нимъ на встрѣчу, открыть имъ свои объятія, и вознаградить себя откровеннымъ разговоромъ съ ними за три года томительной разлуки. Мы можемъ себѣ вообразить, какимъ оглушительнымъ ударомъ было для него то открытіе, что ему противны и невыносимы ихъ ласки, противны и невыносимы потому, что онѣ относятся уже не къ нему, а къ той маскѣ, которая, до поры до времени, скрываетъ отъ всѣхъ людей обезображенныя черты его измученнаго и опозореннаго лица. Разбитый этимъ ударомъ, Раскольниковъ не смѣлъ даже принимать отъ нихъ эти ласки; ему казалось, что онъ ихъ крадетъ почти такъ же, какъ онъ нѣсколько дней тому назадъ укралъ старухины деньги. Онъ старался отвертываться отъ этихъ выраженій нѣжности, насколько это было возможно. Они его мучили, какъ самыя живыя напоминанія о томъ раѣ, который, по его мнѣнію, былъ для него навсегда потерянъ, и котораго онъ во время не умѣлъ цѣнить по достоинству. Выманивать себѣ эти ласки обманомъ, платить за это чистое золото любви мишурою и фальшивою монетою своей поддѣльной нѣжности, словомъ, обращаться съ матерью и съ сестрою, какъ съ полицейскими сыщиками и шпіонами, которымъ надо отводить глаза различными искусно подобранными фокусами — это значило сползти въ такую отвратитель-

ную грязь, о которой Раскольниковъ не въ состояніи былъ даже и подумать. Тутъ игра положительно не стоила свѣчей. Хроническое притворство съ матерью и съ сестрою было для него неизмѣримо мучительнѣе всякой каторги!. Всякій разъ, какъ онъ сходился съ ними, онъ чувствовалъ, что маска сползаетъ съ его лица, и всякій разъ, онъ уходилъ отъ нихъ, пугаясь того ужаса, который должно было возбудить въ нихъ открытіе истины.

Такимъ образомъ, страхъ уголовнаго наказанія, страхъ презрѣнія со стороны близкихъ людей, необходимость таиться и притворяться на каждомъ шагу, въ сношеніяхъ со всѣми людьми безъ исключенія и ясное предчувствіе того обстоятельства, что всѣ эти подвиги притворства окажутся рано или поздно совершенно безполезными—вотъ составные элементы тѣхъ душевныхъ страданій, которыя испытываетъ Раскольниковъ. Подъ вліяніемъ этихъ страданій въ Раскольниковѣ совершается съ изумительною и ужасающею быстротою такой внутренній процессъ, который можно назвать увлданіемъ ума и характера. Первая фаза этого процесса разыгралась еще до совершенія убійства и ознаменовалась сооруженіемъ замысловатой теоріи, уравнявшей Ньютона и Кеплера съ опустошителями чужихъ кармановъ. Вторая фаза разыгрывается послѣ убійства, и оканчивается тѣмъ, что Раскольниковъ, отказавшись отъ права размышлять собственнымъ умомъ и поступать по собственному благоусмотрѣнію, отдаетъ себя подъ опеку очень добродушной, очень ограниченной и совершенно необразованной дѣвушки, Сони Мармеладовой, которая подобно нимфѣ Эгеріи, соглашается подавать ему мудрые и спасительные совѣты. Убивши старуху и ея сестру, Раскольниковъ совершенно теряетъ способность остановиться на какомъ бы то ни было опредѣленномъ желаніи. Ему хочется все разомъ покончить, т. е. отдаться добровольно въ руки слѣдователя; ему хочется также избавиться отъ наказанія и остаться на свободѣ; самъ онъ рѣшительно не въ состояніи опредѣлить, которое изъ этихъ желаній сильнѣе, и которое изъ нихъ въ ближайшую минуту будетъ управлять его поступками.

На другой день послѣ убійства, его требуютъ въ кварталъ по одному денежному дѣлу съ хозяйкой. Собираясь итти туда и не зная еще, зачѣмъ его требуютъ, онъ думаетъ: „скверно то, что я почти въ бреду... я могу соврать какую-нибудь глупость". Значитъ, не хочетъ погибать. Минуту спустя, имъ овладѣваетъ другое настроеніе, и онъ, махнувъ рукою, говоритъ про себя: „только бы поскорѣй". Подходя къ конторѣ, онъ думаетъ: „если спро-

сять, я, можетъ быть, и скажу". Поднимаясь по лѣстницѣ въ четвертый этажъ, онъ уже совсѣмъ рѣшается; „войду, стану на колѣни и все разскажу". — Черезъ минуту опять новый поворотъ: „какая-нибудь глупость, думаетъ онъ, стоя уже въ конторѣ, какая-нибудь самая мелкая неосторожность, и я могу всего себя выдать". Затѣмъ, когда онъ узнаетъ, что дѣло, по которому его потребовали, не имѣетъ ничего общаго со вчерашнимъ убійствомъ, имъ овладѣваетъ бѣшеная радость, и онъ, подъ вліяніемъ этого чувства, пускается вдругъ въ неожиданныя и совершенно неумѣстныя объясненія съ квартальными насчетъ своихъ отношеній къ хозяйкѣ и къ ея покойной дочери. Эта судорожная и припадочная радость тутъ же въ конторѣ смѣняется черезъ минуту невыносимо тяжелымъ чувствомъ *мучительнаго, безконечнаго уединенія и отчужденія*. Ему вдругъ приходитъ въ голову подойти къ квартальному и разсказать ему все, до послѣдней подробности. Это желаніе исчезаетъ, когда онъ слышитъ, что квартальный въ это самое время разговариваетъ съ своимъ помощникомъ о вчерашнемъ убійствѣ. Является опять припадокъ страха. Раскольниковъ идетъ къ дверямъ и падаетъ въ обморокъ.

Изъ такихъ быстро-смѣняющихся колебаній состоитъ вся жизнь Раскольникова послѣ убійства. Въ немъ вспыхиваетъ энергія только тогда, когда все его вниманіе поглощается какимъ-нибудь постороннимъ дѣломъ. Когда онъ переноситъ раздавленнаго чиновника Мармеладова къ нему на квартиру, когда онъ старается успокоить его жену, и облегчить ея положеніе, отдавая ей всѣ свои деньги, когда онъ въ тотъ же день говоритъ своей сестрѣ о томъ, что надо отказать Лужину, когда онъ на другой день окончательно выгоняетъ этого Лужина, когда онъ потомъ защищаетъ Соню Мармеладову, несправедливо обвиненную въ воровствѣ (все тѣмъ же Лужинымъ), — тогда онъ является какъ будто живымъ и свѣжимъ человѣкомъ, способнымъ интересоваться тѣмъ, что вокругъ него происходитъ, готовымъ откликнуться на чужое страданіе, заступиться за слабаго и обиженнаго человѣка, разстроить планы дерзкаго негодяя, подать умный совѣтъ, оказать дѣятельную

ощь или ѣшиться во время на смѣлый поступокъ. Но какъ только его перестаютъ развлекать сильныя постороннія впечатлѣнія, какъ только онъ остается наединѣ со своими сбивчивыми мыслями о недавнемъ прошедшемъ и о ближайшемъ будущемъ, такъ тотчасъ же въ его душѣ начинается какая-то вьюга быстро возникающихъ, быстро исчезающихъ, безпорядочно сталкивающихся

и переплетающихся ощущеній; умъ его гаснетъ; воля изнемогаетъ; онъ ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ и ни на что не можетъ рѣшиться. Онъ идетъ туда, куда ему совсѣмъ не хотѣлось итти; попадаетъ туда, куда онъ совсѣмъ не расчитывалъ попасть; говоритъ и дѣлаетъ то, чего собственный умъ нисколько не одобряетъ. Находясь въ такомъ положеніи, онъ безъ всякой надобности дразнитъ письмоводителя Заметова разговоромъ объ убійствѣ, и вслѣдъ затѣмъ отправляется въ квартиру убитой дергать звонокъ и разспрашивать у работниковъ, зачѣмъ кровь отмыли. Слѣдить за тѣми процессами мысли, которые вызываютъ подобные поступки, и вообще объяснять эти поступки какими бы то ни было процессами мысли, доступными и понятными здоровому человѣку—я не вижу ни малѣйшей возможности. Тутъ можно сказать только, что человѣкъ ошалѣлъ отъ страха и дошелъ до какого-то сомнамбулизма, во время котораго онъ и ходитъ, и говоритъ, и какъ-будто даже думаетъ. Существуетъ ли такое психическое состояніе, и вѣрно ли оно изображено въ романѣ г. Достоевскаго, объ этомъ пусть разсуждаютъ медики, если эти вопросы покажутся имъ достойными внимательнаго изученія.

Д. Писаревъ.

„Преступленіе и наказаніе".

(Чѣмъ Достоевскій намъ роднѣе, ближе Тургенева и Толстого? — Художественные пріемы этого писателя: изображеніе тонкихъ психологическихъ переходовъ; контрасты; сопоставленіе реальнаго и мистическаго. — Грозовое освѣщеніе. — Городскіе пейзажи Достоевскаго. — Поэзія городовъ. — Раскольниковъ. — Типъ фанатика идеи. — Хищное и царственное. — Корсаръ, Жюльенъ и Раскольниковъ. — Оправданіе божественнаго инстинкта сердца. — Смѣшанность, перепутанность добра и зла. — Раскольниковъ, Соня и Дуня. — Свидригайловъ. — Преступленіе закона во имя наслажденія. — Достоевскій—поэтъ евангельской любви).

I.

Тургеневъ, Левъ Толстой, Достоевскій—три корифея русскаго романа. Гончаровъ стоитъ не ниже ихъ, но въ сторонѣ, и говорить о немъ слѣдуетъ особо.

Тургеневъ — художникъ по преимуществу; въ этомъ сила его и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторая односторонность. Наслажденіе кра-

сотой слишкомъ легко примиряетъ его съ жизнью. Тургеневъ заглядывалъ въ душу природы болѣе глубокимъ и проницательнымъ взоромъ, чѣмъ въ душу людей. Онъ менѣе психологъ, чѣмъ Левъ Толстой и Достоевскій. Но зато какое пониманіе жизни всего міра, въ которомъ люди только маленькая часть, какая чистота линій, какая музыка рѣчь его! Когда долго любуешься этою примиряющею поэзіей, кажется, что сама жизнь существуетъ только для того, чтобы можно было наслаждаться ея красотой.

Левъ Толстой — громадная стихійная сила. Гармонія нарушена; нѣтъ созерцательнаго, безмятежнаго наслажденія—это жизнь во всемъ ея величіи, въ первобытной полнотѣ, въ нѣсколько дикой, но могучей свѣжести. Онъ удалился изъ нашего общества:

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій...

Но простымъ смертнымъ, не пророкамъ, такъ же холодно отъ этого неумолимаго отрицанія культуры, созданной вѣками, какъ и отъ тургеневскаго безстрастнаго созерцанія красоты... Оба писателя глядятъ на жизнь со стороны: одинъ изъ тихой артистической мастерской, другой — съ высоты отвлеченной морали.

Достоевскій роднѣе, ближе намъ. Онъ жилъ среди насъ, въ нашемъ печальномъ, холодномъ городѣ; онъ не испугался сложности современной жизни и ея неразрѣшимыхъ задачъ, не бѣжалъ отъ нашихъ мученій, отъ заразы вѣка.

Онъ любитъ насъ просто, какъ другъ, какъ равный, — не въ поэтической дали, какъ Тургеневъ, и не съ высокомѣріемъ проповѣдника, какъ Левъ Толстой. Онъ — нашъ, всѣми своими думами, всѣми страданіями. *„Онъ съ нами пилъ изъ общей чаши, какъ мы, отравленъ и великъ"*.

Толстой слишкомъ презираетъ „гнилое" интеллигентное общество, чувствуетъ слишкомъ глубокое отвращеніе къ слабостямъ грѣшныхъ людей. Онъ отталкиваетъ, пугаетъ своимъ презрѣніемъ, своею грубостью въ сужденіи о томъ, что все-таки останется людямъ дорого и свято, несмотря ни на какія нападки.

Достоевскій въ нѣкоторыя минуты ближе намъ, чѣмъ тѣ, съ кѣмъ мы живемъ и кого любимъ, — ближе, чѣмъ родные и друзья. Онъ — товарищъ въ болѣзни, сообщникъ не только въ добрѣ, но и во злѣ, а ничто такъ не сближаетъ людей, какъ общіе недостатки.

Онъ знаетъ самыя сокровенныя наши мысли, самыя *преступныя желанія нашего сердца.* Нерѣдко, когда читаешь его, чувствуешь страхъ отъ его всезнанія, отъ этого глубокаго проникновенія въ чужую совѣсть. У него встрѣчаешь тайныя мысли, которыхъ не рѣшился бы высказать не только другу, но и самому себѣ. И когда такой человѣкъ, исповѣдавшій наше сердце, все-таки прощаетъ насъ, когда онъ говоритъ: „вѣрьте въ добро, въ Бога, въ себя", — это больше, чѣмъ эстетическій восторгъ передъ красотой; больше, чѣмъ высокомѣрная проповѣдь чуждаго пророка.

Достоевскій не обладаетъ гармоніей, античной соразмѣрностью частей — этимъ наслѣдіемъ пушкинской красоты,—всѣмъ, чѣмъ такъ богатъ авторъ „Отцовъ и дѣтей". Нѣтъ у него и стихійной силы, непосредственной связи съ природой, какъ у Льва Толстого. Это— *человѣкъ, только что вышедшій изъ жизни, только что страдавшій и плакавшій.* Слезы еще не высохли у него на глазахъ, онѣ чувствуются въ голосѣ; рука еще дрожитъ отъ волненія. Книгъ Достоевскаго нельзя читать: ихъ надо пережить, выстрадать, чтобы понять. И потомъ онѣ уже не забываются.

Достоевскій употребляетъ своеобразный художественный пріемъ, чтобы ввести читателя въ драму.

Онъ изображаетъ подробно *тонкіе, почти неуловимые, психологическіе переходы въ настроеніи героевъ.*

Вотъ примѣръ.

Раскольниковъ, немного спустя послѣ преступленія, еще никѣмъ не подозрѣваемый, стоитъ въ полицейскомъ участкѣ передъ квартальными. Авторъ отмѣчаетъ послѣдовательно рядъ состояній, черезъ которыя прошло сознаніе героя. Когда Раскольниковъ входитъ въ участокъ, онъ чувствуетъ *ужасъ,* что его подозрѣваютъ, что, можетъ быть, преступленіе открыто; потомъ, когда узнаетъ, что подозрѣній нѣтъ, нервное напряженіе разрѣшается въ *радость,* является чувство *облегченія,* отсюда — его *откровенность, болтливость,* желаніе подѣлиться восторгомъ съ кѣмъ бы то ни было, даже съ квартальными. Но возбужденіе длится недолго. Раскольниковъ возвращается къ своему обыкновенному въ то время состоянію — *къ мрачной тоскѣ, озлобленію и недовѣрчивости.* Онъ вспоминаетъ недавнюю экспансивность, она ему кажется нелѣпою и унизительною. „Напротивъ, теперь, если бы вдругъ ком-

мата наполнилась не квартальными, а первѣйшими друзьями его, то и тогда, кажется, не нашлось бы для нихъ у него ни одного человѣческаго слова, до того вдругъ опустѣло его сердце". *Онъ почувствовалъ, что уже никогда не можетъ быть ни съ кѣмъ откровеннымъ. потому что онъ—преступникъ.*

И вотъ, въ эту-то минуту *„мрачное ощущеніе мучительнаго, безконечнаго уединенія и отчужденія вдругъ сознательно сказалось въ душѣ его".*

Если читателю, кто бы онъ ни былъ, случилось въ дѣйствительности пережить только одинъ изъ этихъ безчисленныхъ оттѣнковъ настроенія, онъ непремѣнно вспомнитъ моментъ *своей личной* жизни, снова его *переживетъ*,—а этого только и нужно автору: слѣдующій моментъ будетъ опять не изображеніемъ поэта, а собственнымъ ощущеніемъ читателя, потому что онъ только неизбѣжное психологическое слѣдствіе перваго и т. д. Достоевскій захватилъ сердце и ужъ не отпуститъ его, пока не вовлечетъ въ самую глубину настроенія героя, не втянетъ душу въ его жизнь, какъ водоворотъ втягиваетъ слабую былинку въ омутъ. Мало-помалу личность читателя перевоплощается въ личность героя, сознаніе сливается съ его сознаніемъ, страсти дѣлаются его страстями.

Пока читаешь книгу Достоевскаго, нельзя жить отдѣльною жизнью отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ разсказа: какъ будто исчезаетъ граница между вымысломъ и дѣйствительностью. Это больше, чѣмъ сочувствіе герою, это—*сліяніе съ нимъ.*

Когда Порфирій не рѣшается подать руки преступнику, чувствуешь негодованіе на судебнаго слѣдователя, какъ будто личную ненависть за его подозрѣнія.

Когда Раскольниковъ съ топоромъ бѣжитъ по лѣстницѣ и прячется въ пустой квартирѣ, гдѣ работаютъ маляры, переживаешь весь его ужасъ, и мучительно хочется, чтобы *онъ спасся,* поскорѣе убѣжалъ отъ справедливой кары закона, чтобы Кохъ съ товарищемъ какъ-нибудь не замѣтили его, чтобы преступленіе не могло быть открыто.

Читатель, вмѣстѣ съ героемъ, дѣлаетъ *преступный психологическій опытъ,* и потомъ, когда оставляешь книгу, долго еще нѣтъ силъ освободиться етъ ея страшнаго очарованія. Гармонія, красота, наслажденіе поэзіей—все это можетъ пройти, исчезнуть изъ памяти, забыться со временемъ, но *преступный опытъ души*

никогда не забывается. Достоевскій оставляетъ въ сердцѣ такіе же неизгладимые слѣды, какъ страданіе.

Введеніе въ жизнь героя посредствомъ изображенія тончайшихъ, неуловимыхъ переходовъ въ его настроеніи—вотъ одинъ изъ художественныхъ пріемовъ Достоевскаго; другой заключается въ сопоставленіяхъ, въ рѣзкихъ *контрастахъ* трогательнаго и ужаснаго, мистическаго и реальнаго.

Мармеладовъ передъ смертью, уже въ полусознательномъ состояніи, смотритъ на своихъ нищихъ дѣтей. Взглядъ его остановился на маленькой Лидочкѣ (его любимицѣ), глядѣвшей на него „своими удивленными, дѣтски-пристальными глазами".—А... а... указывалъ онъ на нее съ безпокойствомъ. Ему что-то хотѣлось сказать.—Чего еще?—крикнула Катерина Ивановна.—Босенькая! Босенькая!—бормоталъ онъ, полоумнымъ взглядомъ указывая на босыя ножки дѣвочки. „Вошелъ священникъ съ запасными дарами, сѣдой старичекъ. Всѣ отступили. Исповѣдь длилась очень недолго". Катерина Ивановна стала на колѣни съ дѣтьми. Они молились. Въ эту минуту „изъ толпы, неслышно и робко, протѣснилась дѣвушка, и странно было ея внезапное появленіе въ этой комнатѣ, среди нищеты, лохмотьевъ, смерти и отчаянья. Она была тоже въ лохмотьяхъ; нарядъ ея былъ грошевой, но разукрашенный поуличному, подъ вкусъ и правила, сложившіяся въ своемъ особомъ мірѣ съ ярко и позорно выдающеюся цѣлью"... Соня, дочь Мармеладова, была „въ шелковомъ, неприличномъ здѣсь, цвѣтномъ платьѣ съ длиннѣйшимъ и смѣшнымъ хвостомъ, въ свѣтлыхъ ботинкахъ, въ смѣшной соломенной круглой шляпѣ съ яркимъ огненнаго цвѣта перомъ". Послѣ этого описанія авторъ сразу переходитъ къ умирающему, говоритъ объ исповѣди и причастіи.

Такъ же обыкновенны въ романахъ Достоевскаго *сопоставленія реальнаго и мистическаго.* Тѣсные переулки близъ Сѣнной; лѣтній Петербургъ, вонючій и пыльный; полицейскій участокъ съ квартальными; бѣдность, развратъ, та самая сѣрая и пошлая обстановка большого города, которую мы привыкли видѣть каждый день,—все это дѣлается вдругъ призрачнымъ, похожимъ на сонъ. Авторъ проникнутъ чувствомъ темнаго, таинственнаго и рокового, что скрывается въ глубинѣ жизни. Онъ нарочно вводитъ въ разсказъ трагическій элементъ *Рока* посредствомъ постоянныхъ совпаденій мелкихъ случайностей.

Передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на преступленіе, Раскольниковъ слышитъ въ трактирѣ за билліардомъ разговоръ двухъ неизвѣст-

ныхъ лицъ о старухѣ-процентщицѣ, его будущей жертвѣ: весь планъ убійства, всѣ нравственные мотивы до послѣдней подробности подсказаны ему какъ будто судьбой. Незначительный фактъ, но онъ имѣетъ огромное вліяніе на рѣшимость Раскольникова, это— *роковая случайность.*

Приблизительно въ то же время, усталый и измученный, желая поскорѣй вернуться домой, но, неизвѣстно почему, дѣлая большой ненужный крюкъ, онъ неожиданно попадаетъ на Сѣнную и слышитъ разговоръ мѣщанина съ Лизаветой, сожительницей старухи: мѣщанинъ назначаетъ свиданіе по дѣлу: *„въ седьмомъ часу, завтра“*. Стало-быть, старуха останется одна. Всѣмъ существомъ своимъ онъ почувствовалъ, „что нѣтъ у него болѣе ни свободы разсудка, ни воли“, что убійство рѣшено окончательно. Опять роковая случайность.

Въ своей квартирѣ онъ дѣлаетъ послѣднія приготовленія, вѣшаетъ топоръ въ петлю, пришитую внутри пальто. Какъ разъ въ этотъ моментъ „гдѣ-то на дворѣ раздался чей-то крикъ: *седьмой часъ давно!*“—„Давно, Боже мой!“ и онъ бросается на улицу. Авторъ прямо замѣчаетъ: „Раскольниковъ въ послѣднее время сталъ суевѣренъ... Во всемъ этомъ дѣлѣ онъ всегда потомъ наклоненъ былъ видѣть нѣкоторую какъ бы странность, таинственность, какъ будто присутствіе какихъ-то особыхъ вліяній и совпаденій. Роковыя случайности вовлекаютъ его въ преступленіе, *„точно онъ попалъ клочкомъ одежды въ колесо машины и его начало въ нее втягивать“*.

Великій *реалистъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ великій *мистикъ*, Достоевскій чувствуетъ призрачность реальнаго: для него жизнь— только явленіе, только покровъ, за которымъ таится непостижимое и навѣки скрытое отъ человѣческаго ума.

Какъ будто нарочно, онъ уничтожаетъ границу между сномъ и дѣйствительностью. Нѣкоторыя фигуры, впослѣдствіи яркія и живыя, выступаютъ сначала, какъ будто изъ тумана, изъ сновидѣнія: напримѣръ, незнакомый мѣщанинъ, который на улицѣ говоритъ Раскольникову „убивецъ“. На слѣдующій день этотъ мѣщанинъ кажется ему призракомъ, галлюцинаціей, а потомъ опять превращается въ живое лицо. То же самое происходитъ при первомъ появленіи Свидригайлова. Эта полуфантастическая фигура, оказывающаяся впослѣдствіи самымъ реальнымъ типомъ, возникаетъ изъ сновидѣнія, изъ смутныхъ болѣзненныхъ грезъ Раскольникова, который вѣритъ въ его дѣйствительность такъ же мало, какъ въ дѣй-

ствительность таинственнаго мѣщанина. Онъ спрашиваетъ своего товарища, студента Разумихина, о Свидригайловѣ: „Ты его точно видѣлъ? Ясно видѣлъ?—Ну, да, ясно помню; изъ тысячи узнаю, я памятливъ на лица...—Гмъ... то-то... пробормоталъ Раскольниковъ. А то знаешь... мнѣ подумалось... мнѣ все, все кажется... что это, *можетъ быть, и фантазія*..... Можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ помѣшанный и только—*призракъ видѣлъ*".

Эти особенности творчества придаютъ картинамъ Достоевскаго, несмотря на будничную ихъ обстановку, *мрачный, тяжелый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обаятельный колоритъ*—какъ будто грозовое освѣщеніе. Въ обыкновенныхъ мелочахъ жизни открываются такія глубины, такія тайны, которыхъ мы никогда не подозрѣвали.

Не только присутствіе рока въ событіяхъ придаетъ разсказу Достоевскаго трагическій пафосъ въ античномъ смыслѣ слова—этому впечатлѣнію способствуетъ еще и *единство времени* (тоже въ античномъ смыслѣ). Въ промежутокъ одного дня, иногда нѣсколькихъ часовъ, событія и катастрофы нагромождаются цѣлыми массами. Романъ Достоевскаго—не спокойный, плавно-развивающійся эпосъ, а *собраніе пятыхъ актовъ многихъ трагедій*. Нѣтъ медленнаго развитія: все дѣлается почти мгновенно, стремится неудержимо и страстно къ одной цѣли—къ концу.

Въ быстротѣ дѣйствія, въ перевѣсѣ драматическаго элемента заключается причина того, что у Достоевскаго гораздо меньше культурныхъ и бытовыхъ подробностей, чѣмъ у болѣе спокойныхъ, эпическихъ поэтовъ, каковы, напримѣръ, Сервантесъ и Гончаровъ. Внѣшнюю культуру, бытовую сторону жизни, обыденныя настроенія людей—въ Испаніи по *Донъ-Кихоту*, въ дореформенной Россіи—по *Обломову* можно воспроизвести съ гораздо большею точностью и полнотой, чѣмъ наши шестидесятые года на основаніи *Преступленія и Наказанія*.

Нельзя не упомянуть еще о городскихъ пейзажахъ Достоевскаго. Онъ рисуетъ ихъ очень поверхностно, легкими штрихами, даетъ не самую картину, а только настроеніе картины. Иногда ему довольно *двухъ-трехъ словъ, намека* на духоту, известку лѣса, кирпичъ, пыль, на тотъ особенный лѣтній запахъ, извѣстный каждому петербуржцу, чтобы впечатлѣніе большого города возникло въ насъ съ поразительною ясностью. Безо всякихъ описаній Петербургъ чувствуется за каждой сценой романа.

Только *изрѣдка* авторъ набрасываетъ нѣсколько чертъ, когда

надо опредѣлить и выдвинуть фонъ: „небо было безъ малѣйшаго облачка, а вода почти голубая, что на Невѣ такъ рѣдко бываетъ. Куполъ собора... такъ и сіялъ и сквозь чистый воздухъ можно было отчетливо разглядѣть даже каждое его украшеніе... Необъяснимымъ холодомъ вѣяло на него всегда отъ этой великолѣпной панорамы; духомъ нѣмымъ и глухимъ полна была для него эта пышная картина". Вотъ другой мотивъ: „я люблю, какъ поютъ подъ шарманку въ холодный, темный и сырой осенній вечеръ, непремѣнно въ сырой, когда у всѣхъ прохожихъ блѣдно-зеленыя и больныя лица; или еще лучше, когда снѣгъ мокрый падаетъ совсѣмъ прямо безъ вѣтру... а сквозь него фонари съ газомъ блистаютъ". Иногда въ ясный лѣтній вечеръ у этого прозаическаго, печальнаго города бываютъ какъ бы минуты умиленія, тихой и кроткой задумчивости; въ такой именно вечеръ Раскольниковъ смотрѣлъ „на послѣдній розовый отблескъ заката, на рядъ домовъ, темнѣвшій въ сгущавшихся сумеркахъ, на одно отдаленное окошко, гдѣ-то въ мансардѣ, на лѣвой набережной, блиставшее точно въ пламени отъ послѣдняго солнечнаго луча, ударившаго въ него на мгновеніе, на темнѣвшую воду канавы".

Нерѣдко попадаются въ описаніяхъ Достоевскаго подробности *изумительно-художественныя*. Такъ напримѣръ—Раскольниковъ входитъ въ квартиру, гдѣ имъ совершено убійство: „Огромный, круглый, мѣдно-красный мѣсяцъ глядѣлъ прямо въ окна. *Это отъ мѣсяца такая тишина,* подумалъ онъ".

Достоевскій понимаетъ поэзію города. Въ шумѣ столицы онъ находитъ такую же прелесть и тайну, какъ другіе поэты въ ропотѣ океана; они убѣгаютъ отъ людей въ „широкошумныя дубровы"—онъ бродитъ, одинокій, по улицамъ большого города; они глядятъ съ вопросомъ на звѣздное небо—онъ смотритъ въ раздумьи на осенніе туманы Петербурга, озаренные безчисленными огнями. Въ лѣсахъ, на берегу океана, подъ открытымъ небомъ всѣ видѣли тайну, всѣ чувствовали бездны природы, но въ нашихъ унылыхъ прозаическихъ городахъ никто, кромѣ Достоевскаго, не чувствовалъ такъ глубоко *тайны человѣческой жизни.* Онъ первый показалъ, что *поэзія городовъ не менѣе велика и таинственна, чѣмъ поэзія лѣса, океана и звѣзднаго неба.*

II.

„Убей ее и возьми ея деньги, съ тѣмъ, чтобы съ ихъ помощью посвятить потомъ себя на служеніе всему человѣчеству и общему дѣлу: какъ ты думаешь—не загладится ли одно крошечное преступленьице тысячами добрыхъ дѣлъ? За одну жизнь—тысячи жизней, спасенныхъ отъ гніенія и разложенія. Одна смерть—и сто жизней взамѣнъ: да вѣдь тутъ ариѳметика! Да и что значитъ на общихъ вѣсахъ жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не болѣе, какъ жизнь вши, таракана, да и того не стоитъ. потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заѣдаетъ".

Вотъ слова, которыми сама судьба въ лицѣ незнакомаго студента искушала Раскольникова въ роковую для него минуту колебанія.

„Старушонка—вздоръ,—думаетъ онъ впослѣдствіи старуха, пожалуй, что и ошибка... только болѣзнь... *я переступить поскорѣе хотѣлъ... я не человѣка убилъ, я принципъ убилъ!*"

Преступленіе его идейное, т. е. вытекаетъ не изъ личныхъ цѣлей, не изъ эгоизма, какъ болѣе распространенный типъ нарушенія закона, а изъ нѣкоторой теоретической и безкорыстной идеи, каковы бы ни были ея качества.

Умный Порфирій, судебный слѣдователь, отлично это понимаетъ: „тутъ дѣло фантастическое, мрачное, дѣло современное, нашего времени случай-съ, когда помутилось сердце человѣческое... Тутъ—книжныя мечты-съ, тутъ теоретически раздраженное сердце; убили *по теоріи*".

Въ этой-то *теоретичности* преступленія и заключается весь ужасъ, весь трагизмъ положенія Раскольникова. Для него закрытъ послѣдній исходъ согрѣшившихъ—раскаяніе; для него—нѣтъ раскаянія, потому что и послѣ убійства, когда угрызенія жгутъ его, онъ продолжаетъ вѣрить въ то, что оправдываетъ его убійство.

„Вотъ въ чемъ одномъ признавалъ онъ свое преступленіе: только въ томъ, что *не вынесъ его* и сдѣлалъ явку съ повинною".

Онъ убилъ принципъ, и его преступленіе настолько глубже, сложнѣе и непоправимѣе обыкновеннаго эгоистическаго нарушенія закона, напримѣръ грабежа, что о послѣднемъ онъ мечтаетъ, какъ о счастьѣ.

„Знаешь, что я тебѣ скажу—признается онъ Сонѣ—если бы только я зарѣзалъ изъ того, что голоденъ былъ, то я бы теперь... *счастливъ* былъ! Знай ты это!"

Самая отвлеченная, неутолимая и разрушительная изъ страстей—фанатизмъ, страсть идеи. Она создаетъ великихъ аскетовъ, неуязвимыхъ ни для какихъ искушеній, она закаляетъ душу, даетъ ей почти сверхъестественныя силы. Мгновенный огонь другихъ страстей передъ медленнымъ, но непобѣдимымъ жаромъ фанатизма—все равно, что горящая солома передъ раскаленнымъ металломъ. Дѣйствительность не въ состояніи дать фанатику ни одной минуты не только пресыщенія, но даже временнаго утоленія, потому что онъ преслѣдуетъ недостижимую цѣль — воплотить въ жизни *теоретическій* идеалъ. Чѣмъ болѣе сознаетъ онъ невозможность цѣли, неутолимость страсти, тѣмъ болѣе ожесточается страсть. Есть что-то по истинѣ ужасающее и почти нечеловѣческое въ такихъ фанатикахъ идеи, какъ Робеспьеръ и Кальвинъ. Посылая на костеръ за Бога или подъ гильотину за свободу тысячи невинныхъ, проливая кровь рѣкою, они искренно считаютъ себя благодѣтелями человѣческаго рода и великими праведниками. Жизнь, страданія людей—для нихъ ничто; теорія, логическая формула — все. Они пролагаютъ свой кровавый путь въ человѣчествѣ такъ же неумолимо и безстрастно, какъ лезвіе ясной стали врѣзывается въ живое тѣло.

Къ такому типу фанатиковъ идеи, къ Робеспьерамъ, Кальвинамъ, Торквемадамъ, принадлежитъ и Раскольниковъ, но не всецѣло, а только одною изъ сторонъ своего существа.

Онъ *хотѣлъ бы быть* однимъ изъ великихъ фанатиковъ — это его идеалъ. У него есть несомнѣнно общія съ ними черты: то же высокомѣріе и презрѣніе къ людямъ, та же неумолимая жестокость логическихъ выводовъ и готовность проводить ихъ въ жизнь какою бы то ни было цѣной, тотъ же аскетическій жаръ и мрачный восторгъ фанатизма, та же сила воли и вѣры. Уже послѣ преступленія, измученный, почти побѣжденный, онъ все еще вѣритъ въ свою идею, онъ опьяненъ ея величіемъ и красотой: „у меня тогда одна мысль выдумалась въ первый разъ въ жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывалъ! Никто! Мнѣ вдругъ ясно, какъ солнце, представилось, что какъ же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпости, взять просто-на-просто все за хвостъ и стряхнуть къ чорту! Я... Я захотѣлъ *осмѣлиться,* и убилъ... я только осмѣлиться захотѣлъ... вотъ вся причина!.." „И не деньги, главное, нужны мнѣ были. Мнѣ другое надо было узнать тогда, и поскорѣй узнать, вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я пре-

ступить или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять, или нѣтъ? Тварь ли я дрожащая или *право* имѣю?..."

Достоевскій прямо отмѣчаетъ въ Раскольниковѣ эту безпощадность и бездушіе теоріи, свойственныя фанатикамъ; „казуистика его—говоритъ авторъ—выточилась, какъ бритва".

Даже мать, несмотря на любовь къ сыну, чувствуетъ въ Раскольниковѣ эту всеразрушающую силу страсти, которую въ немъ можетъ зажечь только отвлеченная идея: „его характеру я никогда не могла довѣриться, даже когда ему было только пятнадцать лѣтъ. Я увѣрена, что онъ и теперь вдругъ что-нибудь можетъ сдѣлать съ собою такое, что ни одинъ человѣкъ никогда и не подумаетъ сдѣлать... Вы думаете, его бы остановили мои слезы, мои просьбы, моя болѣзнь, моя смерть, можетъ быть, съ тоски, наша нищета? Преспокойно бы перешагнулъ черезъ всѣ препятствія. А неужели онъ, неужели же онъ насъ не любитъ?"

Но фанатизмъ идеи *только одна сторона* его характера. Въ немъ есть и нѣжность, и любовь, и жалость къ людямъ, и слезы умиленія.

Вотъ въ чемъ его слабость, вотъ что его губитъ.

Разумихинъ говоритъ правду: въ Раскольниковѣ „точно два противоположные характера поочередно смѣняются".

Въ немъ живутъ и борются *двѣ души*. Онъ убиваетъ и плачетъ, умиляется надъ своими жертвами; если не надъ старухой, то надъ Лизаветой съ „кроткими и тихими" глазами. А настоящіе герои, великіе преступники закона не плачутъ и не умиляются. Кальвинъ, Робеспьеръ, Торквемада не чувствовали чужихъ страданій — въ этомъ ихъ сила, ихъ цѣльность; они какъ будто высѣчены изъ одной глыбы гранита, а въ героѣ Достоевскаго есть уже вѣчный источникъ слабости — *раздвоенность, расколотость воли.* Эту слабость, погубившую его, онъ и самъ сознаетъ: „нѣтъ, тѣ люди не такъ сдѣланы; настоящій *властелинъ,* кому все разрѣшается, громитъ Тулонъ, дѣлаетъ рѣзню въ Парижѣ, *добиваетъ* армію въ Египтѣ, *тратитъ* полмилліона людей въ московскомъ походѣ и отдѣлывается каламбуромъ въ Вильнѣ, и ему же, по смерти, ставятъ кумиры, а стало-быть и *все* разрѣшается. Нѣтъ, на этакихъ людяхъ, видно, не тѣло, а бронза!"

Послѣ преступленія Раскольниковъ содрогнулся не потому, что у него руки въ крови, что онъ преступникъ, а потому, что онъ допустилъ сомнѣніе: „не преступникъ ли онъ?" Это сомнѣніе — признакъ слабости, и на него неспособны тѣ, кто имѣетъ право

преступать законъ. „Потому я... вошь — прибавилъ онъ, скрежеща зубами,—потому, что самъ-то я, можетъ быть, еще скверпѣе и гаже, чѣмъ убитая вошь, и заранѣе *предчувствовалъ*, что скажу себѣ это уже *послѣ* того, какъ убью!.. Да развѣ съ этакимъ ужасомъ что-нибудь можетъ сравниться? О, пошлость! О, подлость! О, какъ я понимаю „пророка": съ саблей, на конѣ, велитъ Аллахъ, и повинуйся „дрожащая тварь"! Правъ, правъ „пророкъ", когда ставитъ гдѣ-нибудь поперекъ улицы хор-р-р-ошую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не удостоивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь, и—*не желай*, потому, не твое это дѣло!.. О, ни за что, ни за что не прощу старушонкѣ!"

Горе великимъ преступникамъ закона, если въ ихъ душѣ, сожженной страстью идеи, сохранилось хоть что-нибудь человѣческое! Горе людямъ изъ бронзы, если хоть одинъ уголокъ ихъ сердца остался живымъ! Довольно слабаго критика совѣсти, чтобы они проступились, поняли и погибли.

Байронъ создалъ новаго человѣка, новую героическую душу—въ Корсарѣ, Чайльдъ-Гарольдѣ, Каинѣ, Манфредѣ. Въ то время въ воздухѣ носились сѣмена, зародыши тѣхъ настроеній, которыя сумѣлъ выразить поэтъ.

Жюльенъ Сорель, — герой великаго, но, къ сожалѣнію, мало извѣстнаго въ Россіи романа Стендаля *Le Rouge et le Noir*,— по духу родной братъ байроновскихъ героевъ, хотя онъ созданъ совершенно самостоятельно, помимо вліянія Байрона.

Манфредъ и Жюльенъ Сорель — родоначальники героевъ, наполнившихъ литературу XIX вѣка, — отдаленные отпрыски ихъ сложнаго генеалогическаго дерева, простираются до нашего времени.

Вотъ характерныя черты этихъ героевъ: всѣ они — изгнанники изъ общества, живутъ съ нимъ въ непримиримомъ разладѣ, презираютъ людей, потому что люди — рабы. Толпа ненавидитъ этихъ изгнанниковъ, но они гордятся проклятьемъ толпы. Въ нихъ есть что-то *хищное*, нелюдимое и вмѣстѣ съ тѣмъ *царственное*. Какъ орлы вьютъ себѣ гнѣзда на недоступныхъ скалахъ, такъ они живутъ далеко отъ людей, на одинокой высотѣ.

Начиная съ самоотверженнаго участія къ угнетеннымъ, они нерѣдко кончаютъ пролитіемъ невинной крови. Жюльенъ Сорель убиваетъ женщину, которую любитъ. Человѣческая кровь, преступленіе тяготѣетъ на совѣсти Корсара, Манфреда, Каин.а Все это-

преступники, непризнанные герои, „позволившіе себѣ кровь по совѣсти".

Я не вижу никакой связи между созданіями Байрона и романомъ Достоевскаго. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о самомъ отдаленномъ вліяніи. Но подобно тому, какъ Гамлетъ— великій первообразъ типовъ, которые встрѣчаются и въ наше время, въ нашемъ обществѣ, — такъ и въ Манфредѣ, и въ Раскольниковѣ есть нѣчто міровое, вѣчное, связанное съ основами человѣческой природы и, вслѣдствіе этого, повторяющееся въ самыхъ различныхъ обстановкахъ.

Въ героѣ Достоевскаго та же *ненависть къ толпѣ,* тотъ же *страстный протестъ противъ общества,* какъ и въ байроновскихъ типахъ. Онъ тоже презираетъ людей, видитъ въ нихъ насѣкомыхъ, которыхъ „властелинъ" имѣетъ право раздавить. Проливъ кровь, онъ тоже считаетъ себя не виноватымъ, а только непонятымъ.

Когда Соня убѣждаетъ его покаяться, „принять страданіе" и признаться во всемъ, онъ отвѣчаетъ ей надменно: „Не будь ребенкомъ, Соня... Въ чемъ я виноватъ передъ ними? Зачѣмъ пойду? Что имъ скажу? Все это одинъ лишь призракъ... Они сами милліонами людей изводятъ, да еще за добродѣтель почитаютъ. Плуты и подлецы они, Соня!.. Не пойду. Да и что я скажу? —что убилъ, а денегъ взять не посмѣлъ? Такъ вѣдь они же надо мной сами смѣяться будутъ, скажутъ: дуракъ, что не взялъ. Трусъ и дуракъ! Ничего, ничего не поймутъ они, Соня, и недостойны понять. Зачѣмъ я пойду?... не пойду".

Что для героя условная нравственность, когда вся жизнь людей сплошная жестокость и неправда?

„Преступленіе?.. Какое преступленіе?.. То, что я убилъ гадкую зловредную вошь, старушонку-процентщицу, которую убить сорокъ грѣховъ простятъ, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала,— и это-то преступленіе? Не думаю я о немъ и смывать его не думаю..."— „Братъ, братъ, что ты это говоришь? Но вѣдь ты кровь пролилъ!.." въ отчаяніи вскричала Дуня (сестра Раскольникова). — „Которую всѣ проливаютъ!" подхватилъ онъ чуть не въ изступленіи — „которая льется и всегда лилась на свѣтѣ, какъ водопадъ; которую льютъ, какъ шампанское, и за которую вѣнчаютъ въ Капитоліи и называютъ благодѣтелемъ человѣчества... Я рѣшительно не понимаю, почему лупить въ людей бомбами, правильною осадой

болѣе почтенная форма? Боязнь эстетики есть первый признакъ безсилія".

Его убійство не такъ красиво, но зато и не такъ преступно, какъ тѣ *законныя* убійства, которыя позволяетъ себѣ общество. И эта грязная толпа, эта подлая чернь осмѣливается судить героя, который могъ бы ихъ всѣхъ раздавить, если бъ удача была на его сторонѣ.—„Неужели—восклицаетъ онъ въ бѣшенствѣ—въ эти будущія пятнадцать, двадцать лѣтъ такъ уже смирится душа моя, что я съ благоговѣніемъ буду хныкать передъ людьми, называя себя ко всякому слову разбойникомъ? Да именно, именно! Для этого-то они и ссылаютъ меня теперь, этого-то имъ и надобно... Вотъ они снуютъ всѣ по улицѣ взадъ и впередъ, вѣдь всякій-то изъ нихъ подлецъ и разбойникъ уже по натурѣ своей, хуже того—идіотъ! А попробуй обойти меня ссылкой, и всѣ они взбѣсятся отъ благороднаго негодованія! О, какъ я ихъ ненавижу!"

Хищное и гордое начало его природы возмущается. Въ сосредоточенной ненависти къ людямъ онъ превзошелъ даже байроновскихъ героевъ.

И, однако, какъ они, Раскольниковъ тоже иногда воображаетъ, что любитъ людей, что нѣжность его отвергнута и непонята. Любовь его книжная, отвлеченная, холодная,—та же самая любовь, какъ у Манфреда и Жюльена Сореля. Онъ *„для себя лишь хочетъ воли"*. Какъ байроновскіе герои, онъ аристократъ до мозга костей, несмотря на свою бѣдность и униженіе. Въ его поразительной красотѣ тоже есть признакъ „власти".

Этотъ тонкій и стройный молодой человѣкъ, съ огненными черными глазами и блѣднымъ лицомъ, внушаетъ всѣмъ почтеніе или даже суевѣрный страхъ. Простые люди видятъ въ немъ что-то *„демоническое"*. Соня прямо говоритъ, что „Богъ его предалъ дьяволу". Человѣкъ изъ толпы, Разумихинъ, сознавая его неправоту, преклоняется и почти трепещетъ предъ нимъ. Какъ байроновскіе герои, онъ обладаетъ громадной силой, но тратитъ ее безъ пользы, потому что онъ тоже слишкомъ мечтатель, въ немъ тоже нѣтъ ничего практическаго, онъ презираетъ дѣйствительность.

Онъ любитъ одиночество: „я тогда, какъ паукъ, къ себѣ въ уголъ забился... О, какъ ненавидѣлъ я эту конуру! А все-таки выходить изъ нея не хотѣлъ. Нарочно не хотѣлъ!"

Онъ и послѣ пораженія не считаетъ себя побѣжденнымъ. Когда все противъ него, когда спасенія нѣтъ, и онъ готовъ идти въ полицію сдѣлать явку съ повинною, въ немъ пробуждается пре-

жняя гордая вѣра, и онъ восклицаетъ со страшною силой убѣжденія: „Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, не понимаю моего преступленія! Никогда, никогда не былъ я сильнѣе и убѣжденнѣе, чѣмъ теперь!" На утѣшенія сестры, на слезы ея, онъ отвѣчаетъ надменно; „Не плачь обо мнѣ—я постараюсь быть и мужественнымъ, и честнымъ, всю жизнь, хоть я и убійца. Можетъ быть, ты услышишь когда-нибудь мое имя. Я не осрамлю васъ... увидишь; *я еще докажу*"...

Но въ Раскольниковѣ нѣтъ уже ничего романическаго: душа его освѣщена до глубины неумолимымъ психологическимъ анализомъ. Объ идеализаціи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Вмѣсто крылатаго духа Корсара или, по крайней мѣрѣ, лорда—предъ нами бѣдный студентъ, оставившій университетъ по недостатку средствъ, почти нищій.

Авторъ не думаетъ скрывать или прикрашивать его слабости. Онъ показываетъ, что гордость, одиночество, преступленіе Раскольникова происходятъ не отъ силы и превосходства его надъ людьми, а скорѣе отъ недостатка любви и знанія жизни. Прежній грандіозный и мрачный герой сведенъ съ пьедестала и развѣнчанъ. Корсаръ, Жюльенъ постоянно рисуются, какъ будто играютъ роль, наивно вѣрятъ въ свою правоту и силу. А герой Достоевскаго уже сомнѣвается, правъ ли онъ. Тѣ умираютъ непримиримыми, а для него это состояніе гордаго одиночества и разрыва съ людьми только временный кризисъ, *переходъ къ другому міросозерцанію.*

Онъ смѣется надъ религіознымъ чувствомъ и, однако, со слезами умиленія проситъ Полечку помолиться за него, помянуть „и раба Родіона". Съ какою нѣжностью вспоминаетъ онъ свою бывшую невѣсту, которую полюбилъ, какъ способны любить только люди очень самоотверженные—изъ состраданія. „Дурнушка такая... собой. Право, не знаю, за что я къ ней тогда привязался, кажется, за то, что всегда больная... Будь она еще хромая, аль горбатая, я бы, кажется, еще больше ее полюбилъ... Такъ... какой-то бредъ весенній былъ"...

Во снѣ Раскольникова, въ которомъ отражаются воспоминанія дѣтства,—то же состраданіе къ несчастному и угнетенному существу: пьяные мужики сѣкутъ бѣдную клячу, запряженную въ огромную, тяжелую телѣгу. Мальчикъ „бѣжитъ подлѣ лошаденки, онъ забѣгаетъ впередъ, онъ видитъ, какъ ее сѣкутъ по глазамъ, по самымъ глазамъ! Онъ плачетъ; сердце въ немъ поднимается, слезы текутъ. Одинъ изъ сѣкущихъ задѣваетъ его по ли-

цу; онъ не чувствуетъ, онъ ломаетъ свои руки, кричитъ, бросается къ сѣдому старику съ сѣдою бородой, который качаетъ головой и осуждаетъ все это". Наконецъ, лошаденку засѣкли до смерти. Она падаетъ. „Бѣдный мальчикъ уже не помнитъ себя. Съ криками пробивается онъ сквозь толпу къ савраскѣ, обхватываетъ ея мертвую, окровавленную морду и цѣлуетъ ее въ глаза, въ губы"...

Озлобленный и гордый, Раскольниковъ способенъ иногда къ величайшему смиренію. Онъ идетъ въ полицію сдѣлать явку съ повинною. Въ душѣ его нѣтъ раскаянія; въ ней только ужасъ и чувство одиночества. Онъ вдругъ вспоминаетъ слова Сони: „Поди на перекрестокъ, поклонись народу, поцѣлуй землю, потому что ты и передъ ней согрѣшилъ, и скажи всему міру вслухъ: „я убійца!" Онъ весь задрожалъ, припомнивъ все это... Онъ сталъ на колѣни среди площади, поклонился до земли и поцѣловалъ эту грязную землю съ наслажденіемъ и счастіемъ".

Въ Раскольниковѣ *крайнее развитіе личности, одинокой, мятежной и возставшей противъ общества, достигло послѣдней границы*—той черты, за которою или гибель, или переходъ къ другому міросозерцанію.

Онъ дошелъ путемъ ожесточеннаго протеста до отрицанія нравственныхъ законовъ, до того, что, наконецъ, свергъ съ себя, какъ ненужное бремя, какъ предразсудокъ, всѣ обязательства долга.

Онъ *„по совѣсти* позволилъ себѣ кровь". На людей смотритъ онъ даже не какъ на рабовъ, а какъ на гадкихъ насѣкомыхъ, которыхъ слѣдуетъ раздавить, если они мѣшаютъ герою.

На этой ледяной теоретической высотѣ, въ этомъ одиночествѣ, кончается всякая жизнь. И Раскольниковъ неминуемо долженъ бы погибнуть, если бы въ душѣ его не было скрыто другое начало. Достоевскій довелъ его до момента, когда въ немъ пробуждается подавленное, но не убитое *религіозное* чувство.

Авторъ покидаетъ героя въ ту минуту, когда онъ на каторгѣ въ Сибири задумался надъ Евангеліемъ, еще не смѣя открыть его.

III.

Достоевскій приводитъ въ связь преступленіе Раскольникова съ современнымъ ему настроеніемъ общества и съ господствовавшими въ ту эпоху идеями. По поводу спора о томъ, слѣдуетъ ли

съ нравственной точки зрѣнія оправдать убійство старухи процентщицы въ виду пользы, которую можно принести посредствомъ ея денегъ—авторъ замѣчаетъ: „все это были самые обыкновенные и самые частые, не разъ уже слышанные имъ, въ другихъ только формахъ *и на другія темы, молодые разговоры и мысли*“.

Раскольниковъ участвуетъ въ литературномъ движеніи эпохи, въ которую происходитъ дѣйствіе романа, т. е. шестидесятыхъ годовъ. Свои завѣтныя мысли онъ высказываетъ въ статьѣ *О преступленіи,* напечатанной въ *Періодической Рѣчи.*

„По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе какихъ-нибудь комбинацій, никоимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ этому открытію, или ставшихъ бы на пути, какъ препятствіе, то Ньютонъ имѣлъ бы право, и даже былъ бы обязанъ... устранить этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству“. Вотъ убѣжденія Раскольникова во всей ихъ рѣзкой, теоретической наготѣ.

Вопросъ этотъ сводится къ другому, болѣе глубокому и важному: что именно является критеріумомъ добра и зла—наука ли, которая путемъ открытія неизмѣнныхъ законовъ опредѣляетъ *общую пользу* и, посредствомъ ея, даетъ оцѣнку нашихъ поступковъ, или же внутренній голосъ совѣсти, чувство долга, вложенное въ насъ самимъ Творцомъ, *божественный инстинктъ,* непогрѣшимый, не нуждающійся въ помощи разума? Наука или религія?

Что выше—счастье людей или выполненіе законовъ, предписываемыхъ нашею совѣстью? Можно ли въ частныхъ случаяхъ нарушить нравственныя правила для достиженія общаго блага? Какъ бороться со зломъ и насиліемъ—только идеями, или идеями и *тоже насиліемъ?* — въ этихъ вопросахъ боль и тоска нашего времени, и они составляютъ главную ось романа Достоевскаго. Такимъ образомъ, это произведеніе дѣлается воплощеніемъ одной изъ великихъ болѣзней современной жизни: это гордіевъ узелъ, который разрубить суждено только героямъ будущихъ временъ.

Соня возмущена, когда Раскольниковъ предлагаетъ ей отвлеченно-логическій вопросъ о сравнительной цѣнности двухъ жизней: негодяя Лужина и бѣдной, честной женщины Катерины Ивановны Мармеладовой.

— „Зачѣмъ спрашивать, чему быть невозможно? съ отвращеніемъ сказала Соня.

— „Стало-быть, лучше Лужину жить и дѣлать мерзости? Вы и этого рѣшить не осмѣлились?

— „Да вѣдь я Божья Промысла знать не могу... *И къ чему вы спрашиваете, чего нельзя спрашивать?* Къ чему такіе пустые вопросы? Какъ можетъ случиться, чтобъ это отъ моего рѣшенія зависѣло? И кто меня тутъ судьей поставилъ: кому жить, кому не жить?".

Соня чувствуетъ безконечную трудность и сложность жизни; она знаетъ, что рѣшать подобные вопросы нельзя исключительно на теоретической почвѣ, заглушивъ въ себѣ голосъ совѣсти, потому что одинъ уголокъ дѣйствительности можетъ представить милліоны самыхъ неожиданныхъ конкретныхъ случаевъ, которые спутаютъ, собьютъ абстрактное рѣшеніе, превратятъ его въ нелѣпость: „съ одною логикой, восклицаетъ Разумихинъ, нельзя черезъ натуры перескочить! Логика предугадаетъ три случая, а ихъ милліонъ!"

Но особенно ясно невѣрность и нелѣпость нравственной ариѳметики Раскольникова обнаруживается въ непредвидѣнныхъ послѣдствіяхъ преступленія для окружающихъ людей. Развѣ Раскольниковъ могъ думать, что, вмѣстѣ со старухой, ему придется убить неповинную ни въ чемъ Лизавету, которая была, по выраженію Сони, „справедливая и Бога узритъ". Онъ „бросился на нее съ топоромъ"... Бѣдная Лизавета гибнетъ потому, что герой сдѣлалъ маленькую ошибку въ своемъ ариѳметическомъ расчетѣ.

Нравственно ему совершенно также придется убить и Соню въ минуту, когда онъ признается ей во всемъ. Такое же неожиданное слѣдствіе преступленія—попытка самоубійства мужика, случайно заподозрѣннаго въ убійствѣ. Дуня, которую онъ надѣялся спасти отъ Свидригайлова на деньги старухи, оказывается, именно благодаря преступленію, въ рукахъ Свидригайлова: этотъ послѣдній узналъ, что Раскольниковъ — убійца, и открытіе тайны дало ему страшную власть надъ Дуней. Развѣ, наконецъ, могъ онъ предвидѣть, что мать его умретъ отъ невыносимаго сознанія, что сынъ ея — убійца.

Въ теоріи существованіе старухи безполезно и даже вредно—можно было, повидимому, такъ же легко и спокойно зачеркнуть его, какъ зачеркиваютъ лишнія слова въ написанной фразѣ. Но въ дѣйствительности жизнь никому ненужнаго существа тысячами невидимыхъ и недоступныхъ анализу нитей оказалась связанною съ жизнью людей, совершенно ей чуждыхъ, начиная отъ маляра

Николки и кончая матерью Раскольникова. Значитъ, не совсѣмъ былъ неправъ голосъ совѣсти, говорившій ему: „не убій!", голосъ сердца, который онъ презрѣлъ съ высоты своихъ отвлеченныхъ теорій; значитъ, нельзя всецѣло предаться разуму и логикѣ, рѣшая нравственный вопросъ.

Оправданіе божественнаго инстинкта сердца, который отрицается гордымъ и помраченнымъ разсудкомъ, а не истиннымъ знаніемъ,—вотъ одна изъ великихъ идей романа.

Въ жизни ужаснѣе всего не зло, даже не побѣда зла надъ добромъ, потому что можно надѣяться, что эта побѣда временная, а тотъ роковой законъ, по которому *зло и добро иногда въ одномъ и томъ же поступкѣ, въ одной и той же душѣ такъ смѣшаны, слиты, спутаны и переплетены, что почти невозможно отличить ихъ другъ отъ друга.*

Зло и порокъ обладаютъ не только громадною силою искушенія въ нашей чувственной природѣ, но и громадною силою софизма въ нашемъ умѣ. Первобытные духи зла, несмотря на свои чудовищные аттрибуты, не такъ ужасны, какъ Мефистофель, который беретъ у человѣчества самое опасное и тонкое оружіе — смѣхъ, какъ Люциферъ, который беретъ у неба самый чистый и свѣтый лучъ — красоту.

Вѣчный споръ Ангела и Демона происходитъ въ нашей собственной совѣсти и ужаснѣе всего то, что мы иногда не знаемъ, кто изъ нихъ больше любимъ, кому больше желаемъ побѣды. Не только наслажденіями привлекаетъ Демонъ, а еще и *соблазномъ своей правоты:* мы сомнѣваемся, не есть ли онъ непонятная часть, непризнанная сторона истины. Слабое, гордое сердце не можетъ не откликнуться на возмущеніе, непокорность и свободу Люцифера.

Всѣ три основныя, параллельно развивающіяся завязки романа — драма Раскольникова, Сони и Дуни, стремятся, въ сущности къ одной цѣли — показать загадочное, роковое смѣшеніе въ жизни добра и зла.

Раскольниковъ стремится къ добру посредствомъ зла, преступаетъ нравственный законъ во имя общаго блага. Но развѣ не то же самое дѣлаетъ сестра его, Дуня? Она продаетъ себя Лужину, чтобы спасти брата. Подобно тому, какъ Раскольниковъ при-

носитъ въ жертву чужую жизнь во имя любви къ людямъ, такъ она во имя любви къ нему жертвуетъ своею совѣстью. „Дѣло ясное—восклицаетъ Раскольниковъ въ негодованіи—для себя, для комфорта своего, даже для спасенія себя отъ смерти не продастъ себя, а для другого вотъ и продастъ! Для милаго, для обожаемаго человѣка продастъ! Вотъ въ чемъ вся наша штука-то и состоитъ: за брата, за мать продастъ! Все продастъ! О, тутъ мы при случаѣ и нравственное чувство наше придавимъ: свободу, спокойствіе, даже совѣсть — все, все на толкучій рынокъ снесемъ. Пропадай жизнь!.. Мало того, свою собственную казуистику выдумаемъ, у іезуитовъ научимся, и на время, пожалуй, и себя самихъ успокоимъ, убѣдимъ себя, что такъ надо, дѣйствительно, надо *для доброй цѣли*".

Раскольниковъ видитъ ясно ошибку Дуни, но онъ не замѣчаетъ, что *это и его собственная ошибка,* что онъ тоже *для доброй цѣли* рѣшился на недобрый поступокъ. „Этотъ бракъ — подлость, говоритъ онъ Дунѣ. — Пусть я подлецъ, а ты не должна... одинъ кто-нибудь... а я, хоть и подлецъ, но такую сестру сестрой считать не буду. Или я, или Лужинъ!..."

Онъ называетъ себя подлецомъ, а Порфирій видитъ въ немъ мученика, еще не нашедшаго Бога, за котораго бы умереть. Дуню Раскольниковъ упрекаетъ тоже въ подлости. Можетъ быть, онъ правъ, но къ этой подлости примѣшивается высокій героизмъ: она, какъ братъ, *наполовину преступница, наполовину святая.*

„Знаете — говоритъ Свидригайловъ, который вовсе не склоненъ къ идеализму,—мнѣ всегда было жаль съ самаго начала, что судьба не дала родиться вашей сестрѣ во второмъ или третьемъ столѣтіи нашей эры, гдѣ-нибудь дочерью владѣтельнаго князька, или тамъ какого-нибудь правителя, или проконсула въ Малой Азіи. Она, безъ сомнѣнія, была бы одна изъ тѣхъ, которыя претерпѣли *мученичество,* и ужъ, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а въ четвертомъ и пятомъ вѣкахъ ушла бы въ Египетскую пустыню и жила бы тамъ тридцать лѣтъ, питаясь кореньями, восторгами и видѣніями. *Сама она только того и жаждетъ, и требуетъ, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку паскорьс принять, а не дай ей этой муки, такъ она, пожалуй, и въ окно выскочитъ*"

Соня Мармеладова—тоже мученица. Она продаетъ себя, чтобы спасти семью. Какъ Раскольниковъ и Дуня, она „преступила

законъ", согрѣшила во имя любви, тоже *хочетъ зломъ достигнуть добра.*

„Ты великая грѣшница — говоритъ ей Раскольниковъ — пуще всего тѣмъ ты грѣшница, что *понапрасну* умертвила и предала себя. Еще бы это не ужасъ! Еще бы не ужасъ, что ты живешь въ этой грязи, которую такъ ненавидишь, и въ то же время знаешь сама (только стоитъ глаза раскрыть), что никому ты этимъ не помогаешь и никого ни отъ чего не спасаешь! Да скажи же мнѣ, наконецъ,—проговорилъ онъ почти въ изступленіи—какъ этакой позоръ и такая низость въ тебѣ рядомъ съ другими противоположными и *святыми чувствами* совмѣщаются?"

И опять-таки въ этомъ приговорѣ надъ Соней онъ произноситъ приговоръ и самому себѣ — и онъ тоже понапрасну *умертвилъ* свою совѣсть, и онъ живетъ въ грязи и подлости преступленія, и въ немъ „позоръ" совмѣщается со „святыми чувствами".

Раскольниковъ сознаетъ, что у него съ Соней, въ сущности, общая вина: „пойдемъ вмѣстѣ—говоритъ онъ ей восторженно—мы вмѣстѣ прокляты, вмѣстѣ и пойдемъ!"... — „Куда идти? въ страхѣ спросила она, и невольно отступила назадъ". — „Почему жъ я знаю? Знаю только, что *по одной дорогѣ,* навѣрно знаю,—и только. Одна цѣль!"—т. е. искупить преступленіе. *„Развѣ ты не то же сдѣлала* — продолжалъ онъ — *ты тоже преступила... смогла преступить.* Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... *свою* (это все равно!). Ты могла бы жить духомъ и разумомъ, а кончишь на Сѣнной... Но ты выдержать не можешь, и если останешься *одна*, сойдешь съ ума, какъ и я. Ты ужъ и теперь, какъ помѣшанная; стало быть, намъ вмѣстѣ идти по одной дорогѣ! Пойдемъ!"

Соня—преступница, но въ ней есть и *святая,* какъ въ Дунѣ есть *мученица,* въ Раскольниковѣ — *подвижникъ.* Недаромъ каторжники въ Сибири смотрѣли на Соню, какъ на мать, какъ на спасительницу; она является имъ въ ореолѣ почти сверхъестественной красоты, блѣдная, слабая, кроткая, съ голубыми, тихими глазами.

Есть въ романѣ еще одно лицо, примыкающее къ основной идеѣ, лицо самое художественное и глубокое изо всѣхъ, не исключая и Раскольникова, это—*Свидригайловъ.* Его характеръ созданъ изъ поразительныхъ контрастовъ, изъ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій, и, несмотря на это, а, можетъ быть, благодаря этому, онъ до такой степени живой, что нельзя отдѣлаться отъ страннаго впеча-

тлѣнія, что Свидригайловъ больше, чѣмъ лицо романа, что когда-то зналъ его, видѣлъ, слышалъ звукъ его голоса.

Онъ цинникъ до мозга костей.

Когда Раскольниковъ кричитъ, не помня себя отъ негодованія, чувствуя, что Свидригайловъ сейчасъ оскорбитъ его сестру: „оставьте, оставьте ваши подлые, низкіе анекдоты, развратный, низкій, сладострастный человѣкъ!"—Свидригайловъ воскицаетъ радостно; „Шиллеръ-то, Шиллеръ-то нашъ, Шиллеръ-то! La vertu! où va-t-elle se nicher? А знаете, я нарочно буду вамъ этакія вещи разсказывать, чтобы слышать ваши вскрикиванія. Наслажденіе!"

Онъ признается Раскольникову, что въ деревнѣ его „до смерти измучили воспоминанія о всѣхъ этихъ таинственныхъ мѣстахъ и мѣстечкахъ, въ которыхъ кто знаетъ, тотъ много можетъ найти, чортъ возьми!"

Въ прошломъ Свидригайлова оказывается „уголовное дѣло, съ примѣсью звѣрскаго и, такъ сказать, фантастическаго душегубства, за которое онъ весьма и весьма могъ бы прогуляться въ Сибирь".

И тотъ же Свидригайловъ *способенъ на рыцарское великодушіе.* Съ гнусною цѣлью онъ заманилъ къ себѣ въ комнату Дуню, которую любитъ странною, безграничною любовью, гдѣ столько грубаго и чувственнаго и, можетъ быть, еще больше высокаго и самоотверженнаго. Двери заперты; ключъ въ карманѣ Свидригайлова. Она въ его полной власти. Тогда Дуня вынимаетъ револьверъ. „Онъ ступилъ шагъ и выстрѣлъ раздался. Но пуля только оцарапала его".

— Ну, что-жъ, промахъ! Стрѣляйте еще, я жду, — тихо проговорилъ Свидригайловъ, все еще усмѣхаясь, но какъ-то мрачно, — этакъ я васъ схватить успѣю, прежде чѣмъ вы взведете курокъ!...

— Оставьте меня!—проговорила она въ отчаяніи,—клянусь, я опять выстрѣлю... Я убью...

— Ну, что-жъ... въ трехъ шагахъ нельзя не убить. Ну, а не убьете... тогда...

Глаза его засверкали и онъ ступилъ еще два шага. Дунечка выстрѣлила—осѣчка!

— Зарядили неаккуратно. Ничего! У васъ тамъ еще есть капсюль. Поправьте, я подожду.

Но она вдругъ бросила револьверъ.

— Отпустите меня! умоляя, сказала Дуня. Свидригайловъ вздрогнулъ...

— Такъ не любишь? тихо спросилъ онъ. Дуня отрицательно покачала головой.—И... не можешь?... Никогда? съ отчаяніемъ прошепталъ онъ.

— Никогда!...

Прошло мгновеніе ужасной нѣмой борьбы въ душѣ Свидригайлова... Вдругъ онъ быстро отошелъ къ окну и сталъ передъ нимъ. Прошло еще мгновеніе.

— Вотъ ключъ!... Берите; уходите скорѣй!—Онъ упорно смотрѣлъ въ окно. Дуня подошла къ столу взять ключъ.—Скорѣй! Скорѣй! повторилъ Свидригайловъ, все еще не двигаясь и не оборачиваясь.

Но въ этомъ „скорѣй“ видно прозвучала какая-то страшная нотка. Дуня поняла ее, схватила ключъ, бросилась къ дверямъ, быстро отомкнула ихъ и вырвалась изъ комнаты... Когда она ушла, странная улыбка искривила его лицо, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаянія".

На слѣдующій день на разсвѣтѣ, онъ убилъ себя.

Раскольниковъ сознательно преступилъ законъ во имя идеи. Свидригайловъ тоже сознательно преступаетъ законъ, но не для идеи, *а для наслажденій*. Раскольниковъ увлеченъ софизмами зла, Свидригайловъ—его *искушеніями*. „Въ этомъ развратѣ—говоритъ онъ—есть нѣчто постоянное, основанное даже на природѣ и не подверженное фантазіи, нѣчто всегдашнимъ разожженнымъ угольком въ крови пребывающее, вѣчно поджигающее, которое и долго еще и съ лѣтами, можетъ быть, не такъ скоро зальешь".

„Мнѣ все кажется,—увѣряетъ онъ Раскольникова—что въ васъ есть что-то къ моему подходящее".

Свидригайловъ даже прямо сочувствуетъ его теоріи, что можно преступать законъ во имя общаго блага. Послѣ долгаго разговора съ Раскольниковымъ онъ радостно восклицаетъ: *„ну, не правду я сказалъ, что мы одного поля ягоды!“*

Оба они—преступники, у обоихъ громадная сила воли, мужество и сознаніе, что они рождены для чего-то лучшаго, а не для преступленія; оба одиноки въ толпѣ, оба мечтали, оба выброшены изъ обычныхъ условій жизни—одинъ безумною страстью, другой—безумною идеей.

Въ чистой и святой дѣвушкѣ—въ Дунѣ, открывается возможность зла и преступленія: она готова продать себя, какъ Соня.

Въ развратномъ, погибшемъ человѣкѣ—въ Свидригайловѣ, открывается возможность добра и подвига. Здѣсь тотъ же основной мотивъ романа—*вѣчная загадка жизни, смѣшеніе добра и зла.*

Отставной чиновникъ Мармеладовъ—горькій пьяница. Дочь его, Соня, идетъ на улицу и отдается первому встрѣчному, чтобы получить нѣсколько десятковъ рублей на пропитаніе семьи, которой иначе грозила бы голодная смерть. „Да-съ..., а я... лежалъ пьяненькой-съ"... разсказываетъ Мармеладовъ. Онъ пропиваетъ послѣдніе гроши, которые дочь его зарабатываетъ развратомъ, и съ какимъ-то страшнымъ вдохновеніемъ цинизма разсказываетъ въ кабакѣ среди пьяныхъ, издѣвающихся надъ нимъ гулякъ почти незнакомому человѣку о „желтомъ билетѣ" Сонички. „Пожалѣетъ насъ Тотъ—говоритъ Мармеладовъ—Кто всѣхъ пожалѣлъ, и Кто всѣхъ и вся понималъ, Онъ Единый, Онъ и Судія. Пріидетъ въ тотъ день и спроситъ: „А гдѣ дщерь, что мачихѣ злой и чахоточной, что дѣтямъ чужимъ и малолѣтнимъ себя предала? Гдѣ дщерь, что отца своего земного, пьяницу непотребнаго, не ужасаясь звѣрства его, пожалѣла?" И скажетъ: „Пріиде"... и проститъ мою Соню, проститъ, я ужъ знаю, что проститъ... И всѣхъ разсудитъ и проститъ: и добрыхъ и злыхъ, и премудрыхъ и смирныхъ... И когда уже кончитъ надъ всѣми, тогда возглаголетъ и намъ: „Выходите—скажетъ—и вы! Выходите, пьяненькіе, выходите, слабенькіе, выходите, соромники!" И мы выйдемъ, всѣ, не стыдясь, и станемъ. И скажетъ: „Свиньи вы. Образа звѣринаго и печати его, *но пріидите и вы!*" И возглаголятъ премудрые, возглаголятъ разумные: „Господи! Почто ихъ пріемлеши?" И скажетъ: „Потому ихъ пріемлю, премудрые, потому пріемлю, разумные, что ни единый изъ сихъ самъ не считалъ себя достойнымъ сего". И простретъ къ намъ руцы Свои, и мы припадемъ... и заплачемъ... *и все поймемъ! Тогда все поймемъ... и всѣ поймутъ... Господи, да пріидетъ царствіе Твое!*"

Если столько вѣры и любви таится въ человѣкѣ, такъ низко павшемъ, кто осмѣлится сказать про своего ближняго: „онъ—преступникъ".

Дуня, Раскольниковъ, Соня, Мармеладовъ, Свидригайловъ—какъ рѣшить, кто они: добрые или злые?

Что слѣдуетъ изъ этого рокового закона жизни, изъ необходимаго *смѣшенія добра и зла?*

Когда такъ знаешь людей, какъ авторъ „Преступленія и На-

казанія“, развѣ можно судить ихъ, развѣ можно сказать: „вотъ этотъ грѣшенъ, а этотъ праведенъ“?

Развѣ преступленіе и святость не слиты въ живой душѣ человѣка въ одну живую неразрѣшимую тайну?

Нельзя любить людей за то, что они праведны, потому что никто не праведенъ, кромѣ Бога: и въ чистой душѣ, какъ у Сони, таится зерно преступности.

Нельзя ненавидѣть людей за то, что они порочны, потому что нѣтъ такого паденія, въ которомъ душа человѣческая не сохранила бы отблеска божественной красоты.

Не „мѣра за мѣру”, не справедливость—основа нашей жизни, *а любовь къ Богу и милосердіе.*

Достоевскій—этотъ величайшій реалистъ, измѣрившій бездны человѣческаго страданія, безумія и порока, вмѣстѣ съ тѣмъ величайшій *поэтъ евангельской любви.* Любовью дышитъ вся его книга, любовь—ея огонь, ея душа и поэзія.

Онъ понялъ, что наше оправданіе предъ Высшимъ Существомъ—не въ дѣлахъ, не въ подвигахъ, а въ вѣрѣ и въ любви. Много ли такихъ, чья жизнь не была бы *преступленіемъ,* достойнымъ *наказанія?* Праведенъ не тотъ, кто гордится своею силой, умомъ, знаніями, подвигами, чистотой, потому что все это можетъ соединяться съ презрѣніемъ и ненавистью къ людямъ, а праведенъ тотъ, кто больше всѣхъ сознаетъ свою человѣческую слабость и порочность, и потому больше всѣхъ жалѣетъ и любитъ людей. У каждаго изъ насъ—равно у добраго и злого, у глупаго маляра Миколки, ищущаго, за что бы „пострадать”, и у развратнаго Свидригайлова, у нигилиста Раскольникова и у блудницы Сони, — у всѣхъ гдѣ-то тамъ, иногда далеко отъ жизни, въ самой глубинѣ души, таится одинъ порывъ, одна молитва, которая оправдаетъ человѣчество передъ Богомъ.

Это—молитва пьяницы Мармеладова: „да пріидетъ царствіе Твое!”

Д. Мережковскій.

Главные герои „Преступленія и Наказанія".

Въ „Преступленіи и Наказаніи", этомъ первомъ своемъ геніальномъ романѣ, Достоевскій обнаруживаетъ, наконецъ, всю огромную силу своего таланта, а рядомъ съ этимъ и всю исключительную силу своего сознательнаго созерцанія совершавшихся предъ нимъ общественныхъ явленій. Главное содержаніе романа—опять душевный процессъ, душевная драма, совершающаяся во внутреннемъ мірѣ Раскольникова и другихъ персонажей. По прежнему второстепенныя лица, по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ, блѣдны, очерчены не вполнѣ, событія происходятъ въ условіяхъ какъ бы искусственныхъ, нагромождаются одно на другое по внѣшности безъ достаточной мотивировки; рядъ странныхъ и фантастическихъ случайностей на пространствѣ двухъ-трехъ дней придаетъ ходу романа характеръ малоестественный, съ точки зрѣнія обыденной дѣйствительности. Но читатель, даже критикъ, не обращаютъ уже на это никакого вниманія: душевный процессъ, сопровождаемый соотвѣтствующими дѣйствіями во внѣ, совершается передъ ними съ такой неумолимой послѣдовательностью, и въ этомъ смыслѣ такъ реаленъ и правдивъ, что для протеста противъ неестественности, преувеличенности и чего-либо другого подобнаго въ изображеніяхъ романа не остается мѣста. Внутренній смыслъ романа, мучительный и для автора и для читателя, такъ ясенъ и простъ, что только глаза, затемненные искусственно и намѣренно могутъ не видѣть его. Романомъ ставится вопросъ общественной и въ то же время личной жизни человѣка, имѣющей страшное и неотразимое значеніе. Ближайшій анализъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ вполнѣ обнаруживаетъ идею романа.

Раскольниковъ— психическій типъ человѣка, живущаго душевною жизнью нашего времени, но типъ, возведенный почти въ отвлеченіе. Авторъ создаетъ ему изъ дѣйствительности такой образъ жизни и въ его прошломъ и въ настоящемъ, который фатально ведетъ его на тотъ путь, который грозитъ ему гибелью. Раскольниковъ въ дѣтствѣ воспринимаетъ почти исключительно впечатлѣнія тяжелыя, толкающія на дорогу отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности. Каковы эти впечатлѣнія, можно судить по тому сну, который онъ видитъ на Петровскомъ островѣ

передъ преступленіемъ. Изъ этого же сна ясно, что душѣ его окружающею жизнью внушена была безконечная жалость къ разнообразнымъ видамъ страданія, которыя довелось ему видѣть. Образованіе дало ему возможность познакомиться съ разнообразными теоріями, возникшими преимущественно въ Европѣ на почвѣ стремленій избавить людей отъ страданій, и молодой человѣкъ естественно долженъ былъ сердцемъ прилѣпиться къ нимъ. Среди этихъ теорій могли встрѣтиться и такія, которыя противорѣчили самой природѣ человѣка, самымъ естественнымъ, глубоко лежащимъ въ сознаніи, законамъ человѣческаго существованія, которыхъ нельзя переступить безнаказанно. Одной-то изъ такихъ теорій Достоевскій и подчиняетъ своего героя, всѣмъ своимъ прошлымъ подготовленнаго къ принятію ея. Уединеніе и жизнь въ гнетущей духъ обстановкѣ, въ его гробоподобной комнатѣ, — не причина, а только условіе безпрепятственнаго развитія его душевнаго процесса. Раскольниковымъ овладѣваетъ мысль, что съ благородной цѣлью, съ тѣмъ, чтобы получить возможность быть полезнымъ обществу и человѣчеству, позволительно убить ближняго сознательно. Онъ — личность вполнѣ благородная по инстинктамъ, прирожденнымъ ему, „и даже съ зачатками великодушія", какъ ему говоритъ слѣдователь Порфирій, обладающая притомъ рѣдкими качествами — силою воли и тою смѣлостью, которая не дозволяетъ розниться съ дѣломъ мысль, разъ она становиться непреложнымъ убѣжденіемъ. А Раскольниковъ крѣпко убѣжденъ въ своей „идеѣ", въ своей „проклятой мечтѣ", былъ убѣжденъ въ ней и послѣ преступленія, на каторгѣ, о чемъ категорически заявлялъ Сонѣ.

Для объекта своего преступленія онъ выбираетъ одно изъ зловредныхъ существъ, жадную старуху-процентщицу, приносящую обществу, людямъ, только одинъ вредъ — обстоятельство, которое, казалось бы, должно было придать исполненію его „идеи" особенное оправданіе, а накопившееся въ немъ „злобное презрѣніе" къ людямъ, такъ легкомысленно создающимъ массу всяческаго зла, — совершенно облегчить ему это исполненіе. Несмотря на все это, уже самая мысль о томъ, что „идея" получитъ фактическое осуществленіе, превращаетъ идею въ „*проклятую* мечту", вызываетъ въ Раскольниковѣ страшное отвращеніе. „Неужели же, неужели же я буду...", думаетъ онъ, и съ ужасомъ и омерзѣніемъ представляетъ себѣ безобразную картину будущаго преступленія.

Но съ мыслью, разъ она сливается съ плотью и кровью человѣка, шутить нельзя: онъ совершаетъ свое безобразное дѣло —

убиваетъ двухъ *по теоріи*, хотя и долженъ при этомъ бороться съ другою силою въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Мысль, теорія — временно торжествуютъ, но только затѣмъ, чтобы немедленно уступить побѣду другому началу, господствующему въ душѣ человѣка. Начало это — нравственное чувство. Тщетно, и во время преступленія, и до, и послѣ него,—разсудокъ, умъ увѣряютъ и такъ уже убѣжденнаго Раскольникова, что дѣло его ничего дурного въ себѣ не заключаетъ — нравственное чувство протестуетъ противъ этого и подвергаетъ героя нестерпимымъ страданіямъ. Этотъ процессъ борьбы теоретической мысли съ нравственнымъ чувствомъ изображенъ Достоевскимъ съ такою реальностью, что читатель съ ужасомъ отвращаетъ взглядъ отъ страшной картины, освѣщенной нестерпимымъ зловѣщимъ свѣтомъ...

Мысль, выраженная образомъ Раскольникова, очевидна: Достоевскій какъ бы говоритъ имъ, этимъ образомъ, что умъ, какъ бы онъ ни былъ логиченъ, еще не все; что есть въ человѣческой душѣ нѣчто иное, высшее, съ чѣмъ умъ долженъ считаться, и приближеніе къ истинѣ нуждается въ помощи этого послѣдняго элемента, быть-можетъ, въ еще большей степени, чѣмъ въ холодной логикѣ. Страшный образъ Раскольникова явился въ душѣ Достоевскаго плодомъ горькихъ думъ о господствовавшихъ тогда направленіяхъ русской мысли, о времени, когда, по воззрѣніямъ его, „все помутилось", когда „цитиризовалась фраза, что кровь освѣжаетъ", когда находили адептовъ самыя безобразныя теоріи и мысли, противорѣчившія самымъ необходимѣйшимъ началамъ личной и общественной нравственности. Теоріи подобнаго рода могли иногда касаться явленій незначительныхъ, въ родѣ отрицанія того или другого платья или прически, и въ этомъ смыслѣ могли остаться практически безобидными; но опасно было, по мысли Достоевскаго, самое направленіе умовъ, теоретическое, удалявшееся отъ живой жизни,—и онъ, съ чувствомъ истиннаго художника-психолога, остановился не на осмѣяніи подобныхъ увлеченій, а создалъ характеризующую это направленіе драму, „дѣло фантастическое, мрачное, нашего времени случай-съ, когда помутилось сердце человѣческое, когда вся жизнь проповѣдуется въ комфортѣ".

Идея Раскольникова находитъ поясненіе и дополненіе въ другихъ лицахъ романа. Они, подобно ему, тоже не представляютъ изъ себя реальныхъ типовъ, въ смыслѣ личностей, въ которыхъ сосредоточены и собраны воедино извѣстныя черты характеровъ, и которымъ индивидуальными чертами придана иллюзія вполнѣ

дѣйствительныхъ людей. Они тоже суть только олицетворенія душевной жизни, душевныхъ процессовъ. Достоевскій вообще не избѣгалъ въ своихъ образахъ антитезъ, противоположеній, и нѣкоторыя лица романа являются именно такими противоположеніями Раскольникову.

Одно изъ интереснѣйшихъ лицъ этого рода — Свидригайловъ. Это человѣкъ по своей натурѣ способный къ благороднымъ душевнымъ порывамъ, обладающій притомъ большимъ умомъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ на практикѣ глубоко развратный и распущенный. Что онъ по натурѣ человѣкъ способный къ благороднымъ душевнымъ движеніямъ и поступкамъ, показываетъ все его поведеніе. Вспомните его отношеніе къ Сонѣ и сиротамъ Мармеладовымъ, его поступокъ съ невѣстой, окончаніе сцены съ Авдотьей Романовной. Его умъ доказывается уже тѣмъ, что онъ глубоко, въ самомъ источникѣ понимаетъ преступленіе Раскольникова. „У насъ, въ образованномъ обществѣ, особенно священныхъ преданій, вѣдь, нѣтъ“, говоритъ онъ сестрѣ послѣдняго. „Теперь все помутилось... Русскіе люди, вообще широкіе люди, широкіе, какъ ихъ земля, и чрезвычайно склонны къ фантастическому, къ безпорядочному; но бѣда быть широкимъ безъ особенной геніальности...“ Онъ прекрасно понимаетъ значеніе своихъ безнравственныхъ поступковъ, и все-таки совершаетъ ихъ, при чемъ въ душѣ его гнѣздится непрестанно глубокая, неизлѣчимая тоска, и отъ этой-то тоски онъ, съ какимъ-то горькимъ презрительнымъ чувствомъ, быть-можетъ, болѣе всего и развратничаетъ.

Что же за причина, создающая этотъ странный характеръ? Именно то, что въ душѣ его не заложено ничѣмъ, кромѣ развѣ холоднаго разсудка, хоть какихъ-нибудь устойчивыхъ нравственныхъ основъ. Если въ Раскольниковѣ, при живомъ нравственномъ чувствѣ въ немъ, умъ приводитъ къ противоестественной мысли, къ „безобразной мечтѣ“ и преступленію, то въ Свидригайловѣ, при слабомъ, или, вѣрнѣе — затертомъ и заброшенномъ нравственномъ чувствѣ, умъ, пониманіе, оказываются безсильными дать нравственную основу для его отношеній къ людямъ. Именно въ этомъ смыслѣ онъ дополняетъ мысль, вложенную въ образъ Раскольникова. Напротивъ, простое, непосредственное чувство въ Сонѣ, при ея далеко не блестящемъ умѣ и отсутствіи почти всякаго образованія, дѣлаетъ ее истинно человѣчною личностью, способной положить душу за ближняго. Подобныя сопоставленія никогда не бываютъ въ художественныхъ произведеніяхъ произвольны и напрас-

ны, въ нихъ—все равно, сознательно или нѣтъ—сказываются представленія авторовъ о мірѣ человѣческихъ отношеній. Теперь представляется вопросъ, кого бы вы предпочли видѣть въ общественной жизни болѣе вліятельными: образованныхъ ли и умныхъ Свидригайловыхъ и теоретиковъ Раскольниковыхъ, или людей, подобныхъ простодушной Сонѣ?

Было бы дико думать, что Достоевскій—противникъ образованія, ума, знаній, и сторонникъ невѣжества и наивнаго простодушія; онъ противникъ только такихъ теоретическихъ направленій ума, такихъ настроеній душевныхъ, которыя приходятъ въ столкновеніе съ нравственными основами, лежащими уже въ самой душѣ человѣка, и создаютъ истинно печальныя явленія, въ родѣ Раскольниковыхъ и Свидригайловыхъ. Онъ не *противъ* образованія, а только *за* нравственныя основы жизни. Острый характеръ его проповѣди обусловливался только тѣмъ, что въ обществѣ нашемъ создавалось игнорированіе развитія нравственнаго чувства въ людяхъ, вѣра въ то, что чувство это обязательно сопутствуетъ умственному развитію, является результатомъ его, прямымъ и непосредственнымъ. Противодѣйствіе этому настроенію общественной мысли и было предметомъ и цѣлью художнической проповѣди Достоевскаго. Какъ это очевидно читателю, по своему внутреннему смыслу, вся дѣятельность Достоевскаго, начиная съ „Бѣдныхъ Людей", шла уже въ этомъ направленіи, хотя и въ чертахъ сначала не выяснившихся. Въ „Преступленіи и Наказаніи" передъ нами только проповѣдь путемъ изображенія отрицательныхъ явленій, какъ и въ послѣдующихъ романахъ: положительные типы Достоевскій намѣчаетъ въ первый разъ съ нѣкоторой опредѣленностью лишь въ „Братьяхъ Карамазовыхъ".

Разсматривать другихъ лицъ, появляющихся въ „Преступленіи и Наказаніи",—Мармеладова, его жену, Авдотью Романовну, ея жениха, мать Раскольникова и пр., надобности особенной нѣтъ; всѣ они не представляютъ явленій сложныхъ и загадочныхъ и вполнѣ понятны.

Арс. Введенскій.

Вопросы о преступленіи, судѣ и наказаніи въ произведеніяхъ Достоевскаго.

(„ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ", „ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА", „ИДІОТЪ").

Три вопроса—не равныхъ по объему, но равносильныхъ по значенію—возникаютъ предъ человѣкомъ, который, познакомясь въ теоріи съ уголовнымъ правомъ, впервые касается на практикѣ обширной и темной области дѣйствій, называемыхъ преступленіемъ.

Прежде всего является вопросъ о *живомъ содержаніи* преступленія — не какъ отвлеченнаго понятія о нарушеніи нормъ, а какъ конкретнаго, осязательнаго явленія. Теорія даетъ общія положенія, указываетъ руководящія начала, опредѣляетъ составъ каждаго преступленія, — но его сокровенное содержаніе не вмѣщается въ ея рамки. Совокупность вліяній, порождающихъ преступленіе, и та внутренняя борьба, которая должна происходить въ человѣкѣ между волею и страстью, между совѣстью и влеченіемъ, прежде чѣмъ онъ рѣшится на роковой шагъ,—ускользаютъ отъ теоріи. Она можетъ намѣтить лишь стадіи въ развитіи преступленія, указать станціи на его пути, опредѣлить самый путь — можетъ сказать: „это приготовленіе", „а это ужъ покушеніе", „а вотъ это совершеніе"—но она не въ силахъ развернуть предъ нами картину *внутренней движущей силы преступленія и того сцѣпленія нравственныхъ частицъ, въ которыхъ эта сила встрѣчаетъ себѣ противодѣйствіе.* И вопросъ о внутреннемъ содержаніи преступленія, о томъ, какимъ образомъ порочная наклонность, ложная идея, страсть побѣдили и страхъ наказанія, и привычку подчиняться условіямъ общественнаго быта—остается открытымъ предъ юристомъ, въ помощь которому является одна теорія права. Она указываетъ ему на преступленіе, какъ на проявленіе вражды противъ общественнаго порядка, описываетъ подробно свойства и вооруженіе врага, и по большей части оставляетъ его лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ жизненнымъ вопросомъ о томъ, *какъ* дошелъ этотъ врагъ до того, чтобы сдѣлаться таковымъ.

Затѣмъ выростаетъ вопросъ о *наказаніи* въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ *дѣйствительности,*—вопросъ не о той указанной въ кодексѣ *poena,* которая не можетъ быть *sine lege,*

а о настоящей карѣ, обусловленной исторіею и бытомъ страны. Теорія даетъ точныя указанія, какъ *должно быть* организовано наказаніе, и рисуетъ цѣлую схему карательныхъ мѣръ и учрежденій, существующихъ въ странѣ, но жизнь наполняетъ отдѣльныя клѣточки этой схемы *своимъ* содержаніемъ, и безъ знакомства съ этимъ содержаніемъ мыслящій юристъ обойтись не можетъ.

Наконецъ, когда онъ познакомится съ практическимъ осуществленіемъ теоретически изображеннаго наказанія, у него невольно рождается новый вопросъ,—важный по нравственному свойству своему, по свѣту, который бросаетъ онъ на всю уголовную дѣятельность. Человѣкъ, совершившій преступленіе, наказанъ, буйная воля внѣшнимъ образомъ сломлена и придавлена уголовною карою—но этимъ далеко не все исчерпано. Онъ не хотѣлъ подчиняться условіямъ общежитія, совершая преступленіе,—гдѣ же доказательства, что онъ захочетъ сознательно, а не насильственно, со злобою или презрѣніемъ, подчиняться и послѣдствіямъ нарушенія этихъ условій? Отрицая общественный порядокъ, онъ можетъ, въ самомъ себѣ, не признавать никакого значенія и, по возможности, вліянія за уголовною карою, налагаемою обществомъ. Какъ причина этой кары—преступленіе, было совершено вопреки требованіямъ общества, такъ и вызванный имъ результатъ внутренней работы въ душѣ виновника можетъ произойти независимо отъ этой кары, даже вопреки ей... У него, у этого виновника, можетъ оказаться *свое* наказаніе. Постановленное неумолимымъ и непрерывающимся внутреннимъ судомъ, это *свое наказаніе* можетъ явиться гораздо раньше законной кары и существовать еще долго послѣ отбытія ея. Окончаніе его, примиреніе съ собою, можетъ наступить внѣ всякой зависимости отъ срока или отъ давности. И предъ вопросомъ о томъ, какъ слагается и какъ, и въ какихъ проявленіяхъ осуществляется это *свое* наказаніе, невольно остановится юристъ. Для него будетъ ясно, что чѣмъ болѣе гармоніи, соотвѣтствія между этими poena scripta и poena nata, тѣмъ жизненнѣе и цѣлесообразнѣе система наказаній, тѣмъ лучше исполняетъ она свою задачу—вкладывать исправительное содержаніе въ карательную форму. Для него станетъ несомнѣнною непригодность такого наказанія, между обветшалымъ существомъ котораго и внутреннимъ міромъ наказуемаго вырыта цѣлая пропасть...

Наша старая уголовная система давала недостаточные отвѣты на эти вопросы. Не въ ней можно было найти средства для нихъ, хотя бы и отдаленнаго разрѣшенія. Эта система не умѣла

или не хотѣла — или, вѣрнѣе, то и другое вмѣстѣ — изслѣдовать преступное дѣяніе не какъ внѣшній фактъ только, но и какъ *душевное проявленіе*. Живой человѣкъ, со своею индивидуальностью, былъ ей чуждъ. Она не хотѣла его знать и всемѣрно избѣгала встрѣчи съ нимъ. Вамъ извѣстенъ, милостивые государи, нашъ старый уголовный порядокъ. Не довѣряя судьѣ, связывая его цѣлою сѣтью формальныхъ предписаній о предустановленной силѣ доказательствъ, нашъ прежній процессъ отдавалъ важнѣйшее изслѣдованіе дѣла, ту его часть, гдѣ и онъ не могъ обойтись безъ живого человѣка, въ руки людей мало развитыхъ, односторонніхъ, узкихъ и подчасъ грубыхъ. Затѣмъ — и только затѣмъ — являлся на сцену элементъ судебный. Но въ какомъ стѣсненномъ, ограниченномъ видѣ! Устраняя судью, по возможности, отъ самодѣятельности, нашъ процессъ рекомендовалъ ему имѣть дѣло преимущественно съ грубыми фактами, съ наглядностью—съ *доказательствами*—и, сурово косясь на *улики*, указывалъ на собственное сознаніе какъ на „лучшее доказательство всего міра". Во всемъ ходѣ судьбища, во всемъ механическомъ измѣриваніи и взвѣшиваніи вины — живой человѣкъ, о которомъ шла рѣчь, стоялъ на заднемъ планѣ и былъ лишь *нумеромъ* дѣла. Онъ всплывалъ наружу, въ самомъ концѣ, не для того, чтобы защищаться, чтобы проявить свою живую, конкретную личность, а лишь для подписки подъ постановленнымъ уже приговоромъ. Онъ былъ чѣмъ-то отвлеченнымъ, не имѣющимъ плоти и крови.

Этому *отвлеченному* подсудимому соотвѣтствовало и *отвлеченное* наказаніе. Ибо, что знали мы о главнѣйшемъ нашемъ наказаніи — Сибири, кромѣ того, что изображено въ XIV и XV томахъ Свода Законовъ и въ учебникахъ? Долгое время, для большинства русскихъ юристовъ, Сибирь представлялась чѣмъ-то въ родѣ „погибельнаго Кавказа" для нашего простолюдина. Предъ ихъ умственнымъ взоромъ не возникало никакихъ реальныхъ представленій о томъ, какъ именно живется тамъ, въ насильственномъ сообществѣ, среди суровыхъ условій и суровой природы; жизнь каторжника, поселенца за Ураломъ, была почти невѣдома и не давала о себѣ знать ни яркими картинами, ни скорбными звуками. И эти люди и учрежденія, ихъ вмѣстившія и ими управлявшія, ускользали отъ практическаго изученія. Рудники Сибири, точно исполняя завѣтъ Пушкина, „хранили гордое молчанье"...

Необходимо было обновленіе. Въ одной сферѣ — въ судѣ — оно и свершилось вполнѣ. Въ другой — въ наказаніи и его орга-

низаціи, въ тюрьмѣ и ссылкѣ — оно, повидимому, начинаетъ свертаться. Но для плодотворности этого обновленія необходимъ былъ отвѣтъ на указанные мною вопросы, отвѣтъ, почерпнутый изъ жизни, данный опытомъ, явившійся плодомъ глубокой думы и истекавшій изъ неменѣе глубокаго сердца.

Судьба благоволила къ нашему развитію въ этомъ отношеніи. Она нашла человѣка, который сумѣлъ дать именно такой отвѣтъ,— она дала намъ *Ѳедора Михайловича Достоевскаго.* Кто изъ образованныхъ русскихъ людей не знакомъ съ капитальными произведеніями его: *„Записки изъ мертваго дома"* и *„Преступленіе и Наказаніе"*? Кто не почувствовалъ на себѣ вліянія этихъ страницъ, которыя однѣ, сами по себѣ, давали бы своему автору право на мѣсто въ русскомъ вестминстерскомъ аббатствѣ — если бы мы умѣли его устроить для людей, составляющихъ нашу гордость...

Вамъ памятны, безъ сомнѣнія, всѣ подробности „Преступленія и Наказанія" — этой трогательной эпопеи, гдѣ художникъ ведетъ читателя по ступенямъ всякаго рода „паденій", а заставивъ его перестрадать ихъ въ душѣ, миритъ его, въ концѣ концовъ, съ падшими, въ которыхъ, сквозь преходящую оболочку порочнаго, преступнаго человѣка, сквозятъ нарисованныя съ любовью и горячею вѣрою вѣчныя черты несчастнаго „брата". Созданные имъ въ этомъ романѣ образы не умрутъ, по художественной силѣ своей. Они не умрутъ и какъ примѣръ благороднаго, высокаго умѣнья находить „душу живу" подъ самой грубой, мрачной, обезображенной формой — и, раскрывъ ее, съ состраданіемъ и трепетомъ показывать въ ней то тихо тлѣющую, то ярко горящую примирительнымъ свѣтомъ — искру Божію.

Но я хочу указать на другую сторону этого произведенія, придающую ему въ нашихъ глазахъ еще особую цѣну. Въ немъ затронуты всѣ или почти всѣ вопросы уголовнаго изслѣдованія. И какъ вдумчиво и всесторонне затронуты! Вы имѣете въ немъ полную картину *внутренняго развитія преступленія*, сложнаго по замыслу, страшнаго по выполненію, — отъ самаго зарожденія мысли о немъ до пролитія крови, которымъ заключился ея роковой ростъ.

Картина написана незабываемыми чертами и съ самымъ широкимъ взглядомъ на предстоящую задачу. Вездѣ, въ этой картинѣ, *мысль* о преступленіи, какъ зерно, тѣсно связана съ *почвою,* на которую падаетъ. Она не развивается сама изъ себя, путемъ логическаго процесса,—она вездѣ находитъ приготовленную жизнью

почву, которая воспринимаетъ и возращаетъ ее. Эта жизненная связь проходитъ чрезъ весь романъ и придаетъ ему такую поразительную правдивость. Можно прослѣдить, какъ начинаетъ замирать и ослабѣвать мысль о преступленіи — и какъ, получивъ новый толчокъ, новое питаніе въ житейской обстановкѣ, она возрождается съ еще большею силою и стремительностью.

Задавленный бѣдностью, оскорбленный и раздраженный неудачами, болѣзненно чуткій, нѣжный и впечатлительный студентъ Раскольниковъ видитъ, какъ все болѣе и болѣе сжимается кругъ тѣснящей его нужды, за предѣлами котораго тщетно выбивается изъ силъ скорбная фигура его любящей матери. Молодыя силы напрасно ищутъ исхода. Почти неизбѣжный въ страдающей душѣ затеряннаго въ огромномъ и чуждомъ городѣ человѣка вопросъ о *правѣ* сытыхъ, спокойныхъ, способныхъ жить только для себя, безплодно и бездушно, — возникаетъ и у Раскольникова.

Случайно подслушанный разговоръ о злобной закладчицѣ, сидящей „сторожевою тѣнью“ на сундукахъ, гдѣ безполезно лежатъ средства для развитія однихъ, для спасенія отъ гибели другихъ — порождаетъ мысль о правѣ этой „вши” на существованіе.

И тутъ въ первый разъ, какъ змѣйка, мелькаетъ мысль объ отнятіи этого права.

Она еще неопредѣленна, — еще она не коснулась практическихъ вопросовъ, еще *какъ* и *какимъ образомъ* не существуютъ,— но она упала на подготовленную голодомъ, нуждою, унынiемъ почву.

Это зерно уже не склюютъ придорожныя щебетуньи, а мрачныя птицы отчаянія, летающія надъ душою Раскольникова, для зерна этого не опасны.

Въ долгіе дни сумрачной думы больная фантазія рисуетъ мало-по-малу картины практическаго осуществленія; въ обдумываніи его, безъ всякой вѣры въ его серьезность и возможность, но безъ освѣжающихъ умъ картинъ, проходитъ время. И вотъ „проба“ — и вдругъ встаетъ съ ясностью эта возможность, осуществимость предпріятія. Будущая *удобная* обстановка съ назойливой очевидностью бросается въ глаза. Зерно всходитъ на поверхность молодымъ побѣгомъ.

Змѣйка, свившая себѣ гнѣздо въ душѣ Раскольникова, приходитъ въ движеніе. Вы знаете, какъ она будетъ расти, и скользить, и извиваться въ борьбѣ съ добрыми порывами и свѣтлыми

мыслями. У ней есть точка опоры: — то, что *предполагалось*, оказалось *возможнымъ*.

Но возможность эта такъ отвратительна, что все, кажется, можетъ кончиться презрительнымъ смѣхомъ надъ собою и омерзѣніемъ при мысли „на какую гадость способно, однако, *мое* сердце!“

Нѣтъ! этимъ не кончится... Жизнь иногда не знаетъ пощады— и противъ измученной души Раскольникова, послѣдовательно, одинъ за другимъ, пойдутъ безсознательнымъ, но побѣдоноснымъ походомъ—и кающійся пьяница Мармеладовъ, и „худенькая, блѣдненькая, съ кроткимъ голоскомъ“ Соня, продавшая себя чужимъ дѣтямъ и „мачихѣ, злой и чахоточной“, и сама эта глубоко несчастная мачиха, „съ красными пятнами на щекахъ“, и голодныя дѣти, и весь ужасъ безвыходнаго страданія и ежечасныхъ толчковъ нищеты.

А затѣмъ, среди вихря скорбныхъ и озлобленныхъ думъ, раздастся одна, все покрывающая нота, звучащая изъ смоченнаго слезами Раскольникова письма его матери. Она подавитъ все — и, вызывая въ немъ горькое сопоставленіе Сони, которая „чистоту наблюдать должна“, съ сестрою, выходящею за „*кажется* добраго“ человѣка — вновь, съ ужасающею силою, заставитъ вырости мысль объ убійствѣ. То, что было *мечта* вчера, что казалось *возможнымъ* сегодня утромъ — созрѣетъ въ *необходимое* къ вечеру. Не обойдется однако безъ послѣдней борьбы. Волнуемое негодованіемъ, подавленное мыслью объ убійствѣ, сердце не въ силахъ бороться съ умомъ, болѣзненно бодрствующимъ и ревниво оберегающимъ свою мечту, готовую перейти въ дѣйствительность.

Но когда сонъ сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ усталую голову Раскольникова, на сырой землѣ Александровскаго парка, со дна души его поднимаются видѣнія — и вся звѣрская, дикая сторона убійства встаетъ съ ужасающею правдою въ образахъ, связанныхъ съ чистѣйшими воспоминаніями дѣтства...

Смерть несчастной савраски, не шедшей „вскачь“,—послѣдній протестъ здоровыхъ началъ въ душѣ Раскольникова — протестъ потрясающе-краснорѣчивый, но безплодный, ибо мысль объ убійствѣ уже созрѣла вполнѣ и всецѣло завладѣла имъ.

Нуженъ лишь толчокъ — пустой, слабый, но имѣющій непосредственную связь съ этою мыслью — и все окрѣпнетъ, и рѣшимость поведетъ Раскольникова „не своими ногами“ на убійство...

Такъ, поставленный подъ ночное тропическое небо, сосудъ съ водою, утратившею свой лучистый теплородъ, ждетъ лишь

толчка, чтобы находящаяся въ немъ влага мгновенно отвердѣла и обратилась въ ледъ. — „Семой часъ давно!“ кричитъ кто-то на дворѣ, т.-е. часъ, когда закладчица дома одна, — этотъ толчокъ данъ, и предъ нами потрясающая картина двухъ преступленій. Одно — задумано и обдумано заранѣе и приведено въ исполненіе съ рѣдкою послѣдовательностью; другое — неожиданное, роковое, внезапное...

Нужно ли говорить о реализмѣ этихъ картинъ,—подавляющемъ реализмѣ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ,—когда извѣстные громкіе процессы Данилова и Ландсберга придали этимъ картинамъ и подробностямъ характеръ какого-то мрачнаго и чуткаго предсказанія? Нужно ли говорить о художественномъ и тонкомъ изображеніи рядомъ двухъ родовъ убійства — предумышленнаго и умышленнаго, — столь близкихъ по формѣ, столь различныхъ по внутренней структурѣ, по происхожденію?! Но позвольте обратить ваше вниманіе на то, что *такое* ясное, безспорное, рельефное разграниченіе этихъ видовъ явилось подъ перомъ Достоевскаго за *пять* лѣтъ до того, когда оно нашло себѣ, наконецъ законное выраженіе въ вышедшемъ на время изъ своей летаргіи уложеніи о наказаніяхъ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ Раскольниковѣ изображенъ исключительный, рѣдкій случай, — что нищета, оскорбленная гордость, ожесточеніе, выработавшія въ немъ странную и больную теорію, положившія ее въ основаніе преступленія, гораздо рѣже толкаютъ на этотъ путь, чѣмъ страсть. Пусть изобразятъ человѣка въ болѣе хорошихъ условіяхъ жизни, пусть изобразятъ сытаго и хладнаго сердцемъ и укажутъ, какъ закрадывается къ нему страсть и ведетъ его на преступленіе...

Достоевскій отвѣтилъ и на такое требованіе. Онъ создалъ, рядомъ съ ложно-направленнымъ умомъ и „бунтующимъ“ сердцемъ Раскольникова, мрачную, чувственную, возбуждающую болѣзненное любопытство фигуру Свидригайлова, сытаго и обезпеченнаго человѣка, подъ внѣшнимъ спокойствіемъ и порядочностью котораго бьется снѣдающая страсть физическаго обладанія, готовая на все, чтобы только вырваться на свободу...

Утонченный развратникъ, убійца „купившей“ его жены и въ свою очередь собирающійся „купить“ себѣ у разслабленнаго отца и „разсудительной мамаши“ „неразвернувшійся бутончикъ“ — Свидригайловъ представляетъ такую полную картину наростанія страсти къ Дунечкѣ, что сердце невольно замираетъ и ждетъ, — сжившись

съ героями романа, какъ съ живыми лицами, — чего-то недобраго, когда онъ ведетъ къ себѣ чистую въ своемъ гордомъ довѣріи дѣвушку.

И трудно себѣ представить болѣе глубокое, болѣе поразительное изображеніе борьбы страсти съ остаткомъ, со слабымъ свѣтомъ чести, который неожиданно и въ послѣдній разъ вспыхиваетъ въ Свидригайловѣ, когда онъ отпускаетъ Дунечку изъ глухой засады, послѣ того, какъ она истощила всѣ средства защиты...

Какую картину *необходимой обороны*, какой яркій, лихорадочно развивающійся образъ человѣка, *останавливающагося по собственной волѣ въ насильственномъ покушеніи* на цѣломудріе дѣвушки — найдетъ здѣсь юристъ! Какой анализъ этой *остановки* въ преступномъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ окрѣпшей на минуту въ неравной борьбѣ воли, которую вотъ-вотъ — если только не успѣетъ ускользнуть обреченная жертва — раздавитъ страсть, торжествуя свою животную побѣду!

Но не одно внутреннее содержаніе преступленія нашло себѣ выраженіе въ знаменитомъ романѣ. Способы изслѣдованія истины въ уголовномъ дѣлѣ, пріемы отысканія и оцѣнки фактовъ, изъ которыхъ слагается вѣрная картина, которыми освѣщается та или другая сторона дѣла, — все это затронуто Достоевскимъ съ глубокимъ пониманіемъ и прочнымъ знаніемъ.

Современная уголовная практика выдвигаетъ на первый планъ *улику*, т.-е. безразличный самъ по себѣ фактъ, имѣющій значеніе только по отношенію къ нему заподозрѣннаго въ преступленіи человѣка.

Изученіе — внимательное и всесторонное — этого *отношенія* и составляетъ главную задачу изслѣдователя. Такимъ изслѣдователемъ является умный, тонкій, лукаво-простодушный, но добрый и благородный въ душѣ Порфирій Петровичъ. Черезъ весь романъ проходитъ его борьба съ Раскольниковымъ — и въ ней постоянно слышится отрицаніе всѣхъ устарѣлыхъ и негодныхъ сторонъ существовавшаго въ то время порядка судопроизводства. Вся она состоитъ изъ медленнаго, исполненнаго законной осторожности и недовѣрія къ первому впечатлѣнію собиранія уликъ, которыя, слагаясь въ различныя сочетанія, то падая и разрушаясь, то пріобрѣтая неожиданную окраску, приводятъ, наконецъ, слѣдователя къ умственному итогу — убѣжденію въ виновности Раскольникова.

Въ этой постоянной сложной и безпристрастной работѣ сообра-

женія и опыта, анализа и воображенія, состоитъ и заслуга и задача человѣка, приступающаго къ изслѣдованію преступленія. Въ ней, а не въ грубомъ выдвиганіи матеріальныхъ доказательствъ— дѣло.

Что такое могутъ быть эти доказательства, какое роковое для правосудія значеніе могутъ они получить при одной лишь внѣшней оцѣнкѣ — показываетъ мастерски изображенный эпизодъ съ несчастною Сонею въ день похоронъ ея отца, когда и ея „желтый билетъ", и два свидѣтеля, и *поличное*, найденное у нея въ карманѣ, такъ несомнѣнно *доказываютъ* виновность этого самоотверженнаго созданія въ кражѣ. Взгляните затѣмъ на внутреннюю силу „лучшаго въ мірѣ доказательства"—собственнаго сознанія, въ заявленіи *Миколки*, настойчивомъ и, повидимому, *согласномъ съ обстоятельствами дѣла*, — продиктованномъ ему страхомъ предъ тѣмъ, что его, во всякомъ случаѣ „засудятъ", и особымъ психологическимъ процессомъ, возникшимъ въ душѣ, жаждущей очищенія. Обратитесь къ такому спеціальному вопросу какъ принятіе *мѣры пресѣченія* — и вы найдете въ разговорахъ Порфирія съ Раскольниковымъ о томъ, почему *онъ* не убѣжитъ, глубокую, китейски-вѣрную мысль объ *индивидуализаціи* этихъ мѣръ, нашедшую затѣмъ себѣ выраженіе въ ст. 241 Устава угол. суд.

Но рисуя широкою кистью примѣненіе психологическихъ пріемовъ при изслѣдованіи преступленія, Достоевскій, устами своего слѣдователя, остерегаетъ и отъ злоупотребленія ими. Психологія „о двухъ концахъ", — это оружіе острое и опасное, для него нужна прочная рукоять, нужна „черточка", хоть „самая махонькая", хоть одна, но только такая, „чтобы ужъ этакъ руками взять можно, чтобы уже вещь была, а не то, что одна эта психологія"...

Драгоцѣнное правило, живучее и нужное и теперь для судебныхъ дѣятелей, чтобы напомнить имъ о фактической точкѣ опоры, неизбѣжной для того, чтобы психологическія построенія ихъ были орудіемъ правосудія, а не проявленіемъ лишь находчиваго ума, работающаго in anima vili.

Было бы лишнимъ указывать затѣмъ на изображеніе того внутренняго процесса своего *собственнаго* наказанія, который такъ нерѣдко, быть можетъ, невидимо для окружающихъ, происходитъ въ душѣ преступника, когда къ нему приходитъ „нежданный гость, докучный собесѣдникъ, заимодавецъ жадный" — совѣсть. Всякій, кто читалъ „Преступленіе и Наказаніе", выстрадалъ это изображеніе и истомился муками Раскольникова.

Это наказаніе, эта пестрая игра тревогъ, надеждъ, отвращенія къ себѣ и ужаса, подымаетъ его изъ паденія.

Идучи принимать внѣшнее наказаніе, онъ уже очищенъ внутреннимъ страданіемъ, и тотъ затаенный судъ, который Богъ вложилъ въ душу человѣка, уже совершилъ свое дѣло и открылъ скорбному и разбитому сердцу новые, болѣе широкіе горизонты...

И внѣшнее наказаніе является желаннымъ концомъ предъ началомъ новой жизни.

Этого наказанія такъ же ищетъ дрогнувшая, но не порочная душа Раскольникова, истомленная сознаніемъ безплодности совершеннаго злодѣянія и отсутствіемъ малѣйшаго намека на нравственное удовлетвореніе, — какъ ищетъ смерти Свидригайловъ, тяготящійся пустотою и ничтожествомъ опозоренной развратомъ жизни.

Мы знаемъ изъ судебнаго опыта, какимъ важнымъ элементомъ въ изученіи преступленія являются различныя типическія болѣзненныя состоянія. Больныхъ, слабыхъ и искаженныхъ умственно — много въ жизни, много и предъ судомъ, — больше, чѣмъ это можно бы предполагать. Законъ ставитъ твердыя рамки для оцѣнки ихъ состоянія, — но юристъ не можетъ закрывать глаза на вліяніе этого состоянія, какъ на пріемы изслѣдованія, такъ и на его конечные результаты.

Три рода больныхъ, въ широкомъ и въ техническомъ смыслѣ словъ, представляетъ намъ судебная практика; это *больные волею, больные разсудкомъ* и больные, если можно такъ выразиться, отъ *неудовлетвореннаго духовнаго голода.* И о каждомъ изъ этихъ больныхъ сказалъ Достоевскій свое человѣчное, вѣское слово, въ высоко-художественныхъ образахъ.

Къ первому типу принадлежатъ, по большей части, *горькіе пьяницы*, жертвы горя, топимаго въ винѣ, — и отсутствія здоровыхъ удовольствій, отыскиваемыхъ въ немъ же. Предъ нами Мармеладовъ „образа звѣринаго и печати его“, сознающій, что губитъ семью, что довелъ дочь до торговли собою, что отнимаетъ у нея послѣдній грошъ, нужный ей „на сію чистоту”, и немогущій оторваться отъ штофа, который одновременно и будитъ и губитъ въ немъ лучшіе порывы добраго сердца и кроткой, вѣрующей души, — губитъ нещадно, *„ибо черта его наступила”*. Мы знаемъ, какъ и послѣ какой неслышной борьбы и испытаній наступила для него роковая черта, столь часто, горестно-часто играющая роль въ уголовныхъ дѣлахъ...

Представители второго типа — *душевно-больные.* Судебные

уставы, въ статьяхъ 353—356 Уст. угол. суд. выдвинули на надлежащее мѣсто и поставили на должную высоту *освидѣтельствованіе умственныхъ способностей обвиняемаго,* нравственно обязавъ юриста-практика изучать общія основанія науки о патологическихъ состояніяхъ души. Но едва ли найдется много научныхъ изображеній этихъ состояній, которыя могли бы затмить глубоко вѣрныя картины душевныхъ разстройствъ, самыхъ сложныхъ, самыхъ тонкихъ, — разсыпанныя въ такомъ множествѣ по всѣмъ сочиненіямъ Достоевскаго. Въ особенности разработаны имъ отдѣльныя проявленія элементарныхъ разстройствъ психической сферы — преимущественно чувственныя аномаліи: галлюцинаціи и иллюзіи. Стоитъ указать на *галлюцинаціи,* на ложныя представленія у Раскольникова, когда весь отдавшись преслѣдующимъ его видѣніямъ, онъ идетъ ночью въ квартиру убитой закладчицы, — или когда онъ, въ полузабытьи, видитъ, что бьетъ ее по головѣ, а она все наклоняется, все хохочетъ неслышно и язвительно, а на лѣстницѣ шумитъ цѣлое море голосовъ все поднимающейся, все прибывающей толпы... Стоитъ припомнить мучительныя *иллюзіи* и бредъ, и ложныя представленія Свидригайлова — въ холодной комнаткѣ грязнаго трактира въ паркѣ, когда загубленное имъ непорочное дитя то лежитъ передъ нимъ въ святой тишинѣ смерти, то вдругъ раскрываетъ ему, въ другомъ образѣ, сладострастныя объятія. Изображеніе острыхъ, рѣзкихъ, быстро надвигающихся душевныхъ разстройствъ такъ же глубоко у Достоевскаго, какъ изображеніе постепеннаго развитія меланхоліи, со смѣшанною идеею преслѣдованія и величія, у Гоголя, въ его безсмертномъ „*Фердинандѣ VII*“...

Въ обоихъ случаяхъ провидѣніе художника и великая сила творчества создали картины, столь подтверждаемыя научными наблюденіями, что ни одинъ психіатръ не отказался бы подписать подъ ними свое имя, вмѣсто имени поэта скорбныхъ сторонъ человѣческой жизни.

Достоевскій придавалъ огромное значеніе изученію болѣзненныхъ состояній души.

Мысль о возможности осужденія *дѣйствительно* больного умственно человѣка тревожила и волновала его до крайности.

„Дневникъ Писателя“ за 1876 годъ содержитъ въ себѣ пламенныя страницы, посвященныя защитѣ Корниловой, обвинявшейся въ выкинутіи изъ окна своей маленькой падчерицы. Цѣлымъ рядомъ доводовъ о вліяніи беременности на умственное разстройство и о томъ извращенномъ процессѣ мыслей, который вызывается

беременностью, онъ доказывалъ неправильность приговора и заявлялъ, что судъ и присяжные ошиблись, что Корнилова не должна, не можетъ быть наказана. Строки, которыми онъ привѣтствовалъ оправданіе ея, послѣ вторичнаго, вызваннаго кассаціею, разсмотрѣнія дѣла, дышатъ самою горячею, захватывающею радостью и справедливою гордостію человѣка, одиноко поднявшаго голосъ противъ совершившейся ошибки.

Многихъ людей объемлетъ собою третій типъ — страждущихъ *духовнымъ голодомъ*. Къ нему относятся всѣ, кто не находитъ отвѣта на выставляемые смущенною душою „вѣчные“ вопросы- которыхъ не можетъ заглушить ни суета жизни, ни злоба дня, — всѣ, кто тщетно ждетъ наставленія и руководительства для разъясненія недремлющихъ тревогъ своихъ и сомнѣній, — всѣ, кто проситъ хлѣба и получаетъ камень...

Ихъ рисовалъ Достоевскій съ особою любовью и знаніемъ, — имъ старался онъ откликнуться въ произведеніяхъ своихъ послѣднихъ годовъ. Недостатокъ времени и сложность задачи не даютъ мнѣ возможности очертить предъ вами съ надлежащею полнотою глубокое значеніе представителей этого типа для вдумчиваго юриста. Но я позволю себѣ указать на тѣхъ изъ этихъ представителей, — односторонихъ и нерѣдко дикихъ въ своихъ взглядахъ и проявленіяхъ, но живыхъ и цѣльныхъ по натурѣ, — которыхъ касался Достоевскій и съ которыми юристу-практику приходится встрѣчаться въ своей дѣятельности.

Я говорю о сектантахъ. Они мелькаютъ въ „Мертвомъ Домѣ”, они выступаютъ въ лицѣ *Миколки* въ „Преступленіи и Наказаніи”. Отсутствіе живого общенія съ живою церковью,—вѣковѣчный трудъ и унылая, сѣрая, суровая природа — сказались и на ученіи и на обрядахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сектантовъ. За этими обрядами, на которыхъ лежитъ нерѣдко отпечатокъ мрачнаго отношенія къ жизни, иногда скрывается особое стремленіе — не обычное и, во всякомъ случаѣ, возвышенное. Это — стремленіе „принять страданіе”...

Наше уголовное законодательство не принимаетъ въ разсчетъ этого стремленія и односторонне обрушивается своими уголовными карами, своими стѣсненіями на обряды, на „оказательство”, видя въ нихъ цѣль и центръ тяжести дѣятельности разныхъ сектантовъ.

Но не эти обряды, а принятіе страданія, котораго ищетъ, какъ исхода, бродящая во тьмѣ и жаждущая истины душа, — вотъ что составляетъ главную внутреннюю силу этихъ сектантовъ, силу,

предъ которой уголовная кара не только обращается въ ничто, но является какъ горячо ожиданная помощь на пути къ вѣчному спасенію.

На эту сторону постоянно указывалъ Достоевскій, и это стремленіе олицетворилъ въ своемъ Миколкѣ, въ которомъ просыпается жажда страданія, толкающая его на сознаніе въ убійствѣ, въ чемъ онъ неповиненъ.

Если окинуть умственнымъ взоромъ время перехода нашего суда отъ отжившихъ старыхъ формъ къ новымъ, — окинуть его во всей широтѣ различныхъ его проявленій,—нельзя не замѣтить, что на границахъ этого перехода, какъ выразитель его необходимости, какъ нравственный наставникъ, стоитъ Достоевскій...

Заступникъ за униженныхъ и оскорбленныхъ, другъ падшихъ и слабыхъ — онъ выдвигаетъ ихъ впередъ, онъ является борцомъ за *живого человѣка*, котораго такъ недоставало старому порядку и котораго онъ намъ *такъ* изобразилъ во всѣхъ его душевныхъ движеніяхъ, подлежавшихъ изученію подготовлявшагося тогда новаго суда. И въ этомъ его великая заслуга предъ русскимъ судебнымъ дѣломъ, предъ русскими юристами!

Таковъ Достоевскій, какъ художникъ и мыслитель, относительно *преступленія*.

Еще больше, быть можетъ, его заслуга по отношенію къ *наказанію*. Онъ первый познакомилъ насъ съ русскою каторгою, съ *дѣйствительною* Сибирью и напомнилъ живымъ, пробуждающимъ мысль, берущимъ за сердце содержаніемъ клѣточки карательной схемы, которую чертила намъ теорія.

Онъ повелъ читателя въ гробницу живыхъ людей, скученныхъ вмѣстѣ, но страдающихъ одиноко и разно, и на вратахъ ея написалъ свое lasciate ogni speranza — „человѣкъ есть существо ко *всему* привыкающее".

Онъ показалъ это *все* безъ злобы, безъ иронін, безъ идеализаціи и преувеличенія.

Живою картиною встаютъ подъ его перомъ стѣны каторжнаго острога, а въ этихъ стѣнахъ каторжные порядки, а въ порядкахъ этихъ сдавленные, приниженные люди.

Надломленные — да! но не *обезличенные*. У каждаго сохранена и подмѣчена его личность, въ каждомъ указаны характеристическія черты и общія человѣческія чувства, пробивающіяся сквозь арестантскій халатъ. Не сѣрой массою, надъ которою безучастно и точно продѣлываются карательныя предписанія, а жи-

вымъ организмомъ, съ разнообразными личными оттѣнками, является населеніе „Мертваго Дома".

Представители его длинною вереницею проходятъ предъ нами. Тутъ и настоящіе, мрачно-молодечествующіе злодѣи, бредящіе по ночамъ о крови и о ножахъ, и незлобивые, простые люди, и угрюмые изувѣры, и молчаливо-страждущіе поляки, и дѣтски довѣрчивые Алей и Нурра — эти горные орлы, тоскующіе по своимъ роднымъ вершинамъ, — и всѣ они согрѣты любовью автора, всѣ облечены въ плоть и кровь, на всѣхъ брошенъ лучъ примиренія, всѣмъ сказано слово искренняго, христіанскаго участія.

Вся жизнь каторжной тюрьмы постепенно развертывается предъ нами, и новый міръ, ужасный извнѣ, оригинальный внутри, любопытный въ началѣ, трогательный въ концѣ, возникаетъ въ освѣщеніи трезвой правды. Арестантскія ссоры и похвальбы, работы и отдыхъ, арестантская поэзія и театръ,—все, до каторжныхъ животныхъ включительно, встаетъ какъ живое.

Посмотрите, сколько среди этого разбросано глубокихъ мыслей объ организаціи наказанія, о его вліяніи. Достоевскій, въ самомъ началѣ, становится на новую точку зрѣнія, глубоко психологическую, относительно пребыванія въ общей тюрьмѣ, со всѣми. Не необходимость жить съ людьми другого развитія и быта страшитъ его при вступленіи въ мертвый домъ, — нѣтъ, онъ сумѣетъ найти въ своей душѣ общія съ ними точки соприкосновенія для мирнаго сожительства, — но страшна мысль, что никогда, никогда не придется быть *одному!* Въ этомъ принудительномъ сообществѣ заключается, по его опыту, особая тяжесть тюрьмы, и къ этой мысли онъ не разъ возвращается, доказывая, что у человѣка никогда не слѣдуетъ отнимать возможности быть хоть нѣкоторое время одному, — что ему это такъ же необходимо, какъ необходимо для каждаго человѣка, будь то Мармеладовъ или Карамазовскій капитанъ съ „мочалкою" — имѣть хоть одно такое мѣсто „куда можно пойти", хоть одно существо, которое и „его рода человѣка любитъ".

Но онъ вовсе не склоняется къ другой крайности, къ столь сильному, въ послѣднее время, увлеченію одиночною системою заключенія. Эта система полна, по его мнѣнію, ложныхъ и обманчивыхъ достоинствъ. „Она высасываетъ сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее — и потомъ, нравственно-изсохшую мумію, полусумасшедшаго, представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія"...

Пусть тюрьма не усугубляетъ наказанія человѣка, отнимая у него возможность *уединенія*, но пусть она и не разрушаетъ его нравственно и физически, навязывая ему *одиночество*. Таковъ выводъ, который невольно вытекаетъ изъ взглядовъ Достоевскаго на внутреннюю организацію тюрьмы. „Нельзя живого человѣка сдѣлать трупомъ", восклицаетъ онъ — и постоянно, настойчиво, не словами только, а цѣлыми образами протестуетъ противъ ненужнаго униженія, противъ обезличія арестанта, рисуя во многихъ мѣстахъ яркія картины вспышекъ придавленной личности, не могущей не заявить о своихъ человѣческихъ, не отнятыхъ наказаніемъ правахъ.

Говоритъ ли онъ о необходимости индивидуализировать наказаніе, чтобы избѣжать его жестокой неравномѣрности, — указываетъ ли онъ на тягость каторжныхъ работъ, состоящую не въ ихъ трудности, а въ ихъ безплодности въ глазахъ арестанта, оскорбляющей его и отнимающей у него энергію, — высказываетъ ли предположеніе, что совершенная *безсмысленность* принудительной работы могла бы вызвать рядъ самоубійствъ, — дѣлаетъ ли увлекательный очеркъ вліянія первыхъ признаковъ весны на зарожденіе у каторжныхъ тоски по „волѣ" и мысли о побѣгахъ, — во всемъ звучитъ гуманный призывъ видѣть въ обитателѣ мертваго дома прежде всего живую личность и уважать ея человѣческое достоинство, ни въ комъ совершенно не заглохшее.

Въ этомъ призывѣ — величайшее достоинство „Записокъ изъ Мертваго Дома"...

Достоевскій не остановился однако на аналитическомъ изображеніи каторги.

Есть наказаніе выше — и споры о немъ, о его цѣлесообразности и справедливости давно уже раздѣляютъ юристовъ и политиковъ на два неравныхъ лагеря.

Этотъ вѣчный вопросъ — eine ewige Frage уголовнаго права — смертная казнь.

И по отношенію къ ней Достоевскій высказался прямо и безповоротно.

Нельзя не прислушаться къ тому, что скажетъ объ отнятіи жизни у отдѣльнаго лица цѣлымъ обществомъ писатель, который такъ умѣлъ описать весь ужасъ, все безчеловѣчіе убійства, какъ преступленія.

Въ горячихъ словахъ своего „Идіота" онъ строго осудилъ смертную казнь, какъ нѣчто еще болѣе жестокое, чѣмъ преступле-

ніе. Какъ бы продолжая потрясающій разсказъ Виктора Гюго о послѣднемъ днѣ приговореннаго къ смерти, обрывающійся въ виду эшафота, — Достоевскій пошелъ съ преступникомъ на этотъ эшафотъ и описалъ, въ негодующихъ выраженіяхъ, ту „четверть секунды", когда „склизнетъ надъ головою ножъ"...

Это описаніе, чрезвычайно сильное въ своей краткости, эта защита „надежды" въ человѣкѣ — не могутъ не укрѣплять противника, не могутъ не заставить еще разъ строго провѣрить свои взгляды серьезнаго защитника смертной казни.

И въ этомъ новая заслуга мыслителя-художника.

Мнѣ хочется сказать еще объ одной особенности Достоевскаго. Онъ былъ вѣчный заступникъ, вѣчный защитникъ слабыхъ. Онъ отдалъ поэтому свое сердце, со всѣми звуками и слезами, которые таились въ немъ, — *дѣтямъ*.

На страницахъ его сочиненій всегда звучитъ призывъ къ внимательному и любящему изученію дѣтской души, приходящей въ столкновеніе съ суровымъ реализмомъ жизни.

Эта черта его, общая съ великимъ англійскимъ романистомъ, съ Диккенсомъ, всегда будетъ бросать особый свѣтъ на его произведенія. Только художникъ съ нѣжно любящею, отзывчивою душою могъ такъ просто, правдиво и задушевно описать, какъ „входитъ горькая правда жизни" въ ребенка, какъ негодуетъ, страдаетъ и плачетъ сердце его при несправедливости или жестокости.

Онъ безгранично любилъ дѣтей, и старался своимъ словомъ и нерѣдко дѣломъ ограждать ихъ и отъ насилія и отъ дурного примѣра. „Дневникъ Писателя" переполненъ самыми сердечными страницами о дѣтяхъ.

Но съ дѣтьми для юриста связанъ, помимо всякой задачи ихъ защиты отъ насилія и нравственной порчи, еще одинъ изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ вопросовъ тюрьмовѣдѣнія — вопросъ о примѣненіи къ нимъ уголовной кары.

Для уясненія, для правильной постановки этого вопроса, Достоевскій сдѣлалъ не мало, и всякій, кто захочетъ вдумчиво подвергать дѣтей карательному исправленію, не разъ долженъ будетъ искать совѣта, разъясненія, поученія на страницахъ, написанныхъ ихъ усопшимъ другомъ и заступникомъ.

Онъ зналъ ихъ. Они вѣрили ему, шли къ нему съ любовью, слушали его съ серьезнымъ, искреннимъ вниманіемъ.

Надо было видѣть его, окруженнаго дѣтьми, — какъ видѣлъ его я, — въ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и въ камерахъ

Литовскаго замка, — слышать его безыскусственный разговоръ безъ чуждо-звучащаго для дѣтей „вы", и ихъ горячія просьбы „поговорить еще" или „пріѣхать опять", чтобы понять, какая сила внутренняго сродства съ душою „малыхъ сихъ" жила въ его многолюбящей душѣ...

Не въ тюремной дисциплинѣ, не въ правильно организованномъ трудѣ даже, видѣлъ онъ *главное* средство исправленія малолѣтнихъ преступниковъ.

„Эти дѣтскія души видѣли мрачныя картины и привыкли къ сильнымъ впечатлѣніямъ — говорилъ онъ, — эти картины и впечатлѣнія останутся при нихъ навѣки и будутъ сниться имъ всю жизнь въ страшныхъ снахъ. Съ *этими ужасными впечатлѣніями* надобно войти въ борьбу исправителямъ и воспитателямъ дѣтей, искоренить ихъ и насадить новыя"...

Таковъ его завѣтъ. Онъ труденъ, онъ не укладывается въ ординарныя рамки — но, вѣдь, и цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, не ординарна по своей высотѣ.

Далеко не все успѣлъ сказать я о Достоевскомъ, желая помянуть благодарнымъ словомъ его память. Но и сказаннаго, мнѣ думается, достаточно...

На широкомъ поприщѣ творческой дѣятельности онъ дѣлалъ то же, къ чему стремимся мы въ нашей узкой, спеціальной сферѣ. Онъ стоялъ всегда за нарушенное, за попранное право, ибо стоялъ за личность человѣка, за его достоинство, которыя находятъ себѣ выраженіе въ этомъ правѣ. Изъ явленій матеріальной и духовной жизни, проходящихъ предъ нашими глазами отрывками, представляющихъ какъ бы кусочки мозаики, — онъ, силою своего великаго таланта, создалъ цѣлую картину, скрѣпивъ ея части одною внутреннею связью. На вратахъ дорогого намъ зданія, называемаго Судебными уставами, написаны слова, которыя никогда не утратятъ своего глубокаго смысла. Ими должна опредѣляться наша дѣятельность. Но не онъ ли такъ жадно искалъ *правды* всю свою жизнь и такъ ревностно служилъ ей?... Не у него ли, черезъ все, что творилъ онъ, какъ красная нить, политая слезами, проходитъ идея о *милости*, призывъ къ снисхожденію, къ пониманію падшихъ и несчастныхъ?... Изъ тяжелыхъ лѣтъ своего пребыванія въ Сибири онъ вынесъ любящее и прощающее сердце и озарилъ свѣтомъ, исходящимъ изъ него, „темныя пропасти земли". Почтимъ же память того, кто старался освѣтить и намъ вѣрный путь и въ темной области уголовнаго изслѣдованія, гдѣ, по невѣдѣнію, такъ

легко отойти въ сторону отъ правды—и, по невниманію, не увидѣть иногда основанія для милости. Почтимъ память того, кто высоко держалъ предъ нами свой свѣточъ и, указывая, въ чемъ правда и какъ находить ее, настойчиво указывалъ на необходимость милости...

А. Ѳ. Кони.

Ночь русской литературы.

Уже одно то, что Достоевскій, писатель страшныхъ человѣческихъ глубинъ, провидецъ тьмы, пережилъ смертную казнь, ея психологію, ея единственныя въ мірѣ ощущенія, — одно это дѣлаетъ его существомъ инфернальнымъ, какъ бы вышедшимъ изъ могилы и въ саванѣ блуждающимъ среди людей живыхъ; а въ Россіи, на теперешнемъ праздненствѣ палачей, это придаетъ ему еще и трагическую современность и зажигаетъ вокругъ него особенно зловѣщій ореолъ; и часто, когда приходитъ столь обыденная нынѣ вѣсть о смертной казни, невольно вспоминаешь, какой ужасный моментъ составила она въ его внутреннемъ мірѣ и какъ неотступно возвращался онъ къ ней въ своихъ произведеніяхъ.

Онъ не только въ праведныя уста князя Мышкина вложилъ эти потрясающія рѣчи о „судорогахъ", до какихъ доводятъ на эшафотѣ человѣческую душу, о безмѣрномъ „надругательствѣ" надъ нею („нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!"), — онъ, не боясь смѣшного, заставилъ и пьянаго, плутоватаго чиновника Лебедева молиться за упокой души графины Дюбарри (казалось бы, что ему эта Гекуба?) и изъ всячески далекой для Лебедева французской исторіи приблизилъ къ его сознанію и совѣсти ту сцену, когда подталкиваютъ Дюбарри къ ножу гильотины, а она, „на потѣху *пуасардокъ* парижскихъ", кричитъ: „encor un moment, monsieur le bourreau, encor un moment!" Что и означаетъ; „минуточку одну еще повремените, господинъ палачъ, всего одну!" И вотъ за эту-то минуточку ей, можетъ, Господь и проститъ, ибо дальше этакого мизера съ человѣческою душою вообразить невозможно... Отъ этого графининаго крика объ одной минуточкѣ, я какъ прочиталъ, у меня точно сердце захватило щипцами. И собственное сердце

Достоевскаго было тоже защемлено этими щипцами людской му́ки и нельзя его понять, если мы забудемъ, что въ самой жизни испыталъ онъ смерть и что онъ — единственный писатель, который творилъ послѣ того, какъ видѣлъ міръ и слушалъ душу съ высоты эшафота.

Подъ чернымъ знакомъ Достоевскаго, въ его стилѣ продолжаетъ двигаться наше время, Достоевскаго имѣетъ оно своимъ патрономъ, потому что безумныя содроганія и ужасъ, которые здѣсь и тамъ переживаетъ теперь человѣческое существо,—они-то и образуютъ стихію творца „Бѣсовъ“.

Вѣдь именно *революцію, немолчную тревогу и смуту, душевный хаосъ считаетъ онъ нашей первичной природой.*

Писатель катастрофъ, психологъ метаній, онъ не рисуетъ себѣ человѣка спокойнымъ и благообразнымъ, однажды навсегда устроеннымъ: нѣтъ, глаза его раскрыты на роковую незаконченность, на постоянное безпокойство и волненіе тоскующаго духа.

Человѣкъ для него вовѣки неготовъ и неопредѣлимъ; какъ и для Тютчева, міръ для него не миренъ: правду моря и сердца можно узнать только въ бурю.

Смута кажется ему обычнымъ состояніемъ души; болѣзнь, это—норма.

Нельзя говорить, что герои его романовъ—натуры исключительныя, патологическія: самъ онъ ихъ такими не признаетъ, самъ онъ думаетъ, что именно въ этой исключительности—правило, что въ этой недужной обостренности и возбужденности переживаній и состоитъ жизнь каждаго нормальнаго сердца, если только оно бьется не для того, чтобы отсчитывать механически пульсъ существованія, не для того, чтобы служить мѣрнымъ маятникомъ безчисленныхъ дней и ночей.

Достоевскому ненавистенъ буржуа, который готовъ, у котораго „запасено готовыхъ мыслей какъ дровъ на зиму“; ему ненавистенъ и прототипъ Кармазинова, — за то, что онъ слишкомъ изященъ и складенъ, похожъ на новеллу своихъ сочиненій и внѣшне разрѣшаетъ трудныя проблемы жизни,—напримѣръ, отъ скорбей и болей Россіи уѣзжаетъ изъ Россіи.

Авторъ „Преступленія и наказанія“ самъ ни отъ чего не уѣдетъ и мимо жизни не пройдетъ. Все коснется, болѣзненно коснется его души, и ничто не достанется ему легко и непринужденно. Онъ не знаетъ граціи, и жизнь для него — тяжелая ноша.

Онъ относится къ ней слишкомъ серьезно, онъ трудно живетъ. На немъ, наслѣдникѣ грѣха, больше, чѣмъ на всѣхъ другихъ, почило исконное проклятіе человѣчества: онъ не только въ потѣ лица своего добываетъ свой хлѣбъ,—онъ зарабатываетъ себѣ и душу. И она ему дается очень дорого. Поэтому въ другихъ онъ не переноситъ легкости.

Въ нигилизмѣ, напримѣръ, его, величайшаго отрицателя, возмущаетъ не самое отрицаніе, а то, что оно лишено трагедіи.

Противъ выстраданнаго, противъ религіознаго безбожія онъ не возстаетъ, онъ даже поклоняется ему и воплощаетъ его въ героическую фигуру Кириллова; но нигилизмъ, который съ легкимъ сердцемъ, походя, разрушаетъ и опустошаетъ, который дѣлаетъ жизнь плавной и плоской, безъ препятствій и безъ глубины,—такое міровоззрѣніе вызываетъ у него только злобу и насмѣшку.

Самъ Достоевскій могъ бы позволить себѣ „гимны подземные“, мучительную роскошь невѣрія, потому что вѣру свою создавалъ онъ себѣ кровавымъ потомъ. Онъ не проспалъ нощады, не хотѣлъ жизненнаго удобства, готовыхъ тропинокъ и равнины; ему претилъ соціализмъ, онъ не бѣжалъ страданія, и не было для него высшимъ благомъ все то, что облегчаетъ труды и дни человѣчества.

Его характерная ненависть къ адвокатамъ (фактъ, почерпнутый изъ его глубокой публицистики, которую онъ всегда претворялъ въ психологію и которая поэтому является у него sub specie aeternitatis),—эта ненависть объясняется не только тѣмъ, что у нихъ—„нанятая совѣсть“, но и тѣмъ, главное, что они мелки, что они—неверхностные защитники человѣческой души и снимаютъ съ нея преступленіе, какъ шапку. Въ своей профессіональности они механизируютъ человѣка и никогда не видятъ, въ чемъ истинная преступность и правота.

Можно себѣ представить, какую личную вражду долженъ былъ питать судорожный Достоевскій, терзающійся проблемой преступленія и наказанія, къ законченной, аккуратной, нарядной фигурѣ защитника по профессіи.

Далѣе, если онъ такъ часто, и въ качествѣ публициста, и въ качествѣ художника, выступаетъ противъ присяжныхъ засѣдателей съ ихъ оправдательными приговорами, то это тоже имѣетъ своей причиной поверхностную легкость оправданія.

Кто возьметъ себѣ право, кто дерзнетъ сказать человѣку, что онъ не виноватъ? Между тѣмъ это говорятъ, и оправданный спо-

койно поднимается со своей скамьи подсудимыхъ и уходитъ, разрывая кругъ круговой отвѣтственности и поруки, не обращая вниманія на то, что вездѣ клокочетъ общая безмѣрная вина и всякій виноватъ во всемъ.

И, съ другой стороны, какъ глубоко, какъ мудро правы тѣ засѣдатели-мужички изъ „Братьевъ Карамазовыхъ", которые за себя постояли и вынесли Димитрію обвинительный приговоръ! Это ничего не значитъ, что фактически не онъ убилъ отца: достаточно, что онъ хотѣлъ его убить. Во всякомъ случаѣ, невыносима для Достоевскаго та поспѣшность и легкомысленность, съ которой оправдываютъ отъ вѣка виноватую человѣческую душу. И безспорно, что на своей мистической и мрачной высотѣ онъ съ проклятіемъ отвергъ бы знаменитый гуманный афоризмъ Екатерины и, не задумываясь, предпочелъ бы десять невинныхъ осудить, чѣмъ одного виновнаго оправдать: до такой степени былъ онъ проникнутъ *сознаніемъ человѣческой вины.*

Въ то же время онъ, конечно, не принималъ и суда, который тоже не идетъ за предѣлы факта и для его установленія роется въ чужой душѣ. Судъ безстыденъ, и слѣдователь въ своемъ выпытываніи истины, мнимой истины, грубо вторгается въ самые помыслы своей жертвы.

Вообще, всѣ эти обвинители и защитники, судьи и даже сами подсудимые—всѣ они вращаются въ области *внѣшняго* и продѣлываютъ свое жизненное дѣло равнодушно и неусердно. Они слишкомъ здоровы и уравновѣшены. Между тѣмъ *истинное человѣчество,* то, которымъ только и интересуется нашъ писатель, *неисцѣлимо-больно;* да и не надо его лѣчить, подобно тому какъ чеховскій Коровинъ, герой „Чернаго монаха", жаждалъ безумія, хотѣлъ галлюцинаціи и проклиналъ здоровье.

Нашъ міръ не таковъ, чтобы въ немъ можно было жить благополучно. Поскольку человѣкъ здоровъ, постольку онъ, для Достоевскаго, непричастенъ къ событіямъ духа: только больной, одержимый, достоинъ званія человѣка. Наше трепетное существо, брошенное въ міровую пучину, не въ силахъ сохранить покой и равновѣсіе, даже если оно не испытало особыхъ потрясеній и несчастій: просто, жизнь, какъ такая, самый потокъ жизненныхъ впечатлѣній, уже пугаетъ и волнуетъ насъ, и только душа плоская и безучастная останется въ отвѣтъ на эти впечатлѣнія не встревоженной и не смущенной.

Человѣкъ у Достоевскаго слишкомъ чувствуетъ жизнь, онъ

рѣдко въ состояніи ее выдержать, и дѣйствительность для него запутаннѣе, богаче, сложнѣе, чѣмъ это кажется другимъ.

Правда, кроткая тишина можетъ воцариться въ душѣ и сдѣлать изъ иного бунтовщика старца Зосиму или божьяго странника Макара Ивановича („Подростокъ"), — но раньше надо пережить великую тревогу, моральное нестроеніе, или же, какъ Алеша Карамазовъ, свою революціонную стихію перестрадать въ своихъ родныхъ. Это очень знаменательно, что самое спокойное, самое здоровое и мягкое произведеніе Достоевскаго — „Записки изъ мертваго дома": не потому ли, что здѣсь передъ нами люди, уже отбывшіе свое жизненное событіе, уже пережившіе свое пареніе и преступленіе и теперь нашедшіе покой, хотя бы и каторжный? Но пока не достигнута эта пристань, гдѣ жизнь преломляется черезъ призму мертвую, гдѣ видѣлъ писатель человѣка на цѣпи, прикованнаго къ стѣнѣ, — всѣ потенціально больны, всѣ взволнованы, и міръ представляетъ собою грандіозный Бедламъ.

Мы еще не знаемъ свѣта нормальнаго, мы еще не видѣли естественнаго человѣка. Хаосъ не кончился. Если бы даже были усмирены и устроены стихіи, — не готовы души. Универсальное сумасшествіе, бредъ и безуміе вселенной, раздробляется на отдѣльные умы и вспыхиваетъ здѣсь и тамъ зловѣщими искрами, которыя разгораются въ пожаръ злодѣянія и несчастія и порою воспаляютъ одновременно двѣ головы, какъ это было съ Мышкинымъ и Рогожинымъ надъ трупомъ Настасьи Филипповны.

Если въ людяхъ, которые на первый взглядъ нормальны, хоть нѣсколько продлить или отклонить ихъ душевныя линіи, то въ результатѣ и получится то безуміе, тѣ дантовскіе круги нравственныхъ долей и надрывовъ, которые развертываются въ книгахъ Достоевскаго. Онъ, какъ никто, умѣетъ приподнимать безмятежную завѣсу, скрывающую иныя душевныя организаціи, и показываетъ, что подъ нею „хаосъ шевелится". Трудно представить себѣ такого человѣка, хотя бы и тишайшаго, въ сердечной глубинѣ котораго онъ не подмѣтилъ бы зародышей возмущенія и помѣшательства. Ибо *безумное, это и есть нормальное;* и непобѣдимо обязательное безуміе человѣческихъ умовъ.

При такомъ общемъ взглядѣ на людей и жизнь естественно, что романы Достоевскаго представляютъ зрѣлище, которому нѣтъ равнаго во всей міровой литературѣ. Они до такой степени исполнены *страданія и недуга,* что какъ-то совѣстно было бы прилагать къ нимъ чисто-эстетическое мѣрило, хотя онъ и великій

художникъ, рѣдкій мастеръ изобразительности, хотя онъ и сочетаетъ въ себѣ нервную стремительность письма съ чувствомъ мѣры и удивительной силой разсчета, такъ что искусно и ловко сплетаетъ онъ всѣ тонкія петли своего изломаннаго повѣствованія, самъ нигдѣ не запутается, ничего не забудетъ и увѣренно сведетъ одно къ одному, всѣ многочисленные концы съ концами; онъ — страстный, но онъ и хитрый. Однако пишетъ онъ такъ, будто ни на минуту не допускаетъ въ своихъ читателяхъ мысли, что онъ сочиняетъ, выдумываетъ. Это потому, что *у него гораздо больше, чѣмъ у другихъ писателей, всѣ лица и сцены представляютъ лишь объективацію, воплощеніе его собственныхъ внутреннихъ состояній.*

Все это — психологія, его собственная психологія въ лицахъ; все это—больное откровеніе его безпримѣрной души. Братъ братьевъ Карамазовыхъ, соубійца своихъ убійцъ, онъ только себя лично, свое солнце и свою ночь, свою Мадонну и свой Содомъ, выявлялъ въ запутанной, сложной, причудливой ткани своихъ сочиненій.

Вьется по нимъ какая-то змѣиная интрига, и любая семейная исторія свивается въ неразрѣшимый узелъ съ тайнами и приключеніями; на каждомъ шагу — человѣческія неожиданности и противорѣчія, „влюбленные другъ въ друга — враги", превращенія и скрещенія чувствъ, психологическія авантюры, психологическіе скандалы, и вихрь событій и водоворотъ рѣчей подхватываютъ васъ, какъ щепку, и кружатъ, кружатъ, какъ бы смѣясь надъ вашими содроганіями и трепетомъ обезумѣвшаго ума, ошеломленной впечатлительности. Его страницы, по изобилію метаморфозъ и случайностей, — какой-то внутренній Рокамболь, но именно внутренній, потому что внезапныя сцѣпленія происшествій, этотъ пестрый фараонъ фактовъ и катастрофъ, эти столкновенія героевъ и явленій только соотвѣтствуютъ трепетанію его извилистой и переполненной событіями души.

У него не обычное теченіе жизни, не мирныя встрѣчи людей, а почти исключительно сцены и, часто, ссоры; онъ не боится писательскихъ трудностей и нарочно создаетъ такія коллизіи, передъ которыми у другого автора замерло бы въ безсиліи перо.

У него совершаются нравственные поединки дѣйствующихъ лицъ, и когда онъ сталкиваетъ, напримѣръ, Свидригайлова съ Дуней, Кириллова съ Верховенскимъ — револьверъ противъ револьвера, вы чувствуете, что это уже предѣлъ человѣческой напряженности, что большаго душа не могла бы уже выдержать. Вы

точно взобрались на какую-то гору психологіи, и объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое сердцебіеніе, физическое и моральное, которымъ сопровождается ваше слѣдованіе за Достоевскимъ и которое отвѣчаетъ на лихорадочные перебои его собственнаго сердца, бьющагося въ его книгахъ.

Міръ раздражаетъ его. Порогъ раздраженія лежитъ для него очень низко. Проницательный, зоркій, подавленный грудой ощущеній, которая валится на него отъ людей и событій, писатель все замѣчаетъ, остро и болѣзненно, онъ видитъ каждое мѣсто, чувствуетъ каждый часъ — и мало того, нравственные часы его отсчитываютъ, бьютъ минуты, и ни одна минута не проходитъ для него безслѣдно и блѣдно; каждое мгновеніе важно, значительно, тревожно. Онъ не теряетъ времени даромъ, и душа его никогда не отдыхаетъ. У него — безостановочность духа, у него человѣкъ безъ субботы. Одинъ день тянется у него ужасно долго, и на его длинномъ протяженіи столько случается! Полный событій, чреватый драмами, въ какихъ-то незамѣтныхъ складкахъ своихъ скрывающій зародыши поразительныхъ происшествій, этотъ день Достоевскаго, черный, трагическій, безумный, завершается ночью, когда не сновидѣнія грезятся, а душатъ кошмары — эта лошадь, которую сѣкутъ по глазамъ, по самымъ глазамъ, это „дитё“, которое плачетъ отъ холода на рукахъ у голодной матери, эта отвратительнѣйшая гадина, которая ползаетъ по комнатѣ. И днемъ, и ночью люди живутъ усиленно, слишкомъ живутъ.

Авторъ смотритъ на нихъ сквозь нѣкое увеличительное психологическое стекло, и потому въ его глазахъ все разрастается, принимаетъ чудовищные размѣры, и каждая душевная линія, какъ бы мала она ни была сама по себѣ, оказываетъ роковое вліяніе на общее построеніе жизненнаго цѣлаго. Люди мучатся своими убѣжденіями, все принимаютъ близко къ сердцу, вонзаютъ въ него дѣла, и мелкія, и крупныя, и свои, и чужія, подвергаютъ мукамъ себя и другихъ. Они часто сидятъ у него безногіе, парализованные, и, физической неподвижностью еще болѣе оттѣняя свою моральную неугомонность, поѣдомъ ѣдятъ свою душу.

Житейскіе факты не проносятся мирной и безразличной чередой: жизнь вся, цѣликомъ, глубоко захватываетъ человѣка. Это характерно, что Лиза изъ „Бѣсовъ” хочетъ издавать книгу, въ которой просто регистрировались бы событія и случаи за годъ русской жизни. Сдѣлать опись того, что происходитъ, вникнуть въ газетныя сообщенія, которыя мы обыкновенно читаемъ глазами

разсѣянными, — вотъ что было бы самое важное и краснорѣчивое.

И Достоевскій, пробираясь по душѣ какими-то темными, запутанными ходами, въ то же время и въ неразрывной связи съ этимъ, взволнованно и страстно интересуется и внѣшними фактами, выходками жизни.

О, внимательно читаетъ онъ газеты, жадно слѣдитъ за судебными процессами! Особенно занимаютъ его убійства, насилія, казни,—и онъ до галлюцинаціи живо представляетъ себѣ смертный страхъ убиваемаго, надъ которымъ склоняется убійца, безумное трепетаніе жертвы, ея ужасъ и тоску. Всѣ эти замученные, зарѣзанные, задушенные теперь молчатъ; они никому не разскажутъ, что испытали въ свои послѣднія мгновенія, и предсмертные стоны ихъ заглушены рокотомъ бурлящей жизни. Среди шума и разговора живыхъ кто думаетъ о нихъ, кто слышитъ молчаніе мертвыхъ? Одинъ Достоевскій внемлетъ имъ, и звучатъ въ его сердцѣ отголоски всѣхъ человѣческихъ драмъ, и онѣ никогда не становятся для него прошлыми. Онъ бродитъ по всѣмъ кладбищамъ міра, онъ заглядываетъ во всѣ морги.

Именно потому, что онъ такъ много знаетъ, такъ остро воспринялъ всѣ крики и боли дѣйствительности, ему есть что разсказать, и этимъ объясняется то лихорадочное, спѣшащее многословіе, которое отличаетъ его страницы. Только съ внѣшней стороны это свойство его писаній можетъ быть отнесено просто къ архитектонической неумѣлости, къ недисциплинированности его торопливаго пера, — но болѣе глубокое основаніе здѣсь заключается въ томъ, что ему надо высказаться, раскрыть до конца свою чрезмѣрно содержательную душу. Онъ задыхается въ словахъ, онъ ищетъ все новыхъ и новыхъ, онъ часто употребляетъ превосходную степень прилагательныхъ, онъ комбинируетъ фразы въ небычныхъ сочетаніяхъ,— онъ говоритъ, говоритъ, онъ такъ много словъ произнесъ на своемъ страдальческомъ вѣку, и еще больше осталось у него невысказанными. Усиленный, горячечный темпъ внутренней жизни, неисчерпаемость мысли и чувства онъ отъ себя удѣляетъ и своимъ героямъ, такъ что опять и опять увлекаетъ читателя въ какой-то горячій водоворотъ изступленія и отчаянія.

Еще и потому говорятъ у Достоевскаго много, что говорятъ многіе. Такъ какъ—мы уже это знаемъ—всѣ его сочиненія даютъ лишь панораму его души, въ людяхъ и событіяхъ выражаютъ ея мрачно-роскошную сущность, то ему и нужны многочисленныя ли-

ца; для него не существуетъ персонажей маловажныхъ. Онъ и создаетъ живой узелъ человѣческихъ сердецъ, клубокъ душъ, и связываетъ переплетающимися болѣзненными нитями очень различныхъ и, повидимому, далекихъ другъ отъ друга людей.

Кого разъ онъ захватитъ въ это человѣческое сплетеніе, кто однажды попадется въ шестерню его интриги, тотъ уже никогда изъ нея не выпадетъ. И опять это не просто техника, искусная разработка людского узора, — нѣтъ, его герои внутренне влекутся одинъ къ другому; они какъ бы намагничены другъ для друга, „одного безумія люди", и каждый ищетъ каждаго на всѣхъ перекресткахъ міра, и вдругъ они оказываются живущими на одной квартирѣ или неожиданно встрѣчаются на улицахъ, на площадяхъ, въ поѣздѣ желѣзной дороги.

Мудрый идіотъ прямо изъ вагона попалъ въ жизнь, въ петербургскія гостиныя, и — ужъ конечно, ужъ ни одинъ посѣтитель ихъ не избѣгнетъ его на своей жизненной тропѣ. Въ мірѣ человѣческомъ нѣтъ параллельныхъ линій; въ трагическомъ хороводѣ людей всякому есть дѣло до всякаго, все перекрещивается.

Больная общительность заставляетъ ихъ исповѣдываться другъ передъ другомъ, и даже свои романы продѣлываютъ они на людяхъ, даже при любовномъ объясненіи чаще бываютъ трое, чѣмъ двое, и стрѣляются они въ обществѣ,—по крайней мѣрѣ, въ чьемъ-нибудь присутствіи. Они не дорожатъ уединеніемъ, они охотно высказываются. Они безконечно разговариваютъ — на десяткахъ страницъ, и каждый разговоръ страшно значителенъ, представляетъ собою грозное событіе: не о погодѣ говорятъ у Достоевскаго. Но эти обильныя рѣчи и реплики по самому существу дѣла не могутъ все-таки разрушить непроницаемость чужого сознанія, освѣтить душевныя потемки, и оттого всѣ усилія прилагаются къ тому, чтобы одержать эту побѣду надъ природой, войти соглядатаемъ въ другую душу.

Недаромъ у Достоевскаго такъ часто подслушиваютъ за дверями, и даже люди хорошіе, — не до этики тогда.

Недаромъ его интересуетъ сыщикъ, который живетъ во многихъ его герояхъ, и почти всѣ они — хорошіе психологи.

И потому же разговоръ у него, обыкновенно, — пытка или, по меньшей мѣрѣ, испытаніе; не психологическая ли игра въ кошки и мышки бесѣда слѣдователя съ Раскольниковымъ?

У Гоголя есть выраженіе „чокнуться сердцами": это можно

найти и у Достоевскаго, но болѣе типичны для него встрѣча-столкновеніе, разговоръ-разладъ.

Хотя и много у него героевъ, но замѣчательно, что онъ все-таки психологъ не толпы, а личности. Слаба, невыразительна массовая сцена въ „Бѣсахъ", когда убиваютъ Лизу. Ему въ концѣ-концовъ нужно не человѣчество, а человѣкъ. Единый, Робинзонъ, даетъ ему уже слишкомъ значительный матеріалъ, и въ одну душу можно вмѣстить міръ; да и вообще все психическое, что разлито во вселенной, сосредоточивается въ одинокой человѣческой душѣ, и не нуждается Достоевскій въ панпсихизмѣ, — за излишекъ бы почелъ онъ его. Въ этомъ смыслѣ и два человѣка въ мірѣ— это уже много; можно было бы обойтись и однимъ. Но одному нужно все, и каждому есть дѣло до всего міра, какъ міру есть дѣло до каждаго. „Безмѣрное и безконечное такъ же необходимы человѣку, какъ и та малая планета, на которой онъ обитаетъ".

Но безконечность насыщена у Достоевскаго человѣческимъ, исчерпана этимъ, такъ что космическое у него отступаетъ и природой онъ не занимается. Было бы однако ошибкой думать, будто онъ къ ней равнодушенъ, ея не чувствуетъ и совсѣмъ заслонилъ ее чудищемъ Петербурга, Минотавромъ огромнаго города. Онъ, правда, рѣдко ее описываетъ, пейзажемъ не дорожитъ, чаще всего замѣчаетъ въ ней тоны и тяжесть свинца: но герой „Бѣлыхъ ночей" сбросилъ бремя съ своей души тогда, когда онъ вышелъ за городской шлагбаумъ; но Алеша Карамазовъ сталъ цѣловать землю и обливалъ ее „слезами радости своей" именно тогда, когда онъ лицомъ къ лицу увидѣлъ природу и „надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ", и „тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною".

И вотъ, съ такими пріемами, такъ понимая всю исключительность и неизсякаемость индивидуальнаго человѣческаго духа, проникая въ самыя подполья его, Достоевскій раскрываетъ передъ нами ту картину страданія и скорби, которая дѣлаетъ его книги такими страшными. Всѣ противорѣчія жизни и души, все невыносимое, все вопіющее дано у него въ своей предѣльной потенціи, и не только, въ угоду беллетристикѣ, въ угоду читательской пугливости, не скрыты всѣ выступы и пропасти существованія, но они еще болѣе обострены и углублены,—ничего не смягчено, ничѣмъ не сглажено. Онъ, при всемъ романтизмѣ иныхъ его стра-

ницъ, ничего не стѣсняется, не боится никакихъ низинъ,—не всякій бы рѣшился заговорить о Смердяковѣ и его матери Лизаветѣ. Онъ не даетъ оправиться отъ одного впечатлѣнія, какъ уже истязаетъ насъ другимъ, онъ не допускаетъ передышки, онъ взгромождаетъ Пелiонъ на Оссу и нарочно ставитъ своихъ героевъ не только въ самыя трагическія, но и въ самыя конфузныя, стыдныя, нестерпимыя положенія. Онъ труднѣе дѣлаетъ жизненныя трудности. Нормальное страданіе любви онъ усиливаетъ тѣмъ, что любящее сердце его героевъ часто не можетъ разобраться, кого же оно собственно любитъ, и въ мучительномъ недоумѣніи рвется на части. И великое терзаніе переживаютъ соперники, иногда — отецъ и сынъ. Двѣ женщины, двѣ львицы, борьба ожесточенная, и сфинксъ любви, на потѣху Достоевскому, заостряетъ свои когти. Онъ безпощаденъ и неумолимъ, онъ изобрѣтателенъ въ своихъ мукахъ, этотъ „жестокій талантъ", и, можетъ быть, это—единственный писатель, котораго хочется и можно ненавидѣть, котораго боишься, какъ привидѣнія. Это—писатель-дьяволъ.

И потому его трудно читать, какъ трудно жить. Онъ представляетъ собою *ночь русской литературы,* полную тягостныхъ призраковъ и сумбурныхъ видѣній. Ночь объяла Достоевскаго, и страшно грезилъ, и безумно бредилъ этотъ одержимый духъ. Солнце заглядывало въ его произведенія, чтобы освѣтить умиленіе, чистую любовь Лизы къ Алешѣ Карамазову, „дѣтей играющихъ, возлюбленныхъ дѣтей", ихъ „вѣчно бѣгущія ножки",—но оно скоро уходило, и еще тяжелѣе и гуще опускалась тьма.

Онъ, помимо всего прочаго,—замѣчательный карикатуристъ; онъ очень способенъ къ остроумію и шуткѣ, и порою онѣ вспыхиваютъ у него радостными, сверкающими искорками; онъ умѣетъ быть ласковымъ и шутливымъ, онъ любитъ этого милаго, задорнаго мальчика Колю, который великодушно заявляетъ: „напротивъ, я ничего не имѣю противъ Бога"; или этого девятнадцатилѣтняго прогрессиста Сашеньку, который хочетъ жениться на Наденькѣ и, какъ честный человѣкъ, собирается ее обезпечить: получая на службѣ въ конторѣ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, онъ въ самый день свадьбы выдаетъ невѣстѣ векселъ на себя въ сто тысячъ рублей...—но гаснутъ и онѣ, эти свѣтлыя искры, и остается лишь тяжкій юморъ надъ бездной, и если разсказывается анекдотъ, то непремѣнно скверный, и если раздается музыка, то это играетъ скрипачъ надъ трупомъ своей жены. Достоевскій все отравляетъ, онъ все губитъ кругомъ себя, и если такъ мало вокругъ него при-

оды, зелени, то это потому, что она блекнетъ и чахнетъ отъ его проклятаго приближенія.

Но трагедія пушкинскаго анчара, который въ пустынѣ чахлой и скупой стоитъ одинъ во всей вселенной, заключается въ томъ, что онъ не только другихъ убиваетъ своимъ ядомъ, но и самъ, первый, изнываетъ отъ него въ своемъ страшномъ одиночествѣ.

Такъ и Достоевскій, бичуя насъ огненными змѣями своего злого дарованія, терпитъ и самъ отъ своихъ зрѣлищъ невыносимую пытку, восходитъ и самъ на костеръ своихъ жертвъ. Мучитель и мученикъ, Іоаннъ Грозный русской литературы, онъ казнитъ насъ лютой казнью своего слова и потомъ, какъ Іоаннъ Грозный, этотъ человѣческій анчаръ, ропщетъ и молится, и зоветъ Христа, и Христосъ приходитъ къ этому безумцу и мудрецу, къ этому юродивому, и тогда онъ плачетъ кровавыми слезами и упоенно терзаетъ себя своими веригами, своими каторжными цѣпями, которыя наложили на него люди и которыхъ онъ уже никогда не могъ сбросить со своей измученной души.

Вспомните его блѣдное, изможденное лицо, въ чертахъ котораго затаились больныя страсти, эти горящіе глаза, полные муки и мучительства, и вы еще болѣе убѣдитесь, что въ его собственной личности произошла та роковая встрѣча Христа съ великимъ инквизиторомъ, о которой онъ разсказалъ въ своей знаменитой легендѣ.

Въ немъ самомъ, въ его бездонной душѣ, боролись за него Богъ и Діаволъ.

Доброе и злое сплетались въ немъ такъ тѣсно, какъ ни у кого изъ людей. Онъ жаждалъ замиренія, онъ хотѣлъ тишины, онъ предъ Евангеліемъ склонилъ головы убійцы и блудницы; онъ плакалъ надъ тѣмъ страданіемъ, которое онъ вызвалъ изъ жизни и разлилъ въ ядовитый туманъ.

Но трепещущій жалостью, онъ все-таки, однажды испытавъ страданіе, возлюбилъ его какой-то изувѣрской любовью, не могъ безъ него обходиться. Если бы оно исчезло изъ его внутренняго міра и міра внѣшняго, онъ былъ бы еще нѣсчастнѣе, чѣмъ онъ былъ, и онъ не зналъ бы, что́ дѣлать съ собою, о чемъ писать.

Это, конечно, далеко отъ кротости; въ этомъ—гордыня и зло. Христосъ не хотѣлъ крестной муки и молился, чтобы Его миновала горькая чаша. Достоевскій объ этомъ не просилъ; онъ зналъ какое-то сладострастіе страданія и жадно припадалъ къ геѳсиманской чашѣ, извиваясь отъ боли.

Торквемада, великій инквизиторъ собственной и чужой души, онъ исповѣдовалъ, что „человѣкъ до безумія любитъ страданіе", что „кромѣ счастья, человѣку, такъ же точно и совершенно во столько же, необходимо и несчастье".

Онъ воплощаетъ собою инквизиціонное начало міра, тотъ внутренній ужасъ, который только и порождаетъ всѣ боли и терзанія внѣшнія. Но весь сотканный изъ противорѣчій, болѣя ими, онъ не только нуждался въ страданіи и жегъ себя на его медленномъ огнѣ, — онъ и страстно ненавидѣлъ его. Ненависть должна питаться, и потому онъ не можетъ разлучить себя съ ея предметомъ. И стоитъ оно, страданіе, передъ нимъ, неотразимое, непобѣдимое, человѣку нужное, человѣка давящее. Раскольниковъ въ лицѣ Сони поклонился не ей, а всему страданію человѣческому,— Достоевскій не хочетъ ему кланяться умиленнымъ поклономъ: онъ мститъ ему японской местью, онъ съ открытой грудью идетъ ему навстрѣчу,—и впиваются змѣи въ эту грудь, и не щадитъ ни себя, ни близкихъ новый Лаокоонъ.

Оттого на всемъ его творчествѣ и лежитъ глубокій отпечатокъ двойственности и разлада. Достоевскій порождаетъ въ читателѣ нестерпимую жалость, отъ которой разрывается сердце; онъ съ неотразимой человѣчностью рисуетъ бѣдныхъ людей, забитыя души, униженныхъ и оскорбленныхъ; и эта оторвавшаяся пуговица на вицмундирѣ Макара Дѣвушкина, и эта нужда безпросвѣтная, одуряющая, безнадежная, эти жалкія, оскорбительныя жилища, оскорбительныя для человѣческой души, которая должна въ нихъ дышать; этотъ старикъ Смитъ со своей внучкой Нелли, со своей собакой Азоркой, голодные, холодные, обиженные; эта дѣвушка Оля изъ „Подростка", которая повѣсилась отъ недовѣрія къ міру, къ обманывающимъ людямъ, и которую мать все же ищетъ по улицамъ, робко всматриваясь въ проходящихъ дѣвушекъ,—не случится ли чудо, не воскреснетъ ли дочь; эта драдедамовая шаль Сони Мармеладовой,—все это составляло бы уже предѣльную грань и человѣческаго несчастія, и состраданія къ нему, если бы за нею не виднѣлись еще излюбленные „маленькіе герои" Достоевскаго— страдающія дѣти, тѣ, кто по преимуществу не долженъ бы страдать, тѣ, „черезъ кого душа лѣчится".

Не шалящія, неслышныя дѣти, тихо удивившіяся горестной жизни и такъ оставшіяся безмолвно удивленными; этотъ мальчикъ, затравленный собаками; эта дѣвочка, которая жестомъ взрослаго отчаянія ломаетъ себѣ руки, та самая, на чьемъ страданіи

Иванъ Карамазовъ не хотѣлъ бы построить грядущаго счастія вселенной; эта дѣвочка-проститутка, которую видѣлъ Достоевскій въ Лондонѣ и которая приснилась Свидригайлову въ его предсмертномъ кошмарѣ; эти стоптанные старенькіе сапожки съ заплатками умершаго мальчика Илюши Снегирева, — ихъ увидѣвъ передъ опустѣвшей постелькой, отецъ такъ и бросился къ нимъ, сапожкамъ безъ ножекъ, палъ на колѣни, схватилъ одинъ сапожокъ и, прильнувъ къ нему губами, началъ жадно цѣловать его, выкрикивая: „батюшка, Илюшечка, милый батюшка, ножки-то твои гдѣ“; этотъ другой мальчикъ, который утопился, потому что онъ разбилъ фарфоровую лампу, но прежде чѣмъ броситься въ воду, заглядѣлся на ежика въ рукахъ у дѣвочки; и этотъ мальчикъ, замерзающій у Христа на елкѣ; и эта дѣвочка, на глазахъ у которой вѣшается мать, не выдержавшая истязаній мужа, и которая говоритъ ей: „мама, на кого ты давишься?“; и другіе, и еще другіе, и безъ конца, и въ ужасающемъ разнообразіи—все это страдающее безъ вины, наказанное безъ преступленія причиняетъ читателю почти физическую, острую боль, отъ которой излѣчишься только слезами, и больше чѣмъ всѣ писатели, собралъ Достоевскій горькую дань человѣческихъ слезъ...

Однако онъ не щадитъ не только сострадающаго, но и самого страдальца. Онъ заставляетъ его бередить свои раны, растравлять свою душевную скорбь. Онъ свою человѣчность всегда обращаетъ острымъ концомъ. Онъ любитъ показывать, какъ люди, переживъ глубокое униженіе и обиду, съ мучительнымъ наслажденіемъ, съ какою-то подлостью лелѣютъ ихъ и еще сильнѣе, еще сосредоточеннѣе терзаютъ себя или прикрываютъ свою боль шутовствомъ. Какъ они говорятъ!... „Чрезвычайная минута судьбы моей”.. „утолить благородное нетерпѣніе благороднѣйшихъ литературныхъ чувствъ вашего превосходительства”. Достоевскій много вниманія отдалъ человѣку-шуту и выискиваетъ въ каждомъ черты презрительнаго Терсита, или ростовщика, или палача, и въ этихъ поискахъ забирается въ самые сокровенные изгибы чужого духа. Онъ пьянаго чиновника Мармеладова написалъ такъ, что Мармеладовъ отказался бы отъ его и нашего сочувствія, лишь бы онъ его не трогалъ, не обнажалъ, не заглядывалъ ему въ сердце съ такимъ проникновеніемъ и съ такимъ дерзновеніемъ, на которое человѣкъ по отношенію къ человѣку не имѣетъ права. Развѣ можно такъ нецѣло мудренно выворачивать чью бы то ни было душу? И въ томъ, кто, не щадя стыда и наготы своего брата,

осмѣливается на это, развѣ можно провести границу между его любовью и его злобой? И вообще, проститъ ли человѣчество Достоевскому то, что онъ такъ осквернилъ человѣка?...

Онъ такъ несчастенъ въ своей прозорливости, что не въ силахъ себѣ представить, какъ можно любить ближняго. Для любви ему необходимо разстояніе. Каждый для него облеченъ въ тайну, которую писатель, на горе себѣ, прозрѣваетъ. Въ жизни и въ душѣ всякаго, въ біографіи и помыслахъ, гдѣ-то въ тайникахъ сознанія, есть дурное, постыдное, какой-то нетопырь, который вылетаетъ по ночамъ. Въ каждомъ есть секретъ, происходитъ моральное раздвоеніе, за каждымъ слѣдуетъ его двойникъ, и міръ содрогнулся бы, если бы люди всецѣло раскрыли свое существо. И вотъ, прежде всего замѣчая это нравственное подполье, зоркій свидѣтель мрака, какъ могъ Достоевскій въ одной любви и любовномъ умиленіи растворить свою грѣхами изборожденную и грѣха взыскующую душу? Онъ хотѣлъ бы и самъ быть уже и болѣе узкими видѣть другихъ. Его угнетала человѣческая широта (особенно въ русской натурѣ подмѣчалъ онъ это свойство), та трагическая широта, при которой въ одномъ лицѣ совмѣщаются идеалъ Мадонны и идеалъ Содома, которая даетъ подняться на свѣтозарныя вершины, гдѣ сіяетъ чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ, и оттуда сразу, насмѣшливо и грубо, низвергаетъ въ бездну, гдѣ любовно, родственнымъ объятіемъ обнимаютъ человѣка отвратительные гады и торжествуетъ надъ нимъ природа извратившаяся, пошедшая противъ самой себя, естество, ставшее противоестественнымъ,—потому что вѣдь нашъ авторъ-инквизиторъ думаетъ именно о Содомѣ: не легкая или радостная чувственность горитъ въ крови Свидригайлова или Ставрогина, не ликованіе молодого тѣла слышится въ нихъ, а зловѣще вспыхиваетъ „разожженный уголекъ". Для Достоевскаго огонь сладострастія не былъ угасимъ, для него оно было геенна огненная, зажженная діаволами и, быть можетъ, больше, чѣмъ для кого бы то ни было, уготованная для него самого. O Wollust! o Hölle! — восклицалъ и Шопенгауэръ...

Святыня и Содомъ, это — самое яркое, но не единственное противорѣчіе въ душѣ. Она вообще антиномична по самому существу своему. Она отъ вѣка безумна, она беззаконна и безсмыслена, и великая ирраціональность проникаетъ всю жизнь. Въ мертвомъ домѣ зналъ Достоевскій человѣка, который въ Катеринин день ходилъ служить панихиду по своей, имъ же убитой женѣ.

„Дѣйствительность невѣроятна“, правда неправдоподобна. Властвуетъ абсурдъ, и смѣшны тѣ, кто логиченъ и изъ логики хотѣлъ бы построить міръ. Такой геніальный психологъ, Достоевскій часто смѣялся надъ всякими попытками приводить душу въ систему, и для него психологію разбиваетъ психика. Прихотливы стремленія души. И любы ей эпизоды. Въ своемъ анархизмѣ и безуміи, въ своей экстравагантности, она вовсе не потворствуетъ, напримѣръ, инстинкту самосохраненія, и человѣкъ любитъ дѣлать себѣ на зло, любитъ ужасъ, боль, оскорбленіе; изо всей силы онъ придавитъ себѣ палецъ дверью (Лиза изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“), не хочетъ покоя и безмятежнаго дыханія, хочетъ смерти, и каждый — потенціальный самоубійца (ихъ много показалъ Достоевскій!).

Можетъ быть, вся жизнь не что иное, какъ борьба съ инстинктомъ самоуничтоженія, не что иное, какъ уклоненіе отъ самоубійства. Вообще, прямое и правое создано не для человѣка, и онъ, въ глазахъ нашего автора, — прирожденный преступникъ, и самыя сочиненія Достоевскаго — какія-то эринніи, которыхъ онъ выпустилъ изъ преисподней и которыя своими окровавленными бичами настигаютъ въ ужасѣ бѣгущаго отъ нихъ злодѣя.

Это невѣрно, будто въ началѣ міра былъ невиненъ человѣкъ и только потомъ его столкнули въ пропасть грѣха.

На самомъ дѣлѣ преступное искони таится и бродитъ въ глубинѣ нашего духа. Внутренній преступникъ, Раскольниковъ, съ топоромъ въ трепещущихъ рукахъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ душной ночи, ждетъ, безпощадно ждетъ удобнаго мгновенія, чтобы совершить свое кровавое дѣло. И самый рокъ нашъ состоитъ въ томъ, что мы встрѣчаемъ на своей дорогѣ того, надъ кѣмъ разразится наша преступность. Мы сами не знаемъ, какъ мы страшны и какое преступленіе держимъ въ себѣ наготовѣ. И это не только потому, что роковое сплетеніе жизненныхъ обстоятельствъ можетъ легко разорвать паутину нашей призрачной праведности, какъ это было съ бѣлокурой дѣвушкою гетевской трагедіи, но и потому, что надъ нами вообще тяготѣютъ чары зла, обаяніе преступности.

Несчастные обитатели мертваго дома, это—далеко не худшіе изъ насъ. Они случайно отброшены въ сторону отъ жизни, въ темь и тоску своихъ рудниковъ, — но мы не должны зарекаться отъ неволи и гордиться своей временной свободой. Ибо удавъ зла смотритъ на насъ околдовывающими глазами, и бездна преступле-

нія тянетъ насъ съ высокой башни къ себѣ, и кружится у насъ голова.

Этотъ *соблазнъ* Достоевскій показалъ съ силой, никѣмъ не превзойденной, и явно изъ его страницъ, какъ смирный дѣлается преступнымъ.

Въ особенности тревожила его проблема убійства. Какъ много крови въ его произведеніяхъ, сколько смертей! На первый взглядъ можно подумать, что это странное любопытство къ убійству не поднимается у него надъ плоскостью уголовнаго романа; но скоро вы приходите къ другому выводу — страшному въ своей правильности: Достоевскій какъ будто увѣренъ, что всякій долженъ не только дать кому-нибудь жизнь, но и кого-нибудь убить. Каждый — убійца не случайно, а въ силу внутренней необходимости. Убійство, это — лишь продолженіе и психологически-естественное завершеніе нашей вражды, нашего своекорыстія, нашей злобы. Взгляды и помыслы убійственны у всѣхъ, и, значитъ, всѣ способны на пролитіе крови. Мы не случайно убиваемъ, а случайно не убиваемъ.

Вопросъ о томъ, кто убилъ, громко звучитъ на страницахъ Достоевскаго, и съ особенной настойчивостью возвращается писатель къ убійству отца.

Пусть возмущаетъ его рѣчь защитника Димитрія Карамазова, но въ глубинѣ души онъ знаетъ, что въ убіеніи отца есть какая-то мистическая необходимость. Рождающій, дающій жизнь отнимаетъ ее этимъ у себя. Дѣти — убійцы.

Опять-таки не въ томъ главное, будетъ ли реально завершена эта внутренняя склонность къ убійству или нѣтъ, — трагическая сущность остается одинаковой.

Интересно, что эта страшная проблема убійства отца давно уже знакома русской литературѣ, и Достоевскій своеобразно наслѣдуетъ здѣсь Пушкину. Развѣ Скупой рыцарь, пожаловавшійся герцогу, что сынъ покушался его убить, оклеветалъ Альбера? Вѣдь послѣдній, дѣйствительно, не только хотѣлъ, страстно хотѣлъ смерти отца и торопилъ ее въ помыслахъ, но своимъ появленіемъ и своими словами у герцога и вправду убилъ старика. Оказался правымъ отецъ, и это глубоко-символично. Такъ и у Достоевскаго: мало того, что Димитрій только случайно не убилъ своего отца,— вѣдь и фактически убилъ стараго Карамазова его сынъ: былъ же сыномъ ему убившій его Смердяковъ. Такъ въ таинственную

глубину, въ общій трагическій смыслъ претворяетъ Достоевскій уголовное.

Преступное служитъ для него только самымъ яркимъ проявленіемъ человѣческой способности къ протесту и своеволію. Преступное слабѣе или сильнѣе въ насъ соотвѣтственно тому, насколько проникаетъ нашу жизнь душевная смѣлость. Изъ послушанія и дерзновенія сотворенъ человѣкъ.

Въ этомъ именно смыслѣ произвелъ надъ собою потрясающее испытаніе Раскольниковъ и не выдержалъ его, — не совѣсть мучила убійцу, а то, что онъ теоретизировалъ свое преступленіе, размышлялъ о немъ и этимъ обнаружилъ въ себѣ робость, этимъ оказался далекъ отъ своего идеала — отъ неразсуждающаго Наполеона. Да и каждый вообще измѣритъ себя только въ томъ случаѣ, если онъ пойметъ, гдѣ кончается его повиновеніе и гдѣ начинается его дерзновеніе.

Это всю жизнь мучило Достоевскаго, и не напрасно великій дерзкій нашего времени, Фридрихъ Ницше, такъ поклонялся творцу „Преступленія и наказанія“ и больше всего чтилъ его за это пониманіе человѣческой дерзновенности, которая создаетъ и Прометея, и преступника.

Такъ всю жизнь зіяла передъ нашимъ писателемъ бездна противорѣчій, сомнѣній и ужаса, разыгрывался міръ, какъ нѣкій „діаволовъ водевиль“, и онъ изнемогалъ подъ этой тяжестью, потому что нѣтъ вѣдь большей муки, чѣмъ понимать человѣка такъ, какъ понималъ его Достоевскій. Всю жизнь безъ иллюзій, безъ возвышающаго обмана созерцать подполье, „огорошивать Шиллера“ и чувствовать неотразимую власть тьмы, которая не можетъ быть разсѣяна никакими внѣшними лучами, которую надо побѣдить только напряженіемъ собственнаго нравственнаго существа; еще до смерти познать адъ и проводить въ немъ свою духовную жизнь, глядѣть въ лицо Медузѣ и не окаменѣть, не застыть въ страданіи, а вѣчно трепетать и корчиться отъ боли, ужасать людей и изъ этой пропасти поднимать руки ко Христу — именно это и было суждено Достоевскому.

Пушкинъ тоже хотѣлъ жить, чтобы мыслить и страдать; но его страданіе было запечатлѣно свѣтлостью, которой не пришлось испытать Достоевскому, рыцарю чернаго духа, страстотерпцу черной болѣзни. И это важно, и это трогательно, что всю свою жизнь тяготѣлъ онъ къ Пушкину, хранилъ къ нему благоговѣйное

чувство и, самъ изнывая отъ внутреннихъ дисгармоній, молился на его цѣломудріе, на дивную гармоничность его красоты.

Къ ногамъ Татьяны склонилъ онъ свою повинную, преступную голову и въ пушкинскихъ геояхъ увидѣлъ ту всечеловѣчность, которую приписывалъ всей Россіи, считая Россію категоріей міровой. „Несчастный скиталецъ“, „историческій русскій страдалецъ”, который не примиряется на меньшемъ, чѣмъ счастіе всѣхъ людей, и ради этого большого будущаго счастія приноситъ въ жертву свою собственную скромную радость, всю свою маленькую жизнь, — этотъ герой безкорыстія примирилъ Достоевскаго съ нигилистомъ, и, можетъ быть, послѣ знаменитой рѣчи его на пушкинскомъ праздненствѣ именно тѣ юноши плакали отъ волненія и падали въ обморокъ, именно тѣ дѣвушки цѣловали ему руки, которымъ онъ же объяснилъ, въ чемъ заключается высшій смыслъ ихъ служенія и страданія. Вотъ страданіе, это и есть то, что нужно Достоевскому, и когда приближался къ нему человѣкъ измученный, тогда ужъ онъ не спрашивалъ о его міровоззрѣніи, о его политическихъ взглядахъ,—тогда рисовалъ онъ и нигилизмъ въ тонахъ сочувствія и пониманія.

Онъ вообще не Лѣсковъ, онъ и въ смѣшномъ Лебезятниковѣ, поборникѣ коммуны, подмѣтитъ благородное. Или вспомните жену Шатова и всѣ эти нестерпимо-жалостныя, угнетающія, но полныя ласки и участія страницы, гдѣ описано ея возвращеніе къ мужу и какъ она, уже для Достоевскаго не нигилистка, а просто бѣдная странница и страдалица, все повторяетъ: „охъ, устала!.. охъ, только я устала!”—и видятся за нею, и слышатся за этими восклицаніями долгія человѣческія дороги, женская обида и невыплаканныя слезы...

Отъ своихъ и чужихъ страданій, отъ своей безумной любви къ страданію Достоевскій искалъ спасенія въ Богѣ, и онъ страстно о Немъ говорилъ, глубоко его доказывалъ, — но сквозь всѣ эти убѣжденныя рѣчи все же чуется незаглушенная тревога, мучительная, отчаянная, — тревога о томъ, что, можетъ быть, Бога и нѣтъ; можетъ быть, вѣчность представляетъ собою лишь нѣчто въ родѣ предбанника съ затканными паутиной стѣнами...

Впрочемъ, Достоевскій, какъ религіозный мыслитель, требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, — не здѣсь, гдѣ намѣчаются лишь самые общіе контуры его души.

Скажемъ одно: если и сомнительно, нашелъ ли онъ самъ Бога и успокоился на Немъ, рѣшилъ ли онъ для себя вѣковѣчный вопросъ Теодицеи, подавилъ ли въ себѣ бунтъ Ивана Карамазова

и призналъ, что зло заслужено, что всѣ виноваты за все и даже „дите" не страдаетъ безвинно; если вопреки общепринятому взгляду позволительно думать, что Достоевскій, больше, чѣмъ кто бы то ни было, знавшій, что можно сказать противъ Бога, уже поэтому одному—великій атеистъ, не христіанинъ, а именно антихристъ,— то ужъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что чужую вѣру, чужое благочестіе и умиленіе онъ понималъ глубоко и бережно входилъ въ душу вѣрующую.

Ему понятно было и „касаніе мірамъ инымъ" и то благоволеніе, которое посылаетъ этому, нашему, міру человѣкъ примиренный и просвѣтленный.

И такой Божьей и человѣческой красотою вѣетъ отъ этихъ словъ Макара Ивановича: „Травка растетъ — расти, травка Божья; птичка поетъ — пой, птичка, тоже; ребеночекъ у женщины на рукахъ пискнулъ — Господъ съ тобою, маленькій человѣчекъ, расти на счастіе, младенчикъ".

Всепобѣждающая любовь осѣняла своимъ крыломъ и автора „Бѣсовъ".

И это онъ далъ глубокое опредѣленіе, что „адъ есть страданіе о томъ, что нельзя уже больше любить".

Такому аду праведникъ Зосима никогда не будетъ подверженъ, и вотъ именно эта неизсякаемость любви дѣлаетъ образъ благодушнаго старца едва ли не самой чистой и примирительной звѣздою на темномъ горизонтѣ Достоевскаго, на этомъ „черномъ какъ будто тушью залитомъ куполѣ петербургскаго неба".

Зосима-Достоевскій понялъ, что такое Богъ для людей: Богъ, это — великій собесѣдникъ. Всѣ заняты, всѣ спѣшатъ, каждому некогда, — но вотъ есть въ мірѣ Существо, у котораго есть для всѣхъ время и вниманіе и которому каждая „вѣрующая баба" и послѣдній поденщикъ на землѣ можетъ повѣдать свое горе, принести свои слезы и заботы и все разсказать. Есть нѣкто, кто всегда слушаетъ, и уже за это почіетъ на немъ благословеніе человѣчества. Пусть и не помогаетъ Онъ, но среди мірского равнодушія и уединенности безмѣрно и то благодѣяніе, что онъ — всеобщій собесѣдникъ, и какъ много уже выслушалъ Онъ на своемъ долгомъ вѣку!

Это великое вниманіе Божества, никогда не заполнимое, никогда не устающее, и выражаетъ собою, въ возможной, человѣческой степени старецъ Зосима, и за это къ нему стекаются толпы недужныхъ и страдающихъ людей, матери осиротѣлыя, ма-

тери бездѣтныя, кликуши несчастныя, и каждой онъ говоритъ участливо: ты съ чѣмъ, родненькая? Онъ не творитъ чудесъ, — но развѣ они нужны? Развѣ недостаточно того, что эта крестьянка съ горящими глазами, видимо, преступница, довѣрчиво подходитъ къ нему — и „постой, сказалъ старецъ, и приблизилъ ухо свое прямо къ ея губамъ“?

Приблизилъ ухо свое и Достоевскій ко всему страданію и ко всему преступленію міра, но отозвались они въ душѣ не покойной и мирной, какъ у Зосимы. Къ ней онъ только съ мукой и страстью тяготѣлъ, но самая жизнь его сложилась не такъ, чтобы онъ могъ взойти на высоту всепрощенія и кротости. Синтеза въ немъ не произошло, не исцѣлилась его растерзанная душа.

Тусклое, сѣрое, однообразное дѣтство подъ эгидой требовательнаго отца, который слишкомъ тяжело и серьезно переносилъ жизнь; больничный садъ, гдѣ первыми собесѣдниками ребенка явились больные; ненавистная школа, крѣпость, позорный столбъ, ожиданіе казни, наступающей съ минуты на минуту, каторга, недугъ, нужда, смерть жены, смерть ребенка — таковы впечатлѣнія, которыя приняло его впечатлительное сердце. Могло ли оно создать другія произведенія, чѣмъ тѣ, какія лежатъ передъ нами,—произведенія ночныя и надломленныя, отбросившія огромную тѣнь на все пространство русской словесности?

Тяжкой поступью, съ блѣднымъ лицомъ и горящимъ взглядомъ прошелъ этотъ великій каторжникъ, бряцая цѣпями, по нашей литературѣ, и до сихъ поръ она не можетъ опомниться и прійти въ себя отъ его изступленнаго шествія. Какіе-то еще не разобранные сигналы показалъ онъ на вершинахъ русскаго самосознанія, какія-то вѣщія и зловѣщія слова произнесъ онъ своими опаленными устами, и мы ихъ теперь безъ него разгадываемъ. И гнетущей загадкой встаетъ онъ передъ нами, какъ олицетворенная боль, какъ черное солнце страданія. Были доступны ему глубокія мистеріи человѣческаго, и не случайное явленіе, не временный пугающій миражъ представляетъ онъ собою, а неизбывную категорію души, такъ что каждая душа должна переболѣть Достоевскимъ и, если можно, его преодолѣть. Трудно это подвижничество, потому что самъ онъ былъ какъ живая Божественная Комедія; въ ней же нѣтъ сильнѣе и страшнѣе — Ада.

Ю. Айхенвальдъ.

Достоевскій, какъ художникъ и публицистъ.

(КРУГЪ ЕГО ЗРѢНІЯ И ИДЕЙ).

Имя Достоевскаго упоминается, обыкновенно, на ряду съ именами Толстого, Тургенева, Гончарова, и никто, я думаю, не станетъ отрицать за нимъ права быть поставленнымъ въ первыхъ рядахъ „стаи славной“ беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Но если и возможно считать Достоевскаго съ его сверстниками съ точки зрѣнія мѣста, времени, силы таланта и общности „литературнаго происхожденія“ отъ Гоголя, то подобное сближеніе очень трудно и потребуетъ самыхъ замысловатыхъ натяжекъ, разъ мы перейдемъ къ духу, смыслу и формѣ произведеній.

Всѣмъ этимъ Достоевскій уже обязанъ преимущественно себѣ и страннымъ обстоятельствамъ своей личной жизни.

Это — его неотъемлемая собственность, въ которой ярко выразилась его рѣзко очерченная индивидуальность, его болѣзненный психопатическій геній, оригинальность его мышленія и фантазіи, не имѣющая ничего подобнаго и равнаго въ русской литературѣ.

Положительно трудно не согласиться съ словами Н. Н. Страхова изъ его письма къ Достоевскому: „очевидно, *по содержанію, по обилію и разнообразію идей вы — у насъ первый человѣкъ*, и самъ Толстой, сравнительно съ вами, однообразенъ. Этому не противорѣчитъ то, что на всемъ вашемъ лежитъ особенный и рѣзкій колоритъ“.

Въ чемъ же эта, всѣми замѣченная, но никѣмъ вполнѣ ясно не формулированная особенность всей жизни и всей дѣятельности Достоевскаго?

Кой-какія параллели дадутъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ произведеніяхъ Гончарова и, въ особенности Тургенева, вамъ прежде всего бросается въ глаза удивительная отдѣлка формы. Все вызолочено, вылощено, отлакировано, отполировано, каждое слово на своемъ мѣстѣ, каждая фраза не только закруглена, но и отшлифована. Ни одной лишней, ненужной подробности, ни одной страницы, въ которой было бы замѣтно утомленіе или неровность таланта. Каждое произведеніе такъ и просится въ переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ. Каждая фигура, каждая, даже мимолетно появляющаяся на сцену личность у Тургенева — точно

изъ мрамора выточена: ни прибавить, ни убавить нельзя ничего. Видно, что это десятки разъ обдумывалось и передумывалось, писалось и переписывалось и только потомъ уже давалось публикѣ на прочтеніе, съ полной увѣренностью въ успѣхѣ, безъ всякой торопливости, безъ всякихъ занскиваній. Хорошо такъ работать, и счастливъ тотъ художникъ, который можетъ такъ работать. Но для этого нужны, прежде всего, средства и выдержка, внутренняя дисциплина.

Ни того, ни другого у Достоевскаго не было.

Во всю свою жизнь только двѣ вещи онъ написалъ не на спѣхъ и не къ сроку. Это—„Бѣдные люди"—первый его романъ и „Братья Карамазовы"—послѣдній.

Все остальное писалось столько же изъ потребности, сколько и изъ-за заработка, когда, бывало, и ѣсть нечего, и самъ Достоевскій по уши въ долгахъ сидитъ въ Сибири или за границей.

Оттого-то, за весьма малыми исключеніями, у Достоевскаго нѣтъ ничего выдержаннаго, обработаннаго. Иногда цѣлая сотня страницъ производитъ впечатлѣніе какого-то набора словъ, и только вдругъ, въ концѣ, геній, преодолѣвъ усталость, проявляется во всю мощь, точно молнія прорѣзываетъ тучи и освѣщаетъ всю картину фантастическимъ, дивнымъ блескомъ. Обыкновенно же—это тысячи ненужныхъ подробностей, десятки отдѣльныхъ интригъ, нагроможденныхъ другъ на друга, частыя перемѣны темъ, внезапныя появленія новыхъ героевъ и героинь. Все это на спѣхъ, наскоро, съ патугами и порывами, кризисами творчества, молніеносными проблесками генія и удручающимъ вымучиваніемъ. Но иначе было нельзя: копить деньги Достоевскій не умѣлъ и зачастую запродавалъ, вмѣсто романа, бѣлый листъ бумаги, при чемъ „мошенники издатели" огораживали свои интересы разными неустойками. Разверните переписку Достоевскаго, вѣдь это одинъ и тотъ же мотивъ: „денегъ, денегъ, денегъ", и мало-мальски чувствующій и смыслящій человѣкъ пойметъ, какая трагедія разыгрывалась въ душѣ великаго писателя, которому къ такому-то сроку непремѣнно надо приготовить такое-то количество листовъ. Разъ попавши въ лапы гг. Краевскихъ, Стелловскихъ, Достоевскій только подъ конецъ жизни вырвался изъ нихъ. Какой же силы долженъ былъ быть талантъ, успѣвшій проявить себя во всю мощь, несмотря на нищету, каторгу, падучую и рѣзкіе признаки, если и не помраченія, то, во всякомъ случаѣ, психопатизма, по нашему — истеричности?...

Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ писали и пишутъ, потому что у нихъ была потребность писать, такая же неотразимая, „органическая", какъ у другихъ ѣсть, пить, спать. Литература для нихъ—главное дѣло жизни, но не будь у нихъ таланта, они преспокойно прожили бы и безъ нея. Пишу потому, что хочется писать. Это завидная участь. Для Достоевскаго литературная дѣятельность была столько же потребностью, сколько и необходимостью. Онъ самъ себя не разъ называлъ литературнымъ пролетаріемъ и называлъ совершенно основательно, хотя успѣхъ и удача пріобрѣтались имъ сравнительно легко. Какъ ни великъ былъ его геній, спѣшка портила дѣло, коверкала его и терзала великую писательскую душу, заставляя, то со злобой, то съ отчаяніемъ повторять: „эхъ, кабы хоть одинъ романъ написать такъ, какъ пишутъ Тургеневы да Толстые"... А сколько униженій, сколько невидныхъ самолюбивыхъ мукъ, сколько зависти и ревности къ другимъ, болѣе счастливымъ, которымъ отъ рожденія дано то, чего ему, Достоевскому, удалось достичь лишь трудомъ цѣлой жизни, т. е. матеріальнаго обезпеченія. Приходилось выпрашивать и вымаливать авансы, сотни, десятки рублей, выслушивать упреки за несвоевременную доставку заказовъ, писать, несмотря на припадки, и пр. Жизнь Достоевскаго—это полная трагизма борьба генія съ рынкомъ...

Но, вмѣстѣ съ этимъ, Достоевскій до страсти любилъ литературу и внѣ ея не искалъ ни заработковъ, ни занятій. Онъ съ гордостью называлъ себя литераторомъ, хотя и нищимъ литераторомъ, и даже обижался, когда ему предлагали занять какую-нибудь казенную должность или что-нибудь въ этомъ родѣ. Только по временамъ срывались у него невольныя проклятія, когда нужда слишкомъ ужъ начала давить, но и тутъ онъ твердо оставался на посту. Вотъ любопытный отрывокъ изъ одного письма, достаточно характеризующій эту душевную трагедію литературнаго пролетарія. Дѣло въ томъ, что Каширевъ, редакторъ „Зари", не выслалъ ему къ сроку 75 р. Достоевскій разражается слѣдующими строками: „Неужели онъ думаетъ, что я писалъ ему о своей нуждѣ только для красоты слога. Какъ могу я писать, когда я голоденъ, когда я, чтобы достать два талера на телеграмму, штаны заложилъ. Да чортъ со мной и съ моимъ голодомъ. Но, вѣдь, моя жена кормитъ ребенка, что жъ, если она послѣднюю свою шерстяную юбку идетъ сама закладывать. А, вѣдь, у насъ второй снѣгъ идетъ, не вру справьтесь въ газетахъ,—вѣдь она простудиться можетъ. Неужели онъ не можетъ понять, что мнѣ стыдно объяснять

ему все это. Да неужели же онъ не понимаетъ, что онъ не только меня, но и жену мою оскорбилъ обращаясь со мной такъ небрежно, послѣ того, какъ я писалъ ему о нуждахъ жены. Оскорбилъ, оскорбилъ...—Онъ скажетъ, можетъ быть; „а чортъ съ нимъ и съ его нуждой. Онъ долженъ просить, а не требовать" и т. д. И такую вещь приходится писать автору „Бѣдныхъ людей", „Записокъ изъ Мертваго дома", „Преступленія и наказанія"... Фразы же, въ родѣ—„я до того заработался, что отупѣлъ, и голова какъ забитая"—повторяются постоянно.

И все Достоевскій не только не оставлялъ, но даже и не думалъ оставить своей литературной лямки.

Оставимъ однако борьбу съ рынкомъ и перейдемъ къ другой сторонѣ вопроса. „Ловкій французъ или нѣмецъ, — писалъ Н. Н. Страховъ къ Достоевскому,—имѣй онъ десятую долю вашего содержанія, прославился бы на оба полушарія и вошелъ бы первостепеннымъ свѣтиломъ въ исторію всемірной литературы. И весь секретъ, мнѣ кажется, въ томъ, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вмѣсто двадцати образовъ и сотни сценъ остановиться на одномъ образѣ и десяткѣ сценъ".

Этотъ совершенно вѣрно указанный недостатокъ—такъ какъ сущность литературнаго таланта въ томъ и состоитъ, чтобы съ наименьшими затратами выраженій, въ широкомъ смыслѣ слова, произвести наибольшее впечатлѣніе на читателей — происходитъ отчасти отъ спѣшки въ работѣ, отчасти и отъ другихъ причинъ. Дѣло въ томъ, что талантъ Достоевскаго,—талантъ совсѣмъ особенный, исключительный. Владѣть имъ онъ такъ и не научился до конца жизни. Это талантъ *неровный, вспыльчивый, раздражительный, до послѣдней степени нервный и капризный.*

Чтобы написать простое письмо, Достоевскому нужно было вдохновеніе, иначе у него и двухъ строкъ не выходило. Свои темы онъ бралъ сразу, приступомъ, однимъ размахомъ рисовалъ самые сложные свои типы, напр., Ив. Карамазовъ, Раскольниковъ, Свидригайловъ, а не подбирался къ нимъ исподтишка, понемногу. Великій мастеръ въ психологическомъ анализѣ, Достоевскій совсѣмъ не былъ мастеромъ въ детальной живописи. Онъ не могъ такъ возиться, такъ разглядывать по частямъ своихъ героевъ, какъ Толстой, не умѣлъ такъ вырисовывать ихъ, какъ Тургеневъ, но онъ, какъ никто, умѣлъ жить съ ними, мучиться и волноваться. Созерцательности въ немъ не было ни на іоту, оттого-то творчество такъ истощало его. Въ то время, какъ Гончаровъ смотритъ

на жизнь удивительно сытымъ взглядомъ. *Достоевскій—весь нервы, весь напряженіе, весь мука и томленіе.* Когда Толстой стоитъ передъ вами, вперивъ свой испытующій геніальный взлядъ въ самую глубину души человѣческой, творя судъ надъ правымъ и неправымъ съ медлительностью все испытавшаго и все постигшаго генія, Достоевскій или проклинаетъ, или благословляетъ, съ любовью или съ ненавистью, но всегда со страстью. Отсюда эта *страстность, нервность таланта, это вѣчное клокотаніе въ груди, мучительно любящей, мучительно ненавидящей.*

Повидимому, виноватъ въ этомъ личный, по наслѣдству полученный Достоевскимъ, характеръ его, какъ сейчасъ увидимъ, истеричность, а потомъ и еще одно обстоятельство.

Въ то время, какъ большинство беллетристовъ 40-хъ годовъ, будучи выходцами изъ деревень, принадлежатъ къ рыхлому помѣщичьему типу, Достоевскій является *представителемъ разночиннаго, служилаго класса общества, холерически нервнымъ сыномъ города,* а во-вторыхъ, въ то время, какъ большинство ихъ были люди обезпеченные, Достоевскій одинъ среди нихъ принадлежалъ къ вновь возникшему классу *интеллигентнаго пролетаріата.*

Этому сыну города, интеллигентному пролетарію всегда разстроенному, ведшему такую упорную, отчаянную борьбу съ жизнью и рынкомъ, некогда было созерцать, смаковать и вырисовывать своихъ героевъ.

Его безпокоитъ жизнь, ея *матеріальная сторона,* ея *нравственныя проблемы.*

Онъ какъ бы сторонится отъ красоты, изящества, наслажденія. Онъ терпѣть не можетъ никакихъ художественныхъ аксессуаровъ. Жизнь — это ужасно серьезная, ужасно трудная, даже жестокая вещь. Гдѣ тутъ цѣловаться да миловаться—или описывать поцѣлуи да милованія. Жизнь—задача, долгъ, обязанность, борьба, наконецъ послѣ которой руки и ноги будутъ въ крови. Поэтому въ произведеніяхъ Достоевскаго вы не найдете ни очаровательныхъ описаній природы, ни захватывающихъ сценъ любви, свиданій, поцѣлуевъ, ни обворожительныхъ женскихъ типовъ.

Все это Достоевскій отрицаетъ въ принципѣ. Въ „Бѣсахъ", въ лицѣ писателя Кармазинова, онъ потѣшался надъ Тургеневымъ за его „страсть изображать, напр., поцѣлуи не такъ, какъ они происходятъ у всего человѣчества, а чтобы кругомъ росъ дрокъ или какая-нибудь другая трава, о которой надо справляться въ ботани-

кѣ, при чемъ и на немъ долженъ быть непремѣнно какой нибудь фіолетовый оттѣнокъ, котораго конечно, никто не видалъ, а дерево, подъ которымъ усѣлась интересная пара, непремѣнно какого-нибудь оранжеваго цвѣта". Этотъ пуризмъ, очевидно, происходилъ отъ слишкомъ серьезнаго, слишкомъ вдумчиваго отношенія къ жизни, которая представлялась Достоевскому, какъ религіозная проблема прежде всего. Все равно, какъ каждаго его героя жизнь прежде всего мучаетъ, такъ она мучила и его самого. Гдѣ тутъ описывать поцѣлуи интересныхъ паръ... Это-то ужъ, несомнѣнно, взглядъ тяжкодума, городского пролетарія на жизнь.

Сынъ города виденъ также и въ выборѣ сюжетовъ. Баре Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ баръ прежде всего и рисовали и, какъ дополненіе къ нимъ, мужика. Третьяго сословія, горожанъ, мѣщанъ, разночинцевъ, они почти не затрагивали, иногда развѣ, преимущественно для ради „опроверженія". Изящнаго общества Достоевскій не зналъ и не выводилъ на сцену въ своихъ произведеніяхъ. *Міръ чиновничества, интеллигенціи, городского пролетаріата—вотъ его сфера.* „Онъ любитъ вводить читателя въ городскіе вертепы, трущобы, гдѣ царятъ нищета и развратъ. Онъ даже, какъ Диккенсъ, проникнутъ ихъ мрачной поэзіей. Не вдаваясь въ описаніе красотъ природы, онъ очень часто развертываетъ передъ читателемъ иного рода ужасающія картины, отъ которыхъ мурашки ползутъ по спинѣ. Это въ особенности Петербургу свойственная картина городскихъ улицъ ночью, въ осеннее ненастье, или зимнюю вьюгу, когда всѣ, у кого есть теплый кровъ, прислушиваются къ завываніямъ бури въ своихъ тепленькихъ уголкахъ, и лишь безпріютныя, обиженныя, сбившіяся со всякаго пути, полуодѣтыя въ жалкія рубища существа крадутся среди грязи, слякоти, холода и мрака, осыпаемыя мокрымъ снѣгомъ, пронизываемыя вѣтромъ и погруженныя въ какія-нибудь полубезумныя грезы".

Къ довершенію всего, т. е. своей особенности, Достоевскій былъ несомнѣннымъ *психопатомъ,* не помѣшаннымъ, говорю я, а психопатомъ, что не то же самое. Въ дѣтствѣ онъ страдалъ галлюцинаціями, потомъ падучей. Но и кромѣ этого, у него были ярко выраженные признаки мнительности и истеричности характера. Что такое мнительность, знаетъ всякій, это мучительное недовѣріе къ себѣ, своимъ силамъ, жизни, это подозрительность въ отношеніи ко всякому, опять-таки начиная съ себя, это боязнь, испуганность передъ жизнью вообще. Что же такое „истерич-

рость", объ этомъ лучше всего скажетъ намъ самъ Достоевскій— величайшій изъ психопатологовъ. Отсылая за подробностями къ Братьямъ Карамазовымъ", я беру характеристику исторической атуры въ изложеніи д-ра Чижа: это „неустойчивое равновѣсіе психическихъ отправленій, чрезмѣрно легкая возбудимость, необыновенно сильная реакція психическаго механизма и быстрая смѣна его возбужденій. Въ характерѣ такого рода больныхъ бросается въ глаза пестрая смѣсь настроеній и аффектовъ, симпатій антипатій, представленій то веселыхъ, то грозныхъ, то серьезныхъ, то низменныхъ, то съ философскимъ пошибомъ, стремленій, олныхъ энергіи, но скоро и пропадающихъ... У этихъ же больныхъ есть и другая замѣчательная черта—самолюбіе. Они самые ивные эгоисты, говорятъ только о себѣ и постоянно, съ самымъ ивымъ интересомъ, стараются обратить на себя общее вниманіе, збудить участіе, заинтересовать всѣхъ своею личностью, своею олѣзнью, даже пороками". Въ этомъ портретѣ трудно не узнать д. Мих. Достоевскаго, его неуравновѣшенную, неровную натуру, олное отсутствіе внутренней дисциплины, капризность, быструю, зпричинную смѣну восторговъ и отчаянія, симпатій и антипатій, райняго увлеченія и холоднаго равнодушія. Страшно за человѣка, торому приходится жизнь прожить съ такимъ характеромъ, а тому же если этотъ человѣкъ талантливъ, бѣденъ, напвенъ, какъ бенокъ...

Литературную дѣятельность Достоевскаго можно грубо разлить *на два періода:* до каторги и послѣ каторги. Первый былъ авнымъ образомъ посвященъ униженнымъ и оскорбленнымъ, человѣческому страданію вообще и протесту противъ него съ точки нія гуманныхъ началъ, выработанныхъ движеніемъ 40-хъ годовъ. Во второмъ періодѣ Достоевскій сосредоточилъ главное свое иманіе на изученіе русскаго *„своеволія"*, которому и посвящены чшіе его романы „Преступленіе и наказаніе", „Бѣсы". „Братья арамазовы".

Опредѣляя свое литературное происхожденіе, онъ говоритъ: всѣ мы вышли изъ Гоголевской „Шинели". Не изъ „Шинели" вышли, нечно, „Преступленіе и наказаніе" или „Братья Карамазовы", но Шинель" могла дать толчокъ къ вдохновенію для „Бѣдныхъ людей", двойника," „Униженныхъ и оскорбленныхъ" и т. д. Важнѣе „Шинели" щее филантропическое настроеніе эпохи, которое заступилось за

права угнетенныхъ, на какой бы ступени общественной лѣстницы они ни находились. Самъ больной несчастный и всю жизнь нищій, Достоевскій такъ глубоко, какъ никто, могъ заглянуть въ эти подполья и чердаки нашей общественной жизни и въ психологію оскорбленнаго, въ которомъ теплится еще искорка собственнаго достоинства. Оскорбленнаго за что? Вотъ вопросъ, который мучаетъ героевъ первой половины его литературной дѣятельности, и этотъ вопросъ задаютъ себѣ одинаково настойчиво и Дѣвушкинъ, и Голядкинъ, и Иванъ Петровичъ, стоя передъ глухой стальной сѣткой общаго равнодушія человѣка къ человѣку. „За что? Развѣ мнѣ нѣтъ мѣста на землѣ? Развѣ крупица счастья не должна бы выпасть и на мою долю?"—робко вообще и смѣло лишь въ припадкахъ сумасшествія, съ тоской безнадежности и взрывами негодованія, съ жгучей ненавистью и съ жгучей любовью къ людямъ спрашиваютъ себя эти замухрышки-чиновники и замухрышки—писатели, у которыхъ лишь изрѣдка достаетъ силы, чтобы совсѣмъ уйти въ подполье и оттуда „мстить" людямъ, но мстить, терзая себя и полосуя свое сердце каждой местью.

Тутъ у Достоевскаго *глубочайшая психологія современнаго человѣка—пролетарія, рвущагося къ жизни и безжалостно отталкиваемаго отъ нея то дворянскими привилегіями, то наглостью сильныхъ, то чьимъ-то стихійнымъ, выростающимъ до фазмьровъ судебъ.*

Но что же дѣлать съ этимъ выпавшимъ на долю униженіемъ, какъ принять его? Какое фантастическое зданіе смиренія, радостно воспринимающаго удары, или же борьбы, свирѣпо разочающей эти удары, надо выстроить, чтобы жить? И каждый романъ Достоевскаго — такое новое зданіе, въ которомъ могъ бы жить живой Богъ человѣка, давая ему отвѣты на всѣ вопросы, разрѣшая всѣ сомнѣнія, обрекая на смиренную любовь или гордое возстаніе. И зданіе все равно какое: съ Богомъ или безъ Него—должно быть воздвигнуто, такъ какъ *убить* человѣка нельзя, такъ какъ въ каждомъ, самомъ большомъ и самомъ маленькомъ, богатомъ и бѣдномъ, вѣчномъ каторжникѣ и выпачканномъ чернилами чинушкѣ — лежитъ одинаковое, священное право на счастье и смыслъ своей жизни.

Какой смыслъ человѣческаго страданія? Есть ли въ немъ смыслъ вообще? Какъ примирить страданіе человѣка съ сострадающимъ Богомъ?—вотъ вопросы, къ которымъ прилѣпился геній Достоевскаго. И первый фактъ, который онъ здѣсь увидѣлъ, это

отъ, что страданіе приводитъ и къ полному паденію, простра-
ии, и къ высочайшей нравственной чистотѣ, къ святости. Паде-
е такъ же влекло его къ себѣ, какъ и святость, быть можетъ,
аже больше. Человѣка въ безднѣ его паденія онъ больше всего
онималъ, больше всего любилъ.

„Какъ ни привлекателенъ міръ красоты, — говоритъ одинъ
ъ его критиковъ—есть нѣчто еще болѣе привлекательное неже-
я онъ: это паденія человѣческой души, странная дисгармонія жи-
ни, далеко заглушающая ея немногіе стройные звуки. Въ фор-
ахъ этой дисгармоніи проходятъ тысячелѣтнія судьбы человѣче-
ва и, если мы посмотримъ на всемірную литературу, мы уви-
мъ, что ничей взоръ въ ней не былъ устремленъ съ такимъ
роникновеніемъ на причины этой дисгармоніи, какъ взоръ писа-
ля, котораго мы разбираемъ (Достоевскаго). Оттого среди всего
оса его произведеній мы ни у кого не найдемъ такой цѣльно-
и и полноты: есть что-то кощунственное въ немъ и вмѣстѣ ре-
гіозное. Онъ не избираетъ ни одной картины въ природѣ, что-
любить ее и возсоздавать; его интересуютъ только швы, кото-
ми стянуты всѣ эти картины, но онъ, холодный аналитикъ, всма-
ивается въ нихъ и хочетъ узнать: *почему весь образъ Божьяго*
ра такъ искаженъ и неправиленъ? И съ этимъ анализомъ онъ
постижимымъ образомъ соединилъ въ себѣ чувство самой горя-
й любви ко всему страдающему. Какъ будто то искаженіе, кото-
е проходитъ по лицу Божьяго міра, особенно глубоко прошло
немъ самомъ, тронуло его внутренній міръ, и, какъ никто дру-
й, онъ ярко почувствовалъ и все страданіе, которое онъ несетъ
себѣ, и приблизился къ пониманію его скрытой сущности. От-
да вытекаетъ глубокая субъективность его произведеній и ихъ
растность: онъ не извнѣ зоветъ насъ пойти и раздѣлить съ нимъ
о интересы, которыми мы можемъ заняться наравнѣ со всякими
угими, его голосъ доходитъ до насъ какъ будто издали, и когда
приближаемся, мы видимъ одинокое и странное существо тамъ,
ѣ никого другого нѣтъ, и онъ говоритъ намъ о нестерпимыхъ
ченіяхъ человѣческой природы, о совершенной невозможности
носить ихъ и о необходимости найти какіе-нибудь пути, чтобы
ь нихъ выйти. Отсюда болѣзненный тонъ всѣхъ его произведе-
, отсутствіе въ нихъ внѣшней гармоніи частей, и міръ неутоли-
го страданія, который онъ открываетъ, переплетенный съ мы-
ю о его непонятныхъ причинахъ, о его непостижимыхъ цѣ-
ъ”.

Чувство *трагическаго* было особенно сильно развито въ Достоевскомъ. Оттого-то, быть-можетъ, центральной осью своихъ произведеній онъ выбиралъ убійство. Здѣсь, въ убійствѣ, онъ видѣлъ самое страшное, извращенное проявленіе измученной человѣческой души, крайній ея протестъ противъ личнаго невыносимаго страданія и крайнее проявленіе ея своеволія. И онъ пристально всматривался въ убійцу, находя въ немъ безконечно униженнаго и безконечно своевольнаго человѣка. Убійца это рабъ (напр., рабство идеѣ у Раскольникова, рабство похоти у Свидригайлова, рабство опять-таки идеѣ у Верховенскаго, рабство въ своемъ соціальномъ положеніи у Смердякова и т. д.), ставшій анархистомъ и въ анархизмѣ своемъ „преступающій черезъ святыню человѣческой личности".

Жизнь — страданіе. Въ ней есть злое начало, дѣлающее это страданіе необходимымъ, искажающее свѣтлый и радостный ликъ Божьяго міра. Но что же дѣлать въ такомъ случаѣ съ стремленіемъ человѣка къ счастью. Что *вначалѣ* Достоевскій сочувствовалъ ему, видѣлъ въ немъ что-то хорошее и милое — это несомнѣнно какъ и то, что онъ *до конца* жалѣлъ несчастныхъ. Но все же онъ пришелъ къ выводу, что страданіе необходимо и что только оно, очищая огнемъ мукъ своихъ душу, доводитъ ее до святости.

Между тѣмъ онъ жилъ въ такое время, когда счастье людей являлось какъ бы основой и стержнемъ стремленій всей русской интеллигенціи. Почти каждый изъ героевъ его произведеній создаетъ свой собственный идеалъ общественнаго и государственнаго устройства, который бы обезпечивалъ человѣческое счастье. Вѣдь это было время, когда каждый считалъ себя какъ бы призваннымъ распоряжаться судьбами государства и народа. Это было время русской народнической революціи. Возьмите Раскольникова. По его теоріи лишніе люди должны быть убраны со сцены. Они, ихъ жизнь и личность простой матеріалъ для постройки зданія. Безконечно высоко надъ ними стоитъ Сверхчеловѣкъ, герой, которому все позволено, даже убійство. Онъ самъ для себя Богъ; отъ себя получаетъ онъ свои велѣнія, онъ имѣетъ право надъ жизнью и смертью другихъ. Еще дальше идетъ полупомѣшанный Кириловъ. Онъ долго искалъ и нашелъ наконецъ своего Бога—*своеволіе*. Этому Богу онъ хочетъ научить людей. „Тогда новая жизнь, — говоритъ онъ Ставрогину, — тогда новый человѣкъ, тогда все новое. Тогда исторію будутъ раздѣлять на двѣ части: отъ гориллы

до уничтоженія Бога и отъ уничтоженія Бога до..." — „До гориллы — съ холодной усмѣшкой подхватываетъ Ставрогинъ". — „До перемѣны земли и человѣка физически" — продолжаетъ Кирилловъ съ невозмутимостью. *„Будетъ Богомъ* человѣкъ и перемѣнится физически. И міръ перемѣнится и дѣла перемѣнятся, и мысли и чувства". Даже педантъ и нелѣпѣйшій изъ нелѣпыхъ Шигалевъ весь въ вопросѣ объ устроеніи человѣческаго счастья. Онъ предлагалъ въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса — раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родѣ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть рядомъ перерожденій первобытной невинности, въ родѣ какъ бы первобытнаго рая, хотя, впрочемъ, и будутъ работать. У Шигалева все разработано и предусмотрѣно... „Онъ выдумалъ равенство — говоритъ про него Верховенскій. — У него хорошо въ тетради, — у него шпіонство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ и всѣ каждому. Всѣ — рабы и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ — клевета и убійство, а, главное, равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ быть деспотами и всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы. Рабы должны быть равны. Безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ Шигалевщина!" Высказывается, наконецъ, и самъ Верховенскій: „Я за Шигалевщину... Слушайте, Ставрогинъ, горы сравнять — хорошая мысль, не смѣшная. Я за Шигалева! Не надо образованія, довольно науки! И безъ науки хватитъ матеріалу на тысячу лѣтъ, но надо устроиться послушанію. Въ мірѣ одного только не достаетъ — послушанія! Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь — вотъ уже жажда собственности. Мы уморимъ желаніе; мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ, мы пустимъ неслыханный развратъ, мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство. Необходимо лишь необходимое, вотъ девизъ земного шара отсель. Но нужна и судорога. Объ этомъ позаботимся мы, правители. У рабовъ должны

быть правители. Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ и судорогу и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга до извѣстной черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе аристократическое; въ Шигалевщинѣ не будетъ желаній"... И т. д.

Достоевскаго не разъ упрекали въ преувеличеніи и даже издѣвательствѣ. Нѣкоторое преувеличеніе, вѣроятно, есть, хотя и трудно судить о неизслѣдованной и неизученной страницѣ исторіи „русской мысли". Намъ, людямъ въ значительной степени не только наученнымъ, но и проученнымъ „опытомъ исторіи", трудно, невозможно даже проникнуть въ то настроеніе. Но вѣдь тутъ было вотъ что прежде всего: ненависть къ барству, ожесточенная и непримиримая, ненависть, требовавшая мести и рядомъ съ этимъ жалость къ массѣ, которая во что бы то ни стало — хочетъ ли она этого или не хочетъ — должна быть возвращена къ первобытной невинности въ родѣ какъ бы въ первобытный рай.

Со всѣми этими проектами соціальнаго преобразованія у Достоевскаго соединялся одинъ величайшій вопросъ: *въ чемъ назначеніе человѣка — въ свободѣ или рабствѣ.* Этотъ вопросъ—ось, вокругъ которой вертятся всѣ его разсужденія. Онъ боится свободы и ненавидитъ рабство. Изъ этого противорѣчія онъ не вышелъ и не могъ выйти. Онъ понималъ, что свободы человѣка не убьешь, что нѣтъ, въ концѣ концовъ, ничего, передъ чѣмъ бы она распростерлась. Во имя своей свободы личность способна не только итти противъ расчета, выгоды, но и противъ самого Бога. Декретировать свою свободу, своеволіе свое, даже въ самой дикой безразсудной формѣ — это потребность, глубочайшая потребность человѣка, хотя бы какъ у Раскольникова или Свидригайлова черезъ убійство, даже черезъ кощунство. Но тутъ, въ своемъ гипостазированіи, личность встрѣчается съ Богомъ, съ идеей Божества. И тутъ-то Достоевскій приходитъ въ ужазъ отъ одиночества человѣка и снова готовъ отдать его подъ только что свергнутое иго совѣсти, страданія, вѣры — словомъ, всего того, что свою дѣйствительную санкцію имѣетъ въ Богѣ. Оттого-то стремящаяся къ неограниченной свободѣ личность человѣка чувствуетъ, что это главное ея препятствіе, главный камень, о который спотыкаются ея вожделѣнія. Оттого-то религіозные вопросы всегда на первомъ планѣ. Возлѣ нихъ *все* вертится и ужъ конечно для Достоевскаго они въ центрѣ бурнаго движенія 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Здѣсь не только о счастьѣ людей идетъ рѣчь, но даже о фи-

зическомъ ихъ перерожденіи, и вотъ Кирилловъ, напр., прямо думаетъ, что научивши людей *своеволію*, онъ тѣмъ самымъ добьется и ихъ физическаго перерожденія. Въ центрѣ всего движенія Богъ, вопросъ о Богѣ, о смыслѣ жизни, и эту самую дорогую, самую серьезную для Достоевскаго мысль чуть-чуть иронически высказываетъ Иванъ Карамазовъ (потому что Достоевскій вообще имѣлъ привычку самыя дорогія, самыя серьезныя для него мысли высказывать чуть-чуть иронически): „другимъ одно,—говоритъ Иванъ,—а намъ, желторотымъ, другое, намъ прежде всего надо предвѣчные вопросы рѣшить. Вся *молодая Россія только лишь о вѣковѣчныхъ вопросахъ и толкуетъ*. Именно теперь, какъ старики, всѣ полѣзли вдругъ практическими вопросами заниматься... Вѣдь русскіе мальчики какъ до сихъ поръ орудуютъ, иные то-есть? Вотъ, напр., здѣшній вонючій трактиръ, вотъ они и сходятся, засѣли въ уголъ. Всю жизнь прежде не знали другъ друга, а выйдутъ изъ трактира, сорокъ лѣтъ опять не будутъ знать другъ друга, — ну и что-же, о чемъ они будутъ разсуждать, пока поймали минутку въ трактирѣ-то?... О міровыхъ вопросахъ, не иначе: есть ли Богъ, есть ли безсмертіе? А которые въ Бога не вѣруютъ, ну, тѣ о соціализмѣ и объ анархизмѣ заговорятъ, о передѣлкѣ всего человѣчества по новому штату, — такъ вѣдь это одинъ же чортъ выйдетъ: *все тѣ же вопросы, только съ другого конца*“. Алеша совсѣмъ согласенъ съ братомъ; „да, — отвѣчаетъ онъ, — настоящимъ русскимъ вопросы о томъ: есть ли Богъ и есть ли безсмертіе, или какъ ты вотъ говоришь, вопросы съ другого конца, конечно, первые вопросы и прежде всего, да *такъ и надо*“.

Но, конечно, глубже всего эти вопросы сидѣли въ самомъ Достоевскомъ и при разсмотрѣніи ихъ, онъ, несмотря на всю истеричность и ирраціональность своей натуры, проявляетъ даже удивительно строгую логику. Есть ли Богъ, спрашиваетъ онъ себя. Толстой *знаетъ*, что какой-то Богъ есть, только не знаетъ *какой*. Достоевскій не знаетъ ничего. Онъ мучительно думаетъ и ищетъ. Совмѣстима ли, спрашиваетъ онъ себя, идея Бога сострадающаго съ человѣческимъ страданіемъ? и, очевидно, что лично онъ, въ глубинѣ души своей, этихъ идей совмѣстить не можетъ. Но хотѣлъ бы, страстно бы хотѣлъ совмѣстить ихъ. „Я клопъ,—говоритъ Ив. Карамазовъ, — и признаю со всѣмъ приниженіемъ, что ничего не могу понять, для чего все такъ устроено. О, по моему, по жалкому, земному эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то, что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другого

выходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравновѣшивается, — но вѣдь это лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю же это; вѣдь жить по ней я не могу же согласиться. Что мнѣ въ томъ, что виновныхъ нѣтъ и что я это знаю — мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истреблю себя"...

Ни передъ кѣмъ — ни изъ русскихъ, ни изъ европейскихъ писателей вопросъ о страданіи человѣка не являлся такимъ огромнымъ и пугающимъ, какъ передъ Достоевскимъ. Тѣмъ что ему, его земной жалости, нужно было возмездіе и не въ безконечности гдѣ-нибудь и когда-нибудь, а здѣсь уже на землѣ — онъ какъ будто оправдываетъ своеволіе личности, оправдываетъ это возстаніе противъ боговъ, которое такъ характерно и необходимо для всѣхъ его героевъ, но утвердиться на этомъ онъ не можетъ и не смѣетъ. По истеричности своей натуры онъ преклоняется передъ свободой человѣка и ненавидитъ ее. Все равно какъ къ Богу онъ относился и кощунственно, и религіозно, ежеминутно призывая его къ отвѣту и проклиная его и падая передъ нимъ ницъ — такъ и къ свободѣ человѣческой. Ничего болѣе священнаго и болѣе ужаснаго, болѣе отвратительнаго. Потому что въ Достоевскомъ одинаково сидѣли и анархистъ и рабъ, способный даже познать все наслажденіе рабства, самоуниженія и самоуничтоженія.

„Ужаса" свободы и вѣры онъ не вынесъ, хотя одинаково не могъ до конца отдѣлаться отъ ихъ обаянія.

Въ своемъ взглядѣ на русскій народъ Достоевскій близокъ къ славянофиламъ. Полнѣе всего этотъ свой взглядъ онъ изложилъ въ знаменитой московской рѣчи о Пушкинѣ. Тутъ онъ даетъ полный просторъ фантастичности своего воображенія. Рѣзко и непримиримо высказываетъ онъ мысль, что нашъ народъ Богоносецъ.

Достоевскій (въ своей знаменитой пушкинской рѣчи) прежде всего ссылается на реформу Петра. Допуская, что вначалѣ она производилась лишь въ смыслѣ ближайше утилитарномъ, онъ думаетъ однако, что „въ дальнѣйшемъ развитіи имъ своей идеи, Петръ несомнѣнно повиновался нѣкоторому затаенному чутью, которое влекло его, въ его дѣлѣ, къ цѣлямъ будущимъ, несомнѣнно огромнѣйшимъ, чѣмъ одинъ только ближайшій утилитаризмъ". Не указавъ этихъ цѣлей, даже не намекнувъ ни на нихъ, ни на про-

роческое содержаніе „нѣкотораго затаеннаго чутья“, Достоевскій прямо переходитъ къ утвержденію, что „и русскій народъ не изъ одного только утилитаризма принялъ реформу, а несомнѣнно уже ощутивъ своимъ предчувствіемъ почти тотчасъ же нѣкоторую дальнѣйшую, несравненно болѣе высшую цѣль, чѣмъ ближайшій утилитаризмъ, — ощутивъ эту цѣль опять-таки, конечно, повторяю это, безсознательно, но однако же непосредственно и вполнѣ жизненно“. „Вѣдь мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному возсоединенію, къ единенію всечеловѣческому! Мы не враждебно (какъ, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, съ полною любовью приняли въ душу нашу геніевъ чужой націи, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, почти съ перваго шага различать, снимать противорѣчія, извинять и примирять различія, и тѣмъ уже выказали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловѣческому возсоединенію со всѣми племенами великаго арійскаго рода. Да, назначеніе рускаго человѣка есть всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) *статъ братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ, если хотите*“.

Онъ говоритъ дальше о томъ, что въ теченіе двухъ столѣтій Россія только и дѣлала, что служила Европѣ, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой. Служила изъ-за любви, изъ-за своего христіанскаго смиренія. И будетъ служить до конца, потому что духовно Европа уже умерла, тамъ остались лишь святые камни, святые покойники, задача же христіанскаго возрожденія человѣка вся въ нашихъ рукахъ.

Гимнообразно заканчиваетъ свою рѣчь Достоевскій: „Все это— говоритъ онъ, — покажется самонадѣяннымъ: это намъ-то, дескать нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено въ человѣчествѣ высказать новое слово? Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что къ всемірному, къ всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю „въ рабскомъ видѣ исходилъ, благословляя, Христосъ“.

Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова Его? Да и самъ Онъ не въ ясляхъ ли родился"?...

Превосходныя слова, но превосходно и это пренебреженіе къ нашей нищетѣ! Разъясняя эту свою мысль, Достоевскій впослѣдствіи написалъ строки, въ которыхъ, по моему мнѣнію, и скрывается весь секретъ его рѣчи, вся истинная подоплека, вся причина ея головокружащей восторженности. Вотъ эти строки: „Утверждать же, что нищая и неурядная земля наша не можетъ заключать въ себѣ столь высокія стремленія, пока не сдѣлается экономически и гражданственно подобною Западу, — *есть уже просто нелѣпость. Основныя нравственныя сокровища духа, въ основной сущности своей, по крайней мѣрѣ, не зависятъ отъ экономической силы.* Наша нищая неурядная земля, кромѣ высшаго своего слоя, вся сплошь какъ одинъ человѣкъ. Всѣ 80 милліоновъ ея населенія представляютъ собою такое духовное единеніе, какого, конечно, въ Европѣ нѣтъ нигдѣ и *не можетъ* быть, а стало быть, уже по сему одному нельзя сказать, что наша земля неурядная, даже въ строгомъ смыслѣ нельзя сказать, что и нищая".

Еще: „Мы утверждаемъ, что вмѣщать и носить въ себѣ силу любящаго духа можно и при теперешней экономической нищетѣ нашей, *да и не при такой еще нищетѣ, какъ теперь:* ее можно сохранять и вмѣщать въ себѣ и при такой нищетѣ, какая была послѣ нашествія Батыева или послѣ погрома Смутнаго времени, когда единственно всеединящимъ духомъ народнымъ была спасена Россія".

Это уже національный мистицизмъ. Это идеи Хомякова, Аксаковыхъ, Н. Я. Данилевскаго, но возведенныя въ квадратъ и кубъ и освѣщенныя фантастическимъ свѣтомъ восторженнаго даже болѣзненно-восторженнаго воображенія.

Что же далъ намъ Ѳед. Мих. Достоевскій, какъ литераторъ, какъ общественный дѣятель? Постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ безпристрастно. Но сначала замѣтимъ, что этотъ вопросъ вводитъ насъ въ самую трудную область идей, а Достоевскій все же, прежде всего, былъ художникомъ. Но его постоянно тянуло къ публицистикѣ, къ злобѣ дня. Даже многіе его романы, напр., „Бѣсы", имѣютъ очень замѣтную публицистическую тенденцію. Да

и въ остальныхъ произведеніяхъ онъ формой разсказа часто прикрываетъ проповѣдь. Поэтому насчетъ идей Достоевскаго можно бы толковать съ полной основательностью, не будь у него даже „Дневника Писателя“. Онъ всегда откликался на самое насущное, что видвигала жизнь. Иногда съ большой легкостью провозглашалъ онъ, что Константинополь долженъ быть нашъ и что совсѣмъ уже пришла пора захватить его въ свои руки, иногда утверждалъ, что завершеніе европейской культуры — наше русское дѣло. Конечно, такое мнѣніе очень пріятно. Но на немъ, какъ и на всѣхъ взглядахъ Достоевскаго о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Европы, теперь останавливаться не будемъ, потому что опредѣленнаго тутъ все же ничего нѣтъ.

Обратимся къ другой сторонѣ взглядовъ его, когда онъ говоритъ о народѣ и интеллигенціи, думаетъ о нихъ, страдаетъ за нихъ. Сочувствіе къ народу, стояніе за него, даже подвижничество появилось у Достоевскаго еще въ юные годы. Особенно рѣзкую форму это „стояніе“ приняло во время участія въ дуровскомъ кружкѣ. Тутъ Достоевскій часто говорилъ объ ужасахъ крѣпостного права, часто называлъ его самымъ мерзкимъ и отвратительнымъ явленіемъ русской жизни. Образъ крѣпостного мужика являлся въ его глазахъ однимъ изъ воплощеній безысходнаго горя, того громаднаго и мутнаго потока униженности и оскорбленія, который такъ жестоко, такъ бурно разливается по всей жизни. Достоевскій былъ впечатлителенъ, всякое чужое страданіе болѣзненно раздражало и мучило его. Онъ не могъ выносить никакого насилія, хотя и утверждалъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть наклонность къ мучительству. Но самъ онъ никого не мучилъ, въ самомъ-то въ немъ никакой жестокости не было. Наоборотъ даже. „Всѣ мы вышли изъ гоголевской „Шинели“ — говорилъ онъ, и съ этого ясно выраженнаго сочувствія къ униженному и оскорбленному и началась его литературная дѣятельность. Только потомъ, напуганный свободой, тѣмъ анархизмомъ, которому онъ придалъ слишкомъ большое значеніе, онъ сталъ проповѣдывать страданіе и каторгу, до конца, однако, мучительно содрагаясь при видѣ его. Дѣйствительно, онъ проповѣдывалъ смиреніе, онъ признавалъ, что страданіе полезно... но только для кого? — для гордаго невѣрующаго интеллигента, прежде всего полагающаго, что онъ имѣетъ право распоряжаться по своему образцу съ жизнью и перестраивать ее... Этому Достоевскій говорилъ: „смирись, гордый человѣкъ“...

Въ общемъ же великомъ движеніи всей лучшей части русской литературы и русской интеллигенціи — въ стремленіи сблизиться съ народомъ, въ проповѣди той мысли, что, забывши о народѣ, внѣ народа, такъ сказать, нельзя сдѣлать ничего — Достоевскій, все равно какъ своей публицистикой, такъ и нѣкоторыми своими произведеніями, сыгралъ большую и руководящую роль. Правда, мы не раздѣляемъ нѣкоторыхъ мистическихъ идей Достоевскаго и не настолько увлекаемся имъ, чтобы не видѣть, какъ его первый, истерическій темпераментъ постоянно вводилъ его въ противорѣчіе съ самимъ собою и заставлялъ высказывать совсѣмъ не остроумные парадоксы въ родѣ того, напр., что народъ ищетъ страданія, но намъ думается, что міросозерцаніе Достоевскаго безъ его мистическихъ и шовинистскихъ угловатостей очень просто, ясно и не можетъ остаться непонятымъ ни однимъ изъ русскихъ интеллигентовъ. Краеугольный камень этого міросозерцанія — народъ, грязный, приниженный, скверный, но сохраняющій въ глубинѣ души своей внутреннюю, высокую правду. Внѣ народа, забывши о народѣ, — нѣтъ правдивой жизни, нѣтъ настоящей дѣятельности. Уклоняясь во многомъ, Достоевскій въ этомъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ, сходился со всѣми лучшими умами русской интеллигенціи. Его отношеніе къ народу бережно-любовное. Напомнимъ хотя бы общеизвѣстный разсказъ о мужикѣ Мареѣ. Благодаря такому-то краеугольному камню любви къ народу, русская литература и русская интеллигенція имѣютъ передъ собой несомнѣнно великую будущность, въ которой не забудется, конечно, и имя Достоевскаго. Онъ тоже интеллигентъ и даже одинъ изъ вождей интеллигенціи... А что такое русская интеллигенція? Позволю себѣ привести одинъ отрывокъ, нѣсколько рѣзкій по формѣ, нѣсколько крайній по мысли, но недурно передающій самую суть дѣла. Вотъ онъ въ видѣ рѣчи, обращенной однимъ дѣйствующимъ лицомъ разсказа къ другому: „Скажу я тебѣ, что всероссійская интеллигенція самая лучшая и привлекательная изъ всѣхъ существующихъ. Обойди ты весь свѣтъ и ничего подобнаго ей не найдешь. Это своего рода роскошь и великолѣпіе, недостаточно еще оцѣненное, но поразительно прекрасное. И суть ея жизни именно въ этой совѣстливости. Ступай куда угодно — въ Америку, во Францію, въ Англію или хоть въ Патагонію, и начни ты проповѣдывать, что личное счастье — незаконно, что любовь, эгоизмъ и пр. — преступны. Да отъ тебя всѣ отвернутся. Какъ это такъ, что личное счастье не законно? Да что же законно по-

слѣ этого? А русскій интеллигентъ пойметъ это и прочувствуетъ. Съ той самой минуты, какъ онъ проснулся, онъ почувствовалъ упреки и угрызенія совѣсти и сталъ онъ философствовать. Беретъ онъ, напр., въ руки булку и сейчасъ же передъ его совѣстливымъ воображеніемъ какая нибудь плантаторская картина. „Хлѣбъ, воздѣланный рабами", — говоритъ онъ, и эта самая булка кажется ему горькою. Онъ любитъ, а передъ его глазами униженный „меньшой братъ", продающій за пятакъ все свое человѣческое достоинство, и любовь теряетъ въ его глазахъ всю свою привлекательность. Онъ помѣшался на народѣ, онъ ищетъ пути, чтобы приблизиться къ нему и слиться съ этой молчаливой массой, тысячелѣтіе выносившей на плечахъ всю русскую исторію. Безъ этого народа, безъ любви къ нему, любви дѣтской, наивной, мистической— немыслимъ россійскій интеллигентъ. Посмотри-ка, что онъ теперь дѣлаетъ: сколько тоски, сколько совѣстливости въ его постоянныхъ исканіяхъ правды и именно мужицкой, народной правды. Онъ отрекается отъ всего, что составляетъ гордость и счастье обыкновеннаго смертнаго... Оттуда-то, изъ этихъ деревень, изъ этихъ болотъ и полей черноземныхъ русская интеллигенція всегда получала и получаетъ свое душевное содержаніе. Ей совѣстно, именно совѣстно жить, забывъ мужичка, и отъ него же заимствовала она свою знаменитую формулу; „жизнь по правдѣ" — а не по праву или доктринѣ. Если на западѣ господствуетъ наука, сознаніе необходимости — юридической или исторической, все равно, — то у насъ — любовь. Мы вѣруемъ въ нее, какъ въ какую-то таинственную силу, которая сразу разрушитъ всѣ преграды и установитъ новую жизнь прямо въ одно мгновеніе, безъ всякихъ этихъ „развитій экономическихъ противорѣчій". Въ головѣ и сердцѣ каждаго русскаго интеллигента вѣчно сидитъ этотъ образъ новой, любовной жизни, и если мы когда-нибудь, чѣмъ-нибудь искренно вдохновлялись, то именно этой правдивой жизнью, основанной на любви къ ближнему, не признающей никакихъ формулъ, кромѣ тѣхъ, которыя диктуются сердцемъ"... Такова одна изъ формъ русскаго народничества, къ которой довольно рѣзко примыкалъ Достоевскій.

Народъ и оторванный отъ народа интеллигентъ — это противорѣчіе больше всего занимало и мучило Достоевскаго. Къ оторванному отъ народа интеллигенту онъ былъ положительно безжалостенъ. Не стѣсняясь, выставлялъ онъ его въ самомъ ужасномъ видѣ, напр., въ „Бѣсахъ", требовалъ отъ него не только покаянія,

но и страданія. Сердце Раскольникова открылось только на каторгѣ. Каторга была нужна ему, необходима даже. Въ чемъ же вина его? Прежде всего въ гордости и — послѣ всего въ гордости. Это гордость личной мысли, это самомнѣніе личнаго чувства, это властность личной воли. За это нужно наказывать, нужно страдать. Такой человѣкъ прежде всего смириться долженъ, чтобы понять, что не одинъ онъ въ жизни, что до личнаго его счастья никому и дѣла то въ сущности нѣтъ, что никакого права требовать его онъ не имѣетъ. Жизнь всегда представлялась ему ужасно труднымъ, ужасно серьезнымъ дѣломъ, своего рода подвигомъ, который каждому надлежитъ осуществить по мѣрѣ силъ и способностей. Осуществить же его можно при самоотреченіи, извѣстномъ даже аскетизмѣ. Себя забыть надо, а полюбить дѣло, себя побѣдить надо прежде, чѣмъ взяться за него. Отрицая право на личное счастье, Достоевскій тѣмъ энергичнѣе проповѣдывалъ личное самосовершенствованіе, борьбу съ той самой карамазовщиной и анархизмомъ, которые сидятъ въ каждомъ изъ насъ. Все личное, индивидуальное, самовольное — грѣховно, и типъ кающагося грѣшника — любимый типъ Достоевскаго. Онъ даже романъ хотѣлъ писать подъ заглавіемъ „Великій грѣшникъ". Не то, чтобы онъ требовалъ отреченія отъ себя, своихъ силъ и способностей: онъ ненавидѣлъ, преслѣдовалъ только личную волю, стремленіе къ личному счастью. Его любимецъ — это старецъ Зосима въ „Братьяхъ Карамазовыхъ". Грѣшилъ человѣкъ, много грѣшилъ, кутилъ, распутничалъ, на другого поднималъ руку. И пострадалъ онъ именно за властность своей натуры, за то, что смѣлъ самого себя противопоставить обществу, принять себя, свое достоинство за нѣчто высшее, чѣмъ достоинство другого человѣка; отъ спасся смиреніемъ, онъ сталъ человѣкомъ, лишь отрѣшившись отъ своего „я", выбросивъ изъ головы даже мысль, что это „я" есть нѣчто особенное, исключительно такое, что имѣетъ право на „все". Послѣ побѣды надъ собой, можно и должно начинать дѣятельность. Гдѣ же, въ чемъ найти ее? — Въ служеніи народу.

Эту мысль Достоевскій десятки разъ повторяетъ въ своемъ „Дневникѣ", призывая каждаго принести „хоть ленту". Не о великомъ дѣлѣ надо заботиться, а чтобы было оно любовно, чтобы исходило оно отъ сердца и шло въ народъ. „Не раздача имѣній обязательна, — говоритъ онъ, напр., — и не надѣвайте зипуна: все это лишь буква и формальность: обязательна и важна лишь рѣшимость ваша дѣлать все ради дѣятельной любви, все что воз-

можно вамъ, что сами искренне признаете для себя возможнымъ. Всѣ же старанія опроститься — лишь одно только переряживаніе, невѣжливое даже по отношенію къ народу и васъ самихъ унижающее. Вы слишкомъ сложны, чтобы опроститься, да и образованіе ваше не позволитъ вамъ стать мужикомъ. Лучше мужика возвысите до вашей осложненности. Будьте только искренни и простодушны. Это лучше всякаго опрощенія. Одна награда вамъ — любовь, если ее заслужите. Вѣдь глупъ мужикъ, дикъ мужикъ, необразованъ онъ, какъ же говорить: что дѣла нѣтъ?"...

Какъ же смотрѣлъ Достоевскій на народъ, разъ служеніе ему является первымъ, самымъ большимъ и важнымъ дѣломъ въ жизни интеллигента? „Обстоятельствами всей почти русской исторіи, — говоритъ онъ, — народъ нашъ до того былъ преданъ разврату и до того былъ развращаемъ, соблазняемъ, мучимъ, что еще удивительно, какъ онъ дожилъ, сохранивъ человѣческій образъ, не то что сохранивъ красоту его. Но онъ сохранилъ красоту своего образа. Кто истинный другъ человѣчества, у кого хоть разъ билось сердце по страданіямъ народа, тотъ пойметъ и извинитъ всю непроходимую накостную грязь, въ какую погруженъ народъ нашъ, и сумѣетъ въ этой грязи найти брилліанты. Повторяю: судите русскій народъ не по тѣмъ мерзостямъ, которыя онъ часто дѣлаетъ, а по тѣмъ великимъ и свѣтлымъ вещамъ, по которымъ онъ и въ самой мерзости своей постоянно вздыхаетъ. Идеалы его чисты, сильны и святы". Это—христіанскіе идеалы. Они проявляются въ отреченіи отъ самого себя, въ стремленіи послужить другому, въ любви и состраданіи къ несчастному. Или вотъ какія, между прочимъ, наблюденія надъ народомъ сдѣлалъ Достоевскій на каторгѣ: въ каждомъ мужикѣ, даже арестантѣ, онъ увидѣлъ не только чувство правды, душу, но и сознаніе собственнаго достоинства, требованіе справедливости.

„Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа, — это чувство справедливости и жажда ея". Или: „Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ-отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальникомъ: но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ — человѣкъ. А такъ какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то, слѣдственно, и надо обращаться съ нимъ по-человѣчески. Боже мой, да человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускнѣлъ образъ Божій. Съ этими-то несчастными и надо обращаться наиболѣе по-человѣчески". Какой вмѣстѣ съ тѣмъ глу-

бокой гуманностью проникнуто его отношеніе къ арестантамъ. Вездѣ онъ не только жалѣетъ ихъ, онъ въ нихъ видитъ людей, онъ за ними признаетъ человѣческое достоинство: „И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ. Вѣдь надо уже все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?... То-то, кто виноватъ?“

Въ каждомъ человѣкѣ личность есть, сознаніе собственнаго достоинства, стремленіе къ счастью, требованіе справедливости. Подавите все это, оно непремѣнно проявится, хоть судорогой, но проявится. Припомните разсужденія Достоевскаго о значеніи денегъ въ острогѣ, или вотъ этотъ глубоко замѣчательный отрывокъ:

„Удивляются иногда начальники, что вотъ — какой-нибудь арестантъ жилъ себѣ нѣсколько лѣтъ тамъ смирно, примѣрно, даже десяточнымъ его сдѣлали за похвальное поведеніе, и вдругъ рѣшительно ни съ того, ни съ сего,—точно бѣсъ въ него влѣзъ,—зашалилъ, закутилъ, набуянилъ, а иногда даже просто на уголовное преступленіе рискнулъ, или на явную непочтительность передъ высшимъ начальствомъ, или убилъ кого-нибудь, или изнасиловалъ и проч. Смотрятъ на него и удивляются. А между тѣмъ вся-то причина этого внезапнаго взрыва въ томъ человѣкѣ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать его,—это тоскливое, судорожное проявленіе личности, инстинктивная тоска по самомъ себѣ, желаніе заявить себя, свою приниженную личность, вдругъ появляющееся и доходящее до злобы, до бѣшенства, до омраченія разсудка, до припадка, до судорогъ. Такъ, можетъ быть, заживо схороненный въ гробу и проснувшійся въ немъ колотитъ въ свою крышку и силится сбросить ее, хотя, разумѣется, разсудокъ могъ бы убѣдить его, что всѣ усилія останутся тщетными. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ уже не до разсудка, тутъ судороги”.

Правда, такіе взгляды на народъ оказались слишкомъ „здравыми” для Достоевскаго. Зачастую принимали они другую, очень замѣтную окраску. Не чувство справедливости, не собственное достоинство выдвигалось ему на первый планъ,—а смиреніе, способность побѣждать жизненное зло внутренней силой. Народъ за этотъ послѣдній періодъ является для Достоевскаго великой, молчаливой массой, въ глубинѣ которой таится вся жизненная правда,

рѣшеніе всѣхъ вопросовъ помощью любви, вѣры, нравственнаго, первенствующаго во всемъ начала. Это, такъ сказать, кладезь всей сердечной премудрости, основа всего будущаго нашего и европейскаго, и мѣнять его жизнь по собственной программѣ, по собственнымъ интеллигентнымъ идеаламъ не только нельзя, но и прямо грѣшно. Народъ лучше знаетъ, что ему надо, и прежде всего надо выслушать его.

Съ какой-то ненавистью даже Достоевскій отгонялъ отъ своего излюбленнаго народа всѣхъ интеллигентныхъ реформаторовъ. Что есть у тѣхъ? Наука, свои идеалы, свои страсти. У народа — больше, у него правда. „Послушаемъ сѣрыхъ зипуновъ, — писалъ Достоевскій въ послѣднемъ номерѣ своего „Дневника", что-то они скажутъ... А мы пока постоимъ въ сторонкѣ, чтобы научиться". Иногда же отрицаніе права интеллигенціи вмѣшиваться въ народную жизнь принимало гораздо болѣе рѣзкую и раздраженную форму. Парадоксальный, быстро раздражающійся, всегда рѣшающійся на крайности умъ не зналъ удержу и въ этомъ вопросѣ. Но все же Достоевскій — народникъ прежде всего, — народникъ потому, что изъ всѣхъ факторовъ русской жизни считалъ народъ за самый важный, большой. Внѣ народа нѣтъ дѣятельности, нѣтъ жизни. Это — сила, которой предназначено претворить въ себѣ все и разрѣшить всѣ наши вопросы однимъ великимъ, выстраданнымъ принципомъ — любовью.

Евг. Соловьевъ.

Достоевскій, какъ психопатологъ.

Достоевскій описалъ большее количество душевно-больныхъ, чѣмъ какой-либо другой художникъ въ мірѣ; ни у кого другого такъ часто не фигурируютъ въ произведеніяхъ душевно-больные, какъ абсолютно, такъ и относительно.

Во всей русской художественной литературѣ, конечно, нельзя насчитать ихъ столько, какъ у одного Достоевскаго.

Вотъ этотъ длинный списокъ: Голядкинъ *(Двойникъ)*, Прохарчинъ *(Господинъ Прохарчинъ)*, Ордыновъ, Муринъ, Катерина *(Хозяйка)*, Аркадій Ѳедоровичъ (*Слабое Сердце*), Емелюшка (*Че-*

стный Воръ), Авторъ (*Бѣлыя Ночи*), Ефимовъ (*Неточка Незванова*), Князь К. (*Дядюшкинъ Сонъ*), Вельчаниновъ (*Вѣчный Мужъ*), Князь Вадбольскій, Нелли (*Униженные и Оскорбленные*), Раскольниковъ, его мать, Свидригайловъ, Мармеладовъ (*Преступленіе и Наказаніе*), Мышкинъ, Иволгинъ, Лебедевъ (*Идіотъ*), Лебядкинъ, его сестра, Лембке, Кирилловъ (*Бѣсы*), старикъ Сокольскій, молодой Сокольскій, Оля (*Подростокъ*), Дмитрій, Иванъ, Алексѣй Карамазовы, Смердяковъ, отецъ Ферапонтъ, Лиза Хохлакова (*Братья Карамазовы*)...

У Достоевскаго болѣе четверти фигуръ — душевно-больные: такого отношенія нельзя найти ни у кого, кромѣ Достоевскаго.

Очевидно, что Достоевскій съ особенною настойчивостью стремился именно къ изображенію душевно-больныхъ, а не избѣгалъ этого, какъ другіе романисты.

Художникъ, желающій изобразить жизнь возможно полнѣе, не можетъ обойти и помѣшательства, имѣющаго нѣкоторое мѣсто въ жизни: на тысячу душевно-здоровыхъ приходится четверо душевно-больныхъ; и понятно, что въ той безконечной галлереѣ лицъ, которыхъ выводитъ передъ нами Шекспиръ, должны быть душевно-больные, иначе картина жизни была бы неполна.

Въ русской литературѣ можно указать только на одно дѣйствительно правдивое описаніе душевно-больнаго, это въ романѣ „*Война и Миръ*" старый князь Болконскій; Толстой въ высшей степени вѣрно отмѣтилъ всѣ важные симптомы старческаго слабоумія — болѣзни, которою страдалъ Болконскій подъ конецъ жизни.

Записки Сумасшедшаго доказываютъ, что Гоголь не зналъ душевныхъ болѣзней или по крайней мѣрѣ имѣлъ лишь весьма неясное понятіе о томъ, какъ люди сходятъ съ ума.

Болѣе охотно художники изображаютъ отдѣльные симптомы душевныхъ болѣзней для достиженія извѣстныхъ спеціальныхъ цѣлей, напримѣръ, внезапное помѣшательство въ драмахъ усиливаетъ сценическій эффектъ и т. п.

Что авторы чаще изображаютъ только отдѣльные болѣзненные симптомы, или вводятъ помѣшательство только анекдотически, это, конечно, легко объясняется какъ малымъ ихъ знакомствомъ съ предметомъ, такъ и тѣмъ, что гораздо труднѣе дать въ общемъ планѣ разсказа опредѣленное мѣсто помѣшанному, дѣйствія котораго, а тѣмъ болѣе ихъ мотивы, не всегда понятны не только

профанамъ, но и психіатрамъ, и только великимъ знатокамъ человѣческой души удается совладать съ такою задачей.

И относительно русской литературы мнѣніе Крафта-Эбинга остается вѣрнымъ: „изображеніе помѣшанныхъ въ поэтическихъ произведеніяхъ большею частію невѣрно или по малой мѣрѣ односторонне".

Даже описанія отдѣльныхъ припадковъ душевной болѣзни свидѣтельствуютъ или о полномъ незнаніи авторами предмета, или же представляютъ поверхностный очеркъ самыхъ внѣшнихъ, бьющихъ въ глаза, проявленій душевной болѣзни, почему нисколько не интересны для психіатра, и даютъ публикѣ ложныя, или крайне смутныя свѣдѣнія о помѣшательствѣ.

Между тѣмъ очевидно, что есть область доступная и для художниковъ: это нерѣдко выраженныя формы помѣшательства, начальныя его фазы, словомъ, состоянія, ускользающія обыкновенно у психіатровъ, потому что такихъ больныхъ окружающіе часто считаютъ здоровыми; вотъ описанія такихъ субъектовъ и, такъ сказать, ихъ исторіи болѣзни были бы драгоцѣннымъ матеріаломъ для психіатріи.

Но очевидно, что наблюденіе и описаніе душевно-больныхъ очень трудно, если даже романисты, считающіеся хорошими наблюдателями, или избѣгаютъ этой темы или даютъ крайне поверхностное, а по большей части даже невѣрное описаніе.

И только психіатры, благодаря тому, что геніальные учители ихъ: Pinel, Esquirol, Guislain, Griesinger и др. научили *какъ* наблюдать, *на что* обращать вниманіе, *чего* искать при изслѣдованіи, могутъ ориентироваться въ такомъ сложномъ явленіи, какъ душевная болѣзнь.

Достоевскій какъ въ русской, такъ и во всемірной литературѣ представляетъ *исключеніе* не только по количеству сдѣланныхъ имъ наблюденій, но и *по вѣрности и точности описанія*, достойныхъ лучшаго естествоиспытателя, и, наконецъ, *по глубинѣ пониманія предмета, возбуждающей изумленіе.*

Собраніе сочиненій Достоевскаго — это почти полная психопатологія: тамъ можно найти изложеніе всего существеннаго этой науки: многое, очень многое, если не все извѣстное въ психіатріи, можно изучить въ произведеніяхъ Достоевскаго, такъ что въ этомъ отношеніи они имѣютъ важное дидактическое значеніе.

Въ публикѣ, даже между врачами-не спеціалистами, весьма прочно установилось убѣжденіе, что заболѣваніе душевными бо-

лѣзнями обусловливается какою-нибудь одною причиной, преимущественно нравственнымъ потрясеніемъ: неудачная любовь, разореніе, смерть близкихъ людей и т. п.

Этотъ взглядъ раздѣляется безусловно всѣми художниками, даже у Шекспира лэди Макбетъ сходитъ съ ума вслѣдствіе нравственнаго потрясенія — угрызенія совѣсти.

Одинъ Достоевскій избѣжалъ этой ошибки, и пониманіе имъ причины душевныхъ болѣзней совершенно тождественно съ современнымъ ученіемъ психопатологіи.

Какъ безспорный фактъ, нужно считать то, что въ каждомъ случаѣ помѣшательства дѣйствуетъ цѣлая совокупность причинъ, и сравнительно ничтожную между ними роль играютъ нравственныя причины; это, повидимому, хорошо было извѣстно Достоевскому, по крайней мѣрѣ, онъ всегда указываетъ на этотъ фактъ, если говоритъ о причинѣ помѣшательства своихъ героевъ.

Но самая существенная, въ высокой степени преобладающая надо всѣми остальными, причина есть *наслѣдственность*.

Ученіе о наслѣдственности, какъ о причинѣ душевныхъ болѣзней, составляетъ самое крупное пріобрѣтеніе психіатріи за послѣднія тридцать лѣтъ, такъ какъ оно имѣетъ крупное значеніе не только для медицины, но и для антропологіи, соціологіи и исторіи.

Способность психопатическихъ расположеній и вообще страданій нервной системы передаваться наслѣдственно хотя была извѣстна еще Гиппократу, но только въ недавнее время выяснено, что, исключая бугорчатки, ни въ одной патологической области наслѣдственность не имѣетъ такого выдающагося значенія, какъ въ душевныхъ болѣзняхъ.

Наслѣдственность выражается тѣмъ, что отъ психически-больныхъ отца или матери родятся дѣти или уже отъ рожденія психически-больныя (Елизавета Смердящая—идіотка, Смердяковъ—эпилептикъ), или совершается только наслѣдственная передача одного предрасположенія къ заболѣванію душевною болѣзнію (мать Ивана Карамазова была истерическая женщина).

Пьянство родителей должно быть также включено въ рядъ наслѣдственно предрасполагающихъ моментовъ; статистика убѣждаетъ насъ, что, въ общей суммѣ случаевъ помѣшательства, пьянство родителей одна изъ самыхъ частыхъ причинъ.

Докторъ Клеркъ, при изслѣдованіи причинъ эпилепсіи между арестантами Уэкфильдской тюрьмы, нашелъ, что у 68% отцы были пьяницы.

Этотъ фактъ отмѣченъ Достоевскимъ вполнѣ обстоятельно; просто удивительно, насколько выводы медицинской статистики и клиническаго опыта согласны съ тѣмъ, какъ жизнь представлена Достоевскимъ.

Отецъ Елизаветы, Илья, былъ пьяница. Дѣти Карамазова — расположенные къ душевнымъ болѣзнямъ люди (*Братья Карамазовы*). Отецъ Алеши и Нелли, князь Вадбольскій (*Униженные и Оскорбленные)* пьяница, и особенно важно, что князь, вообще умѣвшій владѣть собой, напивался только на ночь, обстоятельство нерѣдко бывающее; часто врачъ, удивленный появленіемъ цѣлаго ряда случаевъ заболѣванія въ семьѣ, мать и отецъ которой, повидимому, трезвые люди, только случайно узнаетъ, что кто-либо изъ родителей (всего чаще отецъ) имѣетъ пагубную привычку напиваться пьянымъ на ночь.

Такъ что не только глубокій алкоголизмъ, т.-е. пьянство, разрушившее физическое и психическое здоровье родителей, но и опьянѣніе на ночь, даже не доведшее организмъ до болѣзни, обусловливаетъ рожденіе психически-больныхъ дѣтей.

Достоевскій также зналъ, что душевная болѣзнь и алкоголизмъ частію бываютъ достояніемъ одной семьи.

Лебядкинъ пьяница, его сестра помѣшаная (*Бѣсы*).

Насколько сильно вліяніе пьянства родителей на физическое и психическое здоровье дѣтей, можетъ служить примѣромъ исторія одной семьи, приводимая Lombroso въ его сочиненіи Genio et follia (1882 г.): въ потомствѣ одного пьяницы было 200 воровъ и разбойниковъ; 90 проститутокъ, 30 умерло въ дѣтскомъ возрастѣ и 260 было хилыхъ, слѣпыхъ, чахоточныхъ и т. п.

Наконецъ, порочный образъ жизни родителей также нерѣдко является предрасполагающимъ моментомъ къ наслѣдственному помѣшательству (Карамазовъ и его дѣти).

Морель, которому мы обязаны самыми талантливыми изслѣдованіями о наслѣдственности въ этіологіи душевныхъ болѣзней, утверждаетъ, что преступный образъ жизни самъ по себѣ располагаетъ къ заболѣванію психозами нисходящее поколѣніе.

Оставляя въ сторонѣ какъ теоретическія психологическія разсужденія о томъ, что порочность составляетъ выраженіе нѣкоторыхъ особенностей психической организаціи, такъ и изслѣдованія нѣкоторыхъ ученыхъ (Lombroso и др.), старавшихся доказать, что преступники обладютъ особою, sui generis, болѣзненною организаціей мозга, упомяну только о томъ, что довольно обратить

вниманіе на тѣ истощающія условія (безсонныя ночи, пьянство, половыя излишества и т. п.), и постоянные нравственные угнетающіе моменты (смѣна сильныхъ страстей, угрызенія совѣсти, страхъ и т. п.), чтобы понять, что вся эта сумма условій вполнѣ достаточна, чтобы дѣйствовать, какъ важный, въ этіологическомъ отношеніи, моментъ.

Кромѣ того, доказано предрасполагающее къ помѣшательству вліяніе патологическихъ характеровъ; такъ у нѣкоторыхъ сумасбродныхъ головъ, чудаковъ, нерѣдко дѣти страдаютъ нервными и душевными болѣзнями (у г-жи Хохлаковой, женщины съ страннымъ характеромъ, дочь страдаетъ истерикой. *Братья Карамазовы*).

Но есть ли какой-нибудь законъ относительно передачи психопатической конституціи со стороны отца и со стороны матери, и извѣстенъ ли онъ былъ Достоевскому? Да, и психіатры и Достоевскій даютъ и на этотъ вопросъ одинаковый отвѣтъ. Конечно, наиболѣе сильно расположены къ заболѣванію тѣ несчастныя дѣти, у которыхъ наслѣдственность была и со стороны отца и со стороны матери (Смердяковъ былъ болѣе своихъ братьевъ пораженъ недугомъ).

При наслѣдственномъ расположеніи со стороны одного изъ родителей наблюдается чаще всего перекрестная наслѣдственность, т.-е. у душевно-больныхъ отца—дочь, у матери — сынъ страдаютъ психозомъ.

Отецъ Елизаветы, Илья, пьяница, сынъ Елизаветы эпилептикъ (*Братья Карамазовы*). Мать Раскольникова окончила жизнь душевно-больной (*Преступленіе и Наказаніе*).

Но если унаслѣдовано только расположеніе къ заболѣванію, то появленіе болѣзни обыкновенно заставляетъ себя ждать до тѣхъ поръ, пока другія неблагопріятныя условія, часто сравнительно ничтожныя, окончательно уже сламываютъ унаслѣдованную болѣзненную организацію.

Среди другихъ причинъ душевной болѣзни самыми существенными должны считаться вообще всѣ условія, какъ физическія, такъ и нравственныя, влекущія за собой истощеніе нервной системы.

Таковы — пьянство, во-первыхъ, потому что алкоголь нервный ядъ, производящій матеріальныя измѣненія въ головномъ мозгу; во вторыхъ, потому что пьянство обыкновенно соединено съ неправильнымъ образомъ жизни. Достоевскій неоднократно описывалъ, какъ гибельно вліяетъ оно на психическое здоровье.

Къ той же категоріи должно отнести половыя излишества. Условія статьи не позволяютъ здѣсь указать, какое значеніе имѣютъ эти эксцессы, какъ причина душевныхъ болѣзней. Но какъ Достоевскій, такъ и психіатры должны бываютъ иногда указать на это излишество, какъ на одинъ изъ этіологическихъ моментовъ. Легочная чахотка, какъ болѣзнь хроническая, влекущая за собой сильное истощеніе нервныхъ центровъ, такъ же какъ и продолжительное голоданіе, нерѣдко бываютъ одною изъ причинъ психопатическаго состоянія. (Раскольниковъ, Катерина Ивановна Мармеладова въ *Преступленіи и Наказаніи*).

Душевныя волненія несомнѣнно могутъ служить толчкомъ къ проявленію душевной болѣзни.

То сильное вліяніе, которое оказываютъ аффекты на кровообращеніе и двигательные нервы (блѣдность и оцѣпенѣніе) до извѣстной степени указываетъ намъ, какъ сильно могутъ отражаться глубокія душевныя волненія на различныхъ мозговыхъ отправленіяхъ.

Но отсюда до помѣшательства еще далеко.

Вѣдь, несчастія приходится переносить всякому, съ горя же заболѣваютъ душевною болѣзнью, даже и по мнѣнію публики, лишь немногіе.

Конечно, есть случаи, когда вслѣдъ за сильнымъ испугомъ почти тотчасъ-же развивается психическое разстройство, но это бываетъ крайне рѣдко.

У субъектовъ, заболѣвающихъ психозами послѣ нравственныхъ потрясеній, обыкновенно бываетъ уже значительное предрасположеніе къ заболѣванію (невропатическая конституція, большею частію наслѣдственная).

Достоевскій, описывая, какъ Аркаша (*Слабое сердце*) заболѣлъ помѣшательствомъ послѣ нравственнаго потрясенія, указалъ на то, что Аркаша обладалъ невропатическою организаціей; если бы не было указано на это обстоятельство, то разсказъ *Слабое Сердце,* можетъ быть, и замѣчательный въ художественномъ отношеніи, служилъ бы доказательствомъ, что авторъ не глубоко наблюдалъ жизнь и имѣлъ столь же поверхностныя свѣдѣнія о душевныхъ болѣзняхъ, какъ и другіе художники.

Но Достоевскій и въ этомъ небольшомъ разсказѣ (слѣдовательно, дающемъ право пропустить подробности) не забылъ упомянуть, что Аркаша обладалъ невропатическою конституціей, слѣдовательно считалъ это обстоятельство важнымъ, что безспорно

доказываетъ, какъ вѣрно и глубоко онъ понималъ этіологію душевныхъ болѣзней.

Наблюденіе учитъ, что къ помѣшательству ведутъ только угнетающаго свойства душевныя волненія: горе, усиленныя занятія, недостиженіе извѣстныхъ нравственныхъ стремленій, удары наносимые честолюбіемъ и т. п. (Аркаша, *Слабое Сердце;* Голядкинъ, *Двойникъ;* Иванъ Карамазовъ, *Братья Карамазовы* и т. д.). Къ этой-же категоріи причинъ должно отнести и тюремное заключеніе. Статистика учитъ, что у лицъ, содержащихся въ тюрьмѣ, помѣшательство наблюдается весьма часто (2% — 3%). Причина этого та, что у многихъ преступниковъ есть наслѣдственное предрасположеніе къ помѣшательству, ихъ прежній образъ жизни, угрызенія совѣсти, страхъ и т. д. Все это вполнѣ обстоятельно указано Достоевскимъ въ сравнительно бѣглой характеристикѣ молодого Сокольскаго (*Подростокъ*), помѣшавшагося въ тюрьмѣ.

Благодаря своему генію, Достоевскій далеко опередилъ науку: въ *Мертвомъ Домѣ* онъ говорилъ, что одиночное заключеніе должно убійственно дѣйствовать на психическое здоровье арестантовъ; увлеченіе системой одиночнаго заключенія было еще недавно такъ сильно, что до послѣдняго времени никто не высказывался согласно съ Достоевскимъ. Но такъ какъ истина въ концѣ концовъ всегда обнаружится, то уже начали раздаваться пока одинокіе и слабые голоса. Гангенъ, директоръ образцовой одиночной тюрьмы въ Даніи, на тюремномъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ въ 1878 году доказалъ цифрами, что процентъ заболѣваемости арестантовъ вообще увеличивается съ возрастаніемъ срока пребываній въ одиночномъ заключеніи.

Такъ между заключенными на два года въ этой тюрьмѣ заболѣло психическимъ разстройствомъ 5%, на три года 14% на $3\frac{1}{2}$ года 17%.

La fille Elisa, романъ Гонкура, пропагандируетъ ту же идею.

У насъ въ Россіи еще нѣтъ опыта, по крайней мѣрѣ en grand, чтобъ имѣть цифры, но нельзя не согласиться съ авторитетнымъ мнѣніемъ профессора П. П. Мержеевскаго, указывавшаго въ своихъ лекціяхъ и бесѣдахъ, что мы, славяне, вслѣдствіе извѣстныхъ особенностей своего характера, еще меньше способны безъ вреда для здоровья выносить одиночное заключеніе.

Насколько важна степень культуры для опредѣленія вліянія одиночнаго заключенія, понятно каждому образованному человѣку. Оцѣнивъ все это, остается только удивиться, какъ вѣрно понялъ

Достоевскій вредъ одиночнаго заключенія для русскаго преступника. У женщинъ поводомъ къ психическому заболѣванію могутъ быть грубыя оскорбленія женской стыдливости (Оля. *Подростокъ*).

Итакъ, причины душевныхъ болѣзней совершенно правильно поняты Достоевскимъ; мало того, онѣ указаны почти всѣ, по крайней мѣрѣ, указаны всѣ типическія причины, и едва ли можно что-либо прибавить, кромѣ подробностей черезчуръ спеціальнаго характера, къ перечисленному выше. Кромѣ, того, Достоевскій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указывалъ на нѣсколько причинъ: напримѣръ, помѣшательство у Раскольникова было обусловлено наслѣдственнымъ расположеніемъ, психическимъ характеромъ, голоданіемъ, неудовлетвореніемъ нравственныхъ стремленій, истощеніемъ, вслѣдствіе внутреннихъ волненій, испугомъ и т. п.".

Вл. Чижъ.

Инв. № 728
Т. п. с.

БИБЛИОТЕКА
ТУРКМЕНПРОМСОВЕТА
Инв. № 5050
город Ашхабад

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій. Біографическій очеркъ.—Проф. А. Кирпичникова	3
Успѣхъ „Бѣдныхъ людей“.—П. Анненкова	25
„Бѣдные люди“.—В. Бѣлинскаго	27
„Бѣдные люди“.—М. де-Вогюэ	39
Макаръ Дѣвушкинъ.—Н. Добролюбова	45
Акакій Акакіевичъ и Макаръ Алексѣевичъ. — А. Введенскаго	51
„Записки изъ мертваго дома“.—Е. Зарина	55
Каторга.—А. Милюкова	71
Общественное значеніе „Записокъ изъ мертваго дома“. — О. Миллера	78
Борьба за жизнь. (Преступленіе и наказаніе“).—Д. Писарева	88
„Преступленіе и наказаніе“.—Д. Мережковскаго	153
Главные герои „Преступленія и наказанія“ — А. Введенскаго	178
Вопросы о преступленіи, судѣ и наказаніи въ произведеніяхъ Достоевскаго.—А. Ѳ. Кони	183
Ночь русской литературы.—Ю. Айхенвальда	200
Достоевскій, какъ художникъ и публицистъ. — Е. Соловьева	221
Достоевскій, какъ психопатологъ. — В. Чижа	243

Инв. № 1 =

ПРАКТИКА

2-50